

А.П. Усова

Обучение
в детском
саду

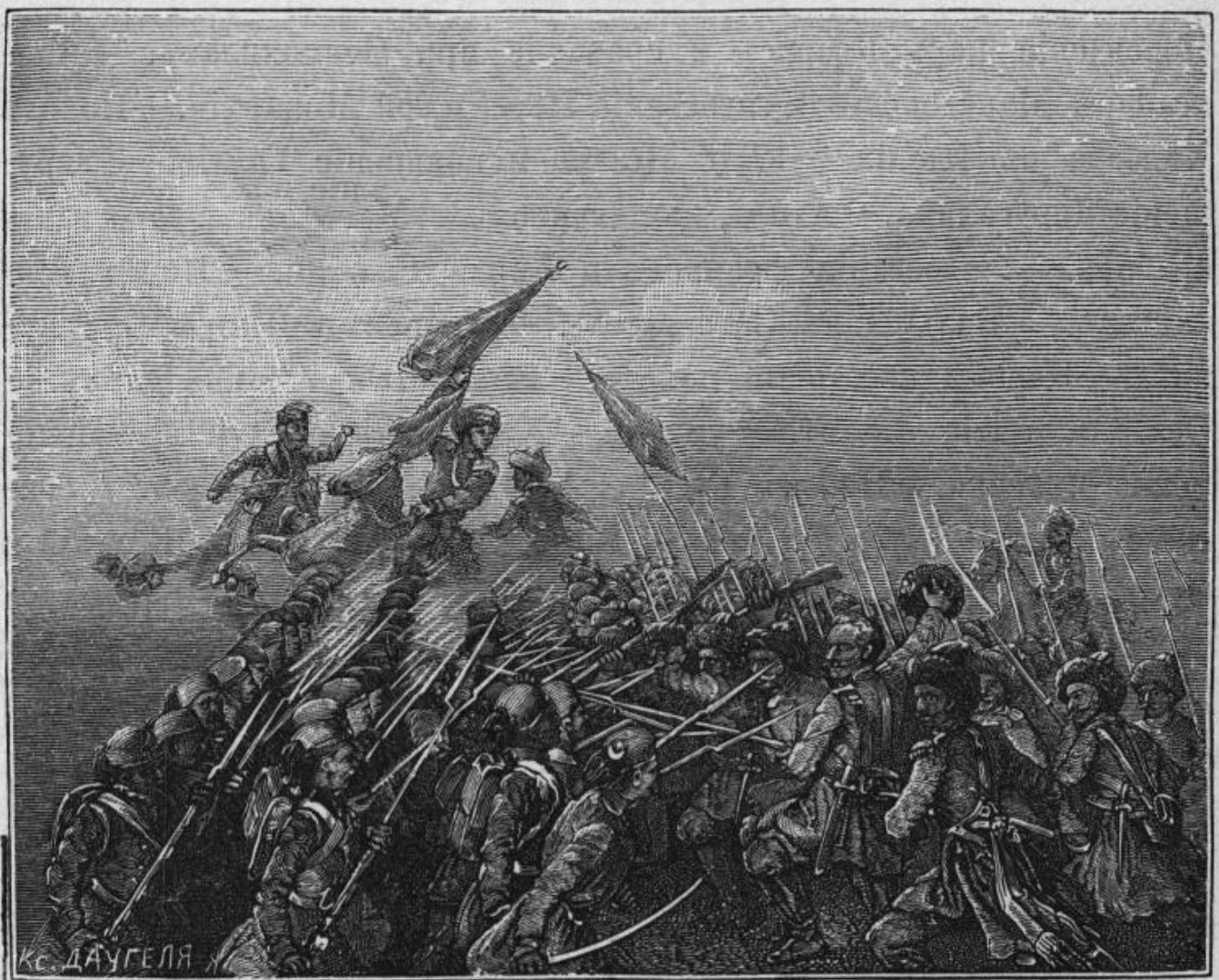
9(47)6
A 131

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ГЕРОИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ

Съ рисунками, картами и планами.

СОСТАВИЛЪ К. К. АБАЗА.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ.

Напечатано безъ измѣненій съ 1-го изданія, подъ заглавіемъ «Общедоступная Военно-Историческая Христоматія», одобрено Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, для средняго и старшаго возраста.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1896.

Handwritten initials 'М' and other faint markings in the bottom left corner.

ГЕРОИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ

НАРОДЫ ВОСТОКА И ЗАПАДА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Персидскій царь Ксерксъ и сраженіе при Термопилахъ. — Александръ Македонскій и завоеваніе Персидской Монархіи. — Походъ Анибала въ Италію. — Юлій Цезарь и покореніе Галліи. — Разрушеніе Іерусалима. — Атила, царь гунновъ. — Магометъ и завоеванія арабовъ. — Завоеванія франковъ и Карль Великій. — Походы викинговъ. — Вильгельмъ Завоеватель. — Проповѣдь Петра Пустынника. — Первый крестовый походъ. — Рыцарство. — Іоанна Даркъ. — Осада и взятіе Византіи турками. — Христофоръ Колумбъ. — Покореніе Мексики. — Походы Густава-Адольфа. — Янъ Собѣскій и спасеніе Вѣны. — Шведскій король Карль XII. — Фридрихъ Великій и Семилѣтняя война. — Защита Генуи и походъ генерала Бонапарта въ Италію въ 1800-мъ году. — Сраженіе „трехъ императоровъ“. — Война за освобожденіе Германіи и „битва народовъ“. — Вступленіе въ Парижъ.

Цѣна 1 р. 50 к.; въ изящномъ переплетѣ 2 р.

ОГЛАВЛЕНІЕ

статей, съ указаніемъ страницъ и пособій, которыми составитель пользовался.

	СТРАН.
Святославъ, князь Кіевскій. Съ рисункомъ	1
Завоеванія монголовъ и битва на Калкѣ. Съ рисункомъ	13
Александръ Невскій	26
Куликово поле. Съ двумя рисунками и планомъ Куликовской битвы.	38
Походы Тамерлана.	50
Осада и взятіе Казани. Съ тремя рисунками и планомъ	66
Украинскіе казаки („Hetmani malorossyiski i kozacy do czasow unii“ Gliszczynskiego и др.).	82
Защита Троицко-Сергіева монастыря. Съ рисункомъ и планомъ.	93
Гетманъ Богданъ Хмельницкій („Дневникъ Освѣцима,“—Кіевская Старина, т. IV—VI; „Богданъ Хмельницкій“ Костомарова и др.). Съ рисункомъ.	106
Воинскія забавы и первые морскіе походы Петра Великаго	127
Нарва и Полтава („Военная исторія походовъ Россіянъ въ XVIII вѣкѣ“, Бутурлина.—„Историческое развитіе, вооруженныхъ силъ въ Россіи до 1708 г.“ Гудимы-Левковича). Съ рисункомъ и планомъ Полтавской баталіи	141
Побѣды Румянцова надъ турками („Первая Турецкая война“. Гудимы-Левковича и др.) Съ планомъ сраженія при Кагулѣ.	160
Запорожское братство (Эварницкаго: „Топографическій очеркъ Запорожья“.—„Происхожденіе запорожскихъ казаковъ“.—Кіевская Старина, т. IX—X.—Gliszczynskiego: „Znaczenie i wewnętrzne życie Zaporoża“.—Скальковскаго: „Исторія Новой Сѣчи“). Съ рисункомъ.	169

Штурмъ Измаила („Генералисимусъ князь Суворовъ“. Петрушевскаго.— „Походы Румянцова, Потемкина и Суворова въ Турціи. Богдановича.— „Суворовъ и паденіе Польши“. Смиа). Съ рисункомъ и планомъ.	188
Походы Суворова въ Италиі (по Милютину: „Исторія войны 1799 года“ и по Петрушевскому: „Разказы стараго воина о Суворовѣ“). Съ картой Сѣверной Италиі и планомъ сраженія при Нови.	204
Швейцарскій походъ (тѣ-же). Съ рисункомъ и картой	222
Бородинская битва („Histoire du Consulat et de l'Empire par Thiers, vol. IV;—Histoire de Napoléon et de la grande armée pendant l'année 1812“, par Ségur. — Богдановичъ: „Исторія Отечественной войны 1812 года“ и др.). Съ планомъ	239
Наши партизаны (Сочиненія Давыдова и др.).	256
Асландузская побѣда и взятіе Ленкорани (Сологуба: „Біографія генерала Котляревскаго“ и др.). Съ планомъ	268
Выступленіе Наполеона изъ Москвы (По Богдановичу, Михайловскому- Данилевскому и др.). Съ рисункомъ	278
Наступленіе въ Чечню и Дагестанъ („Подвиги русскихъ воиновъ въ стра- нахъ закавказскихъ“.—„Кавказская война“ Потто и др.)	289
Защита Гѣргебиля (Лекціи Романовскаго и др.)	303
Кюрюкь-Дара (Богдановича: „Исторія Восточной войны“ и др.). Съ ри- сункомъ.	312
Черноморскіе пластуны подъ Севастополемъ	324
Блокада Карса, въ 1855 г. (Муравьева: „Война за Кавказомъ“ и др.). Съ рисункомъ и планомъ	334
Экспедиція генерала Евдокимова въ Аргунское ущелье.	349
Гунибъ. Съ рисункомъ	358
Дѣло двадцати казаковъ при мысѣ Чаграѣ	371
Походъ въ Хиву, въ 1873 году (Макъ-Гахана: „Военныя дѣйствія на Окусѣ и паденіе Хивы“.— Колокольцова: „Экспедиція въ Хиву“ и др.). Съ двумя рисунками	380

Остальныя пособія указаны въ другой книгѣ: „Героическіе раз-
сказы. Народы Востока и Запада“.

А. П. Усова

**Обучение
в детском
саду**

3-е ИЗДАНИЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ

**Под редакцией
действительного члена АПН СССР
А. В. Запорожца**

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1981

ББК 74.113.8
У76

Рецензент — Аванесова В. Н., канд. пед. наук.

Усова А. П.

У76 Обучение в детском саду / Под ред. А. В. Запорожца. — 3-е изд., испр. — М.: Просвещение, 1981. — 176 с., ил.

В данной книге, являющейся результатом многолетнего изучения проблем дошкольной дидактики, рассматриваются важные вопросы о роли обучения в воспитательном процессе, дается характеристика учебной деятельности ребенка и особенностей ее формирования, раскрывается процесс обучения на занятиях.

У $\frac{60402-361}{103(03)-81}$ 195—81 4305000000

ББК 74.113
372

ПРЕДИСЛОВИЕ

В эпоху развитого социализма особое значение приобретает задача комплексного воспитания подрастающего поколения. Формирование нового человека, гармонически сочетающего в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство, — необходимое условие строительства коммунизма. Это неоднократно подчеркивалось на съездах Коммунистической партии Советского Союза, на это указывает в своих выступлениях Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев.

Всестороннее воспитание будущих граждан коммунистического общества начинается с самого раннего возраста. Реализация этой ответственной задачи возложена на общественные дошкольные учреждения.

Многогранный воспитательный процесс, осуществляемый в дошкольных учреждениях, направлен на физическое, умственное, нравственное, трудовое и эстетическое воспитание детей. Одна из важнейших задач детского сада — подготовка детей к школе. Решение этой задачи предусматривает гармоническое развитие ребенка, но особое значение приобретает умственное воспитание. Наиболее эффективно воспитательно-образовательная работа осуществляется в процессе обучения на занятиях.

Введение в детских садах систематического обучения на занятиях явилось важным этапом развития советской дошкольной педагогики. Можно с полным основанием утверждать, что обучение не подменяет ни игры, ни трудового воспитания, а тесно связано с ними в общем педагогическом процессе.

В данной книге, являющейся результатом многолетних исследований проблемы дошкольной дидактики, рассматривается роль образовательной работы в воспитательном процессе детского сада, дается характеристика учебной

деятельности ребенка и особенностей ее формирования, раскрывается процесс обучения на занятиях.

А. П. Усова одна из первых выдвинула положение о необходимости системы знаний и умений для дошкольников, причем такой системы, в которой существенную роль играют общие знания, отражающие простые закономерности и зависимости между явлениями реального мира. Как показал ряд педагогических и психологических исследований, дошкольное детство нельзя рассматривать как период накопления лишь отдельных конкретных представлений о вещах. На протяжении дошкольного детства наблюдаются существенные сдвиги в умственном развитии, формируются общие представления и понятия, складываются важные мыслительные операции — умение анализировать, сравнивать, обобщать и т. д.

В связи с этим А. П. Усова ставила вопрос о такой систематизации знаний для дошкольников, которая бы, с одной стороны, учитывала их возрастные особенности, а с другой — способствовала формированию у детей общих представлений и понятий, развитию их мыслительных способностей. Она указывала, что четкая систематизация усваиваемых детьми знаний и правильная организация процесса обучения позволяют давать детям значительно более сложные знания, чем те, которые они усваивают в процессе повседневной жизни. Воспитатель на занятиях не только в доступной форме излагает знания, но и раскрывает детям способы мыслительной деятельности, которые необходимы для овладения этими знаниями. Все это, несомненно, способствует общему развитию детей, формированию у них широких познавательных способностей, являющихся основой успешного обучения в школе.

В связи с тем что в начальной школе сокращен срок обучения до трех лет, еще более возрастает значение организованного обучения в детском саду, планомерного осуществления программной образовательной работы и совершенствования умственного развития детей, успешной подготовки их к школе.

Знание особенностей дошкольного обучения, достаточная теоретическая ориентировка в содержании, формах и методах организованной образовательной работы необходимы не только научным работникам, преподавателям дошкольной педагогики и методистам, но и многочисленному отряду заведующих детскими садами и воспитате-

лям. Особенно остро ощущается потребность в раскрытии вопроса о развитии у детей учебной деятельности, об овладении способом ее формирования в процессе целенаправленного обучения детей.

Содержание книги А. П. Усовой «Обучение в детском саду» является в настоящее время актуальным, ее переиздание окажет большую помощь практическим работникам детских садов в дальнейшем совершенствовании воспитания и обучения детей, в решении новых, более сложных задач всестороннего развития ребенка, в подготовке детей к систематическому обучению в школе.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение современной теории и практики обучения в детском саду требует рассмотрения основных дидактических направлений в дошкольной педагогике.

В наиболее полно разработанных системах воспитания и обучения проблемы дидактики дошкольного воспитания рассматриваются в органической связи с последующим развитием ребенка. Особенно большое внимание этому вопросу уделяли Я. Коменский, И. Песталоцци, Ф. Фребель.

Воспитание и обучение для Коменского есть процессы, связанные друг с другом на самой первой ступени развития ребенка. В системе дидактики Коменский выделяет программу материнской школы как начало воспитательной и образовательной работы с ребенком.

Исследователи взглядов Коменского отмечают, что его религиозное мировоззрение менее всего проявилось в дидактике. В решении дидактических вопросов он исходил преимущественно из требований жизни, из полезности рациональных знаний и умений на всех возрастных ступенях, включая и возраст детей материнской школы.

Дидактические задачи при воспитании детей дошкольного возраста должны, по Коменскому, заключаться в расширении непосредственного опыта ребенка, в обогащении его чисто эмпирическими знаниями о предметах и явлениях природы, в обучении умению различать сходные предметы и явления и правильно их называть.

Коменский считал, что обучение детей дошкольного возраста должно проводиться в виде бесед родителей с детьми. В этих беседах взрослые объясняют детям явления окружающего мира в понятной для них форме. Он говорит: «В этом деле могут часто с ними заниматься отец, мать или нянька и, показывая то или другое, называть, предлагая им это самое высказывать, отвечая на

вопросы». «Их нужно также учить различать время, а именно: что одно есть день, а другое — ночь...»¹. Развитие речи детей Коменский также считает задачей родителей.

Программа такого доступного по своему содержанию обучения составляет органическое звено воспитания детей в этом возрасте. Коменский выделяет возрастные ступени детства как известное мерило детских возможностей, с которыми необходимо считаться в обучении. Он отмечает возможное и практически встречающееся отставание детей в развитии от своих сверстников и дает совет постепенно преодолевать это отставание путем обучения. Коменский определяет дидактические требования к проведению программы раннего обучения в жизнь.

Приведем текст этого положения.

«12. ...нужно обратить внимание на то, как в отдельных этих знаниях и умениях нужно с детьми идти вперед, не распределяя материала с полной точностью по годам или месяцам (как будет впоследствии в других школах) и именно по следующим причинам:

1). Не все родители могут соблюдать в своем доме такого рода порядок, как это бывает в общественных школах, где никакие исключительные дела не будут нарушать порядка работы.

2). В первом детском возрасте не все дети обладают одинаковыми способностями: некоторые дети начинают говорить на первом, а некоторые только втором и даже третьем году жизни.

13. Итак, вообще я покажу, каким образом в первые шесть лет нужно давать образование детям: 1) в понимании вещей; 2) в физических трудах и ловкости; 3) в искусстве речи»² и т. д.

В материнской школе Коменский рекомендует игры и развлечения, дающие детям знания, и вместе с тем беседы с детьми, упражнения.

Следовательно, образовательную работу с ребенком Коменский не целиком включал в детские игры. Игры использовались им лишь как условие лучшего усвоения детьми программы.

Коменским были поставлены следующие существенные вопросы: о воспитании и обучении как едином про-

¹ Коменский Я. А. Материнская школа. М., 1947, с. 64.

² Там же, с. 51—52.

цессе на всех возрастных ступенях начиная от материнской школы; о программе и методах воспитания и обучения на ступени дошкольного возраста.

Дальнейшая разработка дидактики дошкольного воспитания связана с именем Песталоцци. Свою воспитательную систему, пронизанную гуманизмом, демократизмом, верой в силы и способности детей, Песталоцци основывает на идее элементарного обучения. Он говорит: «...Ни в самом начале обучения, ни при применении всех последующих познавательных средств не представляю на волю случая того, что природа, окружающая обстановка и материнская любовь предоставляют чувствам ребенка, начиная с его младенческого возраста; я сделал все для того, чтобы, избегая *случайного*, уже в этом возрасте дать ребенку возможность воспринять при помощи его чувств *самое существенное* из всех познаний, основанных на наблюдении, и сделать это осознанное впечатление неизгладимым»¹.

По Песталоцци, познание окружающего мира детьми с самого раннего возраста должно происходить посредством обучения. Это обучение обеспечивает переход детям от незнания к знанию, отбрасывает все случайное и выделяет все значимое для развития.

Обучение, которое исходит от взрослого, является, по Песталоцци, более высокой ступенью по сравнению с природным «обучением».

Песталоцци считает, что, «уже у кодыбели ребенка нужно стараться вырвать из рук слепой природы руководство человеческим родом и вручить его лучшей силе, которая научила нас обобщать опыт тысячелетий в отношении сущности и вечных законов этой природы»².

Этой силой является сознательное обучение со стороны взрослых. Цель обучения — гармоническое развитие сил и способностей. Первое — это выработка ясных понятий. Песталоцци показывает, как обучение постепенно вносит порядок в те хаотические впечатления, которые получает ребенок от внешнего мира. Он советует обучать так, чтобы уже в раннем детстве в сознании ребенка фиксировался определенный круг представлений, чтобы уже

¹ Песталоцци И. Г. Избр. пед. соч. М., 1963, т. 2 с. 337.

² Там же, с. 350.

в эти годы дети овладевали некоторыми навыками, которые станут основой для последующего развития.

Нужно, говорит он, «...сделать для ребенка, насколько это возможно, определенными, правильными и обширными *первоначальные впечатления*, полученные при первом восприятии *самых важных предметов нашего познания*»¹.

В работах Песталоцци достаточно ярко выступает характер обучения ребенка дошкольного возраста.

Ставя общую цель в обучении — всестороннее развитие ребенка путем упражнений, наблюдений, образования правильных, ясных понятий, он, как и Коменский, подчеркивает необходимость организованного обучения ребенка.

Первым шагом в обучении детей Песталоцци считает организацию наблюдения предметов и явлений. Наблюдения необходимы для приобретения знаний. Он подчеркивает при этом роль языка, органическую связь между языком и мышлением, которая и обеспечивает закрепление впечатлений.

Содержание дошкольного обучения у Песталоцци включает три элемента: форму, число и язык. «Если, с одной стороны, знание формы и числа должно *предшествовать* знанию языка, и это последнее отчасти должно проистекать из первых двух, то напротив *успех в изучении языка* достигается быстрее, чем в *искусстве наблюдения и арифметики*. Собственно *впечатление* от наблюдения формы и числа *предшествует* способности говорить; напротив искусства наблюдения и арифметики следуют за искусством говорить»².

Самым важным для первоначального обучения Песталоцци считает развитие способности наблюдения предметов и тщательного их изучения.

В соответствии с этими положениями путь обучения должен быть следующим. Наблюдая, дети должны определить:

- а) сколько различных предметов находится у них перед глазами, т. е. число;
- б) какой они имеют вид, т. е. форму;
- в) как они называются.

Разработанная Песталоцци программа обучения

¹ Песталоцци И. Г. Избр. пед. соч. М., 1963, т. 2, с. 349—350.

² Там же, с. 340.

характеризуется довольно догматической систематизацией понятий, которые даются детям. Взяв за основу этой программы, по его мнению, «самое близкое» для детей — их собственное тело, Песталоцци группирует предметы внешнего мира в искусственной логике.

В дидактике дошкольного воспитания Коменского и Песталоцци раскрывается содержание дошкольного обучения как преддверия для последующей ступени, а также принцип природосообразности обучения, учитывающий возрастные ступени развития детей и углубляющийся у Песталоцци психологическим анализом возрастных проявлений (опыты обучения сына). Вместе с тем в дидактике дошкольного воспитания Песталоцци ярко выступают черты, находящиеся в прямом противоречии с возрастными возможностями детей. Это проявляется в формальном подходе к определению содержания знаний и умений для данной ступени возраста, основанного на неправильно понятом принципе систематизации этих знаний. Педоцентрический принцип, разумеется, не может быть признан научной основой программы знаний и умений.

В дидактике дошкольного воспитания Коменского и Песталоцци еще не определена форма дидактического воздействия; дидактические идеи, по существу, соотносятся только с возможностями воспитания в семье и отражают формы семейных отношений.

Идеи дидактики в педагогической системе Фребеля выражаются уже не только в общих положениях, но и в соединении их с конкретным содержанием обучения, его методами, формой и организацией работы в детском саду.

Насколько неясно еще очерчено практическое обучение детей (в дошкольном возрасте) у Песталоцци, настолько это ярко выражено у Фребеля. Характерной чертой фребелевской дидактики является непосредственное обучение, которое ведет воспитательница в виде занятий с целой группой детей.

Всем фребелевским работам — плетению, выкладыванию, рисованию — детей должна была обучать воспитательница.

Занятия с «дарами» Фребель облек в игровую форму. Но игра здесь была только формой, носила служебный характер. Об этом говорит вся практика фребелевских детских садов и ее критический анализ.

Педагогика Фребеля впервые в истории педагогической мысли отвечала на вопрос о том, как сделать, чтобы знания приобретались детьми деятельным путем. В соответствии с характерной для детей потребностью в игровой деятельности Фребель создал занятия-игры, в которых серьезное содержание давалось детям в игровой форме.

В разработке элементарного образовательного содержания занятий-игр Фребель следовал тем же путем, что и Песталоцци. Развитие языка, развитие представлений о форме, величине, цвете составляют содержание фребелевских игр-занятий. Религиозно-мистическая окраска содержания (идея единства, идея бога) не меняла их сущности.

Фребелю принадлежит идея соединения обучения и игры. Его «дары» построены на реализации этого принципа. «Дары» являются для детей предметом специальной игры, которую проводит с ними взрослый. Смысл каждого «дара» поясняется стихком, песенкой.

Хорошо известно, что подобного рода соединение не оправдало себя. Оказалось, что если взрослые все время учат детей через игру, то игра, как свободная деятельность детей, исчезает. Игра становится навязанной детям, содержание и форма игры принимают искусственный характер. Критика в адрес фребелевской системы неизменно указывала на этот недостаток. Стремление Фребеля ввести нравственный элемент в занятия с «дарами» приводило к постоянному морализированию с детьми и разъяснению им того, что детям и так было понятно.

Положительным результатом этого опыта явилось укрепление идеи дидактических игр, в которых обучение связывалось с игрой (игры для обучения грамоте, на различение и распознавание цвета, формы и т. п.).

Нужно отметить, что попытки самого Фребеля систематизировать занятия-игры для детей дошкольного возраста были продиктованы его религиозно-философскими устремлениями. Поэтому такого рода систематизация носила схоластический характер. Последователи Фребеля довели эту систематизацию до полного абсурда. И все же то живое, что было в этой в общем схоластической системе, творчески воспринятое, оказало значительное влияние на развитие педагогики дошкольного воспитания.

Успех фребелевских игр-занятий объясняется тем,

что это были практические средства обучения детей, а не общие рассуждения о средствах. Фребелевские «дары» (геометрические формы: шар, куб, цилиндр), фребелевские работы (плетение, вышивание, рисование и т. п.) дали богатый материал семье и детскому саду для того, чтобы занять детей полезной работой и игрой.

Нужно иметь в виду, что Фребель от чисто дидактических игр-занятий отличал игры, придумываемые самими детьми. Правда, и такие игры Фребель стремился использовать в образовательных целях.

После Фребеля идея образовательного содержания воспитания в детском саду (ознакомление детей с формой, цветом и т. д.) развивается в течение всего XIX в. и еще раз закрепляется дидактическим материалом Монтессори. Игровой метод получает широкое развитие, и педагогические (дидактические) игры прочно входят в практику детских садов.

* * *

В истории русской педагогической мысли вопросы воспитания детей дошкольного возраста впервые глубоко и принципиально излагаются в трудах В. Ф. Одоевского.

Дидактические идеи, выдвинутые В. Ф. Одоевским, составляют серьезный вклад в развитие дошкольной педагогики. У него мы находим самостоятельный подход к решению вопроса, основанный на глубоком знании учения и педагогической деятельности Песталоцци и, по-видимому, Фребеля.

В. Ф. Одоевский в своей основной теоретической работе «Опыт о педагогических способах при первоначальном образовании детей» обращает внимание на ранний детский возраст как на важную ступень развития, заслуживающую самого пристального внимания педагогики.

«Долго внимание педагогов было обращено на высшие степени учения, и только теперь заметили, что они недостижимы для человека, с ранних лет, может быть, с четырехлетнего возраста, разумно не приготовленного. До сих пор еще многие думают, что настоящее воспитание начинается с двенадцатилетнего возраста, — это одно из опаснейших заблуждений; занимайтесь или не занимайтесь ребенком, учите его или не учите, но с четырех лет он уже воспитывается — если не вами, то самим собою и всем его окружающим: словами, которые вы про-

износите, не думая, что они им были замечены, вашими поступками, даже неодушевленными предметами, которые случайно находятся вокруг него»¹.

Одоевский отмечает, что ранняя восприимчивость ребенка дала повод к тому, что детей стали стремиться обучать. Но эта ранняя наука была бесплодна, ребенок ее не воспринимал. Тогда, — говорит Одоевский, — решили поправить дело. Возникло новое заблуждение — науку обратили в забаву — возникли тысячи картинок, забавных книжек, игрушек. Ребенок оказался нечувствительным и к таким образом поданной ему науке.

По мнению Одоевского, дело не в самих знаниях, которые так или иначе стараются преподать детям, а в тех умственных силах, которые накопил ребенок и которые должны действовать. Ничему не учить «...пока умственные силы ребенка не скрепились работой над тем, что уже ребенок знает; словом, все первоначальное воспитание (начиная с четырехлетнего возраста) должно быть не передача знаний, но *усовершенствование того снаряда, которым приобретаются знания.*

Не передавайте человеку знания, но старайтесь, чтобы он получил способность сам доходить до него»².

По мысли Одоевского, развивать у ребенка умение учиться — вот путь, по которому должна идти педагогика.

На основе этих принципов построено руководство Одоевского («Наука до науки»), где в форме вопросов происходит первоначальное обучение. Вопросы, поставленные ребенку, должны помогать ему в следующем:

1) сосредоточить внимание на каком-либо предмете, обозначая его для облегчения словами «он», «это»;

2) заметить качество или признаки предмета и отличия его от другого;

3) обозначить место, где находится предмет;

4) показать главные, видимые части в предмете и т. п.

Последующие вопросы должны быть направлены на те общие понятия, которые могут быть развиты у детей.

Идеи дошкольного воспитания составляют органическую часть педагогики Одоевского, демократическую и прогрессивную по своему общему направлению.

В работах великого русского педагога К. Д. Ушинского вопросам дошкольного обучения отведено значитель-

¹ Одоевский В. Ф. Избр. пед. соч. М., 1955, с. 121.

² Там же, с. 122.

ное место. На главные вопросы дошкольного воспитания — значение игры в обучении — он дает ясные ответы. Игру К. Д. Ушинский считает свободной детской деятельностью, вносящей в развитие детей на данной ступени такой вклад, который не может сравниться ни с чем другим. В игре формируется не одна какая-либо сторона психики, а весь человек, поэтому игра является одним из самых действенных средств воспитания.

Сравнивая влияние игры и обучения на ребенка до школы, К. Д. Ушинский замечает: «Игра есть свободная деятельность дитяти, и если мы сравним интерес игры; а равно число и разнообразие следов, оставленных ею в душе дитяти, с подобными же влияниями учения первых четырех-пяти лет, то, конечно, все преимущество останется на стороне игры»¹.

Придавая игре, совершенно справедливо, громадное значение в жизни детей и указывая при этом на ее большие воспитательные возможности, он отводит соответствующее место учению и определяет также и его значение в детском развитии.

В программе курса педагогики, составленной К. Д. Ушинским, он называет обучение средством воспитания: «Учение как одно из самых сильных воспитательных средств как по своей важности, так и по обширности и разнообразию своих правил, излагается обыкновенно в дидактике, или науке обучения»². Выделяя в курсе педагогики отдел дидактики, Ушинский включает в него и вопросы дидактики дошкольного воспитания, придавая, таким образом, самостоятельное значение вопросам обучения.

Ушинский указывает, как должен быть построен курс дидактики: «Дидактика, — говорит он, — может быть разделена также на общую и частную.

В общий курс дидактики должны войти: 1) правила учения чему бы то ни было, основанные на психологических законах... 2) правила учения и развития детей до приобретения грамотности, куда войдут и так называемые Фребелевские игры и занятия; 3) правила обучения грамоте и введение детей в книжное учение; 4) общий план всего учения с рациональным оправданием этого плана»³.

¹ Ушинский К. Д. Собр. соч. М., 1950, т. 10, с. 516.

² Там же, с. 33.

³ Там же, с. 29.

Таким образом, в курсе общей дидактики Ушинский рассматривает «правила учения чему бы то ни было, основанные на психологических законах», и «правила учения до приобретения грамотности», то, что в других случаях он обозначает как «докнижное учение».

Широко ориентированный в идеях дошкольного воспитания по трудам Бенеке, Неккер де Соссюр и другим источникам, Ушинский рассматривает содержание дошкольного воспитания главным образом в свете фребелевской педагогики. Он пишет: «Несомненная заслуга Фребеля состоит в том, что он первый обратил внимание на развитие детей младшего возраста, на их характер, стремления, склонности и взглянул на детскую жизнь, как на жизнь относительно полную, и законным потребностям которой должны удовлетворять взрослые»¹.

К. Д. Ушинский непосредственно ознакомился с постановкой работы по фребелевской системе в детских садах и детских приютах за границей.

Он отмечает: «Во все приюты, которые я видел, проникли уже фребелевские игры и детские занятия, как, например, движение с песнями в такт, складывание из палочек или соломинок, плетение, лепка из глины, вышивание, рисовка по квадратикам и т. п.»².

Касаясь содержания работы детских садов за границей, Ушинский резко критикует применяемый там метод Фребеля за формальный характер игр и занятий.

«...Мне часто, — пишет он, — приходилось жалеть малышей, когда они, нехотя притоптывая ножками, с зевками и не всегда без слез, пели веселенькие песни Фребеля»³. «Песенки, по большей части, скучны, натянуты, написаны очень дурными стихами... а главное, проникнуты несносным для детей дидактизмом. Странно даже, как Фребель, знавший так хорошо детскую природу, выпустил из виду то, что мораль в песнях ничему не может выучить пятилетних детей... Однако же игры Фребеля, а еще более придуманные им, или собранные детские занятия имеют много достоинств, — и в руках хорошей наставницы, понимающей инстинктивно потребности детской природы и умеющей удовлетворять им... приносят много пользы»⁴.

¹ Ушинский К. Д. Собр. соч. М., 1950, т. 3, с. 497.

² Там же, с. 492.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 498.

Фребелевским занятиям, несомненно, не доставало творческого элемента, живого развития детской самодеятельности, что так ярко отметил К. Д. Ушинский. Он признавал прогрессивное значение фребелевских занятий для детей только при условии, что ими руководит воспитатель, умеющий творчески их применять.

Под влиянием прогрессивных высказываний К. Д. Ушинского об особой ценности народной педагогики крупные деятели в области дошкольного воспитания того времени (Е. Н. Водовозова, А. С. Симонович и другие) стали развивать дидактику детских садов, используя подвижные и музыкальные народные игры, народные игрушки и т. д.

Это направление оказалось плодотворным и имело большое влияние на последующее развитие русской дореволюционной, а затем и советской дошкольной педагогики. Дидактика детского сада связывалась с жизнью, преодолевался отвлеченный характер фребелевских занятий, так как вводились такие ручные работы, которые были развиты в окружающих детей условиях.

На этой почве позднее сформировались направления, основывающиеся содержание дидактики дошкольного воспитания на материале природы.

Практика дошкольного воспитания в конце XIX века и в первом десятилетии XX века во многих странах и в России все еще характеризовалась влиянием фребелевского направления. Фребелевские «дары» утратили свою популярность, но так называемые «ручные работы» — плетение, складывание из бумаги, мозаика и т. п. — были достаточно распространены.

За значительный период времени характер детской активности мало изменился, сама система как бы застыла.

Но вскоре в дошкольной педагогике появляются новые направления; создаются различные педагогические теории, концепции, основанные на биологических, биогенетических, педологических основаниях. Ведущим в этих концепциях буржуазной педагогики является взгляд на развитие детей как на процесс, обусловленный «законами» внутренней, будто бы существующей таинственной связи с историей рода (биогенетизм).

А. С. Макаренко с марксистских позиций так охарактеризовал направления, возникшие в этот период: «Бур-

жуазная педагогика начала XX века, разрываема на части многочисленными школами и «новаторами», бесконечными колебаниями от крайнего индивидуализма до бесформенного и нетворческого биологизма, могла казаться революционной наукой, потому что выступала под знаменем борьбы с казенной школьной муштровкой и официальным ханжеством. Но для чуткого уха уже и тогда были основания весьма подозрительно встретить эту «науку», лишенную прежде всего настоящего научного базиса. Уже и тогда можно было видеть в ней очень сомнительные склонности к биологическим экскурсам, в сущности своей представляющие явную попытку ревизии марксистского представления о человеке»¹.

В своей работе «Основная проблема дошкольной педагогики в свете закономерностей установки» Б. И. Хачапуридзе говорит, что фребелевский период дал начало двум антагонистическим течениям в теории и практике детских садов: «...с одной стороны, систематической разработке дидактических материалов и их абсолютному доминированию в практике работы детского сада (система Монтессори) с игнорированием методического принципа игры; с другой стороны — полному практическому отказу от дидактических материалов и построению педагогической работы на естественных материалах, явлениях жизни и видах деятельности»².

Первое направление наиболее характерно проявилось в системе Монтессори. Рассматривая воспитание как содействие развитию сил ребенка, Монтессори решает педагогические задачи на основе провозглашения принципа «свободы». Разработанная ею система дидактического материала замыкает развитие детей в узкие рамки психолого-сенсорного развития, в познание лишь геометрических форм, цвета, величины. Работая с дидактическим материалом, ребенок сам находит правильный путь действия благодаря тому, что материал помогает обнаружить и исправить ошибки. Таким образом, интеллектуальное развитие имеет очень узкую сферу, что Монтессори и подчеркивает, говоря о необходимости растить кадры рабочих, в которых

¹ Макаренко А. С. Соч. М., 1958, т. V, с. 347.

² Хачапуридзе Б. И. Основная проблема дошкольной педагогики в свете закономерностей установки. — В кн.: Исследования о новых дидактических материалах для детских садов. Тбилиси, 1946, т. II, вып. II, с. 43.

нуждается промышленность. Ознакомление детей с окружающими их явлениями, предметами, так отчетливо выраженное в дидактике Коменского, Песталоцци, заменяется совершенно другим принципом — изоляцией детей от впечатлений живого мира. Обучение грамоте, письму, счету у Монтессори строится на том же сенсорном принципе и на самообучении.

Монтессори вводит наименование «руководительница», подчеркивая этим, что данное лицо не ведет непосредственного обучения, а руководит тем, что происходит в процессе самообучения на дидактическом материале. Руководительница дает детям уроки на дидактическом материале только по мере того, как завершается самообучение, которое она наблюдает. «Наша воспитательная цель по отношению к совсем маленьким детям, — пишет Монтессори, — заключается в том, чтобы облегчить им самопроизвольное психофизическое развитие, а не делать из них образованных людей в общепринятом смысле этого слова...»¹. Нравственное содержание воспитательной системы Монтессори тесно связано с реакционными идеями римско-католической церкви: веры, покорности, послушания.

Система Монтессори была встречена в русской педагогике с интересом узким кругом лиц. Резко отрицательное отношение вызвала эта система у Е. И. Тихеевой. В практике эта система не имела широкого распространения.

В этот же период прагматизм как одно из «новейших» течений буржуазной педагогики широко проявил себя и в теории, и в практике буржуазного дошкольного воспитания. Мысль главы американского прагматизма Д. Дьюи о том, что истинное воспитание не есть что-то налагаемое извне, а рост, развитие свойств и способностей, с которыми каждый человек появляется на свет, открыла широкую дорогу для лженаучного, педологического подхода к детям.

Большую популярность в дошкольном воспитании ряда стран приобретает педагогика О. Декроли. Биологическая и биогенетическая основа педагогики Декроли находит свое выражение в принципах организации педагогического процесса в детском саду. Познавательная деятельность ребенка осуществляется в так называемых

¹ Монтессори М. Дом ребенка. М., 1920, с. 130—131.

«центрах». Понимая интерес ребенка как инстинкт, педагогика создает «центры интересов», например: средства защиты у ребенка, в животном мире, в растительном мире, в обществе (ограда, засов, ...). «Центры обстоятельств» отражают событие: ..., наводнение, рождение и т. д.

Важно отметить развитие идеи игрового обучения. Идея использования основной детской деятельности — игры, для решения дидактических вопросов получила значительное развитие.

Вокруг игрового обучения возникали споры. Игровое обучение стало распространяться и конкурировать со свободной детской игрой, как и дидактизированные игрушки с обычными игрушками. В последующем эта идея игрового обучения принимает новые формы, получает различные теоретические обоснования.

Дидактический материал подбирается соответственно избранному или доминирующему методу — игры Фребеля и Декроли, дидактический материал Монтессори, конструктивный материал.

Французские материнские школы (*Ecoles maternelles*) и детские классы в французских школах работают преимущественно по методу Монтессори и Декроли, обеспечивая сенсорное воспитание, развитие анализаторов. Большое внимание уделяется обучению счету, языку.

Английские детские учреждения для детей 3—5 лет, руководствуясь принципом свободного развития, не фиксируют внимания детей на чем-либо, предоставляя в их распоряжение краски, карандаши, бумагу, глину, воду и т. д. Это создает условия для «самовыражения». Детям читают рассказы, они слушают музыку, поют, но чаще всего играют.

В школах для 5—7-летних (начальная обязательная школа) даются задания дидактического характера в форме ролевых игр (например, игра в магазин). В этих играх дети получают начальные знания по чтению, письму и счету, знания мер веса и т. д. Освоение знаний, умений происходит главным образом путем самообучения в процессе игры.

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция преобразовала дело дошкольного воспитания. Общественное воспитание детей дошкольного возраста приобрело го-

сударственное значение в связи с утверждением равенства женщин в труде, образовании, участии в общественной жизни. По своему содержанию оно стало выражением целей коммунистического воспитания.

Разработка целей и задач коммунистического воспитания детей дошкольного возраста, содержания воспитания, отвечающего этим целям, форм его организации и методов стала первоочередной.

Происходивший в 1921 г. II Всероссийский съезд по дошкольному воспитанию направил внимание на создание форм воспитания, отвечающих принципам марксистско-ленинской философии.

Это положение было конкретизировано на II съезде завгубсоцвосов в требованиях к содержанию работы с детьми, которое должно было быть тесно связано с общими задачами рабочего класса, способствовать развитию у ребенка материалистического мышления, коллективистических навыков и активного творчества.

В этот период была осуществлена громадная теоретическая и практическая работа по борьбе с буржуазными системами дошкольного воспитания: фребелизмом и монтессорианством... Разоблачение буржуазной сущности этих систем обеспечивало возможность быстрого развития новых взглядов и убеждений.

Н. К. Крупская в статье «Пройденный путь» писала: «И фребелевские и монтессориевские детские сады насквозь пропитаны духом буржуазного патриотизма, способствуют целиком воспитанию подрастающего поколения в направлении, диктуемом властью помещиков и капиталистов их страны.

Тот же характер носят детские сады во Франции. Они называются там «материнскими школами». В практике этих школ меньше формалистики, чем, например, в школах немецких, но в занятиях меньше систематики, меньше учета возрастных особенностей. Если принять во внимание, что классы в «материнских школах» очень многочисленные, то станет ясно, почему дети часто очень неохотно ходят в эти «материнские школы»¹.

Так как старые системы воспитания были в основном дидактическими, то естественно, что и самый взгляд на дидактику детского сада требовал внимательного рассмот-

¹ Крупская Н. К. Пед. соч. М., 1959, т. 6, с. 337.

рения. Нового опыта в этой области еще не было, его нужно было создавать.

Критический анализ старых педагогических систем, главным образом с точки зрения новых задач воспитания, принципов, содержания и методов дидактической работы, был значительное время в центре внимания.

Рассматривая дидактические положения, развивающиеся в советской дошкольной педагогике, остановимся на дидактической системе Е. И. Тихеевой.

Используя мысли Коменского, Песталоцци, Ушинского, привлекая данные психологии, Е. И. Тихеева разрабатывает дидактику детского сада, основанную на ведении занятий (обучения) посредством дидактического материала и дидактических игр. Получают развитие дидактические игры: словесные, печатные, игры с игрушками и предметами дидактического характера.

Программа образовательной работы у Е. И. Тихеевой охватывает ознакомление с окружающим, родной язык в элементарных проявлениях устной речи, счет, знание простейших геометрических форм и тел. Так называемый «естественный дидактический материал» (камешки, шишки, листья и т. п.) употребляется для ознакомления детей с формой, числом и т. п.

Е. И. Тихеева высказывает вполне определенную точку зрения на обучение: «Обучение ребенка начинается задолго до того, когда его засаживают за букварь и перо. Руководить именно этим обучением и есть основная задача детского сада». Е. И. Тихеева применяет термин «обучение» к разрешению таких задач, как «обучение языку в смысле привития навыков беглой литературно-правильной речи», «обучение выражать свои мысли не только графически (рисунок), но и словом», «обучать в целях методического расширения круга представлений детей»¹.

Богатый опыт Е. И. Тихеевой служил ценным источником для решения дидактических проблем советского дошкольного воспитания.

В теории и практике советских детских садов значительное время господствовали параллельно, иногда преобладая одно над другим, два направления: познавательное, когда детям давались знания в виде «тем», и

¹ Тихеева Е. И. Развитие речи детей. М., 1972.

педагогика «делания», где деятельность стояла на первом плане и в нее включались знания и умения.

Образовательные задачи пытались разрешать «чисто воспитательным путем», именно в процессе «организации детской жизни», в форме «заданий», «организующих моментов», «тем» и т. п.

Соединение двух различных направлений себя не оправдало ни в теоретическом, ни в практическом отношении. Дать определенные знания и умения, нужные для данной ступени возраста детей, путем «делания» не удалось. Эти затруднения испытывали авторы программ в самом начале, что и принудило их издать для практики не один документ, а два — программу знаний и умений и программу «организующих моментов».

В практике программа знаний и умений была тотчас же забыта воспитателями, а программа «организующих моментов» не могла реализовать полностью этой программы по той причине, что не все указанное могло быть достигнуто детьми путем «делания». Авторы программы вынуждены были выделить так называемую «повседневную работу» с детьми, содержащую привитие навыков, сообщение известных знаний. Этот процесс шел изолированно от «организующего момента». В силу этого воспитатель детского сада в поле зрения принужден был держать два искусственно разделенных процесса: то, что делалось в виде «организующего момента», и то, что осуществлялось «повседневно», т. е. вне его.

На основе постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» от 4 июля 1936 года коренным образом изменяется характер работы советской школы и дошкольных учреждений, углубляется работа по коммунистическому воспитанию детей.

В 1937 г. Н. К. Крупская вновь подчеркивает значение образовательной работы с детьми. «Мы должны уважать права ребенка, в первую голову его право на образование — то образование, которое необходимо для его возраста, — ощупать каждую вещь, понюхать ее, десяток раз что-то над ней проделать, десятки раз осмотреть ее, десяток раз повторить ее название и т. д. и т. п. Надо идти навстречу его желанию ширить свой горизонт путем наблюдения живой природы, живых людей, их труда, их

взаимоотношений... Для дошколят право на образование — это право познавать окружающую жизнь»¹.

Дидактические вопросы все настоятельнее требовали своего дальнейшего разрешения. Наибольшее признание завоевали отдельные формы образовательной работы. Превалирующей формой и методом образовательной работы были дидактические игры (речевые, счетные и т. п.) и непосредственный жизненный опыт.

Практика развивалась в этом направлении, на дидактические игры опирались различные методики дошкольного воспитания.

Ф. Н. Блехер проводит большую работу по методике обучения счету. Рассматривая развитие математических представлений у детей под влиянием организованного процесса образовательной работы, Ф. Н. Блехер разрабатывает ряд пособий и книг, в которых показывает роль дидактических игр, роль практической жизненной ситуации, роль дидактического материала в усвоении счета. <...>

Со временем требования к разрешению образовательных вопросов становятся сложнее.

На Всероссийской конференции по вопросам художественного воспитания (1940) Е. А. Флерина выступила с характеристикой обучения рисованию в дошкольном возрасте. Это выступление явилось серьезным шагом вперед в области художественного воспитания детей, в которой в наибольшей мере сохранялось еще влияние биогенетизма, свободного воспитания.

И. В. Чувашев в сороковых годах ставит вопрос о необходимости дифференцировать в воспитательном процессе детского сада его образовательное содержание.

По вопросам дидактики велась работа в научно-исследовательской лаборатории дошкольных практических материалов и игрушки Министерства просвещения Грузии. Здесь были накоплены значительные исследовательские данные по построению дидактического процесса и создан дидактический материал.

Б. И. Хачапуридзе предпосылает своей работе анализ образовательных задач с точки зрения способов их осуществления.

Различные способности и знания, говорит он, могут быть развиты различными дидактическими способами.

¹ Крупская Н. К. Пед. соч. М., 1959, т. 6, с. 358.

Это может быть специальный дидактический материал, это могут быть дидактические игры. «Существуют и такие задачи, — говорит Б. И. Хачапуридзе, — решение которых не достигается применением ни дидактического, ни природного материала. В этих случаях решающее значение имеет живое слово и художественная литература»¹. Автор справедливо указывает на то, что источником ошибок часто является переоценка того или другого вида материала. Однако сам автор целиком на стороне дидактического материала, как определенного способа работы. Он отмечает, что теория и практика дошкольного воспитания испытывают нужду именно в систематизированном дидактическом материале, и приходит к выводу о том, что задача создания дидактического материала заключается в себе целый сложный комплекс проблем, охватывающий в основном почти всю систему дошкольной педагогики.

Дидактический материал должен, по мнению автора, развивать восприятия, увеличивать словарный запас ребенка, давать ему знания о цвете, форме, числе.

В отличие от дидактической системы Монтессори дидактический материал здесь рассматривается в первую очередь как средство развития способностей детей. Приобретение детьми знаний в области цвета, формы, величины, счета служит решению этой главной задачи — развитию способностей детей.

Эти задачи решаются двумя сериями дидактического материала. Форма работы с материалом строится по принципу стимуляции игры (двигать, бросать, складывать, комбинировать). Работа проводится с группой детей (4—5 человек).

С нашей точки зрения, в этом исследовании важным является положение о различных видах образовательной работы и указание на ценность каждого из них соотносительно с задачами.

Иных более или менее новых решений использования дидактического материала предложено не было.

Наряду с направлением дидактического характера в практике продолжал существовать принцип организации работы детей по заданиям. Чрезвычайно характерно то,

¹ Х а ч а п у р и д з е Б. И. Исследования о новых дидактических материалах для детских садов. Тбилиси, 1946, т. II, вып. II, с. 109.

что этот принцип был официально признан и применялся в детских садах на обязательных занятиях с детьми.

Следует отметить, что обязательные занятия по методике заданий не обеспечивали планомерной образовательной работы. Рассчитанные на проявление творческой активности детей, эти занятия не имели определенной программы работы.

Содержание занятий в детских садах определялось еще и тем, к чему тот или иной воспитатель питал большую склонность. Там, где воспитателя интересовала речь, — это входило в содержание занятий, там, где рисование, — дети занимались на занятиях рисованием и т. п. Такая односторонность обедняла кругозор детей, суживала возможности развития.

Такова общая характеристика направлений образовательной работы в детских садах к 50-м годам. Единой концепции образовательной работы, которая объединяла и направляла бы усилия детских садов в этой важной области воспитания, советская дошкольная педагогика еще не имела.

* * *

Вопросы воспитания, образования и обучения, как известно, составляют основное содержание педагогической науки, ее предмет...

Основываясь на марксистско-ленинском учении о коммунистическом воспитании, образовании и обучении, теория и практика советской педагогики успешно решают задачи воспитания молодого поколения. Марксистско-ленинская теория дает возможность педагогике правильно понять свои задачи, правильно ориентироваться в своем предмете. Утопические мечтания о преобразовании общества, общественных отношений путем воспитания «нового человека» показывали как непонимание законов общественного развития, так и непонимание того, что воспитание, обучение и образование являются продуктом общественных отношений.

Воспитание, образование и обучение обусловлены необходимостью усвоения молодым поколением общественно-исторического опыта. Только при этом условии возможна преемственность в развитии общества (усвоение видов труда, навыков, привычек, знаний, умений, взаимоотношений и т. п.).

Общественно-исторический опыт черпается молодым поколением из соприкосновения с той трудовой деятельностью, которой заняты взрослые люди, из участия в ней, из игр, из того круга знаний и умений, какими обладают окружающие детей взрослые.

История развития человеческого общества показывает, что непосредственное освоение молодым поколением знаний и умений (в общественном труде, игре) по необходимости дополняется различными формами передачи опыта в опосредствованном виде.

Ф. Энгельс говорит «...Теперь уже не считается необходимым, чтобы каждый отдельный индивид лично испытал все на своем опыте; его индивидуальный опыт может быть до известной степени заменен результатами опыта ряда его предков. Если, например, у нас математические аксиомы представляются каждому восьмилетнему ребенку чем-то само собой разумеющимся, не нуждающимся ни в каком опытным доказательстве, то это является лишь результатом «накопленной наследственности»¹.

Исторический и диалектический материализм рассматривает развитие ребенка как развитие, обусловленное общественными условиями. Об этом свидетельствует вся история человеческого общества.

Дети усваивают нравы, обычаи, привычки, убеждения, знания, умения, которые существуют в данной общественной среде.

Вместе с тем общество активно влияет на освоение молодым поколением общественно-исторического опыта, придавая этому процессу то направление, которое диктуется классовыми интересами в классовом обществе и интересами трудящихся в условиях социализма. Выполнение этой активной роли в обществе возлагается на специальные учреждения. Организуя воспитание, образование и обучение детей в школах, детских садах и т. д., общество обеспечивает воздействие на развитие молодого поколения, на усвоение им определенного опыта.

К. Маркс и Ф. Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» пишут: «Но вы утверждаете, что, заменяя домашнее воспитание общественным, мы хотим уничтожить самые дорогие для человека отношения.

А разве ваше воспитание не определяется обществом? Разве оно не определяется общественными отношениями,

¹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М., 1970, с. 392.

в которых вы воспитываете, не определяется прямым или косвенным вмешательством общества через школу и т. д.? Коммунисты не выдумывают влияния общества на воспитание; они лишь изменяют характер воспитания, вырывают его из-под влияния господствующего класса»¹.

К. Маркс и Ф. Энгельс, говоря о том, что коммунисты не выдумывают влияния общества на воспитание, указывают на объективный характер этого влияния, идущего по историческим путям в силу законов общественного развития. Вместе с тем Маркс и Энгельс указывают на то, что считаясь с объективным характером процесса, коммунисты вмешиваются в него, «вырывая его из-под влияния господствующего класса».

Вместе с преобразованием старого, капиталистического общества в общество социалистическое встает и жизненно важная задача преобразования воспитания, образования и обучения молодого поколения соответственно потребностям и задачам нового, социалистического строя общественной жизни.

«Только преобразуя коренным образом дело учения, организацию и воспитание молодежи, мы сможем достигнуть того, чтобы результатом усилий молодого поколения было бы создание общества, не похожего на старое, т. е. коммунистического общества»², — говорил В. И. Ленин.

Совершенно очевидно, что процесс усвоения общественно-исторического опыта в дошкольном возрасте есть также процесс объективный, обусловленный всей совокупностью внешних воздействий, образом жизни детей в данной общественной среде.

Так, например, дети усваивают язык, на котором говорят окружающие их люди, а вместе с тем и определенную общественно-исторически сложившуюся систему понятий. Усвоение языка происходит постепенно, подчиняясь определенным возрастным закономерностям. К пяти-шести годам дети настолько овладевают языком, что пользуются им свободно как средством общения.

Нет никакого сомнения в том, что достижения детей в овладении языком уже в дошкольные годы определяются постоянной практикой речевого общения с окружающими их людьми, т. е. общественно обусловлены. <...>

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955, т. 4, с. 443.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 301.

В области формирования представлений у детей дошкольного возраста также обнаруживается закономерная обусловленность общественно-историческим опытом.

Так, например, представления о числе и элементарные навыки счета дети в дошкольном возрасте усваивают из счетного опыта взрослых. Из рассказов писателя Т. Семушкина известно, что дети народов Крайнего Севера владели именно тем способом счисления, который был развит в данной среде. Дети никакого «своего» способа счисления не открывают, не изобретают, а усваивают его из окружающей среды.

Понимая роль общественно-исторического опыта как главного фактора, обуславливающего развитие ребенка с первых лет жизни, мы убеждаемся в том, что нет такого периода в развитии ребенка, когда бы он стоял вне этого опыта.

Однако влияние на ребенка окружающих его условий жизни далеко не исчерпывает решения вопроса о его развитии. Весь прогрессивный опыт прошлого и настоящего показывает необходимость активного организованного воспитательного влияния на детей.

Вполне понятно, насколько значимым в советской педагогической науке является фактор воспитательного влияния на детей, поскольку социалистическое общество заботится о наиболее полноценном развитии каждого ребенка, о лучшей возможности развития всех его природных дарований и не может предоставить его стихийному влиянию среды и его собственным усилиям.

Всесторонне учитывая разнообразные влияния условий, в которых развивается ребенок с первых лет жизни, — влияние семьи, окружающей ребенка природы, общественной среды, — советская педагогика не может не видеть главной воздействующей силы в организованном процессе воспитания, образования и обучения в детских садах. Следовательно, вопросы воспитания, образования и обучения в детском саду должны изучаться с наибольшей тщательностью и полнотой, с необходимой научной достоверностью.

* * *

Вопрос о соотношении воспитательной и образовательной работы в детском саду решался в педагогической науке различно, иногда самым противоположным об-

разом: то значение образовательной работы переоценивалось и воспитательный процесс поглощался процессом образовательным (системы Фребеля, Монтессори), то образовательный процесс целиком растворялся в воспитательном, строился по его логике, имел его задачи (прагматические направления). В ряде случаев образовательный процесс понимался как познавательная деятельность ребенка, целиком определяющаяся влиянием окружающей среды (направления свободного воспитания).

Вполне признавая условность разделения воспитательной и образовательной стороны в педагогике детского сада, мы все же считаем важным для развития советской дошкольной педагогики выделение специфики воспитательной и образовательной работы, признание необходимости оценки этих педагогических явлений, более глубокого изучения каждого из них.

Изучая опыт дошкольного воспитания в прошлом и современное состояние практики детских садов, мы пришли к убеждению, что образовательная работа в детском саду есть область специализированная, ее задачи, как правило, не совпадают с выполнением чисто воспитательных задач.

Образовательные задачи в детском саду могут быть самыми различными по своему характеру. Вполне понятно, насколько важно советской дошкольной педагогике иметь определенную концепцию образовательной работы с детьми как в семье, так и в детском саду.

Обращаясь к конкретным видам, средствам и формам образовательной работы в дошкольном воспитании, мы обнаруживаем как различные средства образовательной работы, так и различные задачи, которые они решают.

Мы сосредоточили внимание на обучении. Оно привлекло наше внимание тем, что выражает вполне активные позиции по отношению к ребенку.

Не у всех детей в одинаковой степени развивается способность воспринимать, усваивать речь, счет, рисование и т. д. Если не действовать активно, т. е. не обучать детей, то ряд существенных задач воспитания не будет осуществлен, развитие ребенка не пойдет в нужном направлении.

Обучение характерно активной, обучающей ролью взрослого. Это дает возможность целенаправленно осуществлять задачи, идти рациональным путем.

Из всего многообразия существующих в дошкольной педагогике средств образовательной работы — дидактического материала, дидактических игр и т. д. — мы выделили для изучения обучение на организованных занятиях, имея в виду активную роль воспитателя, непосредственное его влияние на познавательную деятельность детей, развитие желательных и возможных проявлений детской активности.

Изучая вопросы образовательной работы и ее средства, мы только в некоторой мере могли останавливаться на всех тех многочисленных связях, которые существуют между общим воспитательным процессом детского сада и собственно процессом обучения, так как подробное их рассмотрение слишком расширяет задачи исследования. В то же время мы отдавали себе отчет в том, что вопросы воспитания и обучения тесно связаны как в самых общих, так и в самых частных проявлениях. Поэтому нельзя было решить правильно вопрос об обучении, не затрагивая вопросов взаимодействия воспитания и обучения.

Изучение передового опыта детских садов Москвы и Московской области показало, что в практике воспитательного процесса детских садов обучение не было развито. Занятия в детских садах, даже в старших группах (охватывающих в тот период детей до восьми лет), не содержали в себе дидактических начал. Знания и умения на этих занятиях дети должны были получать в процессе так называемого «творческого» развития. Но существу же за этим не скрывалось ничего, кроме беспомощного стремления воспитателя «вызвать творчество» у детей.

Одним из центральных вопросов явилось нахождение тех конкретных путей воздействия на детей, из которых складывается обучение.

Исходя из учения марксизма-ленинизма о роли языка как средства общения, мы должны указать на определяющую роль слова в обучении: слово уточняет и обобщает непосредственные восприятия, поэтому словесные указания и пояснения воспитателя мы рассматриваем не как один из методов обучения, а как основание всякого обучения, как фактор, без которого невозможно воспитание и обучение детей.

При обучении маленьких детей необходимо, чтобы речь воспитателя была образной, конкретной. Только при

этом условии возможно подготовить развитие элементов отвлеченного мышления.

Обучение путем слова должно опираться на непосредственное восприятие действительности, что особенно важно в дошкольном возрасте.

Утверждение К. Д. Ушинского о том, что дитя мыслит образами, звуками, красками, подчеркивает закономерность, которая лежит в основе развития детей данного возраста. Вполне понятно, что, памятуя об особенностях взаимодействия сигнальных систем, обучение на дошкольной ступени должно опираться на чувственно-наглядное восприятие детей и этим руководствоваться.

Живое и непосредственное восприятие лежит в основе сообщения детям знаний и умений. Но такое восприятие требует соответствующей дидактической организации и пояснений.

Выдвинув новые задачи, отвечающие потребностям советской педагогики, мы пришли к выводу о необходимости создания устойчивых форм обучения в виде дидактических (обучающих) образцов словесного, наглядного и действенного характера.

Такие обучающие образцы («Сделай, как я делаю», «Скажи, как я говорю») служат как целям сообщения детям знаний, так и формирования умений.

Образец нужен для развития мыслительной деятельности детей (образцы решения задачек), для развития языка (образцы правильного звукопроизношения, грамматического построения, рассказывания, выразительности), для обучения рисованию, лепке, конструированию, движению. Образец, как и пояснение в обучении, устанавливает новые связи, дает возможность отбрасывать все случайное, что является препятствием к правильному овладению знаниями и умениями. Пояснения, примеры, образцы имеют прогрессивное значение для развития детей, для овладения ими знаниями и умениями. Вне этого пути невозможно обучение.

В практике фребелевских занятий дети лишь пассивно воспроизводили то, что делала воспитательница (цели, говорили, вырезали и т. п.). Механическим характером работы детей отмечена и система Монтессори. Вполне понятно, что мы стремились к разработке такого обучения, которое при активном воздействии воспитателя на

детей в то же время обеспечивало бы формирование активности мышления, речи, восприятия у детей.

Требование вести обучение так, чтобы детям было интересно, чтобы затрагивались детские эмоции, является особенно важным по отношению к детям дошкольного возраста. Планмерно воспринимать знания и умения дети могут только тогда, когда занятия интересны для них и вызывают положительное эмоциональное отношение. А это зависит от приемов обучения, от использования наглядности, действенности, красочности и образности.

Характерной особенностью дошкольного обучения является также использование дидактических игр и игровых приемов.

Глава I

РОЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ДЕТСКОГО САДА

ВЗАИМОСВЯЗЬ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

Представляет ли детский сад в настоящее время учреждение чисто воспитательное или же отвечает на какие-то образовательные запросы? Решение этого вопроса имеет принципиально важное значение для построения педагогического процесса в детском саду и для определения места в нем как воспитательной, так и образовательной работы.

Система советского дошкольного воспитания призвана решать весьма важные задачи, связанные с развитием качеств советского человека — его сознания и поведения, отношения к окружающему миру, его навыков, действий, характера приобретаемых им знаний.

Сложность задач, стоящих перед советским детским садом, широкая программа воспитательных мероприятий, разнообразие средств, форм, методов воспитательной работы с детьми дошкольного возраста дают основание считать его воспитательным учреждением в широком смысле этого слова.

Практика советских детских садов и теоретическая дошкольная педагогика сделали большие успехи в определении воспитательных задач, в разработке форм, методов и средств воспитательной работы с детьми.

Неприемлемость старых систем дошкольного воспитания была очевидна, но поиски новой линии подлинно советского коммунистического воспитания детей были связаны со значительными трудностями. Сложившиеся прежде традиции так называемого «свободного воспитания» были очень стойкими и преодолевались с трудом. А. С. Макаренко отмечает цепкие традиции старых и новых предрассудков. Он пишет: «...С другой стороны, на поедом ели проповеди так называемого свободного воспитания, полнейшего непротивленчества и какой-то мистической самодисциплины, которые в конечном итоге сво-

дились к крайнему индивидуализму, а мы так доверчиво пустили его в советский педагогический огород»¹. По отношению к дошкольному воспитанию именно эти заблуждения были особенно сильны и преодолевались с большими трудностями.

Идея А. С. Макаренко о том, что объектом воспитания может быть целый коллектив и что именно таким путем идет воспитание и отдельной личности, выражала наиболее ярко попытки педагогов детских садов решать вопросы воспитания на новой основе. Мы не можем сказать, что эти попытки были прямо и непосредственно связаны с идеей Макаренко, но им была выражена та новая мысль, то новое положение, которое стало продуктивным для советского воспитания и принесло много положительных результатов, в частности, и в области дошкольного воспитания.

Мысль Н. К. Крупской о том, что из детей нужно растить коллективистов, пронизывает лучшие стремления и практический опыт воспитателей детских садов. Так, воспитательница А. К. Матвеева пишет о стремлении воспитать у детей желание работать сообща, не только для себя, но и для всех детей в группе, желание помогать товарищу в работе, дружеские взаимоотношения, чувство ответственности за порученное дело, бережное отношение к своей работе и к работе товарищей, к тому, что принадлежит всем. Она отмечает такой интересный факт. Для того чтобы воспитать у детей старшей группы индивидуальную ответственность, был применен такой способ — каждый ребенок посадил луковицу в отдельный горшок и ухаживал за ней с целью вырастить много лука для всех.

Эта цель стала ясна детям тогда, когда они могли увидеть результаты своих усилий. В один из дней воспитательница сказала: «Сейчас каждый срежет свой лук и положит его в тарелку». «Меня интересовало, — пишет Матвеева, — будут ли дети просить каждый отдельную тарелку?» «А мы все на одну большую тарелку сложим», — сказали многие дети. У них не возникло мысли об отдельных тарелках, о том, что каждый будет отдельно есть свой лук. При следующей посадке один из мальчи-

¹ Макаренко А. С. По педагогическим ухабам. — Избр. пед. соч. в четырех книгах. М., 1949, кн. 4, с. 571.

ков принес из дома две луковицы. На вопрос о том, кому он принес вторую луковицу, мальчик ответил: «Я буду за двумя луковицами ухаживать. Пусть у нас будет больше»¹.

Осуществление таких воспитательных задач требует большого педагогического мастерства, формирования у детей желания трудиться для всех в соединении с умением выполнять с нужной ответственностью свои обязанности.

Путь поисков форм коллективного воспитания в играх, труде, занятиях был наиболее примечательной страницей в создании нового коммунистического воспитания.

Воспитание на ступени дошкольного возраста формирует различные стороны личности ребенка.

М. И. Калинин определил воспитание как «...внедрение определенного мировоззрения, нравственности и правил человеческого общежития, выработку определенных черт характера и воли, привычек и вкусов, развитие определенных физических свойств...»². Это определение характерно и для дошкольного воспитания, разумеется, с учетом конкретных возможностей развития детей.

В детском саду ребенок воспитывается не только специальными приемами и методами, но и всей окружающей его обстановкой, отношениями, которые складываются у него с другими детьми и взрослыми.

Подавляющее большинство воспитательных мероприятий в детском саду направлено на решение задач физического воспитания, имеющих первостепенное значение для данного возраста. Вместе с тем ряд воспитательных мер направлен на формирование у детей привычек и навыков общественного поведения, отношений с окружающими, характерных для нашего общества, на развитие общественных интересов, дружбы, взаимопомощи, личной организованности и дисциплинированности, формирование характера, воли ребенка. Сложные и разнообразные педагогические задачи решаются в области художественного воспитания, в области развития умственных качеств и т. д.

Весь воспитательный процесс в детском саду строится таким образом, чтобы детям была обеспечена возмож-

¹ Матвеева А. К. Работа с детьми в уголке живой природы и на участке. — Труды Всероссийской конференции по дошкольному воспитанию. М., 1952, с. 202.

² Калинин М. И. О коммунистическом воспитании. М., 1956, с. 178.

ность жить своей, детской жизнью, с характерными для нее потребностями и интересами.

Под впечатлением многогранной и успешно развивающейся воспитательной работы детского сада может возникнуть, и в ряде случаев возникает, такое представление, будто бы в советской системе дошкольного воспитания удалось разрешить и все образовательные проблемы чисто воспитательным путем и воспитательными средствами.

Такое впечатление получалось вследствие того, что проблемы образовательной работы не выделялись из общих воспитательных задач. А это в свою очередь связано с тем, что образовательная работа во многом действительно проводилась методами воспитательной работы и поэтому не имела своей специфики.

И. В. Чувашев отмечал, что неправильно понимаемое единство воспитательно-образовательного процесса привело к тому, что образовательная работа в детском саду стала считаться «результатом» воспитательной работы.

В борьбе против перегибов при организации образовательной работы с детьми по программам детского сада 1934 г. (безусловно, формальных) все же закрепилось это полное подчинение задач и методов образовательного процесса воспитательному процессу. В действительности же воспитательный процесс в детском саду, не имея четких образовательных задач, не выполнял задачи всестороннего развития детей.

В целом вопросы образовательной работы детского сада не получали сколько-нибудь организованного рассмотрения. Больше того, обстоятельства складывались так, будто такого специального вопроса и не существует.

Останавливаясь на вопросах образовательной работы, мы отнюдь не понимаем эту область как нечто изолированное от воспитания. В дошкольных учреждениях, так же как и в школе, нельзя воспитывать, не передавая тех или иных знаний, и в то же время знания содержат в себе больший или меньший воспитательный материал.

Развитие культуры, накопление знаний и умений в различных областях, естественно, выдвигает вопрос о том, когда и как ребенок должен быть приобщен к этим знаниям, каковы в этом отношении возможности того или иного возраста.

Хорошо известно, что дети приобретают многие знания, умения путем непосредственного опыта — в общении

с окружающими, в наблюдениях, играх и т. п. В связи с этим отказ от планомерной образовательной работы с детьми в этом возрасте часто мотивируют именно тем, что дети сами добывают знания и умения, достаточные для их развития. Так ли это в действительности?

Для ребенка в дошкольные годы его жизни характерна большая чувствительность к целому ряду влияний среды, в которой он живет. Поэтому бытуют такие выражения, как «ребенок учится сам, по своей программе». Каждый ребенок в возрасте пяти-шести лет из общения с окружающими его людьми приобретает какие-то навыки, привычки, знания и умения (в языке, счете, самообслуживании, игре и т. п.).

Эту естественную «дидактику жизни» мы должны рассматривать как определенное влияние общественной среды, в которой живут дети.

Рассматривая требования к организованному процессу образовательной работы с детьми в детском саду, важно отделить знания, которые даются в процессе этой работы, от тех знаний, которые приобретаются детьми в непосредственном жизненном опыте.

Имеются две категории знаний и умений — одни приобретаются детьми в индивидуальном опыте или по ходу воспитательных мероприятий, другие даются детям взрослыми и не имеют прямого отношения к непосредственному детскому опыту.

Следовательно, при организации обучения детей нужно ясно и точно представлять себе, что дети получают при познании окружающего мира и в накоплении умений путем собственного опыта, в общении с окружающими их людьми, в играх, в ходе всей воспитательной работы и что необходимо дать детям в организованном образовательном процессе, т. е. что следует вносить в детское развитие и как вносить.

Правильно построенный воспитательно-образовательный процесс использует положительный опыт детей и опирается на него.

Л. С. Выготский в одной из своих работ заметил: то, что взрослым кажется само собой разумеющимся, требует в отношении ребенка дошкольного возраста образовательной работы.

Это замечание характеризует, может быть, самую существенную трудность как в постановке, так и в разре-

шении образовательных вопросов дошкольного воспитания. Она заключается в том, что содержание этой образовательной работы связано с очень простыми и неприметными явлениями. Поэтому-то они и кажутся такими, которые разрешаются сами собой без каких-либо усилий с нашей стороны.

Опыт разработки советской системы дошкольного воспитания показывает, что в содержании образовательной работы ведущая роль должна принадлежать конкретным знаниям об окружающем — явлениях природы, предметах, людях и их отношениях. Значительно пополнились наши представления о возможности работы над языком ребенка-дошкольника. Открылись новые возможности работы над звукопроизношением, связностью речи, словарем. Математическое развитие в дошкольном возрасте в настоящее время следует связывать не с количественным счетом, а с усвоением правильных операций с числами первого десятка. Много нового и интересного найдено в области художественного воспитания. Возникла область конструирования, охватывающая задачи художественного и умственного воспитания. Говоря об образовательном содержании советского дошкольного воспитания, мы имеем в виду содержание, доступное для данной ступени развития. Мы меньше всего связываем содержание дошкольной образовательной работы с тем, что выходит за пределы и возможности этого возраста.

Образовательная работа с детьми, направленная на познание окружающего и усвоение той или иной деятельности, содержит вместе с тем и большие воспитательные возможности, так как познание детьми окружающего их мира не может происходить вне формирования определенного отношения к тому, что познается. Это усваиваемое детьми отношение к окружающему во многом определяет их поведение в жизни и начатки моральных норм.

Приведем примеры. Путем наблюдения, беседы детей знакомят с работой медицинской сестры в их детском саду — в этом есть знание. Но вместе с этим у них складывается и определенное отношение к этому человеку — уважение к его труду. В поведении детей на этой основе появляются определенные черты: внимательность, перенос в игру навыков труда, положительное эмоциональное отношение к нему и т. п. Сам по себе незначительный

образовательный элемент имеет под собой широкую воспитательную основу, охватывая проявление личности.

Обучение рисованию, конструированию состоит в сообщении детям определенных познаний, умений. В этой работе одновременно происходит воспитание художественного вкуса (подбор материалов по цвету, форме и т. п.), развиваются способности художественно-творческой деятельности, образного восприятия и т. п.

Если к этому прибавить организующее влияние образовательной работы на формирование наблюдательности, сосредоточенности, волевых усилий и т. п., то легко представить, насколько обширна эта воспитательная основа.

Признание самостоятельного значения образовательной работы отнюдь не обозначает какой-то изоляции его от общего воспитательного процесса. Но логика образовательного процесса отлична от логики воспитательного процесса. Поэтому важно определить принцип, который должен быть положен в основу образовательной работы с детьми в детском саду.

В практике детских садов, как мы уже сказали раньше, воспитательный процесс охватывал и образовательную работу, в силу чего эта работа велась попутно, при наличии подходящей ситуации в ходе воспитательных мероприятий, и не имела своих форм организации. Представления об окружающем, счет, речь дети усваивали нецеленаправленно. Конечно, какие-то знания дети приобретали, но это были именно «какие-то» знания. Поставить дело так, чтобы в процессе воспитательных мероприятий выполнить планомерную, программную образовательную работу с детьми, значило бы нарушить специфику самой воспитательной работы. В самом деле, можно ли рассчитывать, например, научить детей 4—5 лет правильному звукопроизношению, не прибегая к дидактическим приемам, не требуя нужной для этого формы организации детей.

Образовательную работу программного значения необходимо вести организованно, т. е. с группой детей и по определенной программе, конечно, в формах, учитывающих возможности детей данного возраста. Более того, это должна быть систематическая работа.

Нужно сказать вполне определенно, что в известных областях знаний ребенка в дошкольные годы нужно обучать. Его можно и нужно обучать некоторым практиче-

ским действиям, родному языку и рисованию, счету и конструированию и т. п.

Для разных периодов развития ребенка в дошкольном возрасте необходим свой круг программных задач.

Образовательная работа должна носить характер обучения и проводиться в форме занятий. Образовательные задачи становятся ближайшими, непосредственными задачами дошкольного воспитания. Эти задачи должны осуществляться с необходимой полнотой по отношению к каждому ребенку и ко всей группе детей в целом. При этих условиях образовательная работа ведется в форме дидактического процесса и по его принципам.

Дидактический процесс оказывает на детей сильное воспитательное влияние. Обучение становится средством коммунистического воспитания и важным фактором развития детей.

СРЕДСТВА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ И ОБУЧЕНИЕ

Образовательная работа с детьми-дошкольниками складывалась в определенных формах соответственно требованиям времени. Формы и средства образовательной работы с детьми дошкольного возраста в дидактике Коменского, Песталоцци применительно к условиям воспитания в семье, к трудовым процессам, которые осуществлялись в семье, иные, чем в педагогике и дидактике Оуэна и Фребеля, где они связаны с процессами воспитания детей в детском учреждении.

Изменяющиеся условия воспитания определяют и изменение форм и средств образовательной работы с детьми. Поэтому правомерно рассматривать как формы, так и средства образовательной работы в их развитии, видеть в них устаревшее и те новые черты, которые вызываются новыми задачами и условиями воспитания.

Образовательная работа с детьми может вестись самыми различными средствами в зависимости от целей, ради которых она проводится. Это могут быть цели общего развития ребенка без притязаний на программный характер. Тогда образовательная работа может быть выполнена в условиях игры, труда, индивидуального общения взрослого с ребенком и т. д.

Но наряду с общими целями существуют и цели более

конкретные, направляющие образовательную работу в определенное русло. Нужно улучшить, например, речевое развитие ребенка, расширить ориентировку в окружающем (в явлениях природы и т. п.), развить ребенка в музыкальном отношении. Для того чтобы эти конкретные требования были осуществлены, необходимо детей обучать.

Рассматривая средства образовательной работы, мы встречаемся с понятием дидактики и по отношению к дошкольному возрасту (дидактические игры, дидактический материал, дидактический метод). Это важно подчеркнуть. Требования дидактики помогают отделить от общего хода воспитательного процесса то, что в образовательной работе связано с обучением.

Поэтому мы будем рассматривать не те многообразные условия, в которых может протекать образовательная работа с детьми, что представляет также значительный интерес, а только те средства, которые связаны с дидактикой.

Дидактические средства образовательной работы можно разделить на две группы: первая группа характеризуется тем, что обучение ведет взрослый, во второй группе обучающее воздействие передается дидактическому материалу, дидактической игре, построенной с учетом образовательных задач.

Это различие носит принципиальный характер и определяет различие в требованиях к детям.

Рассмотрим характер обучения в таких дидактических условиях, когда обучающая роль принадлежит взрослому.

Главным здесь является психологическое влияние взрослого на ребенка, на группу детей. Создается обстановка совместной деятельности взрослого и ребенка; чем ближе взрослый к ребенку, тем больших результатов он достигает.

Вполне правомерно определить здесь ту роль, которая отводится активности ребенка.

Интересные высказывания о роли активности ребенка мы находим у Л. Н. Толстого и К. Д. Ушинского в связи с критикой занятий по фребелевской системе. В этих высказываниях содержится такая мысль: там, где в ребенке видят лишь объект воздействия, а не существо, способное в меру своих детских возможностей мыслить са-

мостоятельно, иметь свои суждения, способное что-то выполнить своими силами, воздействие взрослого теряет свою ценность; там же, где эти способности ребенка принимаются во внимание и на них опирается взрослый, эффект получается иной.

Другая группа средств образовательной работы основана на принципе автодидактизма. Обучающее воздействие здесь принадлежит дидактическому материалу, дидактической игре, учебно-игровым заданиям, которые автоматически ведут дидактический процесс, направляют силы ребенка, дают ему возможность самообучения.

В дидактической игре, наиболее популярном средстве дошкольного обучения, ребенок учится счету, речи и т. п., выполняя правила игры. Взрослому остается только следить за ходом игры и вносить в нее поправки. К этой группе средств относится и образовательная работа с детьми по принципу задания.

Процесс овладения знаниями и умениями здесь опирается на собственные силы ребенка. Предполагается, что дети таким способом могут освоить чтение, письмо и счет.

Роль взрослого проявляется косвенно: в подготовке методических учебно-игровых заданий, в организации обстановки этих игр, в смене заданий в процессе игры, в индивидуальных уроках.

При таком характере образовательной работы со всей очевидностью обнаруживается тенденция целиком опереться на самостоятельность детей, отстранить прямое влияние взрослого, свести его функции к ряду операций, опосредствованного значения. Впечатление от живого процесса такой игры-учения, конечно, очень приятное: все дети заняты серьезной игрой, рамки заданий действительно делают такие игры дидактически содержательными.

Наиболее полное выражение принцип самообучения получил в дидактическом материале Монтессори. Этот материал сам контролирует работу ребенка, обнаруживает его ошибки. Самообучение на таком материале протекает при наблюдательной позиции взрослого.

Характерной чертой автодидактизма является то, что ребенку предоставляется возможность в большей или меньшей мере самообучаться. В дидактической игре его направляют правила игры, игровые действия, в учебно-игровых заданиях — инструкция для выполнения тако-

го задания, подсказанные действия, в дидактическом материале — способ действия с ним. В рамках предложенного ребенок самостоятелен.

Конечно, встает законный вопрос: все ли дети при этих условиях могут быть так активны, чтобы использовать возможность быть самостоятельными?

Роль взрослого здесь в общем можно назвать пассивной. В дидактических играх контроль принадлежит детям, взрослый в лучшем случае может действовать на одном уровне с играющими детьми, т. е. в рамках правил игры и игровых действий.

В учебно-игровых занятиях за взрослым остается разработка заданий, контроль за их выполнением и индивидуальные уроки в случае обнаружения затруднений. Обучать знаниям и умениям он не может непосредственно, ребенок должен идти тем путем, который подсказывает ему задание. Такова же роль взрослого и при использовании дидактического материала Монтессори.

Дело, конечно, не только в переоценке активности ребенка и в недооценке активности взрослого. Вопрос заключается в том, с какими требованиями подходить к дидактическому процессу и какие ставить перед ним задачи: будет ли дидактический процесс активно вести ребенка, или его задача ограничится выявлением некоторых возможностей детей.

Посмотрим, к каким результатам приводит такой дидактический процесс.

Наиболее четко результаты работы с детьми по такой системе выражены в английских школах для 5—7-летних детей при обучении чтению, письму и счету. До хорошего уровня чтения поднимается небольшая группа детей. Они к семи годам научаются читать довольно сложный текст. Значительная часть детей идет на среднем уровне, т. е. осваивает чтение простого текста. Группа детей численностью в 5—8 человек оказывается неспособной усвоить чтение.

Можно было бы признать эти результаты обычными, т. е. согласиться с тем, что не все дети легко осваивают чтение; одним детям нужно для этого большее количество времени, другим — меньшее.

Однако на основании этих данных дети переводятся в соответствующие группы основной школы: сильные пойдут в группу сильных, слабые — в группу слабых.

Есть ли условия для того, чтобы ребенок преодолел этот барьер? Таких условий нет, так как способ воздействия и на следующих ступенях школы основан на самообучении.

Дидактический процесс, построенный таким образом, выявляет способности детей, их возможности, но не может активизировать развитие детей, вести его и направлять.

То, что ребенок способен достичь путем самообучения, даже на лучших и совершенных средствах, есть далеко не подлинные возможности его развития.

Наше время требует от педагогики ясного ответа на вопрос о том, как более экономно и с большим эффектом подвести молодое поколение к овладению громадным опытом, накопленным человечеством, тем более что темпы этого накопления неизмеримо возрастают.

В связи с этим советская дошкольная педагогика предъявляет определенные требования к средствам образовательной работы в детском саду: необходимо, чтобы эти средства не только соответствовали возрастным особенностям и возможностям детей, но и были достаточно эффективны по отношению к развитию каждого ребенка в группе, поскольку речь идет о педагогике детского сада, об общественном воспитании. Нельзя примириться с тем, что часть детей в группе не будет достаточно развита в определенных областях. Одним из важных требований к средствам образовательной работы, следовательно, будет их действенность по отношению ко всем детям данной группы.

Вполне понятно, насколько важно уяснить тот способ воздействия, который позволит охватить всех детей и при этом учесть разнообразие их способностей.

Мы полагаем, что в образовательной работе с детьми в детском саду наибольшая эффективность принадлежит обучению как такому средству, где взрослый дает детям не только знания и умения, но и самый способ овладения ими, активно воздействуя на детей.

Дети могут приобретать знания и умения в языке, счете, рисовании, конструировании и т. д. только при условии обучения этим видам деятельности. При этих условиях опыт в виде знаний и умений станет достоянием всех детей, окажет влияние на их развитие. Эти задачи не следует связывать с какой-то особой одаренностью

детей. Все нормальные дети способны подняться на определенный уровень развития при обучении со стороны взрослого, если это обучение проводится с опорой на активность детей и с использованием этой активности.

Современная педагогика и психология располагают достаточными данными, чтобы сделать обучающее влияние взрослого гибким.

Но для того чтобы создать такого рода средство, необходимо учитывать особенности психики ребенка, в первую очередь склонность к подражанию и особенности соотношения подражательных и самостоятельных элементов в его деятельности.

И. М. Сеченов пишет: «...Подражательность вообще есть свойство, присущее всем без исключения людям, притом пронизывает всю жизнь... Выясненный в сознании звук или ряд звуков служит для ребенка меркой, к которой он подлаживает свои собственные звуки и как будто не успокаивается до тех пор, пока мерка и ее подобие не станут тождественны»¹.

И. П. Павлов говорит о подражательном рефлексе «...при помощи которого у всех нас в детстве складывается и вырабатывается сложное индивидуальное и социальное поведение»².

Подражание помогает ребенку при усвоении языка, усвоении различных умений. В процессе развития ребенка подражание приобретает более сложный и осознанный характер.

Еще в 30-х годах в связи с рассмотрением тестов Л. С. Выготский ставил вопрос о недооценке роли подражательной деятельности ребенка (школьного возраста), о неправильности ценить только те задачи, которые решаются самостоятельно. «Ребенок в состоянии с помощью подражания в коллективной деятельности, под руководством взрослых, сделать гораздо больше, и притом сделать с пониманием, самостоятельно»³, — пишет он.

В книге А. В. Запорожца «Развитие произвольных движений» (глава «Формирование произвольных движений

¹ Сеченов И. М. Избр. философские и психологические произв. М., 1947, с. 265.

² Павлов И. П. Полн. собр. соч. 2-е изд. М., 1951, т. IV, с. 428.

³ Выготский Л. С. Избр. психологические исследования. М., 1956, с. 447.

путем подражания») рассматриваются характерные особенности этого процесса в связи с обучением. «В подражании обнаруживается, — пишет он, — как нам думается, некое кардинальное противоречие, основная контраверза всякого обучения. С одной стороны, интенсивное руководство, дающее ребенку готовый способ решения задачи, избавляющее его от ошибок и прямо ведущее его к требуемому результату, чрезвычайно облегчает усвоение новых знаний и умений. С другой стороны, лишь известная самостоятельность, самостоятельная ориентировка в предлагаемом содержании может обеспечить должную полноту и глубину этого усвоения»¹.

Дидактический процесс и состоит в том, что взрослый ведет детей определенным путем в усвоении знаний, умений, вызывая у них подражательную деятельность в виде способа овладения материалом.

Но обучение, опираясь на подражательность, должно в то же время развивать и самостоятельность ребенка.

В понимании проявлений самостоятельности детей мы исходили из высказываний К. Д. Ушинского, из опыта работы Л. Н. Толстого в Яснополянской школе над речью детей, из суждений Н. К. Крупской. Мы имели в виду способность высказывать свои суждения, говорить своими словами, реагировать своим способом и т. д. — способность, присущую всем нормально развивающимся детям.

В результате наших опытов стало более ясно место и роль подражательности и самостоятельности в процессе обучения.

Работа по подражанию (образцам) давала детям возможность находить и самостоятельные пути решений — в задачах, рисунках, рассказах; образец давал лишь общее правильное направление решения. Здесь не было «обезьянства», связанного с каким-то стандартом действия и мышления. Возможности детей дошкольного возраста здесь, конечно, в общем невелики, но все же результаты превзошли наши предположения.

Однако все же в понимании детской самостоятельности скрыта до сих пор некоторая переоценка возможностей ребенка. Часто здесь можно столкнуться с самой обыкновенной беспомощностью, которая от взрослого будет скры-

¹ Запорожец А. В. Развитие произвольных движений. М., 1960, с. 256.

та его собственным измышлением о том, что ребенок «что-то задумал» и т. д.

Самостоятельность развивается постепенно и требует серьезной опоры в обучении. Мы имели возможность в течение долгого времени наблюдать развитие детей, питающих склонность к творческим рассказам (детское сочинительство). Но у детей, обучавшихся рассказыванию, очень быстро развивалась эта по существу довольно простая способность.

Нам представляется важным обратить внимание на следующее обстоятельство: дети, не овладевшие работой по подражанию, не могли быть и достаточно самостоятельными. Они могли уклоняться в сторону любого случайно возникшего обстоятельства. Напротив, дети, умеющие подражать, были способны работать по предложенному плану и проявляли в процессе обучения самостоятельность.

Следует иметь в виду еще один очень важный фактор в организации обучения. Взрослый обучает детей в коллективе сверстников, и объектом его влияния является не только каждый ребенок, но и коллектив детей. В таком коллективе представлены, несомненно, дети разных уровней развития, разных возможностей. В процессе обучения создаются широкие возможности для активного влияния детей друг на друга, и если эти возможности правильно использованы, то обучающий детей взрослый получает серьезную поддержку своим усилиям; эффект получается гораздо большим, нежели тогда, когда взрослый работает с одним ребенком. Но это может быть только при том условии, если перед детским коллективом ставятся задачи, объединяющие усилия детей, вызывающие общие переживания и тем самым побуждающие детей к активности.

Обучение при соблюдении всех этих условий требует организованной формы. Такой формой были признаны занятия с целой группой детей, протекающие в определенное время дня.

ВИДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕБЕНКА И ИХ ВОСПИТАТЕЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Воспитательно-образовательный процесс детского сада направлен на решение задач коммунистического воспитания, главной из которых является формирование активной личности, с высокими моральными качествами, высоким уровнем физического и умственного развития.

Исходя из решения этой главной задачи, правомерно так строить педагогический процесс, чтобы ребенок был не только объектом воспитательного и образовательного воздействия, но и активным как личность, мог действовать разнообразным образом, формироваться в процессе активной практики. Для того чтобы провести в жизнь этот важный принцип, необходимо соответственно разработать структуру педагогического процесса.

Ребенок развивается не только путем накопления знаний, получаемых созерцательным путем; громадное значение имеет деятельный путь, направленный на овладение различными умениями, различными формами человеческой деятельности. Это условие должно быть реализовано в педагогическом процессе начиная с ранних ступеней развития ребенка. Чем многообразнее деятельность ребенка, тем многостороннее для него пути познания окружающего и развития своих возможностей.

В общественной среде у ребенка развиваются определенные виды деятельности, которые определяют его взаимоотношения с окружающими людьми и формируют его личность.

Таковыми видами деятельности в дошкольном возрасте являются: игра, начатки труда и учения. В своем сочетании они и составляют образ жизни ребенка-дошкольника, определяют его место в жизни общества, семьи, его развитие. Именно посредством игры, начатков труда и учения ребенок усваивает элементы идеологии, привычки, навыки поведения в доступных для него формах.

В круг общественных факторов развития ребенка входит язык. Всякая деятельность ребенка происходит в общественной среде и включает в себе общение с окружающими. Будет ли ребенок играть, трудиться — все это явится общением с окружающими, а вместе с этим и средством развития языка,

Задачей воспитания и обучения является формирование этих видов деятельности у ребенка, направление их развития, так как речь идет о воспитании человека не только знающего, но и умеющего действовать, приложить свои знания на практике. В ходе игры, труда и учения происходит процесс умственного, нравственного, физического и художественного воспитания и развития. Здесь ребенок приобретает определенные знания, умения, усваивает отношение к окружающему, привычки и навыки общественной жизни. Именно путем развития этих видов деятельности становится возможным решать воспитательно-образовательные задачи, направлять определенным образом детское развитие.

Вопрос о том, как будут представлены в процессе воспитания и обучения в детском саду игра, труд, учение, какие свойства личности будут здесь формироваться, какие знания и умения будут дети получать, приобретает особо важное значение.

Ребенок дошкольного возраста, который может хорошо играть, трудиться, учиться по возможностям своего возраста, может быть назван ребенком воспитанным, имеющим необходимые качества для жизни в обществе взрослых и детей.

Каждый из названных видов деятельности вносит в детское развитие свое, характерное. Вместе с тем из практики воспитания детей хорошо известно, что такая, например, важная задача воспитания, как умственное воспитание, практически осуществляется путем направления и детской игры, и труда, и учения детей. То же самое можно сказать о задаче нравственного воспитания. Ребенок проявляет себя, а значит, и воспитывается в нравственном отношении в игре, в труде, в учении, так как здесь реально складываются отношения детей со взрослыми, друг с другом.

Зная педагогические возможности, заключающиеся в каждом из видов деятельности и в их сочетании, мы можем определить, как правильно в воспитательных целях следует организовать быт детей в детском дошкольном учреждении.

Через игру, труд, учение мы можем осуществить определенное специфическое воспитательное влияние на детей. Но только совокупностью формирования всех этих

видов деятельности — игры, труда, учения — мы достигаем полноценных результатов в развитии личности ребенка.

ИГРА

В детских играх отражается окружающая детей жизнь. Игра органически связана с условиями жизни общества. Ее место в жизни детей, содержание и форма опосредствованно определяются содержанием и формой труда и быта взрослых. В связи с этим детские игры имеют определенное значение для преемственности опыта, привития определенных навыков, правил поведения молодому поколению, вступающему в жизнь.

Советская педагогическая и психологическая теория рассматривает игру как одно из первых проявлений детской самостоятельности, в общении с окружающими, в познании мира, самого себя, в испытании своих разносторонних возможностей. Такое значение игра имеет в период раннего детства и первых школьных лет жизни детей.

Н. К. Крупская характеризует игру как потребность растущего детского организма и подчеркивает ее важное значение в воспитании. «Игра есть потребность растущего детского организма. В игре развиваются физические силы ребенка, тверже делается рука, гибче тело, вернее глаз, развиваются сообразительность, находчивость, инициатива. В игре вырабатываются у ребят организационные навыки, развиваются выдержка, умение взвешивать обстоятельства...»¹.

«Для ребят дошкольного возраста, — говорит она, — игры имеют исключительное значение: игра для них — учеба, игра для них — труд, игра для них — серьезная форма воспитания»².

А. С. Макаренко отмечает исключительно важное значение игры для ранних ступеней развития ребенка, показывает важность воспитания в игре, посредством игры на последующих ступенях. Он рассматривает игру как главное занятие ребенка, которое его интересует и увлекает. А. С. Макаренко говорит о необходимости так руководить детскими играми, чтобы в них были рабочие уси-

¹ Крупская Н. К. Пед. соч. М., 1959, т. 5, с. 94.

² Там же, т. 6, с. 344.

лия — физические и психические, без которых игра не может иметь серьезного воспитательного значения. Игра остается игрой, но в ней воспитываются те навыки различного характера, которые необходимы для работы. Видя в детской игре все те черты, которые характерны и для работы (цель, ответственность и т. д.), А. С. Макаренко отличает игру от работы в том отношении, что игра не обеспечивает участия в общественном производстве, как это делает работа. Только косвенно, путем развития определенных качеств личности игра имеет отношение к тем задачам, которые выполняет труд.

К. Д. Ушинский подчеркивает значение игры как самостоятельной деятельности ребенка, открывающей ему дорогу к преобразованию окружающего, к активному действию. Он пишет: «В действительной жизни дитя не более, как дитя, существо, не имеющее еще никакой самостоятельности, слепо и беззаботно увлекаемое течением жизни; в игре же дитя, уже зреющий человек, пробует свои силы и самостоятельно распоряжается своими же созданиями»¹.

«В ней (игре — А. У.) формируются все стороны души человеческой, его ум, его сердце и его воля, и если говорят, что игры предсказывают будущий характер и будущую судьбу ребенка, то это верно в двойном смысле: не только в игре высказываются склонности ребенка и относительная сила его души, но сама игра имеет большое влияние на развитие детских способностей и склонностей, а следовательно, и на его будущую судьбу»².

Советская педагогика и психология рассматривают игру как деятельность, в которой не только проявляется, но и развивается личность ребенка. Здесь имеются в виду игры, которые не имеют готовой формы, готового содержания, правил. Дети сами придумывают содержание такой игры, сами развивают ее.

Что же определяет эти свободные детские игры? Действительно ли они свободны в смысле независимости от внешних условий и являются продуктом неизвестных нам внутренних тенденций? Игра, понимаемая как свободная деятельность ребенка, свободна от внешней регламентации, от предписания замысла, определенных игровых дей-

¹ Ушинский К. Д. Собр. соч., М., 1950, т. 8, с. 439.

² Там же, т. 10, с. 516.

ствий и положений, форм игры, но она обусловлена отражаемой в ней общественной практикой.

В тех действиях, положениях, ситуациях, ролях, из которых складываются свободные игры, ребенок не свободен в том смысле, что он выполняет их подобно тому, как это осуществляется людьми, им изображаемыми. Это хорошо показал Д. Б. Эльконин экспериментальным путем, раскрывая наличие цели и результата в играх, показывая общественный характер игры как деятельности.

Игровая деятельность заняла определенное место в педагогической системе советского детского сада, так как именно в игре и посредством игры осуществляется формирование детской личности. Вопросы детской игры разрабатываются в педагогическом и психологическом плане с точки зрения выявления ее закономерностей, использования их в целях коммунистического воспитания. Этой задаче отвечает, например, исследование А. В. Черкова «Психологический анализ процесса овладения ребенком нормами общественного поведения на основе игры», книга Р. И. Жуковской «Творческие ролевые игры в детском саду».

Авторы критикуют идеалистическое понимание игры как в самом себе замкнутое явление и противопоставляют ему взгляд на игру как на явление, опосредствованное общественной практикой. В основе подхода к игре лежит принцип целенаправленного, планового руководства ею в целях коммунистического воспитания.

Вопрос этот многосторонне изучен. Не ставя задачу рассматривать и сопоставлять результаты исследований, мы укажем на несколько сходных по теме диссертационных работ, освещающих вопрос об игре как деятельности, обеспечивающей развитие познавательных интересов. Здесь нужно отметить работы Р. М. Римбург «Игра как форма активной познавательной деятельности детей старшего дошкольного возраста», Т. А. Губенко «Творческие игры как фактор умственного воспитания детей дошкольного возраста», П. Г. Саморуковой «Творческие игры как средство ознакомления детей с окружающей общественной жизнью».

Экспериментируя в области свободных игр, изучая опыт детских садов, исследователи показывают значение детских игр, намечают пути, средства и приемы руководства ими.

Интерес детей к игре, ее значение в детской жизни используются в педагогических целях. Для физического развития, для обучения языку, счету, для ознакомления с величиной, цветом, формой и т. д. разрабатываются обучающие (дидактические) игры. Эти игры развивают движения, смекалку, волю, а также мышление, речь и т. п.

Совершенно очевидно, что такие игры уже близки к обучению. Это уже не игра в полном смысле этого слова, а своеобразное учение. Освоение детьми правил в подвижных и дидактических играх влияет на развитие самостоятельных игр. Заметны и значительные изменения в возможностях игры на разных ступенях возраста. «Для более глубокого и систематического усвоения знаний уже недостаточно выделения отдельных познавательных задач, связанных с мотивами игры или практической деятельности, необходимо появление новых познавательных мотивов... с одной стороны, наряду с игрой начинает формироваться новый вид деятельности — учебная деятельность, а с другой — в самой игре появляются такие новообразования, как интеллектуальные игры, головоломки»¹.

Несомненно, что игра содержит в себе большие возможности воспитательного воздействия на детей в дошкольном возрасте: правильно организованной игрой детей подводят к трудовым действиям, к учебным занятиям.

ТРУД

Прогрессивная педагогика всегда отмечала важную роль первых трудовых усилий детей для их развития, для формирования личности. Труд детей дошкольного возраста находится в тесном соединении с игрой, что и обязывает нас рассматривать их во взаимодействии.

О воспитательной роли труда сказано много в советской дошкольной педагогике. Совершенно бесспорно, что уже на дошкольной ступени коммунистическое воспитание невозможно без трудового воспитания, без воспитания уважения к труду как к основе жизни, без воспитания радости, приобретения самых первых трудовых умений.

В детском саду закладываются начатки трудового воспитания. Труд, как известная обязанность, педагогически целесообразен для детей данного возраста. Мы не хотим

¹ Запорожец А. В. Вопросы психологии ребенка дошкольного возраста. М., 1948, с. 85—86.

этим преуменьшить воспитательную ценность трудового примера взрослых. Однако более эффективным является воздействие трудовой деятельности, выполняемой самим ребенком в меру его возможностей.

От детей в дошкольном возрасте можно уже потребовать известных трудовых действий в реальных условиях жизни семьи.

К. Д. Ушинский рассматривал детские игры в тесной связи с детскими неучебными занятиями, с работой детей, которая как бы игрой уже не является, но в то же время имеет в себе и много такого, что характерно для игры. Он отмечает, что грань, отделяющая детскую игру от занятий, от работы, очень условна, что существует много переходов одной деятельности в другую.

«К игре непосредственно примыкают детские *неучебные* занятия, так что нельзя собственно сказать, где начинается занятие и оканчивается игра: копание грядок, посадка цветов, шитье платья кукле, плетение корзинки, рисовка, столярная, переплетная работа и т. п. — столько же игры, сколько и серьезные занятия, и ребенок, работающий с таким наслаждением, что не отличает игры от работы, и переносящий терпеливо лишения, а иногда даже и значительные страдания ради своей игры-работы, указывает нам ясно, что основной закон человеческой природы есть *свободный труд...*»¹.

И все же этот элемент занятия или работы в играх для Ушинского представляется явлением другого качества, не совпадающим с игрой как самостоятельной деятельностью.

Вполне понятно, что именно в этом переплетении свойств и качеств проявляются те особенности личности ребенка, с которыми мы сталкиваемся в практике воспитания. У одних детей эти элементы трудового и игрового поведения скоро и правильно дифференцируются, у других — игровое поведение настолько бывает развито, что нужны серьезные воспитательные усилия, чтобы вызвать эту дифференциацию.

Близкий нашему времени опыт Е. И. Тихеевой указывает на непосредственную связь игры с трудом в дошкольном воспитании. Известна ее формула: «игра — труд, труд — игра». Исходя из такого понимания связи игры и

¹ Ушинский К. Д. Собр. соч. М., 1950, т. 10, с. 518.

труда, Е. И. Тихеева построила педагогический процесс в детском саду. Нужно сказать, что и обучение в методе Тихеевой рассматривалось по принципу включения его в игру-труд.

При рассмотрении этого опыта мы не будем останавливаться на тех формах труда, которые связаны с дежурством, самообслуживанием и в силу этого дают определенные результаты трудового характера. В целях подлинного трудового воспитания обычно не допускается переход таких действий в игру (нельзя одеваться и умываться играя, нельзя мыть посуду играя и т. п.). В опыте Тихеевой все это носило характер труда с нужными для него требованиями (разумеется, в это может быть внесена игровая занимательность в такой мере, чтобы она не затемняла смысл самого труда).

Но Е. И. Тихеева применяла и другой прием, когда дети, «играя», т. е. пользуясь миниатюрной, но подлинной плитой, кухонной посудой, по-настоящему варили кашу, чистили картошку, приносили дрова, затапливали печь и т. д. Это так называемое «игровое оборудование» было фактически настоящими вещами, но в маленьком размере. Собственно это была уже не игра, так как здесь ничего не было условного и ничего не могло условно измениться — огонь в печке был огнем с его характерными свойствами, играть им было нельзя, вода в кастрюле кипела и была горячей и т. п. Словом, все вещи имели свои действительные свойства и с ними необходимо было считаться.

Такого рода связь игры с трудом является связью искусственной. Не случайно, что из в общем популярной системы Е. И. Тихеевой практика не заимствовала и из развила именно опыт такой связи игры с трудом.

Игра не может непосредственно обратиться в труд, как и труд не может прямо стать игрой.

А. С. Макаренко наиболее ясно показал роль игры в развитии детей и раскрыл диалектическую связь ее с трудом. Он пишет: «И вся история отдельного человека как деятеля и работника может быть представлена в развитии игры и в постепенном переходе ее в работу. Этот переход совершается очень медленно. В самом младшем возрасте ребенок преимущественно играет, его рабочие функции очень незначительны и не выходят за пределы самого простого самообслуживания: он начинает самостоятельно

есть, укрываться одеялом, надевать штанишки. Но даже и в эту работу он еще вносит много игры»¹.

Переход игры в работу у детей дошкольного возраста, несомненно, намечается при воспитательном воздействии. Расширяют самообслуживание детей в выполнении некоторых работ, имеющих не учебное, а трудовое значение. Сюда входит поливка цветов, уход за растениями и животными в уголке природы, уборка комнаты, вещей и игрушек, изготовление разных необходимых вещей для себя, для группы — папки для рисунков, подклеивание книг и т. п. Правильная организация детской жизни в детском саду всегда дает много жизненных поводов для того, чтобы дети трудились. Труд это или игра? По своим жизненным задачам такая деятельность, несомненно, является трудовой, но процесс ее выполнения может носить и игровой характер. Дело руководителя использовать эти игровые мотивы, поставить их на службу труда так же, как в ряде случаев, и трудовые мотивы включить в игру.

Важным источником труда детей является подражание труду взрослых. Это стремление мы видим в играх детей, где они подражают маме, готовящей обед, маме — колхозному бригадиру, шоферу, воспитательнице и т. п.

Но для трудового воспитания детей такого подражания труду в играх недостаточно. Важно побуждать детей к доступным им реальным трудовым действиям, необходимость которых вызывается потребностями окружающей детей жизни. Например, надо ухаживать за растениями и животными в уголке природы; надо вскопать весной грядку, для того чтобы посадить овощи; сделать игрушку на елку, папки для рисунков и т. п. — такие дела возникают вновь каждый день.

У самих детей также возникают потребности что-то сделать для игры, чем-то заняться по своей склонности. В такого рода труде реже возникают противоречия между игрой и трудом. В такую работу дети вносят много игровых элементов, она для них отчасти будет и игрой. Только воспитательное воздействие способно удержать детей от перехода к игре, и это относится не только к дошкольному возрасту, но и более старшим возрастным ступеням. Трудовые усилия здесь должны все время поддерживать

¹ Макаренко А. С. Соч. М., 1957, т. IV, с. 373.

ся, в то время как игровые моменты будут вливаться сами собой в силу особенностей возраста детей.

Правильно поставленным трудовое воспитание может считаться тогда, когда дети за доступный им труд будут браться так же охотно, как и за игру.

Изучение детского труда показывает, что дошкольники часто и охотно вносят в него элементы игры. Постоянно встречаясь с этим фактом в жизни, мы должны признать его характерным для развития трудовой деятельности на данной возрастной ступени. Ясно, что педагогика должна встать не на путь борьбы с этим явлением, а на путь использования его. Внося элементы игры в труд, можно значительно повысить эффективность воспитательного воздействия на детей, при помощи игры развить и закрепить трудовые усилия, проявляемые детьми.

Трудовые обязанности, выполняемые детьми, воспитывают в них определенные личностные качества, у детей возникает чувство удовлетворения от выполнения обязанностей, чувство ответственности за порученное дело, развивается самостоятельность.

УЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ И МЕСТО

Из различных взаимоотношений ребенка со взрослыми может быть уже на этой ступени выделена и сформирована деятельность, которую мы назовем учением или учебной деятельностью. Характерным для этой деятельности является усвоение ребенком знаний и умений.

Учебная деятельность не вытекает непосредственно из разнообразных детских игр и не является игрой, а формируется под непосредственным педагогическим воздействием. Можно привести многочисленные примеры из практики, показывающие, насколько дети, хорошо играющие, далеки от того, чтобы выполнять самые простые и вместе с тем основные требования учебной деятельности: слушать и слышать взрослого, следовать его указаниям в овладении познавательным содержанием, навыками, приемами действия.

Практика показывает, что детей в дошкольном возрасте необходимо обучать для того, чтобы они могли овладеть сведениями и навыками, важными для их правильного развития на данной ступени, и подготовиться к школе.

Учение в жизни ребенка есть особая деятельность, формирующаяся под влиянием организованных занятий. Опыт показывает, что, как бы игра ни учила детей сама по себе и как бы мы ни прилагали усилия к тому, чтобы в формах игры решить ряд важных учебных задач, часто возникает противоречие между тем содержанием, которое надо дать детям, и формой игры.

Например, будет чем-то крайне искусственным обучать детей в детском саду рисованию только посредством игры или делать это же в отношении ознакомления с предметами и явлениями окружающего. Всестороннее развитие ребенка не может быть обеспечено полностью только игрой.

Вопрос этот был поставлен в свое время К. Д. Ушинским, когда он говорил о том, что серьезное, под которым он понимал для детей учение, нужно отделить от игры. Как известно, К. Д. Ушинский и игру считал для детей серьезной деятельностью. И все же он находил нужным отделить учение от игры. Это отделение игры от учения было сделано им в целях правильного проведения самого учения.

Психология игры и психология учения уже на этой возрастной ступени различны. Однако это не исключает связей, переходов, сходства и даже противоречий, которые существуют во взаимном влиянии игры и учения на личность ребенка.

Нужно сказать, что сама практика воспитания ведет детей по пути постепенной, но неизбежной дифференциации игры и учения. Учение как деятельность детей, направленная к цели, выдвинутой воспитателем, только на первых порах переплетается с игрой. Но скоро начинают преобладать мотивы учения (сделать, выполнить).

Установившееся отношение детей к занятиям позволяет им легко переходить от игры к занятию. Мы предполагали значительные затруднения в этом отношении и думали даже ограничить число игрушек, которыми дети могли пользоваться до занятий (исключить гремящие игрушки, подвижные и т. п.). Но эта мера оказалась ненужной, так как дети вскоре спокойно могли оставлять игры, переходить к занятиям, а затем также спокойно снова к ним возвращаться. Переход этот происходил естественно. Такое отношение детей к занятиям возможно лишь тогда, когда они интересны для детей, когда

у них появляется потребность в познавательной деятельности.

Учебная деятельность требует особой психологической установки ребенка. Больше, чем все другие виды деятельности, она основана на развитии у ребенка дошкольного возраста познавательного отношения к действительности. В процессе учебной деятельности ребенок усваивает известные знания, умения, научается слушать и слышать, смотреть и видеть — становится более собранным, более организованным, чаще это встречается у детей, способных управлять своим поведением. Надо отметить также, что обучение развивает у ребенка способность откликаться на воздействие взрослого.

Интересно сопоставить наши выводы с тем, что в этом отношении достигалось при работе детей с дидактическим самообучающим материалом Монтессори. В ее книгах, более чем в каких-либо других, показана деятельность детей в процессе такой работы. Не только ее выводы, но и описанные ею факты убеждают в том, что у детей развивается довольно устойчивое внимание, сконцентрированное на процессе учебной работы. Это очень важно отметить, так как часто, определяя степень развития внимания ребенка в том или ином возрасте, рассматривают его изолированно от той деятельности, в которой оно протекает.

Из сопоставления фактов, полученных нами и описанных Монтессори, можно сделать вывод, что в них есть много сходного. Но есть и глубокое различие. Дети, воспитанные на самообучающем дидактическом материале, не способны воспринимать обучающее воздействие взрослого, этому они, естественно, не научились, так как такое поведение и не формировалось. Поэтому Монтессори считает, что дети не способны обучаться в обычной школе, и предпринимает работу по перестройке школы в духе идей самовоспитания и самообучения¹.

Можно было бы продолжить этот сравнительный анализ и указать на то, что у Монтессори дети не обладают активной самостоятельностью, что они способны действовать в очень узкой сфере и т. д.

Говоря об обучении как особом средстве влияния на детей, мы связываем результаты его воспитательного вли-

¹ Монтессори М. Самовоспитание и самообучение в начальной школе. М., 1922.

яния не только с определенными знаниями и умениями, которые могут здесь приобрести дети, но и с усвоением способа их приобретения; не только с тем, что у ребенка при этом лучше будет развито внимание, восприятие, память; но и с тем, что все эти отдельные психические качества дадут более обобщенное выражение определенного типа деятельности (учебной).

Поэтому на вопрос о том, может ли нужная образовательная работа с детьми дошкольного возраста быть проделана в их трудовой деятельности и в играх, мы можем ответить утвердительно, но с тем примечанием, что дети при этом не овладевают самим способом приобретения знаний и умений.

* * *

Игра, доступный труд, учение, которым дети дошкольного возраста овладевают в самых его элементарных формах, способны сформировать все необходимые черты поведения и психики ребенка.

Следовательно, основная структура педагогического процесса детского сада должна опираться на названные нами виды деятельности, в целом дающие детям разностороннее и полноценное содержание жизни. Но каждый из этих видов деятельности своеобразен, обладает своими особыми качествами и потому оказывает свое, ничем не заменимое влияние. То, что и труд, и игра, и учение оказывают специфическое влияние на личность ребенка, обязывает так строить педагогический процесс, чтобы характерные особенности этих видов деятельности были в достаточной мере развиты и использованы в воспитательных целях.

Поэтому встает важный вопрос о тех воспитательных задачах, решение которых целесообразно связывать с развитием той или иной деятельности. (Мы не разделяем той точки зрения, что у хорошего воспитателя всякий путь окажется хорошим.)

Рассмотрение и научное изучение вопроса о соответствии воспитательно-образовательных задач характеру детской деятельности имеет большое теоретическое и практическое значение. В педагогической теории это позволит объективно установить воспитательные возможности каждого вида деятельности, а в практике определится ясная программа действий воспитателя.

Таким образом, связывая воспитательно-образовательные задачи и их решение с развитием разносторонней детской деятельности, мы можем структуру педагогического процесса в детском саду представить следующим образом:

1) игра и связанные с ней воспитательно-образовательные задачи;

2) труд и связанные с ним воспитательно-образовательные задачи;

3) учебная деятельность и связанные с ней воспитательно-образовательные задачи.

Очень интересным для педагогики является вопрос о тех подлинных, жизненных возможностях, которые существуют в той или иной деятельности — в труде, игре, учении, а еще более — в сочетании всех тех возможностей, которые здесь имеются.

Использование этих возможностей составляет в настоящее время одну из главнейших задач педагогической практики.

Педагогический процесс, не развивающий учебной деятельности ребенка, не опирающийся на нее, не может выполнить многих важных и жизненных задач воспитания.

ФОРМИРОВАНИЕ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕБЕНКА И ЕЕ ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ

Учебная деятельность в дошкольном возрасте, несомненно, представляет собой труд, но труд своеобразный, отличающийся от труда по самообслуживанию и помощи взрослым.

В настоящее время, когда обучение в детском саду стало широко применяться на практике, к нему часто предъявляют самые разнообразные требования, подчас даже универсального характера. Поэтому особенно важно выяснить те объективные воспитательно-образовательные возможности, которыми обладает обучение как средство воспитания. Разумеется, мы далеки от той мысли, что нами выяснены все свойства обучения, что их характеристика исчерпана. Такое мнение было бы глубоко ошибочным. Обучение все время совершенствуется в широком и плодотворном русле практики наших детских садов.

Мы не приписываем обучению значение универсального средства, способного осуществлять все разнообразные задачи дошкольного воспитания.

Характерной, специфической чертой дошкольного обучения мы считаем формирование у детей учебной деятельности как нового способа их действия, отличающегося по своему характеру и мотивам от игры, труда и самообслуживания.

Исследуемый нами вопрос имеет непосредственное отношение к детскому развитию и связанным с ним проблемам. Борьба советской педагогики за высокий уровень развития детей — это часть общей борьбы советского общества за всесторонне развитого человека.

НЕВОСПРИИМЧИВОСТЬ ДЕТЕЙ К ОБУЧЕНИЮ И ЕЕ ПРИЧИНЫ

Прежде чем перейти к характеристике того, как под влиянием обучения формируется учебная деятельность

детей в дошкольном возрасте, необходимо охарактеризовать явление «необучаемости» детей.

Об этих фактах следует сказать подробно, так как, во-первых, они имели значительное распространение и, во-вторых, объяснение этих фактов было различно.

Как показал наш опыт, явление невосприимчивости детей к обучению являлось следствием неправильной методики предыдущего воспитательного влияния, основанной на предоставлении детям свободы в путях и способах действия, на идее «детского творчества».

Практика показывает, что каждое воспитательное воздействие отражается на детях с большей или меньшей силой, глубиной и прочностью, образуя навыки, привычки, черты поведения. Это относится не только к системе воспитательных влияний в целом, но и к отдельным звеньям этой системы, к конкретным приемам, способам.

В системе воспитательной работы детского сада оказалось такое звено, воспитательное влияние которого активно развивало у детей невосприимчивость к прямому, обучающему воздействию взрослого.

Невосприимчивость к обучению, своеобразная «необучаемость» детей выражалась в том, что дети воспринимали активно только часть указаний, а именно «что надо делать». Вторая же и самая существенная часть обучающего воздействия «как делать» не воспринималась детьми. «Как нужно сказать, расположить, сосчитать» — такое указание оставалось вне поля внимания большинства детей в группе.

Дети забывали то, что надо сделать, отвлекались, выполняли что-либо другое и совершенно равнодушно проходили мимо того, к чему привлекали их внимание и что они даже внимательно слушали. На призывы воспитателя дети говорили: «не знаю», «не умею», «я, как у Веры» и т. п. Механическое подражание друг другу и беспомощные попытки собственного «творчества» в итоге создавали видимость деятельности.

Характерно, что дети совсем не обращались к воспитателю с вопросами по содержанию работы, а только просили карандаш, бумагу и т. п. То, что дети делали, не имело никакого, или почти никакого, отношения к требуемому. Эти факты наблюдались во всех возрастных группах детского сада: младшей, средней и старшей. На всех возрастных ступенях обозначился резкий отрыв деятельности

детей от деятельности воспитателя, замыкание их в собственном опыте, подражание друг другу.

В начале обучения для большинства детей в группе, как правило, было характерно следующее: 1) дети слушают указания воспитателя, но придерживаются их при выполнении задания только условно; 2) самоконтроль осуществляется при помощи сравнения с работой других детей; 3) дети подражают друг другу; 4) результаты работы не соответствуют требуемому.

Вполне понятно, что при таком отношении детей не могло быть речи о том, чтобы они воспринимали те знания и умения, которые им давались. Их деятельность шла по другому руслу.

Только несколько детей в группе составляли исключение и воспринимали обучающее воздействие воспитателя, но их было так мало, что это не меняло общей картины.

Перед тем как изменить методику с целью «смягчения» обучающего воздействия вследствие отрицательного отношения детей, мы провели последний опыт в младшей группе. Этот опыт дал новые результаты и побудил нас обратить внимание на характер предшествующего педагогического влияния на детей в детском саду.

Группе детей (10 человек) в возрасте четырех лет было предложено «наклеить на бумагу один синий кружок и много красных». Шестеро детей посещали детский сад второй год, а четверо только поступили в группу. Понятие «один» и «много» было знакомо всем детям. Различать цвета они тоже умели.

Результаты этого опыта были следующими. Все шестеро детей не руководствовались указанием, как надо сделать (задача на счет и цвет), а свободно расположили цветные кружки в виде различных орнаментов.

Четверо детей, только что поступивших в группу, руководствовались тем способом, который был им предложен, и наклеили один синий кружок и несколько красных.

Несмотря на одинаковый возраст, дети обнаружили резко различное отношение к обучающим указаниям.

Следовательно, явление «невосприимчивости» нельзя было отнести к возрастным особенностям детей. Причину надо было искать в той методике воспитания, воздействию которой дети ежедневно подвергались в детском саду.

В тот период (в 1945—1950 гг.) педагогическая работа в детских садах строилась в основном по методу «зада-

ний». Методика эта имела универсальное значение, поскольку ее применение охватывало различные стороны педагогического процесса детского сада.

Задания давались прежде всего на обязательных занятиях и применялись к рисованию, лепке, рассказыванию, счету. Они относились также к уборке игрушек, уголка природы.

В чем заключалась сущность этого метода?

В методическом письме «Воспитательная работа в старшей группе в связи с подготовкой к школе» (1943) говорилось, что задания могут быть разного характера. Одни задания должны давать возможность детям широко проявить свою инициативу и творчество. «Все рисуют кто что хочет, но только про зиму», — говорит воспитательница. Тема «Зима» достаточно обширна, и каждый ребенок может вспомнить те образы, которые его особенно захватили, а также соответствуют его изобразительным умениям.

Другие задания направлены на то, чтобы систематизировать, обобщать опыт детей, они требуют выявления существенных признаков, сравнения, например задание рассказать по картинке «про зиму и про лето».

Следует давать иногда и более узкие темы, которые требуют особенной сосредоточенности, внимания, точности исполнения. Например, задание нарисовать зиму в парке или вылепить лошадь, вырезать из бумаги определенную фигуру.

Воспитательные задачи, возлагаемые на методику заданий, состоят в том, что они (задания) способствуют воспитанию у детей целеустремленности, умения сосредоточить внимание на том, что предложено воспитателем, привычку выполнять его требования. Задания приучают детей держаться в более четко очерченных рамках и требуют от них умственного напряжения и усилий воли.

Темы заданий могут быть различными: одни из них дают детям возможность широко проявить свою инициативу и творчество; другие — систематизировать и обобщать опыт детей; и, наконец, самые «узкие темы» позволяют детям сосредоточиться на выполнении отдельных действий.

Как видно, здесь ничего не говорится о том, что дети должны получать какие-либо знания и умения от воспитателя, да это и понятно, так как данная методика направ-

лена на самостоятельное добывание детьми сведений, умений. Задача воспитателя сводится к тому, чтобы организовать обстановку для занятия, дать детям материал, тему и в дальнейшем предоставить им полную свободу.

Воспитатель может давать детям советы, спрашивать, поощрять, использовать работы, хорошо выполненные отдельными детьми, показывать их для поощрения, вызывать хорошо рассказывающих детей, чтобы остальные следовали их примеру. Словом, опора делается на детские образцы, что еще раз подчеркивает принципиальную невозможность для воспитателя давать детям требуемые программой знания и умения.

Необходимо отметить направленность этой методики на воспитание различных свободных форм поведения: дети сами определяли свой замысел на занятиях, сами выбирали путь его исполнения. В том случае, если давалось какое-то направление (тема), то оно имело настолько общий характер, что почти совпадало со свободным выбором. Эта полная отстраненность воспитателя от активных действий по отношению к детям закреплялась установкой на непедагогичность какой-либо регламентации действий детей показом, примером действия (или слова) самого воспитателя. Если вопрос о том, что надо делать (рисовать, лепить и т. д.), воспитатель мог решить сам, то подсказывать, как сделать, как сказать считалось мерой, нарушающей процесс детского творчества. Отсюда ясно, насколько способ действия при методике заданий детей был свободным от какой-либо регламентации.

Сравнивая метод заданий с обучением, легко увидеть, что способы педагогического воздействия в том и другом виде работы с детьми резко различны. В задании детям предоставляется свобода действий в замысле и в его исполнении в пределах широкой темы. В обучении ребенка ведут по пути усвоения знаний и умений из пояснений и показа, практики исполнения.

Вполне понятно, что в первом случае детям почти не приходится себя в чем-либо сдерживать. В обучении же все поведение ребенка основано на том, что он должен сосредоточиться на данном явлении, действии, отвлечься от всего постороннего, идти указанным путем.

Таким образом, факты отрицательного отношения детей к обучению мы могли непосредственно связать с системой предшествующего воспитательного влияния,

У детей вырабатывалась привычка воспринимать от воспитателя только общее направление — «что делать». Требование выполнять работу определенным способом было для детей совершенно новой, для некоторых из них трудно выполнимой задачей. Именно то главное, что есть в обучении и что требует от детей определенной деятельности — слышать воспитателя и действовать по его предложению, т. е. по пояснению, показу, образцу, проходило мимо сознания детей вследствие своей крайней непривычности. Дети действовали привычным для них способом, выработанным, закрепленным предыдущим воспитательным влиянием.

Совершенно ясно, что нет никаких оснований связывать эти явления с тем, что дети «не хотели», «не слушались», «не подчинялись» и т. п. Объяснение этого явления лежит в механизмах высшей нервной деятельности ребенка. И. П. Павлов говорит следующее: «Очевидно, наше воспитание, обучение, дисциплинирование всякого рода, всевозможные привычки представляют собой длинные ряды условных рефлексов. Кто не знает, как установленные приобретенные связи известных условий, т. е. определенных раздражений, с нашими действиями упорно воспроизводятся сами собой, часто даже несмотря на нарочитое противодействие с нашей стороны? Это одинаково касается как производства тех или других действий, так и выработанного их задерживания, т. е. как положительных, так и отрицательных рефлексов. Известно далее, как иногда нелегко развить нужное торможение в случае как отдельных лишних движений при играх, при манипуляциях в разных искусствах, так и действий. Точно так же практика давно научила, как исполнение трудных задач достигается только постепенными и осторожными подходами к ним. Все знают, как экстренные раздражения задерживают и расстраивают хорошо налаженную обычную деятельность и как путает и затрудняет изменение раз установленного порядка движений, действий и целого уклада жизни»¹.

Объяснив невосприимчивость детей к обучению резкой сменой одного воспитательного влияния другим, мы встали перед новыми вопросами: каким образом старое влияние уступит дорогу новому влиянию. Предстояла

¹ Павлов И. П. Избр. труды. М., 1951, с. 409.

трудная задача — перестроить поведение детей, изменить их отношение к словам и действиям воспитателя, это и должно было открыть дорогу новому воспитательному влиянию.

УРОВНИ РАЗВИТИЯ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Переход детей от старого типа поведения к новому занимает известное время. Новые нервные связи возникают, развиваются и закрепляются только постепенно. Условием для их закрепления является планомерное обучение детей, проводимое в строго установленное время дня в детском саду.

Практика показывает, что дети только постепенно начинают пользоваться тем способом действия, который им указывает воспитатель.

Поэтому важно в первый период наглядно показать детям предлагаемый им путь, а также и удачно выполненные работы. Для этого процесс обучения дополняется или анализом детских работ, который проводит воспитательница, или, что еще лучше и действеннее для детей, наглядным сравнением выполненной каждым ребенком работы с образцом (рисунком, конструкцией, лепкой и т. д.). На отдельном столе помещается образец, и детям предлагается около него поместить те работы, где сделано «так же».

Опыт показывает, что дети очень вдумчиво и с большим интересом сравнивают свою работу с образцом и почти никогда не ошибаются в ее оценке, часто подмечая даже малозаметные расхождения. Обычно сравнивается не только своя работа: можно наблюдать целые группки детей, совместно сравнивающие работы друг друга (средняя и старшая группы).

В ходе опытов накопился большой материал, дающий возможность видеть конкретные признаки овладения учебной деятельностью у детей средней и старшей групп. Условно мы их распределили по трем уровням, характеризующим различную степень развития.

К первому уровню были отнесены дети, активно применяющие даваемые им указания в своей работе на занятиях, они спрашивали непонятное, правильно оценивали свою работу и достигали определенных результатов. Важно отметить при этом отсутствие механической подражательности другим детям.

Второй уровень более слабый. Здесь все признаки овладения учебной деятельностью еще нестойки. Но вместе с тем дети уже могут обучаться, хотя и возможны всякие отклонения.

Третий уровень характеризуется чисто внешней общей дисциплинированностью на занятии, но без каких-либо признаков учебной деятельности.

Более подробно признаки этих трех уровней даны в таблице 1.

Обращаясь к количественным показателям таблицы, необходимо отметить, что дети средней группы быстрее

Таблица 1

Уровни развития учебной деятельности
у детей дошкольного возраста

У р о в н и		
I	II	III
1. Слушают указания.	1. Слушают указания, условно придерживаются их в работе.	1. Слушают указания, но как бы не слышат.
2. Руководствуются ими в работе.	2. Самоконтроль неустойчив, осуществляется через работу других детей.	2. Не руководствуются ими в работе.
3. В случае непонимания задают вопросы.	3. При выполнении работы склонны к подражанию другим детям.	3. К оценке нечувствительны.
4. Правильно оценивают работу других.	4. Результаты условны,	4. Результата не достигают,
5. Правильно оценивают собственную работу.		
6. Достигают нужных результатов,		
15	Средняя группа 8	5
10	Старшая группа 12	7

Примечание. Цифры обозначают количество детей, находящихся на том или ином уровне развития учебной деятельности.

идут по пути усвоения учебной деятельности. Здесь к первому уровню отнесено 15 детей, ко второму — 8 и к третьему — 5. В старшей группе дети резко разделяются на две неравные части. Только десять детей в группе идут на первом уровне. Большинство же детей в группе идет на втором и даже третьем уровне. Более младший возраст оказался восприимчивее к влиянию обучения; дети этого возраста быстрее освоили требования обучения, оказались более подвижными в выработке умений заниматься. Массовая проверка в детских садах подтвердила эти выводы.

Эти факты служат подтверждением тому, что слабая обучаемость детей является не следствием возраста, а результатом предыдущего воспитательного воздействия, которое в старшей группе было более длительным и создало у детей более прочные привычки.

В свете учения И. П. Павлова о динамическом стереотипе становится понятной та задержка, с которой идет эта перестройка деятельности.

«Старый стереотип, — говорит Павлов, — держится некоторое время, а затем уступает место новому, т. е. при повторении одного раздражителя получается, наконец, однообразный эффект. Но этим роль старого стереотипа, если он был хорошо зафиксирован, не кончается. Если теперь последний раздражитель не применяется некоторое время и затем вновь пробуются, то мы имеем не новый стереотип, а опять старый. Следовательно, имеется некоторое наложение стереотипов и соперничество между ними»¹.

Таким образом, факты полной или слабой невосприимчивости детей к обучению имеют временное значение. Если начинать обучение детей с младшей группы, такие факты представляют уже редкое явление.

ПОЯВЛЕНИЕ САМОКОНТРОЛЯ И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Важным этапом в развитии учебной деятельности является возникновение у ребенка самоконтроля, т. е. способности сравнивать свои действия (и слова) с тем, чему его обучают.

¹ Павлов И. П. Избр. труды. М., 1951, с. 306.

Ребенок начинает контролировать себя, свою работу, руководствуясь данным ему пояснением и показом. Такой самоконтроль является основой для развития у детей внимательности к самому процессу работы. Часто можно наблюдать, что, прежде чем начать рисовать, строить, ребенок делает паузу и уже затем приступает к делу. Самоконтроль вызывает существенные изменения в способе действия детей, в их психике. Теперь дети не только «слушают» указания, но и «слышат», руководствуются ими в своей работе. Мы намеренно подчеркиваем отличие способности «слушать» от способности «слышать». Способность «слушать» у детей связана часто с чисто внешней организованностью, обусловленной правильно поставленной воспитательной работой в детском саду. Способность «слышать» глубже захватывает личность ребенка и связана с реакциями взрослого — ребенок задает вопросы, просит что-то пересказать, объяснить и т. д. В средней группе возникают такие просьбы: «Покажите еще» (при конструировании, рисовании), «Я не слышал, как сказать...». В старшей группе дети уже более подробно спрашивают о том, как надо сделать, сказать.

Эти факты говорят о том, что у детей появляется интерес к выполняемой работе, что они выполняют ее не из чисто внешнего послушания. Появление самоконтроля является самым значительным фактом в ряду тех, которые показывают изменения, происходящие в сознании и поведении ребенка под влиянием обучения.

В психике ребенка происходит существенный сдвиг, устраняется так часто встречающаяся механическая подражательность друг другу. Те дети, у которых начал развиваться самоконтроль, действуют самостоятельно, опираясь на пояснение и показ, на них уже не влияет пример неправильного действия соседа.

Появление таких новых свойств в поведении, как сосредоточенность, самостоятельность действий, непосредственно зависит от практики обучения и связано с самоконтролем. Дети уже не нуждаются в дисциплинирующих указаниях, в напоминаниях о том, что нужно быть внимательными, сосредоточенными и т. п. — сам процесс обучения оказывает дисциплинирующее влияние на детей, на их поведение. Поэтому когда речь идет о какой-то отдельной «воспитательной работе» для достижения сосредоточенности внимания, организованности, то потребность

в ней может возникнуть только в результате неправильно поставленного обучения. При правильно организованном обучении дети бывают внимательны как во время пояснения и показа, так и в ходе своей работы.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ СЛУЧАИ ПРОТЕКАНИЯ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕТЕЙ

Особое внимание должно быть обращено на сложные случаи индивидуального характера, связанные с типом нервной системы; случаи, когда перестройка происходит у ребенка медленно и с большими трудностями (капризы, отказы и т. п.). В этих случаях не нужно фиксировать внимание ребенка на ошибках, невыполнении, а спокойно предлагать ему продолжать работу. Такое отношение к ребенку дает всегда более положительные результаты.

Эти обстоятельства необходимо учитывать на первых этапах обучения, так как освоение обучения связано с трудностями перестройки. Эта перестройка у одних детей протекает проще, у других — сложнее.

Мы наблюдали поведение трех детей в возрасте шести лет (старшая группа) на протяжении 105 занятий в течение четырех месяцев их обучения. Дети эти были выбраны нами по признаку той или иной уравновешенности в поведении.

Юра С. в большинстве случаев крайне возбудим.

Таня Ю. — ребенок уравновешенный.

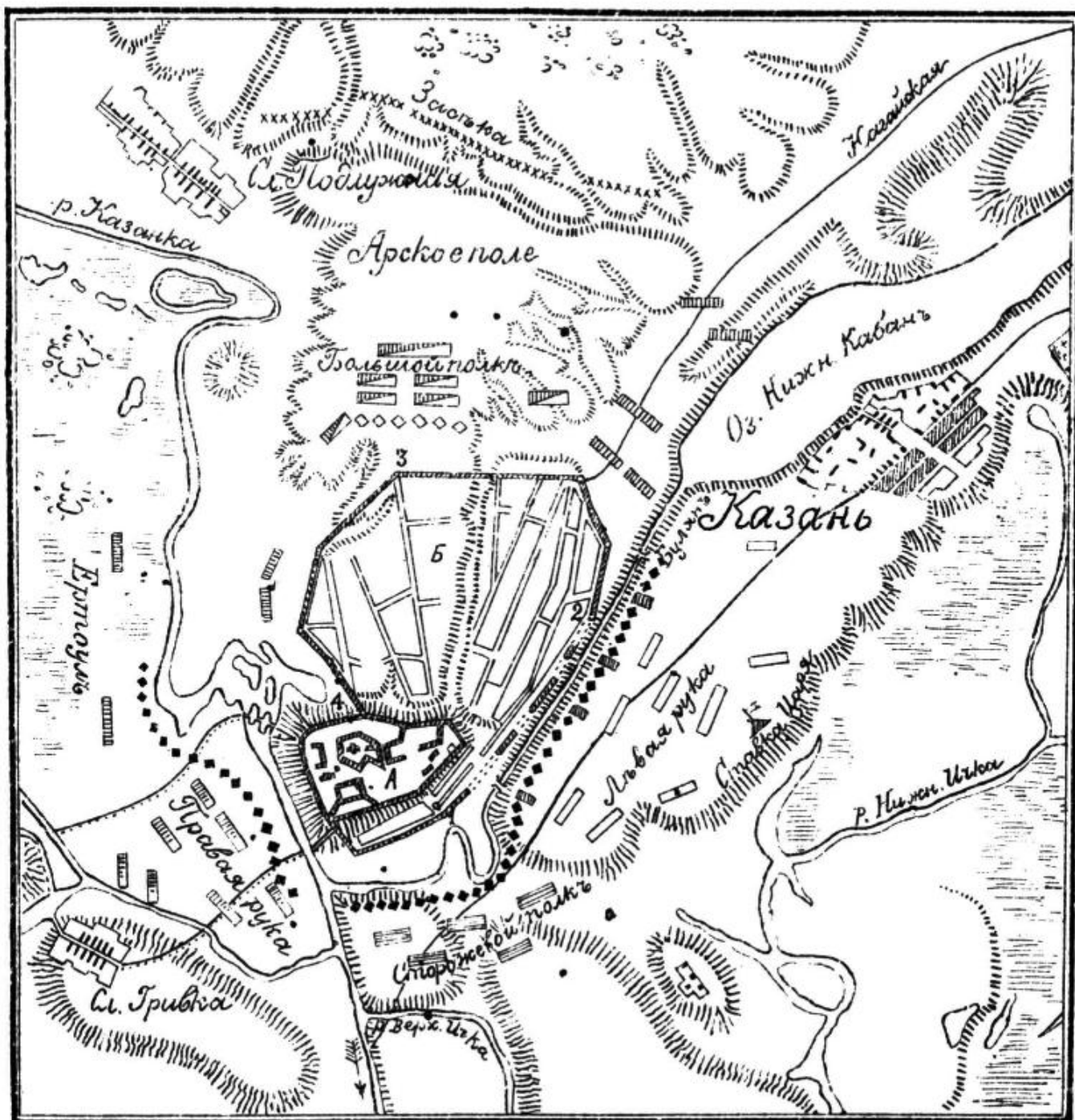
Валерик К. возбудим, но управляет собой довольно хорошо.

Юра С. значительный период времени отказывался от работы, затем начал что-то выполнять на занятии, но не по указаниям; и только на 27-м занятии (т. е. через 3 месяца) он стал работать по указаниям и даже проявлять себя творчески. Весь апрель отмечен колебаниями в его учебной деятельности — он так или иначе отходит от работы по указаниям.

В то же время развитие учебной деятельности у его сверстников идет куда более ровно и успешно при наличии некоторых индивидуальных проявлений.

У Тани Ю. формирование учебной деятельности протекало довольно ровно. После короткого промежутка слабого восприятия указаний в первый месяц работы поведение выравнивается. Она начинает выполнять работу по

Планъ осады г. Казани въ 1552 г.

А, Крепость.
Б, Городъ.

1, Атамыковы ворота.
2, Царскія ворота.

3, Арскія ворота.
4, Елбугины.

указаниям и быстро поднимается до уровня творческой, инициативной работы. Конечно, этот процесс развертывается далеко не гладко, заметно, что и этому ребенку с трудом дается овладение новым методом работы.

Таня в начале года на занятиях держалась очень самоуверенно, всегда хотела отвечать первой, получать похвалы от воспитателя. Работала по указаниям правильно, но не любила вмешательства, не терпела замечаний. Всякое замечание встречала бурно, отодвигала работу в сторону. На замечания «смеешься, разговариваешь» девочка отвечала сопротивлением, старалась чем-либо проявить свое недовольство, хотя бы ногтями поцарапать по столу или стулу. Работы ее — рисунки и т. д. — были хорошими. В дальнейшем при анализе ее работ она уже не сердилась, а старалась понять и исправить ошибки.

В апреле выполняет работу самостоятельно, спокойно, редко разговаривает с соседями по столу. Затруднения в работе еще продолжают вызывать раздражение, но перевес берет настойчивость в преодолении трудностей, работы заканчивает. Добивается точности и аккуратности выполнения. Интересуется оценкой воспитателя, детей.

У Валерика К. развитие учебной деятельности проходило в спокойном плане, ребенок в короткое время начал работать по указаниям, через известный промежуток времени перешел к активному использованию указаний.

Валерий очень заинтересовался рисованием. Способен был над рисунком просиживать часами; то же можно сказать и об играх по своему замыслу. Быстро полюбил задачки по счету, рассказывание и осваивал учебную деятельность в связи с острым интересом к содержанию занятий.

Как мы уже говорили, освоение детьми нового типа работы было связано с ломкой старого стереотипа и выработкой нового. Как показывают наблюдения, дается это детям, особенно Юре С., нелегко.

Юра С. отличался общей неуравновешенностью, крайне слабым развитием тормозных процессов, слишком большим, даже для этого возраста, преобладанием возбуждательного процесса над тормозным. Поэтому для данного ребенка задача перестройки была крайне трудной.

Если принять во внимание, что через несколько месяцев эти дети должны пойти в школу, то легко предвидеть, какое затруднение для школы представит Юра С., у ко-

того природная слабость нервной системы еще усугублена неправильным педагогическим воздействием. У мальчика были отмечены серьезные срывы — капризы, упрямство, слезы, хотя по принятому нами правилу мы не допускали в процессе обучения каких-либо замечаний о невыполнении, а содействовали только тому, чтобы ребенок сличал свою работу с работой других.

Мальчик хотел заниматься, но давалось ему это трудно. Умственное развитие у него было хорошее, но навыками планомерной умственной работы он овладевал с большим трудом.

Процесс перестройки сопровождался у него отрицательными эмоциональными переживаниями: недовольством, неудовлетворенностью, досадой, капризами.

Причины указанных нами явлений можно понять по данным проф. Красногорского. Он пишет, что основная причина кортикальных неврозов — это конфликты между раздражительным и тормозным процессом. Конфликты возникают, если ребенку приходится быстро тормозить какую-нибудь условную или безусловную деятельность или если он внезапно переходит из глубокого тормозного состояния в интенсивное возбуждение. Функциональные кортикальные расстройства развиваются у детей при решении каких-либо трудных тормозных задач, как, например, при выработке тонких дифференциаций, при сильно отставленных рефлексах и при условных торможениях интенсивных подкорковых рефлексов и т. д.

Физиология этих конфликтов и условия, при которых они возникают, должны быть известны не только врачу, но и тем, кто принимает участие в воспитании детей.

Таким образом, было не случайным то обстоятельство, что при исследовании обучения много внимания пришлось уделять вопросу о самой деятельности детей, их поведению, проникнуть в причины не только такого, часто непонятного, но беспрерывно повторяющегося явления, как полная или частичная «глухота» детей к тому, что им поясняется, но также и случаям острой борьбы ребенка с самим собой.

Характерно, что Юра С. первоначально свои неудачи относил за счет воспитателя, потом видел причину их в детях (помешали, сказали, толкнули) и только позднее относил их к самому себе. Этот период был периодом особенно острых переживаний для Юры.

СТАНОВЛЕНИЕ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В одни и те же периоды времени в течение нескольких лет нами было зафиксировано хорошее состояние учебной деятельности: высокая организованность детей, интерес к занятию, способность проделать определенную работу.

Приведем записи, характеризующие процесс обучения на занятиях.

4/1 (средняя группа). Переход от игры к занятиям спокоен и почти не заметен для присутствующих. Дисциплинирующих указаний — никаких. Разумная дисциплина. Дети считают (4+1) и наклеивают кружки по счету. Занятия длятся 28 минут, и дети не полностью заканчивают работу из-за ее технической сложности. Работали дети сосредоточенно, самостоятельно. Самостоятельность проявлялась в сосчитывании без подражания другим, отмеривании, расположении на бумаге кружков.

16/1. В средней группе проявления активности у детей иные, чем в старшей группе. Нет еще активного отношения к работе других детей.

12/1. Занятия родным языком. Дети быстро восприняли как содержание предложенного образца рассказа, так и его форму (Л. Н. Толстой. «Был у Пети и Васи конь»). Образец был предложен для развития своего по замыслу содержания, но в виде данного сюжета. Дети составляли рассказы о птицах, собаках, избегая рассказывать о детях. Воспитательница объясняет это тем, что самый факт ссоры они восприняли отрицательно. Вообще же мораль данного рассказа нас не удовлетворяет... Хотелось бы рассказать о дружбе. Но, может быть, надо разбирать и отрицательные факты, чтобы их предупреждать. Дети работали прекрасно. Они способны слушать друг друга, большинство детей активно участвует в работе.

Сходные показатели были обнаружены в работе другой средней группы.

15/1 (средняя группа). По первому указанию дети размещаются за столами. Не все дети умеют слушать указания. Вова, Люся, Галя, Тома обращались за разъяснением к соседке, но не к воспитательнице. Новый мальчик прослушал указания, как склеить коробку, не понял, заплакал. 18 детей в группе выполнили работу, пользуясь указаниями.

25/1. На занятии детям было предложено упражнение в зрительном определении количества одинаковых предметов и наклеивании полученного числа.

18 детей правильно выполнили работу. Все дети легко определяют число предметов (4), без ошибок воспроизводят в наклеивании. Двое детей наклеили вместо четырех 5 предметов (нужны дальнейшие упражнения).

29/I. Начало занятий несколько запоздало, потому что воспитательница говорит с детьми о том, где и кто сидит во время занятий.

Воспитательница. Вот Люба стоит около меня, она опять забыла свое место. Посмотри, Люба, вот твое место. (Наступает тишина. Все сели.)

Воспитательница. Вы будете штриховать. Нужно будет закрасить середину этого рисунка вот так (показывает на доске).

Полная, ничем не прерываемая тишина.

Дети следят за действиями воспитательницы.

Воспитательница. Вот так надо вести, сверху вниз... (показывает). Чтобы было красиво, нужно сделать ровно.

Как видно из этих записей, дети проявляют устойчивые черты учебной деятельности при самом разнообразном ее содержании. В группе выделяются своим поведением только вновь поступившие дети. Они действительно оказываются в трудных условиях, так как уровень развития учебной деятельности детей в группе уже настолько отличается от обычных навыков, что такие дети попросту не понимают происходящего. Разумеется, это надо всегда учитывать.

Опыт проведения обучения в старшей группе во второй половине года позволил отметить уже в значительной мере сформированную учебную деятельность детей.

24/IV. Занятия прошли в установленное время, при очень организованном поведении детей. Дети внимательно выслушивают воспитателя, высказывания детей, следят за общей работой в группе. Участвуют в общем ходе дела, вникают в его смысл. Как и на предыдущих занятиях, детям не приходится делать замечаний в отношении дисциплины, внимания. В виде дополнений к рассказу высказалось 14 детей.

25/IV. Дети способны выполнять работу по указаниям в течение двух 25-минутных занятий. Перерыв между занятиями вполне целесообразен.

27/IV. Был отмечен следующий факт во взаимоотношениях детей друг с другом: они активно следят за работой товарищей в общей работе (кто из детей что и как рассказывает, показывает и др.). Это для детей тоже умственная работа. Теперь старшие дети следят друг за другом, вносят поправки, сами контролируют свою деятельность. У многих возникает желание повторить работу, если она не совершенна, но такое повторение пока еще не удается детям.

В опыте обучения в старшей группе было впервые отмечено такое явление, как способность детей «сразу», т. е. без описанной ранее длительной перестройки, включаться в учебную деятельность.

Эти дети, подготовленные обучением в средней группе, в старшей группе проявляют себя вполне положительно.

Последовательное развитие обучения начиная с младшей группы обеспечивает планомерное формирование учебной деятельности у детей. При этих условиях дети «сразу» воспринимают обучение. Все описанные ранее явления в виде крайне запоздалых сроков в развитии учебной деятельности, отказа от нее исчезают. Учебная деятельность, разумеется в ее характерных чертах для данного возраста, развивается ровно.

В таблицах 2 и 3 представлены показатели, относящиеся к переходу детей из первой младшей группы во вторую младшую группу (октябрь) и из средней группы в старшую. По этим данным можно судить о том, что было сделано в первой младшей и в средней группах.

Во второй младшей группе дети вполне справляются с работой на занятиях, в подавляющем большинстве выполняют ее, слышат указания и руководствуются ими.

Таблица 2

Наклеивание на квадрате цветных кружков
(2-я младшая группа. После объяснения и показа образец остается перед детьми)

Руководствуются указаниями в работе, достигают результата самостоятельно (I уровень)	Время пребывания в детском саду	Придерживаются указаний условно. Подражательность как опора (II уровень)
Юра А.	1 г.	Миша Г. в детском саду 2 мес. Слушал внимательно, взял все 5 кружков, но расположил их на квадрате неверно. Соседка Надя З. говорит ему: «Не так». Миша посмотрел, как расположены кружки у соседей, и положил правильно. Вова В. в детском саду 2 мес. Сидел минут 8 и ничего не сделал, не решался. Когда дети наклеили свои коврики, он сам выложил узор и наклеил правильно. В процессе занятия воспитатель несколько раз предлагала ему сделать коврик.
Рома А.	1 г.	
Алла Г.	6 мес.	
Надя З.	1 г.	
Вова Ж.	1 г.	
Вова Л.	1 г.	
Галя М.	1 г.	
Вова М.	1 г.	
Инна П.	1,5 г.	
Сергей Р.	1 г.	
Галя С.	1,5 г.	
Оля Щ.	1 г. 4 мес.	
Лена Х.	1 г.	
Мила С.	1 г.	
Толя Б.	1,5 г.	

У детей в различных возрастных группах по-разному проявляется способность следить за тем, соответствуют ли действия товарищей указаниям, спрашивать и т. д. Но общее их поведение характеризует довольно хорошо развитую учебную деятельность.

Только двое детей (табл. 2), недавно пришедших в детский сад, отклоняются от правильного хода выполнения работы, но все же они ее ведут.

Детей, которым обучение было бы недоступно, нет.

Таким образом, в результате работы с детьми в течение года у них были сформированы те качества, которые характерны для учебной деятельности.

Данные по старшей группе (табл. 3) были получены так же в середине октября. Они показывают, что навыки работы на занятиях дети получили, будучи в средней группе, и с ними пришли в старшую группу.

Из 30 детей 24 выполняют работу на I уровне. Они слушают и слышат воспитателя, контролируют себя, достигают результата. Четверо детей, из которых трое были в детском саду только на протяжении месяца, выполняют учебную работу на II уровне, т. е. придерживаются указаний условно, подражают другим детям. Это вполне понятно, так как для приобретения этого навыка учебной работы нужно время и упражнения.

Значит, если прибегнуть к обучению начиная с трехлетнего возраста, то формирование у детей учебной деятельности идет планомерно, спокойно, как бы совпадая с возрастным ходом развития.

Первый уровень состояния учебной деятельности становится господствующим, в то же время второй уровень является скорее исключением. Третий уровень почти отсутствует.

Приведенные данные относятся к характеристике достижений детей в младшей и средней группах и характеризуют ту основу, на которой будет строиться работа в старшей группе.

Обучение, начатое с трехлетнего возраста, обеспечивает нужное направление развития детей, укрепляет определенный тип поведения. При этих условиях (мы имеем в виду отсутствие тех помех, которые создавались методикой заданий) обучение дети воспринимают сразу.

Опыт показывает, что обучаемость как способность детей воспринять от взрослого способ действия, мышле-

Поделка стула из бумаги
(Старшая группа)

Руководствуются указаниями в работе, достигают результатов	Время пребывания в детском саду	Слушают указания, придерживаются их условно. Подражательность как опора	Слушают указания, но работают по-своему. Результаты не достигают
Надя А. Андрюша А. Вера А. Катя Б.	3 г. 3 г. 1/2 г.	Таня С. (в детсаду 14 дней). Сложила 12 квадратов (вместо 16), отрезала полосу, но соответствие частей нарушила.	
Игорь Б. Сима Б. Коля Б. Ира В. Неля И. Петя К. Гена К. Витя М. Нипа П. Толя П. Вова Р. Славик Р.	3 г. 1 г. 1 г. 3 г. 1 г. 3 г. 3 г. 3 г. 3 г. 3 г. 3 г.	Жора М. (в детсаду 1 мес.). Выкройку приготовил, способ складывания не запомнил. Галя А. (в детсаду 12 дней). Слушала внимательно пояснение, работала неуверенно, смотрела на действия детей, обращалась все время к воспитательнице	Коля Д. (в детсаду 1,5 мес.). Был в 6 детсадах. Объяснения не слушает, отрезает две полосы подряд, портит выкройку, как складывать, не слышал, не знает.
Наташа Р. Валя С. Оля Т. Галя Ф. Ияна Х. Нина Ч. Сереза К. Рая К.	1 г. 3 г. 1 г. 3 г. 3 г. 3 г. 3 г. 3 г.	Вова Н. (в детсаду 3 г., перешел из интернатной группы в основную). Выкройку выполнил, складывание и склеивание сделал неправильно. Результата нет.	

ния, а вместе с ним и определенные знания и умения является такой способностью, которая характеризует процесс нормального детского развития с первых моментов осуществления того или иного обучения. Эта способность (как возможность) может остаться в неразвитом виде, может быть заглушена воспитательными влияниями такого характера, о котором мы писали. Но она может и, несомненно, должна быть использована на данной ступени возраста с целью направления развития. В итоге рассмотрения данных о тех навыках работы, которые полу-

чают дети дошкольного возраста при методике заданий на занятиях, и тех, которые они приобретают в условиях обучения на занятиях, можно увидеть резкие различия. Мы убеждаемся в том, что при помощи методики заданий нельзя привить детям самые элементарные умения заниматься, у детей не вырабатываются такие качества психики, как организованное внимание произвольного характера и т. д. Поэтому детям необычайно трудны всякие произвольные действия: выслушать указания и действовать по ним, направить свою речь и т. д.

Исследование характера работы детей при обучении открывает нам те новые черты, которые развились в сознании и поведении детей и которые в целом представляют известный стереотип, характерный для всех детей, следовательно, показывающий не индивидуальные проявления, а качества, общие для всех детей в группе. Эти качества резко отличают обучаемых детей от тех, которые воспитывались по методике заданий. При наличии сходных показателей, таких, как квалифицированно протекающий процесс воспитания в группе, содержательность воспитательной работы, дисциплинированность и организованность детей, наблюдаются различия, обусловленные характером воспитательного воздействия.

Дети, которых обучали, умеют работать по указаниям воспитателя, сознательно относятся к работе и сознательно ее выполняют, проявляют самоконтроль (что исключает подражание друг другу), обладают инициативой, активно овладевают знаниями и умениями.

Дети, с которыми образовательная работа проводилась при помощи методики заданий, будучи поставлены в условия обучения, не воспринимают предложенный способ действия (на всех ступенях возраста), не способны действовать самостоятельно в этих условиях, — словом, не обладают всеми теми чертами, которые характеризуют учебную деятельность.

О РОЛИ ОПОСРЕДСТВОВАННОГО ОПЫТА В РАЗВИТИИ ДЕТЕЙ НА СТУПЕНИ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

С формированием у детей учебной деятельности мы связываем усвоение ими таких знаний и умений, которые относятся к опыту опосредствованному, т. е. такому опы-

ту, который вносится взрослыми и не приобретает детьми самостоятельно.

Некоторые полагают, что развитие детей в дошкольном возрасте идет только путем непосредственного опыта. Здесь имеет место прямая переоценка роли детского опыта. Если стоять на этой точке зрения, т. е. связывать умения только с непосредственным опытом, который дети приобретают в играх, в труде, в общении с окружающими их людьми, то, разумеется, ничем не оправданным является требование развития у детей учебной деятельности. При этих условиях она смысла не имеет.

Мы имеем возможность рассмотреть вопрос о знаниях и умениях у детей на конкретном материале при обучении детей языку и при расширении их знаний об окружающем. Этот материал составляет значительную часть содержания обучения и стоит на одном из первых мест по его значению для развития детей на дошкольной ступени.

Успехи в развитии языка, достигаемые при обучении детей, уже способны были бы оправдать значение обучения в дошкольном воспитании. Если к этому присоединить достижения в развитии конструктивных умений и знаний, в развитии графических навыков и накопление опыта, то станет совершенно очевидным, что обучение способно поднять развитие детей на более высокий уровень.

Дошкольное обучение характерно тем, что количественные показатели (в знаниях и умениях) очень незначительны, круг знаний и умений, которым обучают детей в детском саду, невелик, но здесь дело не в количестве знаний и умений, а в том, какую роль они играют в развитии ребенка.

Из непосредственного ознакомления с предметами и явлениями дети не могут извлечь тех знаний, которые представляются целесообразными с точки зрения воспитания детей на данной ступени.

При обучении ознакомление с предметами, людьми, явлениями определенным образом направляется, организуется; выделяется то, что нужно, чтобы узнали дети; даются способы лучшего, более полного и глубокого восприятия, предусматриваются переходы от простого к сложному и т. д.

Е. И. Тихеева предложила воспользоваться «экскурсиями» по помещению детского сада для того, чтобы ознакомить детей с вещами, их названиями, видами, назна-

чением. Это предложение было подвергнуто резкой критике. Е. И. Тихееву обвинили в том, что она искусственно делает то, что дети естественно проделали сами. Прошел ряд лет, как сделаны были эти предложения. Уже в условиях обучения воспитатели детских садов на практике убеждаются в том, что соприкосновение ребенка с предметами совсем не гарантирует познания целого ряда свойств предметов и явлений.

Необходимо считаться с особенностями восприятия и мышления детей-дошкольников. Конкретный и образный характер их мышления обязывает нас вести ознакомление так, чтобы в нем все было основано на восприятии. Но конкретность детского мышления совсем не исключает известных, доступных детям элементов отвлеченных знаний.

Как известно, беседы Одоевского с детьми дошкольного возраста по содержанию касались игр с куклами, а цель их была — научить детей различать явления живого и неживого.

Из практического детского опыта, правильно организованного, можно сделать доступные для детей выводы и обобщения, поднять этот опыт на более высокий уровень. В тех пояснениях, рассказах, указаниях, которые делает воспитатель, и заключаются эти высшие познавательные моменты, раскрываются для детей связи и отношения между предметами или явлениями.

Ребенок забрасывает взрослого вопросами, распутывая по своим силам сложное сплетение обстоятельств и условий, в котором он видит людей, предметы, явления природы. Вполне понятно, что навстречу этому познавательному процессу должно идти руководство им со стороны взрослых. Эту задачу помогает выполнять детская художественная литература, широко используя художественное слово и образ.

Из опыта повседневной жизни дети выносят определенные представления, знания. Этот опыт дополняется в детском саду дидактически организованным опытом.

Непосредственное восприятие детьми явлений природы, например наступления зимы и связанных с нею изменений в природе, в жизни людей, направленное нами в нужную сторону, фиксирует в сознании детей известные обобщения, связи.

На основе опыта, наблюдений, рассказов, чтения книг

дети овладевают определенным кругом сведений, знаний. Группа детей в возрасте от пяти до шести лет (средняя группа) на основе организованного ранее наблюдения зимних явлений (замораживания воды, осмотра котельной и т. д.) обнаружила такую осведомленность.

Воспитательница. Дети, вспомним, что мы делали зимой.

В а л я. Зимой делали бабу... катались на санках... на лыжах.

Ю р а. На коньках катались, в снежки играли.

С л а в а. Мы катали много больших снежков, делали как бы ступеньки, потом поливали и ходили по ним.

В о л о д я. Ставили подальше и поближе и прыгали.

Воспитательница. Почему у нас получались большие снежки? Кто помнит?

Ж е н я. Потому что снег мокрый прилипал и прилипал, и снежки стали больше.

Д е т и. Сухой снег бывает. Он не прилипает.

— Он рассыпается...

— Если варежку стряхнуть, то она мокрой не бывает.

— А если подержать снег в варежке, то она станет мокрой...

Воспитательница. Дети, как узнают, что пришла зима?

К о л я. Мне папа сказал.

Воспитательница. А папа почему узнал?

В е р а. На работе сказали.

Д е т и. Ты сам мог узнать.

Ж е н я. Я еще спал и не видел.

Воспитательница. Люба, а ты как узнала о зиме?

Л ю б а. Я видела, как снег падал.

Т а м а р а. А весной тоже иногда снег падает.

Д е т и. Нападает и скоро тает.

— Падает в грязь и тает.

— Полежит до вечера и тает.

Т а м а р а. Листья ржавые (пауза)... и снег начнет падать, а потом тает.

Воспитательница. Это когда бывает?

Д е т и. Осенью.

Воспитательница. Весной и осенью бывает так, что выпадает снежок и скоро растает. А зимой как?

В о л о д я. Зимой выйдешь, на улице сугробы. Везде снег.

Д е т и. Зима любит снег...

— Зимой много снега.

— Зимой снега целые сугробы.

Воспитательница. Подумайте, дети, как еще мы узнавали, что зима наступила?

Т о м а. Зимой пустые деревья и травы нет...

Н а д я. Солнышко другое, не тепло.

Т а н я. День короткий, солнышко уходит в другое место...

К о л я. К другим людям. В другие страны.

С е р е ж а. Я по деревьям узнаю: если нет листьев — значит, зима.

Воспитательница. Вы, наверное, знаете, как из воды получается лед. Мы сами делали.

Д е т и. Взяли все дети по блюдечку, положили по ниточке и налили воды с разной краской.

— Красной, синей... зеленой... получилась разная вода.

— Потом блюдце отнесли на террасу, где спим, поставили под кровати.

— Когда встали, из воды стал лед разноцветный.

— Когда за ниточки взяли — стали льдышки разноцветные. У меня была красная.

А потом играли на улице. В снег их ставили.

В о с п и т а т е л ь н и ц а. Можно сейчас так сделать — воду заморозить?

Д е т и. Нет.

— Тепло сейчас, вода не замерзнет.

— Так и будет стоять в блюдцах под кроватями.

— Как «стоять», разве у нее ноги есть?

В о с п и т а т е л ь н и ц а. Так говорят — вода стоит, вода стоячая. В пруду вода стоит, а в речке — течет. А в блюдце вода так и останется сейчас, как вода, из нее льда не получится. Чтобы стал лед, должен быть холод. Где мы видали много льда?

Д е т и. На Чистых прудах.

— Там люди катались.

— И дети кагались.

— На коньках катались.

В о с п и т а т е л ь н и ц а. Откуда же там лед взялся?

Д е т и. Вода замерзла.

— Летом там вода.

— Зимой от холода замерзла.

В о с п и т а т е л ь н и ц а. Вот дети говорили, что вода замерзает от холода. Людям холодно зимой, что же они делают, чтобы им зимой было тепло? Мы с вами тоже про это узнали, и дети могут рассказать. Мы увидели и узнали, что же люди делают, чтобы им не холодно было?

Д е т и. Печки топят. Шубы теплые надевают.

В о с п и т а т е л ь н и ц а. Правильно.

Ю р а. В комнатах батареи, а на кухне печка.

В о л о д я. В котельной уголь кладут и воду пускают в батареи.

Н о л и к. Я у тети Розы ходил в котельную, видел, как делают.

В о с п и т а т е л ь н и ц а. Как же делают?

Н о л и к. Уголь кладут в котел.

В о с п и т а т е л ь н и ц а. Разве уголь в котел кладут? В котле воду нагревают.

Д е т и. Уголь в печку кладут, а печка воду греет в котле.

Т а н я. В котельной все шумит, шумит.

В о с п и т а т е л ь н и ц а. Ну вот, теперь вы знаете, чем отличается зима от весны и от осени. Зимой снегу много и он не тает, а лежит на земле все время. Вода замерзает. Мороз, холодно. Люди, чтобы уберечься от холода, теплые шубы надевают, печи топят. Вспомним стихи о зиме. Кто помнит стихотворение о снеге, как снег покрывает всю землю?

Таким образом, правильно развитый и организованный чувственный опыт детей, сопровождаемый пояснениями

взрослого, поднимает развитие детей на новый уровень. Разнородные сведения объединяются, выясняются причины и следствия. В итоге определяется известный круг явлений, в котором ориентируются дети на уровне доступных для них возможностей.

Знания о том, как общаются между собой люди, о том, что такое почта, телеграф, были получены детьми старшей группы из экскурсии на почтамт и из собственной практики. Они писали и отправляли письма, получали газеты, письма (старшая группа).

Рассказы детей о почте были вызваны отъездом воспитательницы. Это сказалось на форме рассказов.

Воспитательница. Дети, все советские рабочие, учителя, инженеры каждый год отдыхают. Вот и я поеду в дом отдыха в город Анапу, далеко от Москвы. Мне захочется узнать, как вы живете, как дружите. Напишите мне письмо. Я буду очень рада его получить. Как же письмо дойдет до меня, после того как вы попросите его написать, запечатаете в конверт, напишите мой адрес и опустите в почтовый ящик?

— Когда мы напишем вам письмо, мы попросим шофера на нашей машине отвезти письмо и опустить в почтовый ящик.

— Мы напишем вам письмо, все дети. Попросим Е. В. написать на конверте адрес и опустить письмо в почтовый ящик.

— Письма сначала кладут в почтовый ящик. Наше письмо к вам тоже положат в почтовый ящик и т. п.

Дети знают, что из почтового ящика письма возьмут на почту. Они видели, как это делается, и рассказывают подробно.

— К почтовому ящику приехала небольшая почтовая машина, и из машины вышел почтальон с большой сумкой на ремне. Он подошел к почтовому ящику, открыл его, поставил сумку и из почтового ящика посыпались письма. Он подъехал к другому ящику по этой улице и еще к одному ящику подъехал, пока со всего своего района не собрал письма. Потом он привез письма на почту.

— К ящику приедет почтовая машина за письмами. Выйдет почтальон, откроет снизу почтового ящика дощечку, и письма прямо упадут в мешок. Он сядет в машину и поедет с письмами на почту.

В тех или иных словах и выражениях повторяется то, что видели дети, о чем они вполне конкретно знают. Дети узнали и теперь помнят, что на почте письма отправляют по адресам.

Одни дети кратко, а другие с большими подробностями (как результат наглядного ознакомления) обнаруживают эти знания.

— А на почте уже другие служащие ждали и очень аккуратно читали адреса и распределяли письма по разным городам. Прочитали: «В Анапу», — это наше письмо было.

— Он все письмо отдаст на стол. Там тетя ставит штампы. Прочитает адрес и там его в другое отделение отдаст.

— Ваше письмо попадет на почту. На почте письма прочитают (смеется и поправляется) — адреса... и скажут: «Это письмо не в Москву, это в Анапу». В Анапу было много писем.

— На почте эти письма начали разбирать — куда, в какой город.

Дети узнали, усвоили и запомнили, что с почты письма перевозят в другой город, село, снова на почту. Этот процесс дети представляют по детской литературе, рассказам воспитателя, у некоторых, видимо, есть и непосредственные наблюдения.

— Его (письмо) положили в машину и повезли на вокзал. Потом перегрузили в почтовый вагон. Поезд повез все письма. Когда поезд остановился на станции, подъехали вагонетки к почтовому вагону, и стали из вагона разгружать письма и повезли на почту, а на почте разложили письма по ящикам. Пришли письмоносцы, взяли письма из ящиков в свои сумки.

— Дальше письмо поедет на машине на вокзал, и его положат в почтовый ящик. Поезд помчится в Анапу. Потом он остановится. Быстро отдадут письма в Анапу и повезут на почту.

— Читали на письмах адреса служащие, и если написали — «воздушной почтой», то они отправляли письма на аэродром.

В своих рассказах дети отмечают существенные моменты. Все дети опираются на тот организованный опыт, который им был дан при ознакомлении с работой почты. Индивидуальная переработка этого опыта сказывается у одних детей в более тщательном воспроизведении подробностей, у других — в известных обобщениях.

Подобного рода данные можно привести и по другим разделам организованного ознакомления детей с окружающей их жизнью.

Необходимо отметить роль языка в этом процессе. Родной язык составляет неотъемлемую сторону ознакомления: детям дается слово-название в тесной связи с воздействием самого предмета на сознание детей. Таким образом, у детей на прочной основе чувственного опыта идет накопление слов-названий, слов-обозначений.

Так как воспитатель пользуется всеми богатствами родного языка при ознакомлении детей с окружающей жизнью (рассказывает, читает, спрашивает и т. п.), то дети усваивают и разнообразные свойства родного языка, практически пользуются им — высказываются, спрашивают, читают стихи, рассказывают. Таким образом, озна-

комление с окружающим и усвоение родного языка представляет собой единый процесс.

ОБУЧЕНИЕ ЯЗЫКУ ¹

Овладение языком в раннем и дошкольном возрасте приобретает большое значение в свете марксистского учения о тесной связи языка и мышления, о языке как средстве общения и выражения мыслей.

Вполне понятно, что процесс освоения сложившегося языка идет в определенных возрастных закономерностях. Зная закономерности овладения русским языком у русских детей дошкольного возраста, мы имеем все данные для того, чтобы определить наше вмешательство, наметить, чему нужно обучать в эти годы жизни. При этих условиях объективно идущий процесс усвоения детьми языка, слышимого ими в жизненных условиях, дополняется обучением.

Укажем на одно чрезвычайно важное дидактическое обстоятельство, отмеченное еще К. Д. Ушинским: постоянные поправки речи детей (а они неизбежны, так как дети только овладевают еще языком) остаются либо совсем не замеченными детьми, так как они всегда делаются попутно, либо надоедают детям. Обучение детей дает возможность предупредить типичные ошибки в языке и тем самым освободить воспитателя от этой заботы, а ребенка от замечаний. Конечно, из этого правила бывают исключения, но сам по себе процесс обучения языку уже служит гарантией правильного его развития.

Опыт показал, что уже с трехлетнего возраста у детей формируется правильная структура речи. Дети могут правильно, понятно для других выразить словесно свои мысли, дать понятное объяснение, рассказать что-либо. Процесс обучения языку не может быть отделен от того объема знаний, который дети приобретают в непосредственном речевом общении со взрослыми. Только на фоне речевого развития детей может быть достигнут и успех в обучении.

¹ В советской дошкольной педагогике Е. И. Тихеевой принадлежит первый опыт в разработке вопросов обучения языку. Однако ее теория и практика столкнулись с сильным влиянием прагматической педагогики в период до 30-х годов, и поэтому этот опыт не был использован в практике детских садов.

И вместе с тем обучение вносит в речевое развитие детей такие качества, которые в обычных условиях развиваются слабо, с большими индивидуальными колебаниями.

Советские дети — дети общительные, но не всем детям на ступени дошкольных лет жизни легко дается все то, что связано с развитием языка. В детских группах наблюдаются самые различные вариации затруднений, испытываемых детьми. Планомерное воздействие на речь детей путем обучения, учитывающее закономерности ее развития, облегчает формирование речи.

Дидактическим путем происходит внесение того, что в непосредственном опыте детей не представлено, но что им посильно по возрасту: в младшей группе дети могут рассказывать по картинке, в средней группе возможны уже рассказы из опыта, пересказы литературного текста, окончание рассказа, начатого другим, и т. п., в старшей группе — пересказ литературных текстов, самостоятельные рассказы по плану и свободные рассказы. Этим достигается довольно высокий уровень развития связной речи, в соответствии с возможностями возраста.

Самостоятельно дети не могут овладеть умением рассказывать, их высказывания наполнены лишними словами, слова часто замещаются жестами.

Рассказ о своей деятельности открывает большие возможности для развития этого умения (средняя группа).

Приведем запись занятия.

Воспитательница. Дети, нужно сегодня сделать уборку в группе. Надо будет перетереть наши новые столы, стулья, шкафы, скамейки — это мебель. Перетереть всю кукольную мебель (перечисляет). Надо будет перемыть кукольную посуду — чайную и кухонную. Надо выстирать постельное белье (для куклы) — простыни, наволочки, пододеяльники... Работы много, но и нас много. Одни дети будут вытирать мебель, другие — мыть посуду, третьи — стирать белье.

Сережа. А зачем уборку делать?

Воспитательница. Чтобы порядок был у нас.

Тамара. Потому что праздник будет.

Воспитательница. Не только потому, что праздник, а надо в группе прибирать постоянно, чтобы был порядок и чистота.

Дети распределяются группами и оживленно трудятся. После выполнения работы дети дают пояснения-рассказы.

Воспитательница. Дети, совсем недавно мы убрали в группе. Надо подумать и припомнить, кто что делал. Сначала расскажут те дети, которые вытирали столы и стулья, очень ли гряз-

ные, пыльные были некоторые стулья? Как вы их вытирали и чисто ли у вас получилось? Володя, Слава, Нолик, идите сюда и рассказывайте.

Слава. Я вытирал стулья (пауза). Мы ставили стулья вот туда (показывает).

Дети. Куда — туда?

Слава. Как вытрем стульчик, так туда ставим.

Воспитательница. В сторонку чистые стулья отставляли. А что ты у стульев вытирал, Слава?

Слава. Ножки, сиденье, перекладины.

Воспитательница. Что же ты делал, чтобы не было пыли?

Слава. Вытирал их тряпкой.

Воспитательница. А ты, Володя, что делал?

Володя. Вытирал шкаф.

Воспитательница. Какой же ты шкаф вытирал?

Володя. С игрушками и для пособий.

Воспитательница. Что же ты вытирал со шкафов?

Володя. Пыль.

Воспитательница. Нолик, что ты делал?

Нолик. Стулья вытирал. Пять вытер.

Валя. Он плохо тряпку держал вначале, а потом научился.

Воспитательница. А ты, Валя, что делал?

Валя. Я перетирал стулья: на чем сидят, ножки, спинки, перекладины. А потом стол стал вытирать: доску, ножки, перекладины.

Воспитательница (к детям). Что же они вытерли и привели в порядок? Как это называется все вместе: и столы, и стулья, и шкафы?

Дети. Мебель.

Воспитательница. Всю ли мебель они перетерли?

Дети. Нет. Они не вытерли ваш стол письменный стол, столик под аквариумом, картины.

Воспитательница. Картины не мебель.

Из опыта, в данном случае дидактически направленного, дети приобрели более четкие представления о предметах и о том общем названии, которым они объединяются. Нельзя думать об устойчивости этих знаний, но все же можно видеть, что некоторые представления уже сложились и дети их обозначают словами.

Воспитательница. Послушаем, что расскажут Галя, Тома, Маргарита.

Галя. Мыла чайную посуду, тарелки (пауза).

Воспитательница. Блюдца. Что еще?

Галя. Чашки, чайник.

Воспитательница. Расскажи, как ты их мыла?

Галя. Они были грязные и потом стали чистые.

Воспитательница. Как же это получилось?

Галя. Мыла их в теплой воде, потом вытирала полотенцем.

Воспитательница. А кто мыл кухонную посуду?

Маргарита. Я вытирала тряпочкой.

Воспитательница. Что же ты вытирала?

(Маргарита молчит.)

Воспитательница. Пойди, принеси то, что вытирала.

(Маргарита идет к шкафу с игрушками и быстро возвращается, неся в руках кукольную посуду.)

Воспитательница. Показывай и говори, что ты вытирала.

Маргарита (показывая). Кастрюлю, крышку от кастрюли.

Воспитательница. Еще что?

Маргарита. Сковородку.

Воспитательница. Теперь выйдут и расскажут другие дети про другую работу.

Выходят шесть человек.

Воспитательница. Как у нас много было прачек. Это все прачки? Тамара, расскажи.

Тамара. Я стирала кукольное белье.

Воспитательница. Расскажи, что из кукольного белья ты стирала и как это делала?

Тамара. Сняла с кукол чепчики, рубашки, трусы. Потом налила воды холодной и немного горячей. Потом мы все белье положили (пауза)... в таз и начали стирать.

Воспитательница. Как же ты стирала?

Тамара. Намылила мылом и стирала вот так (показывает).

Рита. Я стирала наволочки, полотенца, простыни и пододеяльники.

Воспитательница. Постельное кукольное белье.

Рита. Да. Я их стирала с мылом, выжимала и еще стирала. Потом налила чистой воды.

— Зачем чистой воды?

Рита. Чтобы чистое белье было. А то очень грязная вода стала.

— Что же из постельного белья было самое грязное?

Рита. Простыни.

Тамара. А у меня рубашки.

Воспитательница. Да, Тамара стирала носильное кукольное белье.

Рита. Потом мы все белье полоскали, крепко отжали и повесили в умывальной на веревочке.

Рассматривая данную запись, нужно отметить разный уровень высказываний детей. Одни дают пояснения одним-двумя словами, другие способны более подробно описать свои действия и в некоторой мере их проанализировать. Нужно иметь в виду, что никакой дидактической задачи в речевом отношении перед детьми не ставилось. Задача «рассказать» не включала каких-либо требований к рассказу. Поэтому этот опыт не дает полного представления о речевых возможностях детей.

Значительно изменяются результаты под влиянием обучения, направленного на развитие речи.

В процессе обучения дети средней группы достигают значительных успехов в запоминании и воспроизведении

по памяти небольшого по объему и близкого по содержанию текста.

Рассказ для чтения «Была весна» был прочитан детям дважды. Затем дети воспроизводят этот рассказ.

Ш у р и к. Была весна, таял снег, текли ручьи, Коля пускал кораблики. Вдруг у Коли над головой что-то зашумело, Коля поднял голову кверху и подумал, что это птица, а это был самолет. Он загляделся на самолет, а кораблики уплыли.

Кто-то из детей поправляет: «Вверху, а он сказал — над головой зашумело».

В о с п и т а т е л ь н и ц а. Хорошо, правильная поправка. Дима, расскажи ты.

Д и м а. Была весна, снег таял, бежали ручьи. Вдруг над головой...

Д е т и. Вверху...

Д и м а. Вдруг над головой (поправляясь)... вверху, вот уже над головой...

В о с п и т а т е л ь н и ц а. Что над головой?

Д и м а. Летит птица.

В о с п и т а т е л ь н и ц а. Коля подумал, что летит птица.

Д и м а. А это был самолет. Коля загляделся на самолет, а кораблики уплыли.

(Слышны голоса: «Я расскажу», «Потом я».)

В о с п и т а т е л ь н и ц а. Оля, расскажи ты.

О л я. Была весна, снег таял. Коля пускал кораблики и услышал что-то там шумит. Он думал, что это птица. Загляделся он на самолет. А это был самолет, а кораблики-то и уплыли.

М и ш а. Была весна, снег таял. Коля пускал кораблики. Вдруг загудело около него. Вот он посмотрел, а над головой самолет летит. Вот он засмотрелся на самолет, а кораблики уплыли.

С в е т л а н а. Пришла весна, снег таял, текли ручьи. Коля пускал кораблики. Вдруг зашумело над Колиной головой. Он посмотрел, а кораблики ушли.

В о с п и т а т е л ь н и ц а. Куда он посмотрел, Светлана?

С в е т л а н а. Вверх.

В о с п и т а т е л ь н и ц а. Что неправильно сказала Светлана? (Все молчат.)

В о с п и т а т е л ь н и ц а. Светлана сказала «ушли», а надо «уплыли».

Д и м а. Была весна, снег таял, текли ручьи. Коля пускал по воде корабли. Вдруг что-то загудело над его головой, загудело. Коля думал, что это птица. Поглядел — это был самолет. Коля на кораблики посмотрел, а кораблики уплыли.

Способность детей пересказывать готовый текст рассказа подготовлена предшествующей дидактической работой с ними.

В старшем дошкольном возрасте детям становится вполне доступна связная, грамматически правильная, последовательная форма изложения.

Воспитатели отмечают значительные сдвиги в развитии языка у детей под влиянием обучения.

Таким образом, посредством обучения становится возможным развить речь у всех детей в группе, в то время как при невмешательстве или при косвенном влиянии (в виде поправок, замечаний) процесс формирования речи замедляется.

Глава III

ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ

В целях планомерного и систематического влияния воспитателя на всех детей в группе обучение в детском саду ведется как организованный процесс в форме занятий.

Рассматривая обучение как организованный процесс в педагогике детского сада, необходимо раскрыть те дидактические задачи, которые связаны с этим обучением.

Прежде всего такой дидактической задачей является планомерное, последовательное сообщение знаний и умений воспитателем и воспитание в связи с этим у детей дошкольного возраста способности обучаться. Наименование «сообщение» мы вводим с известным опасением, так как это слово не совсем точно выражает интересующую нас мысль, но другое определение до сих пор не найдено. Этим названием мы хотим выразить мысль о том, что знаниям и умениям детей обучают, что их дает воспитатель, разумеется, сообразуясь с особенностями умственного развития детей на данной ступени. Вместе с тем это понятие включает в себя и активную работу детей, направляемую воспитателем¹.

Процесс дошкольного обучения содержит в себе и такую дидактическую задачу, как закрепление знаний и умений. Опыт показывает, что в одной области знания или умения закрепляются легко, свободно, в другой — требуют работы со стороны воспитателя. Под закреплением мы имеем в виду задачу, осуществляемую разнообразными путями и отнюдь не связанную с простым повторением.

¹ Вопрос о том, какие цели будут преследовать сообщения по отношению к детям дошкольного возраста — будет ли это сообщение каких-то новых понятий и умений или эта задача состоит в том, чтобы развить у ребенка самую способность приобретать знания, — находится на ступени разработки и обсуждения. Несомненно только, что нельзя резко изолировать знания и умения от способа их приобретения.

Однако требование ввести закрепление в процесс обучения в дошкольном возрасте вызывало возражения. Противники этого требования считали, что на воспитателя еще можно возложить сообщение знаний, умений; закрепление же не следует связывать с процессом обучения, включать в него, дидактически работать в этой области.

По их мнению, закрепление знаний и умений следует предоставить всему педагогическому процессу: играм, прогулкам, т. е. не фиксировать такой задачи как необходимого звена процесса обучения. С перенесением закрепления в процесс свободной игры, прогулки мы встретились в практике детских садов. Такое решение вопроса оказалось явно неудовлетворительным, так как вело к вторжению дидактических задач в воспитательный процесс, имеющий более широкие и разносторонние задачи, нежели закрепление знаний и умений. Перенесение процесса закрепления на игру, прогулку фактически превращало их в какую-то разновидность занятий.

Вполне очевидно, что свободные ассоциации всегда будут иметь место и что таким путем знания и умения будут закрепляться у детей. Однако программные задачи обучения в детском саду мы предпочитаем решать организованно, рассматривая закрепление знаний и умений как задачу обучения, как часть процесса обучения на занятиях.

Поскольку обучение в детском саду является целевым процессом и направлено на решение конкретных воспитательных задач, нельзя не рассмотреть связь процесса обучения с его результатами.

Процесс обучения не имел бы цены, если бы он не приносил результатов. Поэтому вопрос о результатах дошкольного обучения нельзя считать праздным, нельзя снизить его значение ссылками на незначительный круг знаний и умений, предлагаемых детям, на их элементарный характер.

О результатах обучения наблюдательный воспитатель может судить по различным признакам поведения детей, по их действиям, по тому, как они выполняют то или иное задание.

Необходимость прибегнуть в том или ином случае к закреплению часто диктуется слабыми результатами, достигнутыми при сообщении. Таким образом, учет результатов непосредственно связан с такими важными звень-

ями процесса обучения, как сообщение и закрепление знаний и умений.

Только в отдельных случаях выявление результатов может стать самостоятельным звеном процесса обучения на занятиях, конечно, в строгой координации с главнейшими и предшествующими ему процессами сообщения и закрепления. В отличие от последующих ступеней школьного обучения, где эти отдельные звенья часто даже организационно отделены друг от друга (в системе организации уроков), в дошкольном обучении они менее расчленены, более включаются друг в друга.

Процесс обучения организуется и ведется воспитателем. Активная роль, принадлежащая воспитателю, фактическая зависимость качества процесса обучения от действий воспитателя говорит о необходимости тщательной разработки всех актов процесса обучения с учетом закономерностей развития детей для того, чтобы воспитатель мог оценивать свое влияние на детей.

Чем младше дети по возрасту, тем самый процесс проникновения в их сознание более сложный и требует знания детей и способности понимать их.

Вполне понятно, что дидактические задачи могут быть выполнены воспитателем по отношению ко всем детям в группе детского сада только при том условии, если этому процессу будет придана организованная форма.

ЗАНЯТИЯ КАК ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ

По вопросу о том, как должно быть организовано обучение в детском саду, в советской дошкольной педагогике возникли острые разногласия, повлекшие за собой целый ряд дискуссий.

Предложение вести обучение в детском саду как организованный процесс со всей группой детей одновременно, использовав для этой цели установившуюся в детских садах форму занятий, встретило резкие возражения со стороны отдельных теоретиков дошкольного воспитания и было оценено ими как формальное, как извращающее сущность дошкольного обучения.

Согласно взглядам этих теоретиков специфической чертой дошкольного обучения является то, что оно не имеет никакой организованной формы и протекает «во

всей жизни» детей: пользуясь тем или иным благоприятным случаем, воспитатель учит каждого ребенка.

По установкам «Руководства для воспитателя детского сада» (1945) занятие являлось формой организации группы детей для выполнения различной деятельности — рисования, рассказывания и т. д. — по методике заданий. Занятия эти были регламентированы временем от 15 до 40 минут по возрастным группам и были обязательными, проводимыми ежедневно.

Эти занятия были использованы нами для проведения обучения. Но обучение по своим требованиям к детям резко отличалось от занятий по методике заданий.

Обучение основано на воспитании произвольного активного внимания, умения активно действовать, достигать результатов в своих действиях — все это требует от детей известного умственного и физического напряжения. Правильно установленная мера такой работы (а мы с полным основанием должны назвать это работой) возможна только тогда, когда обучение ведется в форме дидактически целесообразных занятий.

Имея дело с детьми дошкольного возраста, нервная система которых находится в периоде формирования, необходимо проявить величайшую заботливость в отношении правильной учебной нагрузки детей.

Важным вопросом поэтому явилось установление времени занятий, их места в общем режиме, длительности, частоты и регулярности.

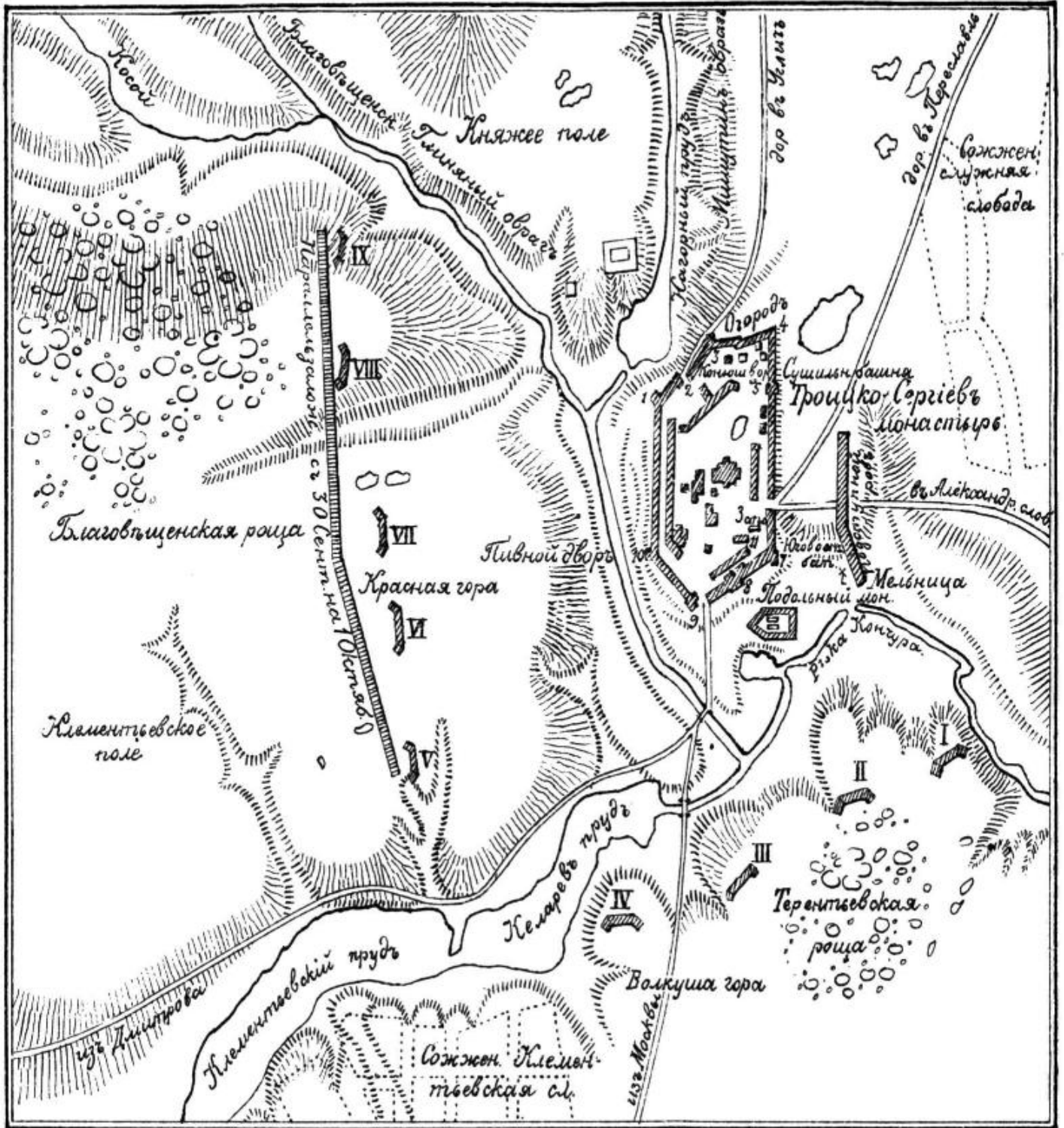
Хорошо регламентированными занятиями в детском саду удается достичь осуществления определенной программы обучения, развить у детей навыки умственной работы.

Для ведения занятий было признано наиболее целесообразным только утреннее время. Это обеспечивало нормальную работу детей, оставляло значительную часть времени для детских игр.

Кроме того, условия организации занятий утром обеспечивали нормальное дневное освещение для рисования, конструирования, требующих напряжения зрения.

Оправдал себя определенный режим занятий: одно занятие длительностью 20 минут в младшей группе, одно занятие длительностью 25—30 минут в средней группе и два занятия по 25 минут каждое, с перерывом между ними в 5—7 минут в старшей группе.

Планъ осады Троицко-Сергiевскаго монастыря.

Рассматривая обучение как систему постоянно повторяющихся воздействий на ребенка, образующих у него определенный дидактический стереотип, необходимо особо требовательно подходить не только к отдельным элементам процесса обучения, но и к организации строгой периодичности занятий, правильного чередования с играми, нормирования их определенным временем. Это требование важно соблюдать как в дидактических целях, так и для формирования у ребенка таких качеств, как собранность, организованность.

Занятия как форма организации обучения призваны обслуживать разнообразное его содержание. Сделано это может быть только при условии достаточной гибкости этой формы и соответствия ее содержанию. Так как принципом нашего обучения является работа со всей группой одновременно, то и занятия по своей организации должны отвечать этому требованию.

Приспособление обстановки к общей организации детей необходимо при обучении языку, счету, рисованию, лепке. Для этого нужны столы, стулья, их правильное размещение; дидактические пособия, отвечающие задачам данного занятия. Ознакомление с явлениями природы, общественными явлениями требуют приближения детей к самим явлениям, непосредственного общения с ними.

Занятия по обучению пению, движению требуют своей организации, характерной для данного содержания.

Таким образом форма и обстановка занятий зависят от их содержания.

В практике нашей работы потребовалось много сделать для того, чтобы обстановка занятий была приспособлена для обучения¹.

ПЕРЕХОД ОТ ИГРЫ К ЗАНЯТИЮ

По распорядку дня детского сада занятиям предшествует краткий период времени после завтрака, когда дети играют. Казалось, что отвлечь детей от игры и подвести к занятиям будет трудно, так как интерес к игре всегда является доминирующим в этом возрасте; занятия должны

¹ Подробное рассмотрение вопроса об организации и ведении занятий в детском саду сделано нами в методических письмах Министерства просвещения: Обязательные занятия в детском саду. М., 1947; Занятия в детском саду. М., 1953.

иметь какую-то особую ценность для детей, чтобы привлечь их.

Воспитывающая роль обучения проявляется в мельчайших фактах, связанных с организацией занятий. Нельзя думать, что желание заниматься в определенное время появится у детей само собою как результат возрастного развития. Всякое серьезное занятие, направленное на овладение знаниями и умениями, представляет известный труд и требует усилий со стороны ребенка. Организация занятий должна быть тщательно продуманной, чтобы дети уже в дошкольном возрасте полюбили этот труд, чтобы они могли его выполнять с охотой и интересом.

Даже внешние требования (садиться на свое место, делать это в определенное время и т. п.), значение которых очень велико, ничего не могут дать воспитательно ценного, если они будут повторяться при постоянном «нажиме» воспитателя и выполняться детьми не как приобретенная и полезная для самого ребенка привычка, которую он уже не ощущает потому именно, что это привычка, а только как долг и обязанность перед кем-то. Опыт показал, что здесь возможны две формы влияния на детей, разные по своему существу. Одно воспитательное влияние опирается только на авторитет, только на требования; оно остается для детей внешним и соблюдается ими постольку, поскольку действует тот или иной авторитет. Другое воспитательное влияние связано с развитием определенных потребностей (надо слушать, чтобы услышать и сделать, а сделать интересно). В этом случае требования к поведению детей легко ими усваиваются. Во внешних признаках поведения детей при одном и другом воспитательном влиянии нельзя обнаружить резких различий. Однако по внутренним мотивам они глубоко различны, как различны и корни их возникновения. В первом случае это есть результат подчинения привычной дисциплине, во втором — это признаки развития учебной деятельности ребенка, возникшие в результате воздействия обучения. Мы придерживались второго пути. Вот почему в практике нашей работы воспитывающее влияние обучения органически вытекает из самого обучения. При этих условиях отпадает то, что в обычной практике называется «воспитательной работой» и состоит из моральных внушений, касающихся того, что «надо заниматься», «надо слушать», «сидеть тихо» и т. д. и т. п.

Все эти качества могут быть развиты в результате определенной деятельности, а не предваряют ее. Но нам скажут, что все эти требования устанавливаются раньше, так как без них невозможно вести занятие. Это верно, но установить — это не значит еще развить такие свойства личности ребенка, которыми он был бы в силах отвечать на наши требования. Между тем или иным педагогическим воздействием и его результатом стоит сложный процесс внутренней работы, проделываемой ребенком.

Опыт обучения показывает всю несостоятельность практики воспитательного воздействия на детей, основанного только на внешних требованиях.

Обстановка перехода от игры к занятию определилась достаточно четко, обнаруживая, что дети все лучше и лучше дифференцируют свое отношение к игре и к занятиям, по мере того как их успехи на занятиях делаются все более заметными. Приведем примеры (средняя группа).

6/I. Все дети играют в кукольном уголке, настроение спокойное. Дежурные подготавливают комнату для занятий. Воспитательница наблюдает за группой. Говорит спокойно: «Сейчас будем заниматься». Среди играющих детей происходит движение: одни дети идут к воспитательнице, другие — убирают игрушки, делают это быстро. Проходит несколько минут, предоставленных детям для перехода к занятию, затем воспитательница садится на свой стул, стоящий перед группой, давая этим понять детям, что настало время сесть за столы; дежурные говорят: «Садитесь, пожалуйста».

13/II. Дежурные дети, воспитательница, няня приводят в порядок комнату для занятий. Дети играют в кукольном уголке со строительным материалом, рассматривают книжки... Воспитательница негромко говорит: «Начинаем заниматься». Дети быстро размещаются за столом за исключением Славика. Воспитательница: «Дежурные, напомните Славику, чтобы он сел, а то он опаздывает». После напоминания дежурного Славик продолжает складывать игрушки. Воспитательница: «Теперь поздно прибирать, иди садись». Переходит к занятию.

16/II. В дневниковой записи снова отмечено, как легко дети оставляют игры для занятий. Но один ребенок (уже другой) в данный момент отстает от всех, и воспитательница замечает ему: «Вова, ты задерживаешь всех ребят».

В конце февраля дети проявляют уже высокую организованность. Они быстро по приглашению дежурных занимают свои места за столами, справляются с уборкой игрушек своевременно. У большинства детей в группе развилась способность спокойно ждать, сидя за столом,

когда усядутся все дети, когда все будет сделано дежурными и самой воспитательницей для начала занятия. В недалеком прошлом такой способностью обладали только некоторые, вполне спокойные дети.

В дальнейшем мы встречаемся с другими фактами, к оценке которых надо подходить правильно с воспитательной точки зрения: дети стремятся к тому, чтобы сразу же после завтрака заниматься, а не играть.

21/III. Идет приготовление к занятию. Дежурные раскладывают краски и т. д. Воспитательница предлагает детям, севшим за столы, играть, говорит, что «еще нет занятия». Дети уходят. Через несколько минут оказывается, что за столами уже разместились большинство детей, но так как дежурные уже все подготовили, то им остается сказать только трем детям о начале занятия, а воспитательнице занять свое место.

26/III. Дежурные подготавливают столы. Дети оживленно играют со строительным материалом, прыгают через препятствия, играют в настольную игру, в куклы. Ничем не занятых детей нет. Четверо детей садятся за столы ранее приглашения дежурных. Воспитательница посылает их играть. Дети уходят. Воспитательница (через некоторое время): «Можно садиться». Все дети тотчас рассаживаются, сидят спокойно. Дежурные напоминают о занятии только одному ребенку.

Вместе с организованностью у детей возрастает интерес к занятиям, желание заниматься. Но и здесь важно устанавливать меру того, что должны делать дети. Поэтому всякое преждевременное начало занятия, например, ребенок раньше времени сел на свое место за столом, не может быть поощряемо, так как у такого ребенка может не хватить выдержки для активного участия в ходе занятия.

В старшей группе детского сада наблюдаются те же явления. По мере того как дети овладевают учебной деятельностью, они все более чутко реагируют на организующее слово воспитателя, легко и с интересом переходят от игры к занятию, несмотря на то, что в старшей группе детского сада круг деятельности детей между завтраком и занятием значительно шире, чем в средней—здесь есть труд по уходу за животными в уголке природы, уборка помещения, более разнообразные игры.

Можно наблюдать, как у детей развивается способность целенаправленно изменять свое поведение, управлять им.

Таким образом, учебные занятия приобретают воспи-

тательное влияние на детей и развивают у них новые формы сознания и поведения.

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕТСКОГО КОЛЛЕКТИВА НА ЗАНЯТИИ

Вопросы правильной организации детского коллектива на занятиях приобретают большое педагогическое значение, особенно при увеличении количества детей в группах.

В этом отношении нам удалось достичь значительных успехов. Дети ведут себя спокойно до занятия и на занятии, легко переходят к отдыху. Исчезает бессмысленная беготня, возня, беспокойство, которые обычно характеризуют детское поведение в неправильно организованных коллективах. Уже тот факт, что детям не приходится делать замечаний по поводу неправильного поведения по отношению друг к другу, говорит о том, что в детском коллективе складываются хорошие взаимоотношения.

Такой организации детей можно достигнуть только при правильном подходе к коллективу, когда обучение каждого ребенка теснейшим образом связано с обучением всего коллектива детей.

В тех же случаях, когда обучение ведется только индивидуально, развитие многих детей в группе может задержаться, их пребывание в коллективе не принесет им пользы.

Воспитателей детских садов до введения обучения серьезно затрудняла организация группы на речевых занятиях, где дети заняты тем, что слушают воспитателя и друг друга. Почему возникали эти трудности и как их удалось устранить? Трудности эти возникали потому, что руководство детским коллективом подменялось (а часто подменяется до сих пор) руководством отдельными детьми, группками детей. А вместе с тем опыт убеждает в значении хорошо организованного детского коллектива на занятиях для решения ведущих воспитательных задач.

Воспитание детского коллектива и ценных качеств личности по существу составляет наиболее общую воспитательную задачу. Она разрешается в процессе трудового воспитания, игры и т. д. Вполне ясно, что и занятия должны вносить свой вклад в ее решение.

Форма организации обучения — занятия еще ничего не говорит о воспитательном принципе, на котором оно ос-

новывается. И здесь обучение может быть организовано по принципу индивидуальной «парной» педагогики.

Наша задача состояла в том, чтобы выявить воспитательное значение обучения ребенка в коллективе и тем самым показать органическую связь, которая существует между воспитанием и обучением.

В учебной деятельности взаимоотношения между детьми образуются на иных основаниях, чем в игре или труде, где детский коллектив может формироваться только на основе общих учебных интересов.

При обучении в коллективе каждый ребенок, выполняя ту или иную учебную задачу, привлекается к действиям других детей, к действиям всего детского коллектива.

В старшей группе на занятии дети пересказывают сказку «Лиса и Козел». Рассказывающий делает паузу.

Воспитательница. Коля, помоги Мише вспомнить, что сказала лиса?

Коля. «Наверху-то жарко, а тут прохладно».

Миша (оживленно продолжает). «И водицы тут сколько хочешь, и вода-то хорошая. Ты прыгай сюда».

Воспитательница. Дети, ничего не забыл Миша, обо всем рассказал?

Лена. Он забыл сказать, что лиса засмотрелась на ворон.

Воспитательница. А сказал Миша про козла, как он шел? Помните: «Головой...»

Таня. Можно я скажу? (Получает разрешение.) «Идет по той же дорожке козел, головой помахивает, бородой потряхивает, по сторонам поглядывает».

Катя подняла руку.

Воспитательница. Что ты, Катя?

Катя. Миша сказал «встала на рога», а надо — «прыгнула».

Воспитательница. Правильно Катя сказала.

Затем сказку рассказывает Нина, и снова в детском коллективе проявляется активное отношение к ее рассказу.

Вера. Можно Нину поправить? (Получает разрешение.) Нина забыла сказать: «Водицы-то в колодце немного — утонуть не утонешь, и выскочить не выскочишь».

Серезжа. Нина сказала: «Всю меня разбрызгал», а надо «Всю меня обрызгал».

Алеша. Нина сказала «своева», а надо говорить «своего».

Воспитательница подтверждает правильность замечаний.

Таким образом, рассказ каждого из детей был для всей группы материалом для работы: надо было следить за содержанием рассказа, выражениями, грамматической формой, правильностью ударений и т. п.

При правильно поставленном обучении во время всего занятия находится много работы для каждого ребенка.

Надо иметь в виду и то важное обстоятельство, что учение есть индивидуальная деятельность детей. Здесь каждый ребенок проделывает определенную умственную или физическую работу индивидуально. Для той или иной работы тратятся индивидуальные усилия. Поэтому необходимо рассматривать процесс обучения во взаимодействии индивидуальных усилий и усилий детского коллектива.

Обучение в коллективе включает в себе большие возможности для воспитания ценных свойств личности ребенка.

Большое воспитательное воздействие оказывает на ребенка пример других детей. Дети слушают много раз повторяемые задачки, рассказы, видят рисунки, конструкции — ничего не проходит мимо внимательного взора детей, их напряженного слуха. Чем больше налаживается обучение в коллективе, тем больше у детей развивается внимательное отношение к словам и действиям не только воспитателя, но и друг друга.

Одной из первых воспитательных задач являлось привлечение детей по мере их развития к общей работе, предметом которой являлось или то, что делал отдельный ребенок, или группа в целом. Так создавались общие учебные интересы.

Вовлекать детский коллектив в общую работу, обеспечивать активное участие каждого ребенка в этой работе — важная и не легко выполнимая задача.

Сделать это можно правильно только в том случае, если известны возможности и пути развития активности у детей. Характер детской активности в коллективе изменяется в зависимости от возраста и опыта учебной деятельности.

Ярче всего эти явления выступают на занятиях речевого характера. Здесь нужно привлекать внимание всех детей группы, держать его на определенном уровне. Чем это обеспечивается? Обычным приемом являлась развлекательность, сюрпризность, загадочность. Детям предьявлялось что-то, им не известное. «Что лежит в этой корзинке?» «Кто-то к нам приехал в гости», — говорит воспитательница. Такие вопросы, замечания действительно настораживали детей, вызывали внимательность. Однако при первом же удовлетворении любопытства (иначе это нельзя назвать) дети утрачивали активное внимание.

Если в младшей группе такой подход отчасти оправдывал себя, то в средней и старшей он оказывал на детей, по существу, отрицательное влияние, так как не развивал внимания, необходимых усилий.

Какие же учебные интересы могут объединять детей на занятиях?

Интересы эти находятся в постоянном развитии, так как содержание, формы и методы процесса обучения все время усложняются. В младшей группе, например, уже можно достичь такого рода активных проявлений детей, как прослушивание рассказа (короткого и доступного по содержанию) и пересказа его по частям при помощи воспитателя. В средней и старшей группах детского сада возможны уже самостоятельные детские рассказы, пояснения, вопросы, ответы.

Направление активности детей на занятии составляет существенную часть воспитания и обучения в коллективе. Активность детей на занятиях в виде вопросов детей, ответов на вопросы воспитателя должна быть целесообразной, т. е. приносить пользу всем детям, а не только одному ребенку. Целесообразной активностью детей на занятиях мы называем не любые ее проявления у того или иного ребенка, на которые лично он способен в данное время, а только те, которые важно развивать в целях обучения всего детского коллектива.

Когда тот или иной ребенок в чем-то затрудняется, то на помощь ему воспитательница призывает детский коллектив. Дети непрерывно общаются друг с другом, но общение это идет через воспитателя, он организует его (в творческих играх, например, общение детей происходит при минимальном участии воспитателя). При обучении все дети в группе могут быть активны, так как программный материал посилен для всех без исключения. Но вместе с тем это не значит, что нужно просто ждать, когда активность детей разовьется сама собой. Надо ее постепенно и правильно воспитывать.

Прежде всего надо предоставлять возможность быть активными в ходе занятий именно тем детям, которые мало себя проявляют. Так, в рассказах по картинке, в рассказах по плану, образцу, в решении задач надо, чтобы высказывались первоначально именно эти дети. Тогда, когда им предстоит действовать первыми, им дается возможность разрешать и задачи более легкие, чем в том

случае, когда уже самые простые решены теми детьми, которые в данный момент лучше усваивают программный материал.

Вызов детей не должен превращаться в переговоры воспитателя только с одним ребенком. Важно, давая задачу одному ребенку, заинтересовывать ею всю группу; в процессе рассказа, наблюдения надо отмечать то, что важно для всех детей, над чем им также надо потрудиться. Тогда дети будут относиться к тому, что говорит или делает каждый из них, как к своему делу.

Важно также уметь обратить внимание детей на то, что говорит или делает тот или иной ребенок. В коллективе только постепенно становятся все активными. Но необходимо педагогически целесообразно использовать эту активность, руководить ею.

Можно и нужно намечать пути руководства детским коллективом заранее, при подготовке занятия. Конечно, нельзя предвидеть того, как окончательно сложится это руководство, но ведь существенного значения и не будут иметь те или иные отклонения от намеченного плана. Так, например, внимательно наблюдая ход детского развития, можно уверенно намечать и задачи воспитания детской активности в разнообразных ее проявлениях. Приемы руководства детским коллективом изменяются в зависимости от программного материала, в зависимости от степени развития активности группы.

Как правило, при таком ведении обучения можно уверенно опираться на активность детей в группе. Постоянное упражнение делает всех детей активными. Напротив, при отсутствии такого упражнения многие дети долго находятся в затруднении и не могут достичь нужных результатов.

В таких случаях у воспитателей складывается впечатление, что активность будто бы есть какое-то прирожденное качество, присущее только некоторым детям. Не воспитывая активность у целого ряда детей, воспитатели только отмечают недостаток этой активности.

Надо всегда иметь в виду, какой путь в своем развитии прошел тот или иной детский коллектив, каковы его возможности. Так, например, в средней группе в начале года дети могут выслушать рассказы 5—6 детей, а к концу года с интересом выслушивают 10—12 детей и активно участвуют в анализе этих рассказов.

По уровню активности детского коллектива на речевых занятиях можно судить о возможностях детской активности на всех других занятиях, где детям приходится отвечать, рассказывать, спрашивать.

Мы могли убедиться в большой значимости не только содержания обучения, но и той организованной формы, в которой оно ведется. От формы организации детского коллектива зависят многие воспитательные влияния, тем более важные, что процесс обучения, вызывающий развитие учебной деятельности, есть процесс познавательный, а следовательно, нуждающийся в том, чтобы он шел в нормах и формах, доступных для маленьких детей.

Только в организованном процессе, планомерно охватывающем своим воздействием всех детей группы, возможна реализация определенной программы.

Таким образом, в настоящее время разнообразная практика детских садов обогащается новым и важным звеном — воспитанием детей в процессе организованного обучения. Удельный вес этого звена в педагогическом процессе детского сада измеряется не его небольшим объемом по времени, а теми широкими воспитательными возможностями, которые дает организованная форма работы.

ВОСПИТАНИЕ ВНИМАНИЯ ДЕТЕЙ НА ЗАНЯТИИ

Обучение требует, чтобы дети были внимательны. Ушинский назвал внимание «воротами», в которые входят все впечатления окружающего. Приучить детей быть внимательными всегда было важной задачей педагогического процесса. Это привело к тому, что воспитание внимания иногда неправомерно выделялось в самостоятельную задачу, изолированную от усвоения знаний и умений.

В нашем опыте мы имели возможность разрешить вопрос организации внимания детей, воспитания внимательности на иной основе.

Первоначально мы столкнулись с теми же качествами внимания у детей, которые так широко охарактеризованы в педагогике, а именно с неустойчивостью его, произвольностью. Внимание детей привлекалось только чем-либо необычным, неожиданным для них, отличающимся красочностью, новизной.

Нам представляется, что недостаток существующих характеристик внимания детей заключается в том, что внимание берется как изолированная функция, свойства его выводятся абстрактно, в полном отвлечении от той деятельности, в которой внимание проявляется и формируется.

Обучение, основанное на пояснении и показе, обеспечивает высокую организованность детского внимания, высокий его уровень на всех ступенях дошкольного возраста, конечно, в рамках той регламентации занятий, которая установлена для детского сада.

Организованность внимания детей находится в зависимости от тех умственных задач, которые им даются при пояснении и показе. Именно здесь лежит начало произвольного внимания, на которое способны дети уже в дошкольном возрасте. И здесь сразу же обнаруживается зависимость качеств внимания детей от деятельности воспитателя.

В старшей группе детского сада достаточно 2—3 минут, чтобы дети включались в занятия и были в дальнейшем внимательны. Установка на то, что в пояснениях воспитателя, в его показе заключается все для того, чтобы в дальнейшем действовать на занятии, и составляет ведущий мотив поведения детей, их внимательного отношения.

У детей средней группы, как правило, на занятиях значительное время заметно проявление какого-то двигательного беспокойства: эти движения носят произвольный характер, дети как бы не осознают их. Дети могут отвечать, рассказывать и в то же время непрерывно двигать руками, производить беспорядочные движения.

Постепенно, по ходу занятия это явление почти исчезает. Движения детей делаются все более спокойными, упорядоченными, непосредственно связанными с их умственной работой. Конечно, это происходит по-разному у разных детей, здесь могут быть большие индивидуальные отклонения.

Надо отметить, что между 15-й и 17-й минутами занятия внимание всех детей (особенно в средней группе) падает, возникает легкий шум, показывающий, что дети отвлеклись от предмета занятия, но затем внимание вновь сосредоточивается без внешнего побуждения к этому со стороны воспитателя.

Конец занятия всегда характеризуется спокойным поведением детей, нет порывистого вскакивания, показывающего, что внимание исчерпано. Напротив, дети с ослабленным вниманием заканчивают работу и переходят к игре или отдыху.

Вся практика обучения показывает, что состояние внимания детей обусловлено характером их умственной деятельности и зависит от нее. При обучении на основе пояснения и показа детям даются умственные задачи и путь их решения. Именно это организует и держит детское внимание, направляет его в определенное русло. Детей не отвлекают от занятия и какие-либо посторонние воздействия, если, конечно, они существенным образом не нарушают ход занятия. Так, дети могут засмеяться, если в рассказе встретилось что-то смешное, но быстро прекращают смех; не отвлекаются от занятия, если кто-нибудь входит в комнату и т. п.

В практике ведения занятий по заданиям известно, как легко нарушается организованность детского внимания самыми незначительными изменениями во внешней обстановке, как трудно затем бывает собрать это внимание. Поэтому на таких занятиях стараются исключить все посторонние обстоятельства, которые могут воздействовать на детей.

Однажды нам был задан вопрос: не отвлекают ли внимание детей на музыкальных занятиях игрушки (музыкальные), которые лежат на рояле, не лучше ли для «безопасности» убрать их и внести только тогда, когда придет нужный момент? Но в этом не было необходимости, так как при такой организации занятий, которая была принята нами, эти предметы внимания детей не привлекали.

В старшей группе детского сада, у семилетних детей, мы встречаемся с вниманием различной степени организованности. И здесь, как и на предыдущей ступени развития, зависимость состояния внимания от характера деятельности детей выступает с полной отчетливостью. Сам по себе возраст детей совсем не служит показателем того или иного состояния внимания. При отсутствии на занятиях обучения, при том условии, если воспитательный процесс построен на «свободном» замысле детей, уровень их произвольного внимания очень невысок.

В старшей группе детского сада такой метод воспи-

тательного воздействия оставляет еще более глубокий (по сравнению со средней группой) след в детской психике, в силу чего переход к организации произвольного внимания занимает значительно больше времени (до месяца) и требует настойчивой работы воспитателя. В старшей группе у детей уже сформирована довольно прочная привычка действовать «своим» способом («что хотел», «что задумал»). Вполне понятно, что на новое воздействие отдельные дети реагируют отказом, так как новый способ действия требует от них таких усилий, к которым они не привыкли. Новые требования вызывают у детей довольно ясно выраженное чувство досады, ощущение непривычных трудностей.

Организованное внимание есть результат обучения, а не его предпосылка. Вместе с тем совершенно очевидно и то, что если у детей нет такого организованного внимания, то они не воспримут пояснения и показа.

Вполне понятно, что здесь имеют непосредственное значение вопросы содержания обучения, а также и самый характер пояснений — их конкретность, живость и образность, объем. В практике мы не допускаем никаких пояснений, занимающих более 3—5 минут. Отсюда ясно, что только при тщательной разработке такое обучение может быть полезным.

Таким образом, формирование внимания у детей происходит в условиях обучения. Наблюдения показывают, что в ходе воспитания и обучения психические свойства детей изменяются и что средства, направляющие эти изменения, находятся в руках воспитателя.

СООБЩЕНИЕ ЗНАНИЙ И УМЕНИЙ

Сообщение знаний и умений в дошкольном обучении является типичным дидактическим актом, в котором воспитатель раскрывает ребенку объект и путь его познания.

Вопрос о том, с чего начинается сообщение — со слова, обращенного к детям, или с организации их чувственного опыта, — является в настоящее время вопросом схоластическим. В свете марксистско-ленинского учения о единстве языка и мышления и павловского учения о двух сигнальных системах непосредственный опыт и речь неразрывно связаны друг с другом.

В процессе развития ребенка слово организует его

чувственный опыт, служит средством познания и общения. Одна из задач процесса обучения состоит в том, чтобы накапливаемый детьми чувственный опыт закреплялся в сознании детей, обозначаемый словом. Практически знакомое явление, закрепленное словом, становится достоянием детского сознания, дети пользуются этими образами, фактами сознательно, активно выделяя их из множества других.

В основе нервных механизмов образования первоначальных общих представлений лежит совместная деятельность первой и второй сигнальных систем при ведущей роли второй сигнальной системы.

Развитие речи ребенка неразрывно связано с развитием его мышления, способностью познавать окружающий мир, поэтому в дошкольном обучении роль слова (речь воспитателя и ответная речь детей) исключительно велика.

Вполне понятно, что обучение для детей является трудным процессом, так как оно опирается на работу самого сложного отдела высшей нервной деятельности, поэтому надо быть достаточно предусмотрительными в сообщении детям знаний и умений.

ПОЯСНЕНИЯ ВОСПИТАТЕЛЯ

По дидактическому назначению словесные сообщения воспитателя можно разделить на пояснения, относящиеся к предмету и явлению, которые детям можно показать и которые они могут наблюдать или даже действовать с ними; и пояснения, касающиеся предметов, явлений, действий, непосредственно не воспринимаемых детьми, образ которых создается при помощи слова, изображения. Конечно, тот и другой вид сообщения не изолированы друг от друга, часто используются совместно. Это всегда необходимо учитывать для того, чтобы правильно, целесообразно вести пояснения.

Рассмотрим характер пояснений в том случае, когда предмет, явление непосредственно воспринимаются детьми.

Дидактическая задача состоит здесь в том, чтобы направлять восприятие детей на те стороны, качества предмета, которые нами намечены как наиболее значимые. В программе детского сада поставлена задача ознакомления детей с кругом предметов ближайшего окружения. Нет сомнения в том, что дети практически так или иначе

знают о них, пользуются ими. Например, мебель, посуда, домашние животные известны детям, и все-таки задача ознакомления детей с ними входит в программу. Эта задача, несомненно, правильная, так как опыт показывает, что из чисто практического ознакомления с предметами, явлениями дети часто не извлекают тех знаний о них, того опыта, которые нужны. Конечно, дети из всякого опыта получают какие-то сведения, знания, навыки, но часто эти знания находятся в прямом разрыве с дидактикой. Высоко ценя роль жизненных условий, живого созерцания действительности в знакомстве детей с окружающим их миром, мы не можем полагаться на ясность и разумность выводов, сделанных детьми из непосредственного соприкосновения с предметами и явлениями.

Ознакомление с предметом, явлением, действием в нашем понимании отличается от того, что в педагогической литературе обозначается, как «знакомство детей с предметами и явлениями окружающего». Знакомство происходит при непосредственном соприкосновении с этими предметами, явлениями в жизни. Ознакомление же как организованный процесс предполагает обязательное сообщение детям доступных знаний о предметах, явлениях, отношениях, действиях.

Дидактика не может остаться в пределах зрительного созерцания. Пояснением, вопросом, замечанием нужно направить внимание детей на те свойства и качества явления, предмета, действия, которые важно зафиксировать в детском сознании, которые имеют существенное значение для познания данного предмета или явления.

Вести маленьких детей по пути живого наблюдения, направлять это наблюдение в нужную сторону — сложная задача. Чем меньше возраст ребенка, тем труднее выделять из сложных впечатлений действительности необходимый для наблюдения материал.

Правильно выделенный объект наблюдения, фиксация внимания на его существенных (с точки зрения дидактической) подробностях, пояснение словом наиболее значимых моментов, сторон составляют главные дидактические основания ознакомления детей с предметами и явлениями окружающего мира. Слово воспитателя здесь играет направляющую роль. Оно поясняет детям видимое, наблюдаемое ими, обозначает его, воспитывает определенное отношение к тому, что дети воспринимают.

Нравственный элемент подобного рода ознакомления с окружающим детей миром — людьми, природой — заключается в отношении, которое выскажет воспитатель сам и закрепит у детей.

Вполне очевидно, что содержание занятий постепенно изменяется, усложняются и объекты наблюдений, углубляется и самый план наблюдения, берутся новые стороны явлений, намечается переход к познанию связи явлений (тоже внешне выступающих). Значит, наряду с количественным нарастанием материала идет все время и качественное изменение его.

Приведем описание занятия с детьми младшей группы (4—5 лет). Дидактическая задача занятия: наблюдение характерных черт животного (кошки).

Наблюдение ведется по этапам, каждый этап последовательно фиксирует внимание детей на определенном явлении.

Воспитательница. Дети, садитесь, я принесу кошку с котятами, и мы посмотрим на них. (Вносит кошку с котятами.) Это — кошка Мурка и ее котята. (На лицах детей оживление. Они тянутся руками к котятам.)

1. Зубами кошка ест мясо

Воспитательница. Дети, смотрите, как Мурка будет есть мясо.

Лена. Нина боится котенка, маленький ротик у него.

Воспитательница ставит блюдце с кусками мяса на пол. Кошка жадно набрасывается на мясо, вызвав большую радость у детей; они оживленно говорят: «Ест, ест, взяла целый кусок мяса».

Андрюша. Я видел язычок. (Мальчик прилег на пол.)

Дети последовали его примеру — прилегли на пол, говорят: «Я вижу язык и зубы», «Мурка зубами ест мясо», «Два котенка поссорились — один тянет мясо и другой, а который лапками тянул, ему не досталось», «Рыжий котенок не ест мясо», «Котенок, иди есть мясо».

Воспитательница подносит рыжего котенка к блюдцу с мясом. Котенок подбежал к кошке и схватил кусок мяса, который она доедала. Это вызвало взрыв смеха.

Дети. Сильный какой, хотел отнять.

Серый котенок замахал головой, видно было, что он не мог справиться с куском мяса.

Воспитательница берет котенка на колени и при полной тишине вытаскивает кусок мяса изо рта котенка. На лицах детей испуг, но быстрая и удачная «операция» изменяет настроение детей: все громко смеются: «Вытащили, вытащили вот какой котенок, чуть-чуть не подавился».

II. Язычком кошка лакает молоко

Воспитательница. Сейчас я Мурке дам молочка. (Ставит блюдо с молоком на пол.) Она его будет лакать язычком.

Кошка лакает молоко.

Воспитательница. Дети, чем она лакает? Скажи, Таня?

Таня. Она языком лакает.

Андрюша. Рыженький лакает молоко.

Воспитательница. Алла, что делает рыжий котенок?

Алла. Он лакает.

Воспитательница. А дети утром молоко...

Дети. Пьют.

III. Лапками кошка ловит мышей, а на лапках коготки

Воспитательница вносит бумажку, привязанную к нитке, и говорит: «Посмотрите, лапками котята будут ловить бумажку, а на лапках коготки».

Бумажка двигалась по полу, котята подбежали к ней, стремясь схватить. Дети следили за движениями котят, смеялись, радовались удаче. При неудаче старались помогать: «Скорей, скорей, скорей лови. Лапку протянул. Вот он, серенький, поймал бумажку».

Когда бумажка останавливалась, котята тоже поджимали лапки и смирно сидели на полу. При движении бумажки котята вскакивали, и дети радостно смеялись.

Воспитательница. У кошки и у котят на лапках когти, а у нас на пальцах что?

Дети. Ногти.

Воспитательница. Дети, котята царапаются. Чем они царапаются?

Дети. Ногтями своими.

Воспитательница. Лена, чем котята царапаются?

Лена. Когтями.

Воспитательница. Таня, чем они царапаются?

Таня. Когтями.

Воспитательница. Оля, покажи и скажи, что есть на лапках у котят?

Оля подходит к котенку, смотрит и показывает: «Вот они — когти».

IV. У кошки шерсть мягкая (черная, рыжая)

Воспитательница собирает котят к себе на колени и говорит: «Наташа, какой тебе котенок больше всех нравится?»

Наташа. Рыженький.

Воспитательница. Возьми его, погладь.

Наташа берет котенка. С большим интересом следят за ней все дети. Наташа, сидя на стуле, гладит котенка.

Воспитательница. Витя, а ты возьми черненького.

Витя боязливо берет черненького котенка и тоже поглаживает его.

Воспитательница. Витя, надо гладить котенка по спине и начинать от головы, вот так. Лена, а ты возьми котеночка, у которого шерстка серая.

Оля. Какой же котеночек у меня остался? (Подбегает к котенку.) Серенький с белыми пятнами.

Сережа. Я кошечку держу, киску-маму.

Некоторые дети передали котят соседям. Тамара боится, дрожит, но все же держит котенка.

Воспитательница. Тамара, какой хорошенький у тебя котенок. Дети, а чем кошка и котята покрыты?

Дети. Шерстью.

Воспитательница. У этого котенка шерсть рыжая, а этот — совсем черный, только на лапках беленькая шерсть. Вот серый котеночек с черными пятнами. Смотрите, а этот котенок черный с белыми пятнами.

Дети обмениваются мыслями.

— А зеленые котята не бывают, только лягушки зеленые бывают.

— И кузнечики зеленые.

— И иголки на елке зеленые.

— Цыплята бывают серенькие.

— Нет, цыплята желтые и белые, я видела давно.

Перейдем к рассмотрению другого вида пояснений, когда дети воспринимают только изображение предмета на картинке.

При дидактическом использовании картины необходимо иметь в виду, изображается ли на ней новое, незнакомое детям явление, лицо, событие, или на ней изображено то, что уже имеется в опыте детей и так или иначе знакомо им.

В зависимости от этого изменяется и характер пояснений, но при всех условиях слово воспитателя должно направлять восприятие детей. Несомненно, в картине заключаются богатейшие возможности для решения таких дидактических задач, как сообщение новых знаний, формирование представлений, введение детей в мир явлений, не встречающихся в их опыте, а также воспроизведение и закрепление ранее полученных знаний.

Разумеется, нужно отдавать предпочтение непосредственному наблюдению предметов и явлений действительности, но это не всегда возможно. Хорошо написанная картина имеет все достоинства сильного средства воздействия.

Пояснение воспитателя должно подчеркнуть что-то в картине, выделить то, что именно нужно рассмотреть, привлечь знания детей, их опыт.

Приведенное ниже описание занятия в средней группе (конец года) характеризуется соединением новых впечатлений, получаемых детьми от картины (изображение

белки, взбирающейся по дереву), и знаний, которые они получают из рассказа воспитателей о ней (о пище, запахах, гнезде белки, маленьких бельчатах).

Дети на своих местах за столами.

Воспитательница садится перед детьми.

— Я вам рассказывала про птиц, про скворца, ласточку, как они гнезда строят, корм добывают. Теперь я покажу зверька (показывает картину «Белка»). Кто это?

Дети (хором). Белка.

Воспитательница. Вот как, все знают. А кто видел белку? (Дети подняли руки. Улыбаются. Только 4 человека не подняли рук.)

Дети (говорят быстро один за другим, дружно, оживленно).

— Я на даче видел.

— Я в лесу.

— Я в яслях.

— А я видел, как белка по дереву прыгала, быстро.

Воспитательница (показывая на картине). Белка пушистая, хвост большой, пушистый. Ушки, на кончиках кисточки. Она очень хорошо лазает. Вот идешь по лесу, увидишь на земле белку, она сразу быстро, быстро побежит и на дерево. По гладкому стволу бежит, как по лестнице. Вот уже и наверху. Почему она так быстро по стволу бежит?

Дети. Лапки цепкие. (Мальчик сгибает пальцы и показывает.)

Воспитательница. У белки лапки цепкие, коготки острые. А какое домашнее животное такое же цепкое?

Дети. Кошка.

Воспитательница. Что белка ест?

Дети. Орехи, шишки.

Воспитательница. Рассказывать я сама буду, а в другой раз вы. Летом белка найдет ягоду — съест, найдет гриб — съест. Из шишек семена выберет и съест. Много еды летом. Но зимой грибов нет, ягод тоже, что же ей есть? Оказывается, она делает запасы на зиму. Найдет дупло. Что это такое?

Саша. Дырка в дереве.

Воспитательница. Найдет такое дерево с дуплом, натаскает туда шишек, желудей. А еще грибов. Она интересно их собирает: тащит на дерево и сушит на ветках или в развилке сучьев. (Показывает пальцами развилку сучья.) Зимой она в своих кладовых берет сушеные грибы. А еще зимой она разгребает снег лапками. Она чует очень хорошо, как собака. Белка под снегом чует шишку или орех. Разгребет снег и достанет шишку. А где же белка живет? (Дети молчат.) Белка живет на дереве в гнезде или в дупле. Птицы вьют гнезда?

Дети (хором). Да.

Воспитательница. Белка тоже делает гнездо. (Дети улыбаются.) Оно у нее круглое (показывает руками) с крышей, только дырочка маленькая, куда белка влезает. Ветер и дождь в гнездо не попадают.

В такое гнездо белка мягкой подстилки натаскает. Весной у белки рождаются бельчата.

Саша. А куда запасы деваются?

Воспитательница. Она их к весне съедает. Бельчата голые, как крысята, слепые. Потом они растут, покрываются шерстью и вылезают из гнезда, но никуда от гнезда не уходят. Вот идешь по лесу, а рядом с дуплом или гнездом сидят желтенькие бельчата. Как увидят кого — сразу в гнездо, только глазки да носики черненькие видны в отверстие. А белка по дереву бегаёт и стрекочет «чи-чиу», как сорока. Это она пугает. Осенью бельчата вырастают и тоже делают запасы на зиму. Белка рыжая, а здесь немного серая (показывает на картинке). Когда это она нарисована?

Саша. Осенью.

Воспитательница. Вот летом мы, наверное, увидим белку. Она рыжая, а к зиме у нее шубка станет серая. Мы переодеваем платье, надеваем пальто, а звери линяют. Когда у белок шкурка лучше, теплее?

Дети (хором). Зимой.

Воспитательница. Белок стреляют зимой, когда шкурка лучше. А еще потому стреляют зверей только зимой, что у всех летом...

Дети (хором). Детки.

Из реплик детей, которыми сопровождается рассказ, можно судить о том, в чем дети ориентированы. Так, все узнают белку (многие видели белку, ее часто держат в детских учреждениях), но на вопрос о том, где живет белка, дети молчат. (Где живут птицы — знают.) Сопоставление гнезда белки с гнездом птицы вызывает живые эмоции.

Вести рассказ по картинке, используя ее содержание и расширяя на этой основе круг представлений у детей, — задача нелегкая, требующая большого искусства. Здесь возможны разнообразные формы обучающего влияния на детей (мы не ставим перед собой задачу рассмотреть все эти формы).

Дидактические задачи могут быть также очень разнообразны.

Приведем описание занятия по картине в старшей группе. Дидактическая задача заключается в том, чтобы дети поняли содержание картины и передали его в связном рассказе.

Показывается картина «Катание детей с горы».

Воспитательница. Дети, садитесь. Я положила каждому из вас по картинке. Картинки все одинаковые. Вы посмотрите, что нарисовано на картинке и придумайте название к ней.

Дети рассматривают картинки, улыбаются.

Воспитательница. Какие названия можно придумать к картинке?

Дети. Всеселая зима.

Воспитательница. Кто придумал другое название?

Оля. Веселое катание с горы.

Наташа. Белая зима.

Андрюша. Снежная зима.

Павлик. Студеная зима.

Остатки называются на названия «Веселая зима».

Воспитательница. Лена, как можно начать рассказ про картинку, помсти.

Лена. Дети пришли из детского сада, хорошо оделись и пошли гулять. Боря и Нина вместе начали кататься на санках.

Воспитательница предлагает Вова продолжать. Вова молчит, потом говорит:

— И пошли гулять во двор. Саша взял лыжи. Он самый большой ученик в школе, он учится в IV классе. Во дворе была гора... (пауза).

Воспитательница. Оля, что можно дальше прибавить к рассказу?

Оля. Гора была большая, высокая, дети катались на санках и лыжах.

Гена. Еще не сказали про мальчика, он стоит у дерева. А там видна снежная баба. Одна девочка в красном пальто везет санки в гору.

Воспитательница. Хорошо ты заметил. Вова ничего об этом не сказал в своем рассказе. Толя, теперь ты расскажи о картине.

Толя. Вова пришел из детского сада, он был в старшей группе. И захотел кататься. Он взял лопату и выбежал во двор и крикнул: «Ребята, идите строить горку». Дети пришли строить горку. Кто услышал из дома, пришел строить горку, кто гулял, кто из школы. Они построили высокую горку из снега, залили ее водой. Горка замерзла, и дети стали кататься.

Воспитательница. Еще, еще подумайте, посмотрите на картинку, не забудьте чего-либо.

Дети всматриваются каждый в свою картинку.

Воспитательница. Таня, иди ты расскажи про картинку, а вы, дети, будете слушать и добавлять к рассказу, исправлять Таню, если заметите, что она в чем-либо ошиблась или забыла.

Таня выходит к столу воспитательницы и встает перед группой, держа в руках картинку.

Дети, слушая Таню, продолжают смотреть на картинку.

Таня. Большой мальчик Коля учился в школе. Он пришел из школы, взял лыжи и пошел во двор. Там были ребята. Они катались на санках. Им было не страшно кататься с горы. Гора была высокая. Дети были румяные и веселые. Им нравилось кататься с горки.

Воспитательница. Почему так быстро замерзла гора?

Толя. Был морозный день. Всем ребятам было весело. Никто не боялся кататься с горы. Только одному мальчику стало страшно и он решил кататься на животике. (Голоса: «Это девочка, она боится».)

Воспитательница. Не все сразу. Ира, что ты хочешь сказать?

Ира. Девочки тоже смелые и не боятся. Он, наверное, маленький.

Воспитательница. Ира правильно говорит: мальчики у нас смелые и девочки смелые. Дети, что понравилось вам в рассказе Толи?

Ира. Что дети своими руками сделали горку.

Валерик. Что они трудились.

Вова. Дети потрудились и были рады, что у них получилась красивая горка.

Андрюша. Что другие им никто не помогал.

Наташа. Мне понравилось, что Толя сказал: «Один мальчик боялся и лег на живот».

Воспитательница. Ира, расскажи ты.

Ира. Была зима. Дети решили построить горку. Взяли дома лопаты и стали делать горку. Снегу было много, и вышла хорошая горка. Они вынесли санки, лыжи и стали кататься. Сережа был смелый мальчик. Он умел хорошо кататься на лыжах.

Алеша. Почему ты знаешь, что Сережа смелый?

Ира. По размаху палок. А шарф у него так и развевался на ветерке. А двое детей ехали с горки на санках. Смелый мальчик натянул веревку и мчался, а сзади маленький мальчик держался за плечи. Один мальчик не уносил лопату домой. Он думал, что, если будет дырка на горе, он засыплет дырку снегом. (С места голос: «Не дырка, а полоса».)

Андрюша (встает и говорит). Смотри-ка, санки едут и прорезают полосу. (Объяснение Андрюша сопровождает показом руками в воздухе.) А этот мальчик засыплет снегом полосу, и тогда не упадешь.

Ира (продолжает). Детям было весело. Щеки у них были розовые. Они катались до самого вечера.

Андрюша. Зима холодная. Дети не боялись мороза и долго катались на горке. Одна девочка везла санки в горку. Ей хотелось еще покататься. Один мальчик из младшей группы держал лопату. Детям нравилось кататься. Мальчик, который держал веревку, сильно натягивал ее и улыбался потому, что девочка держалась за его плечи и боялась. Потом они пошли домой.

Валерик. Митя вышел с санками во двор. Там он встретил знакомую девочку. Ее звали Валя... «Давай, Валя, на санках кататься». Валя согласилась, они взошли на горку. Горка была ледяная. Они сели на санки и поставили ноги на полозья. Митя натянул веревку, засмеялся. Они весело покатались с горки вниз. Была зима, она студеная была, и было холодно. Ни одной птички не было видно, потому что было холодно. Гора была выше забора. Дети были смелые и не боялись с нее кататься и были веселые, румяные.

Прослеживая ход занятия, мы можем убедиться в том, что дети подготовлены для решения дидактической задачи: содержание картины близко их опыту и интересам.

Рассказы детей разнообразны, так как каждый использует при этом имеющиеся у него зимние впечатления.

Сообщение детям новых знаний, умений может происходить в форме наглядно-действенного показа в сочета-

нии со словесным пояснением. Наглядно-действенный показ необходим в тех случаях, когда дети обучаются определенным действиям, движениям. Сюда относится обучение некоторым счетным операциям, рисованию, лепке и конструированию, гимнастическим движениям¹.

Слово воспитателя во взаимодействии с нагляднодейственным показом приобретает особое значение в обучении счету. То наглядное действие, которое производит воспитатель с предметами (сопровождая это действие словесным пояснением), формирует у детей представление о числе.

Примером применения такого показа является следующее занятие.

Воспитательница. Дети, смотрите, я поставила три автомобиля (игрушечные) на полочку. Коля, посчитай машины.

Коля. Одна машина, да еще одна машина, всего две машины; да еще одна машина, всего на полочке три машины.

Воспитательница. Если я принесу еще одну машину и поставлю на полочку рядом с этими тремя, тогда всего на полочке будет четыре машины. Посмотрите (показывает), здесь три машины (пересчитывает), а здесь еще одна. Но как только я к трем машинам придвинула еще одну (придвигает), на полочке получится всего четыре машины. Коля, отодвинь одну машину, будто бы она отъехала. Наташа, сколько машин осталось?

Наташа. Три.

Для того чтобы действия с числами были осмысленны детьми, им предлагается рассказать о своих действиях.

Воспитательница. Что ты, Коля, сделал, чтобы получилась четыре машины?

Коля. Я к трем машинам придвинул одну машину, и всего на полочке стало четыре машины.

¹ «При обучении детей движениям показ и пояснение не всегда занимают равное место. В некоторых случаях преобладает показ, в других основное место займет пояснение. Это зависит от возраста детей, от степени усвоения ими упражнения: чем моложе возраст, тем большее место занимает показ. В младшем дошкольном возрасте впечатления от движения преобладают над словесными обозначениями, ребенок еще не всегда представляет, что означает: «прокати мяч», «подпрыгни и позвони в погремушку», «залезь на заборчик» и т. д.

Показ движения приходится применять и в более старшем возрасте при освоении новых, еще мало знакомых детям упражнений. Постепенно слово начинает заменять ребенку показ движения: достаточно сказать, как надо выполнять упражнение или даже коротко напомнить о нем, как дети уже правильно его выполняют». (Бывова А. И. Обучение детей дошкольного возраста основным движениям. М., 1955, с. 30).

Обширная область обучения детей изобразительной деятельности основывается на взаимодействии слова, наглядности и действия. Обучение ведется на занятиях, имеющих систематический, последовательный характер.

В обучении конструированию, рисованию, лепке ведущее место принадлежит конкретному показу приемов действия, которые необходимы для овладения теми или иными навыками и умениями. Конкретный показ действий, если он дается правильно, достаточно точно, является опорой в развитии умений детей.

Однако наглядно-действенный показ не может быть педагогически ценным, если он не сопровождается словесным пояснением. Только при ведущей роли словесного пояснения возможно воспитание конструктивного творческого мышления, преодоление часто возникающей механистичности действий детей, развивающейся на основе подражания готовым образцам, неумения выйти за их пределы.

Таким образом, активное восприятие детьми знаний об окружающем обеспечивается словесным сообщением, пояснением воспитателя, показом выполнения того или иного действия, наглядностью. Однако мы не придаем наглядности исключительного значения. Как показывает опыт, предметная наглядность фребелевских «даров», чувственно-осязательное влияние дидактического материала Монтессори производили на детей в общем одностороннее воздействие, не развивая таких важных сторон детской психики, как воображение, мышление и речь. У детей дошкольного возраста необходимо развивать элементы отвлеченного мышления для того, чтобы обеспечить переход к обучению в школе. Счет на предметах на определенной ступени ограничивает развитие ребенка, рассказы по картинке полезны только в известной степени и не могут заменить рассказа по представлению.

Использование обучения позволяет раздвигать перспективы дальнейшего развития ребенка, видеть, так сказать, его «завтрашний день». Слово воспитателя имеет громадное значение в решении этой задачи. Наглядность здесь выступает не в виде самостоятельного метода, а как существенный элемент пояснения.

Наглядность, осуществляемая показом предметов, картин, движений, входит в общий план обучения, но не является его главным принципом.

Место, отводимое наглядности в процессе обучения, определяется в соответствии с содержанием знаний, даваемых детям по разделам программы детского сада. Одно место занимает наглядность в знакомстве детей с природой, другое — в рисовании и т. д., при этом изменяется и самый характер наглядности. Методика применения наглядности связана с особенностями содержания знаний и умений, даваемых детям.

Таким образом, не дети «открывают явление», «исследуют» его и самостоятельно добывают сведения, а мы выбираем это явление (предмет) из массы других, знакомим детей с определенными его качествами, развивая при этом у них познавательный интерес к окружающему. Только такой путь является единственно правильным, дающим положительные результаты.

В обучении маленьких детей важное значение имеет конкретность речи, обращенной к детям. Опыт показывает, что речь, лишенная конкретных образов, детям непонятна.

УМСТВЕННЫЕ ЗАДАЧИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ

Мы стремились так построить дидактический процесс, чтобы он отвечал задачам воспитания активной личности.

Прежде всего наш способ вызывал заинтересованность детей той работой, которая им предлагалась. А это обеспечивало в свою очередь активное развитие произвольного внимания. Многочисленными данными массовой практики уже доказано, что дети очень внимательны и сосредоточены в работе.

Как правило, дети не нуждаются в том, чтобы им напоминали о необходимости быть внимательными, организованными, т. е. о том, что связано с дисциплиной.

Мы думаем, что значительная роль в воспитании интереса, организованности, дисциплинированности, активности принадлежит самостоятельной деятельности детей в решении умственных задач. Обучение в данном случае развивает способности самостоятельного, творческого мышления, выдвигая перед детьми определенные задачи.

Есть разные пути, по которым можно идти, давая детям знания и умения. Один путь — это предложение запоминать те или иные сведения, способы действия и затем воспроизводить их.

Но есть и другой путь — путь активного восприятия и усвоения знаний и умений. Именно этот путь и стремились мы разработать. Чем отличается этот путь? Ведь здесь так же, как и в первом случае, дети должны освоить знания и умения. Результат в первом и втором случаях внешне должен быть один и тот же. Но во втором случае ребенок пойдет путем активной работы, вместо того чтобы только механически запоминать и затем воспроизводить. Этому помогает постановка перед детьми умственных задач, решение которых и направляет их на овладение знаниями и умениями.

Перед ребенком выступает вначале не самое знание, а путь к нему, идя ко которому ребенок и доходит до овладения знанием, умением. Для того чтобы овладеть знанием, ребенок должен умственно потрудиться: запоминание, усвоение происходят в результате определенной умственной работы.

Опыт показывает, насколько важно знать, как умственная задача ставится перед детьми и каким способом она решается ими. Обычный дидактический подход состоит в том, чтобы при пояснении и показе разделить предлагаемый в сообщении материал на те или иные части и давать их в известной последовательности. Практика ведения обучения показывает, что самый подход к тому, как разделить материал, предлагаемый детям для усвоения, связан с постановкой перед ними той или иной умственной задачи. Обучающее влияние взрослого может быть построено по-разному и в связи с этим по-разному будет влиять и на развитие ребенка. Все зависит от характера тех требований, которые предъявляются к интеллектуальной деятельности ребенка, и от учета возрастных возможностей и особенностей детей.

При разработке обучения выявлены два типа построения инструкций. Наиболее широко применялась в опытах инструкция, условно названная нами «целостной», когда вся задача ставилась перед детьми целиком.

При другом типе построения инструкций общая задача расчленяется на ряд частных, работа выполняется по частям. Этот тип обучения мы назвали «диктантным».

Диктантная инструкция предлагает детям воспроизводить очередное слово или действие за воспитателем. Делая это более или менее внимательно, ребенок достигает той цели, к которой его ведут, но достигает ее, не при-

дагая активных усилий к тому, чтобы связывать производимые им действия, слова друг с другом.

Дробление целого процесса на части вызывает у детей чисто механическое запоминание. Мы назвали этот способ — «действие под диктовку».

В результате такого рода «обучения под диктовку» дети могут научиться механически выкладывать сложные тонкие узоры, вышивать, плести, но при этом они не развиваются умственно, у них не развивается инициатива, активность.

Способ диктовки следует применять там, где содержание работы можно расчленить на отдельные элементы. Такой способ необходим при обучении очень точным операциям, где каждый элемент первоначально осваивается без связи его с целым. Но этот способ оправдывает себя только частично, только по отношению к определенному содержанию знаний и умений. Будучи применен к такому содержанию, которое может опираться на осмысливание целого, этот способ легко порождает механическое подражание.

Если в диктантной инструкции ребенок осмысливает акт за актом, то целостная инструкция знакомит его сразу со всем предстоящим действием и с его отдельными операциями.

Целостная инструкция предлагает детям решать более трудную в умственном отношении задачу. Но при решении этой задачи ребенку предоставляется большая свобода в выборе действий. Это способствует развитию активности мышления ребенка, его большей самостоятельности.

Признавая преимущественные стороны целостной инструкции с точки зрения воспитания активности мышления, самостоятельности, больших требований к умственной деятельности, мы отнюдь не настаиваем на ее универсальном значении.

Мы склоняемся к тому, что для младшего дошкольного возраста характер инструкции не имеет существенного значения, поскольку само содержание даваемого детям материала еще не содержит необходимости расчленять его. Обучение можно строить по диктантной инструкции, изредка применяя целостную.

В среднем дошкольном возрасте представляется более

целесообразным основывать обучение на целостной инструкции, используя ее воспитывающее влияние на детей.

Но при этом надо иметь в виду, что характер инструкции зависит от содержания обучения: так, при обучении точным умениям, целесообразнее использовать диктантную инструкцию.

При применении целостной инструкции важно подсказать детям возможность варьировать, разнообразить способы действия и поощрять их инициативу в этом отношении.

Конечно, возможности детей дошкольного возраста здесь невелики, но их надо развивать и упражнять для того, чтобы они приобрели характер определенных умственных качеств.

Суть этого приема заключается в том, что самая возможность варьирования дидактически подготавливается и составляет умственную задачу. При соблюдении тех или иных умственных правил, которые обеспечивают выполнение задачи, решение ее имеет несколько путей, на которые детей наталкивает воспитатель. Надо заметить, что сами дети редко догадываются о подобной возможности, но если перед ними ее открыть, то они охотно идут по этому пути.

Таким образом, мы убеждаемся в том, что самый процесс сообщения может быть глубоко воспитательным, формирующим в процессе обучения важные черты личности — активность мышления, живое воображение.

О ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПОДХОДЕ К ОШИБКАМ ДЕТЕЙ

Вопрос о том, почему дети в дошкольном возрасте в ряде случаев неточно воспринимают пояснение, показ и, воспроизводя сказанное и показанное, допускают ошибки, является одним из сложных вопросов дидактики.

Причины этого явления лежат в большинстве случаев в недостатках самого пояснения и показа. Но встречаются случаи, когда причина кроется, по-видимому, в индивидуальных свойствах восприятия и мышления ребенка.

Нас интересует вопрос о том, как следует относиться к ошибкам детей, как поступать в том случае, когда дети допускают ошибку, неточность в представлениях, словах, действиях. Не допускать появления таких ошибок можно лишь в том случае, когда все действия детей зара-

нее предупреждаются, а это ведет к тому, что самостоятельная мысль детей не развивается.

Самостоятельная работа детей предполагает какое-то раздумье, взвешивание, выбор пути. Даже в том случае, когда как будто все объяснения уже даны, перед каждым ребенком возникает много практических вопросов, совсем нами не предусмотренных. Так, например, при конструировании не все дети легко определяют направление конструкции, расположение ее в пространстве. Ребенку надо еще испытать, попробовать разные возможности и тем проверить себя. Первую же такую попытку считать ошибкой неправильно. Дети часто исправляют свои ошибки и самостоятельно, если им дать возможность действовать, не вмешиваясь в их действия.

Предвосхищая эти действия подсказом, поправляя первую же ошибку ребенка, мы можем лишить детей той инициативы и самостоятельности, которая так ярко проявляется при правильной организации процесса обучения в детском саду.

Ошибочное решение может быть случайным, в таких случаях дети могут быстро перейти к правильному решению. У детей могут быть нестойкие, незакрепленные навыки, привычки, действия, выражения. Но есть и другие, а именно сложившиеся стойкие привычки, искоренить которые удастся только с большим трудом. Сюда входят преимущественно те навыки, отношения, способы действия, которые вырабатываются в быту.

Так, например, в старшей группе детского сада на занятии была специально поставлена задача: научить детей говорить «мы хотим» вместо «мы хотим», «они хотят» вместо «они хотят». И, несмотря на то что дети упражнялись в правильном произнесении этих слов на разнообразном материале, многократно повторяли их, все же двое из них говорили неверно.

Таким образом, здесь могут быть случаи двойного рода. Убедить детей в ошибочности их действий, слов в ряде случаев не удастся; нужна еще практика сравнения (зрительного, слухового), которая является более действенной. Но здесь уже стоит другой вопрос — вопрос об индивидуальном обучении, необходимом для некоторых детей в том или ином отношении.

Завершая рассмотрение сообщения как начального и важного момента процесса обучения, необходимо особо подчеркнуть продиктованный опытом вывод: никогда без особой к тому надобности не спешить повторять его индивидуально каждому ребенку. Сообщение повторяется всем детям, если в этом есть необходимость. Иначе теряется его педагогическая ценность.

Опыт показывает, что сообщение в ходе задания может продолжаться 2—4 мин. Вполне понятно, что методические и дидактические требования к использованию этого времени велики.

Необходимо еще раз подчеркнуть основополагающее значение сообщения в процессе обучения, его решающее влияние на весь ход занятия и его результаты.

ЗАКРЕПЛЕНИЕ ЗНАНИЙ

РОЛЬ ПОВТОРЕНИЯ, УПРАЖНЕНИЯ

Было бы неправильным искать какой-то особый этап закрепления знаний и навыков, отдельный от процесса пояснения и показа. Они непосредственно связаны друг с другом, пояснение переходит в упражнение, а тем самым происходит и закрепление знаний. Но закрепление и обогащение знаний как дидактическую задачу надо выделить для того, чтобы внимательно ее рассмотреть как важный элемент процесса обучения на занятиях. В практике существует точка зрения, будто показ и пояснение происходят на занятии, а закрепление выносится за пределы занятия и осуществляется в процессе всей жизни детей в детском саду. Эта точка зрения является следствием неправильной теории, утверждающей, что обучение в детском саду во всех своих звеньях не должно иметь организованного характера.

Закрепление знаний — задача воспитателя. В детском саду нельзя еще полагаться на самостоятельные усилия детей при воспроизведении полученных знаний, умений, на чем основывается с самого начала школьное обучение.

В дошкольном обучении именно воспитатель организует самый процесс воспроизведения и этим достигает закрепления знаний и навыков.

Для закрепления знаний и умений используется повторение и упражнение. Именно таким путем удается достичь некоторой устойчивости в знаниях и умениях у детей.

Но при закреплении материала нужно избегать механического повторения, которое ведет к «окаменению» знаний, умений у ребенка. Так, например, достаточно было «закрепить» так называемый «полный ответ» (например, «на этой картине я вижу... и т. д.»), как дети начинали механически повторять эту формулировку и в тех случаях, когда она была и неуместна.

Проблему закрепления знаний в дошкольном обучении надо подвергнуть тщательной педагогической и психологической разработке.

В процессе повторения и упражнения вносятся новые подробности, которые обогащают и оживляют содержание знаний детей, делают их более глубокими. Многие из того, что еще было недоступно детям при пояснении и показе, становится возможным дать при повторении, в упражнении.

Однако задача обогащения знаний и умений детей не должна быть понята как беспредельное расширение этих знаний; напротив, границы должны быть строго определены. Всякая неопределенность, расплывчатость в содержании даваемых детям знаний всегда приводит к отрицательным результатам.

Способы закрепления разнообразны. Разнообразие их обусловлено и различием программного содержания, и возрастными особенностями, и возможностями детей на разных ступенях дошкольного возраста. Характерным примером повторения для младшей ступени дошкольного возраста являются приемы построения русских народных сказок «Колобок» и «Теремок», где нарастание нового основано на воспроизведении знакомого. Разумеется, это не универсальный прием. Наряду с этим используются приемы сравнения, выделения. В средней и затем старшей группах дети становятся все более способными к произвольному припоминанию, воспроизведению материала. В связи с этим и приемы повторения значительно изменяются.

В старшей группе (6—7 лет) приемы повторения опираются уже на возможность детей сознательно, преднамеренно запоминать и воспроизводить воспринятое. Поэто-

му среди приемов, основанных на сравнении, выделении, большое место занимают и приемы прямого повторения, принимающего характер упражнения (при обучении движениям, пению, рисованию, звукопроизношению). В форме дидактических игр эти упражнения занимают большое место.

ЗНАЧЕНИЕ ПРОГОВАРИВАНИЯ

Все то, что должно быть закреплено в сознании детей, должно быть оформлено словесно. Поэтому детям надо предоставлять возможность как можно больше рассказывать, пояснять, спрашивать.

У детей много таких впечатлений, которые они не осознают в нужной степени, не умеют выразить словами. Особенно это относится к детям с ослабленной нервной системой.

Вопросы развития различных форм речевых проявлений у детей имеют большое воспитательное значение. Мы имеем в виду вопросы и ответы детей, их замечания на высказывания других детей, рассказы о выполненной работе, анализ наглядного материала (рисунки, конструкции и т. п.).

На младшей ступени ребенку предлагалось принимать участие в пересказывании знакомой сказки, вставлять отдельные фразы в текст, произносимый воспитательницей, детьми. В конце года в младшей группе, а чаще всего уже в средней группе детям предлагалась задача: составить связный рассказ по вопросам (куда пошла девочка, зачем она пошла и т. д.). В помощь детям предлагался дидактически разработанный пример, образец такого рассказа. В старшей группе дети уже могут самостоятельно составить такой рассказ по опорным словам (по плану).

Все эти методические приемы подробно разработаны и научно обоснованы в исследованиях Л. А. Пенъевской и вошли в практику обучения в детских садах.

Важно, чтобы повторение, упражнение — словом, всякое возвращение к уже знакомому — не наскучивали ребенку, не приедались своим однообразием. Поэтому особенно на младшей и средней ступенях дошкольного возраста всякие повторения, имеющие дидактические цели, должны строго обдумываться с точки зрения их воспита-

тельного влияния и воспитательной роли. Для этого они должны прежде всего быть достаточно разнообразными, интересными для детей.

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА ДЕТЕЙ НА ЗАНЯТИИ КАК МЕТОД ЗАКРЕПЛЕНИЯ ЗНАНИЙ

В процессе закрепления большую роль приобретает организация самостоятельной работы детей на дидактическом материале, выполнение дидактически разработанных упражнений, заключающих в себе умственную задачу.

В нашем опыте Г. И. Архангельская при разработке методики обучения счету отводила этим упражнениям большое место.

Рассмотрим типичный пример организации такой самостоятельной работы.

Упражнение в счете «четыре и один будет пять»

Воспитательница. Дети! В конвертах есть вырезанные из бумаги машины, вот такие (показывает). Вам их надо наклеить на бумагу так — четыре машины наклеить с левой стороны, будто они едут в эту (показывает) сторону, а одну машину надо наклеить так, чтобы она шла им навстречу с правой стороны. Когда наклеите, то посчитайте, сколько наклеили всего машин, и скажите мне.

Есть еще и флажки, их тоже надо наклеить на машины и посчитать, сколько флажков всего наклеили.

Так как здесь предстояло только закрепление уже усвоенного приема счета, то умственная задача относилась к расположению машин на листе по признаку их числа, без пересчитывания.

Все дети планировали расположение машин на листе, руководствуясь их числом и направлением. В результате только трое детей пересчитывали для того, чтобы назвать общее число. Большинство детей называли общее число без пересчитывания предметов.

Большинство детей выполнили задание правильно.

Работа длилась 30 минут.

РЕЗУЛЬТАТЫ ОБУЧЕНИЯ

Вопрос о результатах обучения нельзя рассматривать изолированно от самого процесса обучения. Только последовательное, внимательное изучение влияния обучения на развитие личности ребенка дает возможность правильно определить его результаты.

Под результатами нужно понимать как самый факт усвоения детьми знаний, умений, отношений, так и изме-

нения в их личности, происходящие под влиянием обучения.

В процессе обучения развивается не одна какая-либо черта, не одно изолированное свойство (например, устойчивость внимания или речевая активность), а детская личность в целом.

Прежде всего ясно выделяются те качественные изменения, которые характеризуют состояние внимания, организованности, умственной активности детей.

Достижение самого простого результата для маленького ребенка представляет большой и часто сложный труд. Мы рассматриваем учебную деятельность ребенка-дошкольника как школу воспитания его воли и эмоций. В игровой деятельности дети тоже получают определенные результаты, но эти результаты имеют иное психологическое влияние на ребенка.

Главное предостережение, которое должно быть нами высказано, касается необходимости остерегаться принимать за результаты детских усилий то, что сделано ребенком при самом непосредственном участии лица, обучающего детей.

В практике дошкольного обучения приходится отмечать это обстоятельство особенно часто, так как желание «помочь» ребенку, идущее еще от методики заданий, настолько сильно, что заглушает разумное отношение к процессу преодоления ребенком трудностей. Это не значит, что ребенок может быть оставлен без всякой поддержки и направления, но степень вмешательства и его форма должны быть всегда связаны с задачей формирования самостоятельности ребенка.

Подлинно воспитательное значение имеет, следовательно, только тот результат, который достигается усилиями самого ребенка. Нам неоднократно приходилось наблюдать отстраняющий жест ребенка, когда он заинтересован работой и не хочет помощи. Это — важный сигнал психологического значения, показывающий, что ребенок уже не только хочет что-то сделать, но уже и может.

Соответственно этому встает вопрос и о педагогическом отношении к результатам, получаемым детьми.

Воспитательное содержание оценки, по нашему убеждению, не может быть оторвано от достижений в области того, чему ребенка обучают. Поэтому обычная поощрительная оценка («хорошо», «молодец», «постарался» и

т. д.), широко применяемая в дошкольном воспитании, не будет иметь настоящей воспитывающей силы воздействия. Воспитательное значение приобретает такая оценка результата, в которой содержится определенный уровень дидактических требований. Именно это делает в глазах ребенка его работу осмысленной, его усилия оправданными теми достижениями, которые у него есть в данном случае. Поэтому самой простой для детей, легко ими понимаемой, является оценка, анализирующая правильность его действия в соответствии с тем, что требовалось (как было сказано, показано). Слово «правильно» связано с анализом того, в чем заключается эта правильность, и во много раз богаче оценки «хорошо».

Разумеется, по мере роста детских достижений, по мере расширения содержания обучения изменяются и требования, предъявляемые к оценке результата.

Оценка постепенно становится все более детальной, фиксирует внимание ребенка на качестве его работы (рассказе, рисунке, движении, конструкции). Оценки, относящиеся к отдельному моменту, этапу работы становятся материалом, на основании которого дается итоговая оценка проделанного.

Встает вопрос о том, насколько целесообразно повседневно отмечать и оценивать результаты проделанного детьми.

Это относится к важной в психологическом отношении проблеме — как сделать, чтобы психологическое влияние оценки не оказалось подмененным простой констатацией выполнения.

Поэтому прибегать к оценкам, общим для всей группы детей, нужно с учетом того, какое психологическое влияние это произведет на детский коллектив, на ребенка. Здесь имеет значение и форма оценки: в зависимости от того, в какой форме она сделана, дети по-разному воспринимают ее, например: «Вова нарисовал дом неправильно» или «Дом нарисован неправильно». Вторая форма оценки более объективна, так как здесь рассматривается итог работы, в то время как в первом случае внимание сосредоточивается на личности ребенка. Как ни малы еще дети, они все же очень чутко воспринимают это различие. Необходимо воспитать у детей правильное отношение к ошибкам, неточностям как своим, так и других детей.

Важной стороной вопроса о результативности обуче-

ния является определение тех фактических возможностей детей, которые делают обучение их возможным и нужным.

Возможность поднять развитие всех детей на согласованный с их возрастными возможностями уровень, как показывает наш опыт, зависит от знаний, которые будут им даны.

До введения в детском саду обучения в практике дошкольного воспитания имела значительное влияние теория, согласно которой высоких показателей в развитии (в речи, рисовании и т. д.) достигают только дети, одаренные от природы. Считались неприемлемыми какие-либо общие показатели, тем более показатели программного характера (в силу чего фактически программа и не разрабатывалась, а намечалось содержание, которое «могут» усвоить дети).

Проблема индивидуальной одаренности имеет громадное значение для теории и практики воспитания и обучения уже на ступени дошкольного возраста. Однако индивидуальные показатели одаренности отдельных детей в речи, движении, рисовании не могут служить мерилем развития всех детей дошкольного возраста.

По-видимому, многие ошибки в педагогике детского сада надо отнести за счет приравнивания возможностей, характерных для отдельных детей (в той или иной области) к возможностям развития всех детей. Так как масса детей не проявляла в условиях методики свободных занятий тех качеств, которые от них требовались, то у воспитателя и складывалось мнение о слабой одаренности большинства детей в группе.

Результаты обучения детей показали, насколько ошибочно было это отношение к возможностям детей.

Все дети в группах детского сада в условиях обучения могли достичь того уровня развития в языке, рисовании, движении, которого в прошлом достигали так называемые «одаренные» дети.

В сущности «одаренность» многих детей является лишь следствием того, что эти дети находятся в более благоприятных условиях, созданных для их развития. Поэтому важным показателем значения обучения является достижение всеми детьми в группе программного уровня развития в рисовании, речи и т. д.

Значение такого рода результатов необходимо под-

черкнуть, так как из всех различных средств дошкольного воспитания именно обучение дает возможность решить задачу развития всех детей на необходимом уровне. С обучением следует связать решение важного теоретического вопроса дошкольного воспитания — возможности проведения в жизнь определенной программы образовательной работы.

Усвоение всеми детьми круга программных знаний является внешним показателем, как бы чисто количественным признаком успешности работы. Но именно этот показатель раскрывает многие возможности всестороннего развития детей, дает нам уверенность в том, что решение этой задачи не находится в руках природы или случая, а зависит от воспитания и обучения.

Возможность решать задачи всестороннего развития по отношению к массе детей, наличие для этого конкретных средств обозначают на практике повышение воспитательной роли советского детского сада. Несомненно также, что и в теоретическом отношении это дает возможность оценить действительное значение образовательного содержания воспитательной системы советского детского сада и разработать эту содержательную сторону педагогики дошкольного воспитания.

Но общие показатели успешности обучения складываются из практики повседневной работы. Поэтому важно иметь в виду именно практику каждого дня.

То обстоятельство, что дети на каждом занятии выполняют предлагаемую работу и достигают в выполнении определенных результатов, говорит о значительных сдвигах в развитии всех детей. Повседневная практика никогда не должна оставаться незамеченной, не оцененной. Приведем данные о работе в средней группе (эти дети обучались уже и в младшей группе; число детей в группе на протяжении года колебалось от 22 до 28).

18/X. Пересказ басни «Лиса и Рак». Выполнили 8 детей.

22/X. Лепка овощей. Выполнили 20, не выполнили 2.

25/XI. Рисование куклы. Выполнили 18, неточно выполнили 4.

9/XII. Рисование на тему «Гуси-лебеди». Выполнили 21, не выполнил 1.

16/XII. Рисование на тему «Мама с дочкой». Выполнили 23, не закончили 2.

23/XII. Складывание альбома. Выполнили 24, не закончил 1.

14/I. Рисование на тему «Ветка елки». Выполнили 24 (все).

24/I. Конструирование санок из бумаги. Выполнили 27, не закончил 1.

31/I. Лепка чайной посуды. Выполнили 26 (все).

6/II. Рассказ по образцу «Когда я была маленькая». Прослушано 17 рассказов детей (из 25 присутствовавших).

Как мы видим, большинство детей выполняет работу. Не выполняют или не заканчивают работу только некоторые дети, в большинстве случаев 1—2. Причины этого индивидуальны и не могут служить основой для общих выводов.

Здесь же выступают и некоторые качественные показатели, имеющие отношение к характеристике уровня развития детей, их способности к учебной деятельности. Например, рассказ по образцу на занятии 6/II дали 17 детей (из 25 присутствовавших). Это показывает высокий уровень овладения детьми учебной деятельностью. Дети обладают умением творчески рассказывать по образцу, весь детский коллектив владеет навыком выслушивания рассказов других детей и участвует в их работе. В данном случае надо иметь в виду и напряжение от такой работы, протекавшей на протяжении 25 мин. Важно также достижение общих результатов в счете, конструировании, лепке. Здесь так же, как и в рисовании, только один-два ребенка не завершают работы, в то время как большинство детей с этим справляется. Выполнение работы всеми детьми на требуемом уровне говорит о том, что все дети достигают определенной степени развития.

Важно отметить, что успехи детей в языке, рисовании и т. д. влияют на развитие у них уверенности, расширяют круг интересов, обогащают их возможность действовать в разных областях.

Надо иметь в виду, что обычно при начале обучения дети одной группы очень отличаются друг от друга по общему развитию. Со многими детьми нужна большая воспитательно-образовательная работа для того, чтобы достичь нужных результатов. Обучение на занятиях дает возможность решать эту задачу с успехом.

Остановившись на показателях общего выполнения по средней группе, мы отнюдь не связываем их только с данным возрастом. Такие показатели характерны и для младшей и для старшей группы.

Как решается при этом вопрос о детях, не посещавших группу значительное время? Опыт обучения показывает, что при правильно организованной работе детского коллектива на занятии пропуски детей в пределах

нескольких недель не имеют резко отрицательного значения. Дети быстро входят в тот круг работы, который выполняет группа, при условии оказания им необходимого внимания. В том случае, когда обучение с данной группой детей шло начиная с младшей группы, а ребенок попадает только в старшую группу, устранить различия во всех областях не всегда удается. Однако это не может служить препятствием к тому, чтобы признать пребывание такого ребенка в течение последнего года в детском саду целесообразным.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДЕТЬМИ ЗНАНИЙ И УМЕНИЙ В ЖИЗНИ

Знания и умения, которые усваивают дети в учебном процессе, постепенно начинают использоваться за пределами занятий — в играх, в детском труде, в общении с окружающими.

Если эти явления не имели бы места, результаты обучения не представляли бы практического значения: то, как дети могут воспользоваться приобретенными знаниями самостоятельно, является важным показателем успешности обучения. Вполне понятно, что умение самостоятельно пользоваться знаниями, умениями носит всегда индивидуальный характер: одни дети быстрее овладевают навыками в рисовании, другие — легче осваивают счет и т. д.

Во всех случаях надо уметь проследить тот момент, когда наступает время известной зрелости полученных знаний и возможности вести детей по пути самостоятельного их использования. Методическое решение этого вопроса мы связываем с предоставлением детям возможности свободно рассказывать, рисовать, конструировать, используя для этого особый тип занятий. Организация такого занятия требует уже другого педагогического подхода. Такое занятие характерно тем, что для детей подготовлены только все необходимые условия, например бумага, карандаши или краски для рисования, материал для конструирования. Детям предоставляется на занятиях по рисованию самим выбрать тему, на занятиях по конструированию — замысел постройки и т. д. Если детям сообщались разнообразные сведения, то у них легко возникают темы рассказов, рисунков на основе образца и т. д.

В условиях обучения такие занятия нужно проводить в завершающие моменты работы над отдельными частями

ми программы, когда у детей накопились знания, когда ими усвоены навыки и умения для того, чтобы выполнить что-то по своему замыслу.

Обучение является только одним из звеньев общего педагогического процесса в детском саду и соприкасается близко с детской игрой, трудом, бытом. Вполне понятно, что существует постоянное и непрекращающееся взаимовлияние всех сторон педагогического процесса. Поэтому особенно важно, чтобы знания, получаемые детьми на занятиях, входили в детский обиход, служили развитию игры, труда, общения.

Выше мы рассматривали данные, полученные в результате обучения детей на занятиях. Теперь мы рассмотрим те ассоциации, которые образуются в результате связи знаний, приобретенных при обучении, с условиями среды, в которой живут и действуют дети.

И. П. Павлов говорит: «Когда образуется связь, т. е. то, что называется «ассоциацией», это и есть, несомненно, знание дела, знание определенных отношений внешнего мира, а когда вы в следующий раз пользуетесь ими, то это называется «пониманием»...»¹.

Самостоятельное использование знаний есть показатель тех качественных изменений, которые происходят в результате длительного периода незначительных, едва заметных изменений в личности ребенка под влиянием обучения.

Интересный материал в этом отношении имеется у воспитателей детских садов, долго и внимательно разрабатывающих обучение.

Из опыта В. В. Семеновой интересны такие факты. Она внимательно изучала свободное оперирование детьми знаниями и сопоставляла их с тем, что было дано детям в процессе обучения. В. В. Семенова наблюдала следующее.

Группа детей проходит мимо сада, под деревьями дети останавливаются, сразу же обращают внимание на набухшие почки.

Разговор детей: «Смотрите, какие почки большие, теперь скоро и листочки распустятся». «Такие почки у нас в группе есть на ветках, это тополь». «У тополя самые большие почки и не круглые, а длинненькие». «Сначала из почки маленькая зеленая палочка покажется, а потом листочек распустится». «У нашего дома тоже тополь растет».

¹ Павловские среды. М.—Л., т. II, с. 579—580.

Когда проходили мимо березок, дети сразу обратили внимание на почки березок, правильно назвали, заметили, что почки недостаточно набухли и что у тополя скорее распустились листочки.

Возвращаясь домой, проходили мимо липы. Воспитательница предлагает детям идти быстрее, чтобы не опоздать к обеду, делает это умышленно, чтобы дети не обратили внимания на липу.

Саша, Алик, Наташа, Леночка и другие дети сразу спросили: «А какое это дерево?»

Н а т а ш а В. В., сломите нам и эту веточку, у нас в группе такой не было.

А л и к. Можно и не ломать. Вы, В. В., большая, достанете ветку, нагнете, и мы посмотрим. Мы посмотрим, а потом быстро пойдем и не опоздаем к обеду.

М а р и н а. И руки быстро вымоем.

Пришлось уступить желанию детей. Воспитательница наклонила большую ветку.

Дети с большим интересом стали рассматривать ветку, и тут же начались обсуждения.

Ж е н я. Это не тополь, у тополя почки большие, длинные, а эти круглые.

Д и н а. Это и не береза: почки круглые, почти как у березы, а все-таки не такие.

Н а т а ш а (добавляет). Почки круглые, а веточки совсем не такие, как у березы.

А р т у р. У нас на участке много таких деревьев есть, и дома у меня есть, а как называется — забыл.

Никто не вспомнил, как называется это дерево, но в то же время никто не спутал его со знакомыми деревьями, и дети хорошо отметили разницу почек и веток.

Воспитательница сказала детям, что это липа.

Дети гуляют на участке. Теплый весенний день. Снег весь растаял. Начала показываться первая зелень. Женя Л. нашел шмеля и радостно показывает другим детям, потом с увлечением наблюдает, как он ползает.

Костя наклонился, потом присел на корточки и начал рассматривать первые листочки только что распустившейся нежной зелени. Костя зовет Сашу, Артура и им показывает листочки. Подходят Наташа, Тоня, все вместе рассматривают.

К о с т я. Какие красивые круглые листочки растут!

Н а т а ш а. Они только что распустились, потому что они нежно-зеленые.

К о с т я (задумался, спрашивает). Наташа, а откуда эти листочки распустились?

Н а т а ш а. Как откуда?

Т а н я. Теперь весна, потому и распустились, и травка зеленая, вот какая, а это старая травка осталась.

К о с т я (опять неудовлетворенно спрашивает). Нет, а откуда листочки распустились, Они тоже сначала, как у тополя, набухли, а потом из них листочки распустились?

Вопрос Кости заинтересовывает всех детей, и они наклоняются над маленьким зеленым кустиком и начинают тщательно искать.

Подбегает Женя с жуком. «Вы что нашли? Я жука нашел, смотрите какой и лапками шевелит, он проснулся».

Дети ненадолго отвлекаются, смотрят на жука. Костя торопливо отвечает Жене: «Нет, не жука нашли, иди» — и продолжает смотреть на кустик.

Наташа говорит: «Никаких почек нет, и ничего нет, а как же листочки распустились? Мы тыкву сажали... когда семена намочили, они сначала набухли, а потом уже корень вышел...»

Подбежали дети, и уже целая большая компания окружила маленький кустик.

Рассматриваю растение вместе с детьми и говорю, что дети правильно решили, что листочки прямо распускаются, но один из них еще совсем свернутый. Объясняю детям, что такой свернутый листочек появляется сначала, а потом он разворачивается, называют листочки эти манжеткой.

Артур заявил: «Эти листочки как парашют, — сначала сложены, а потом распускаются».

Дети перешли в старшую группу, и следующей весной ветки были поставлены в банках в помещении, где занималась группа. В индивидуальных беседах воспитательница просила детей рассказать про ветки. Приводим рассказы детей, участвовавших в занятиях и прогулках, проведенных год назад в средней группе.

Рассказ Люси К.

Мы, когда принесли веточку, она была без листочков, только с почками. Потом почки стали немножко набухать; когда мы ветку посадили в баночку и налили водичку туда, понемножку стали распускаться маленькие листочки. Маленькие листочки стали больше, и, когда листочки совсем большие выросли, из веточки внизу стали кончики распускаться, и тогда веточку можно в землю сажать. Веточки разные бывают: толстенькие, а тоненькие у березы и липы. Почки тоже все разные бывают: у тополя — большие половинки, почки круглые, а другая половинка острая; у березы — только кругленькие и гладенькие.

Рассказ Кости А.

Сначала почки такие маленькие, коричневые, почки начинают набухать и чуть-чуть зелененькие делаются. А когда почти совсем набухнут, тогда они не коричневые, а зеленые, и потом листочки распускаются. Веточки разные бывают: и толстые и тонкие. У тополя — большие длинные, у березы — маленькие круглые. Ветки по-разному и распускаются. Когда у тополя листочки уже распускаются, у березы чуть-чуть начинают распускаться, а у липы еще совсем не распускаются, только почки набухают.

Костя кончил свой рассказ, немного подумал и добавил: «А осенью все листья желтые будут и все попадают с веток».

Если сопоставить эти рассказы детей с теми знаниями, которые давались им на занятиях, то нетрудно прийти к выводу о том, что все приобретенное детьми не являет-

ся результатом стихийных накоплений, а есть результат воспитания и обучения. На занятиях дети рассматривали ветки различных деревьев, учились различать их по форме почек, по форме листьев, по запаху, получали элементарные сведения о жизни растений. Об этом им рассказывала воспитательница, и дети сами учились.

Степень развития наблюдательности детей, рассказы Люси и Кости с совершенной очевидностью показывают влияние занятий, построенных по принципу обучения. В рассказах отражены наблюдения детей; у них оказался значительный запас представлений для составления содержательного рассказа. От рассказов Люси и Кости резко отличаются рассказы детей, не получивших такого организованного воспитательного воздействия. Ни возраст ребенка, ни благоприятные условия его жизни, как показывает практика, не могут заменить организованного процесса обучения.

Витя Н. (мальчик 6½ лет, пришедший в старшую группу детского сада, наблюдательный, умный) на предложение рассказать о ветке задумался, потом неуверенно начал: «Это про ветку сказать?» Опять задумался. «А что сказать про ветку?» На повторное предложение сказать, что он сам хочет, Витя начал: «Я видел только вербу», — остановился, затем продолжал: «Видел ветку вербы, из черненьких таких на ветке будут распускаться вербочки, а после вербочки — листочки». Еще подумал и сказал: «А больше ничего».

Нина К. (девочка 7 лет, жившая все время в деревне, посещает детсад 1 месяц) рассказала: «Тополь, липа, береза. Они распустились, у них листочки стали. У тополя широкие листочки, у березы — нет».

Г. А. Архангельская наблюдала использование детьми знаний и умений в счете, которым их обучали, в свободных играх.

Дети применяли счет в быту, игре и уверенно действовали на занятиях при решении следующих по программе счетных операций.

Дети младших групп со всей непосредственностью и интересом применяли счет при дежурстве, выполняя установленные требования: брать из буфета (или со стола) и ставить на столы не по одному, а по два чайных блюда, не по одной, а по две чашки; убирать со стола только по две глубоких тарелки и т. д.

Таня (четыре года). Юра взял Сережину и мою тарелку и берет еще Мишину — три тарелки, так нельзя.

Наташа. Все три коляски заняли, а я хочу свою куклу катать.

Ира. Два кресла — Михаилу Ивановичу и Настасье Петровне, а диван — Мишутке, он улегся спать.

Виталик. Нет у меня одной варежки, сейчас найду и будет две. Вот они — две.

Рита. К вам две девочки пришли. Они там ждут.

Миша. В одну машину насыпали снег, еще одна машина идет. Вот она едет за снегом.

Мы видели, что в результате обучения приемам счета на занятии дети средней группы сознательно усваивали их; навык счета становился более стойким и легко применялся в изменившихся условиях.

Вова (работая в уголке природы). Палочники (насекомые в террариуме) уже съели два листочка, осталось только три.

В игре «По щучьему велению» (ловишки) Оля говорит о правилах в игре: «Когда два человека останутся, тогда они будут всех выручать». Через некоторый промежуток времени: «Осталось уже четыре человека. Как Галю с Наташей поймают, так и двое будут всех выручать — Алеша и Сережа».

Легко отсчитывали дети перед зарядкой по пяти человек в звено.

Дети любили игры, в которых применялся счет, и чем быстрее, живее проходила такая игра, тем больше она нравилась им. Например, в игре «Перебежка» дети безошибочно говорили один за другим:

Нас десять (перебегает) — Я первый.
Нас девять » — Я второй.
Нас восемь » — Я третий и т. д.

Счет применялся также в играх: «Назови большее или меньшее число», «Что изменилось?», «Кто знает, тот дальше считает».

По принципу соревнования между группами детей была проведена игра «Кто быстрее?». Все дети участвовали в соревновании. Каждый торопился сосчитать количество предметов на картинке и вложить цифру в соответствующий кармашек на вывешиваемом полотне.

Проникновение усвоенного на занятиях в свободные игры отмечает Р. И. Жуковская¹. Ею же отмечены факты отражения навыков, умений, полученных на занятиях в самостоятельном конструировании детей. Так, Женя К.

¹ Жуковская Р. И. Руководство творческими играми дошкольников. М., 1953, с. 18, 34.

построил: а) по образцам: дом, метро, детский сад, конюшню, грузовик, коровник; б) самостоятельно: танк, дачу, кино, пароход, стадион.

Таким образом, факты говорят о применении знаний и умений, полученных детьми на занятиях, в их самостоятельной деятельности. Дальнейшее накопление практического характера и данных специальных исследований даст возможность еще более основательно разработать вопрос о тех результатах, которые дает процесс обучения, о том, как полученное детьми связывается со всем процессом развития в целом.

Характеристика процесса обучения в его главнейших проявлениях показывает, что все его моменты связаны с организованной формой.

Значит, понятие процесса обучения необходимо связывается с протеканием его в определенных условиях места, времени, при организации группы детей, под руководством воспитателя. Без определения этих обстоятельств нельзя представить обучение как процесс.

Наши опыты по разработке характера обучения мы не считаем сколько-нибудь полными. Однако представляется, что нам удалось изменить самый характер сообщения знаний и умений и сделать его для детей процессом активной и творческой работы. Это имеет большое значение, так как дает нам возможность показать, насколько процесс получения знаний и умений в обучении способен решать и задачи развития детской активности и творчества. Это внутреннее слияние процессов, их взаимопроникновение не оставляет места для схоластического по существу вопроса о «сочетании учебных и творческих задач». Дети способны не только воспроизводить сказанное и показанное, но и решать умственную задачу, и видеть ее в предложенном материале; детям доступны различные пути решения того или иного вопроса, выбор, сравнение, принятие самостоятельного решения. Поэтому случаи подражательности детей здесь крайне редки, в то время как у детей, не владеющих методом творческой работы, даже в старшем дошкольном возрасте подражание преобладает.

Характерно также и то, что дети приучаются работать в коллективе, и это является важным стимулом для развития у них самостоятельного и активного отношения к учебной работе.

РАЗВИТИЕ АКТИВНОГО ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ У ДЕТЕЙ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ

Одним из самых сильных аргументов против пояснения, показа в обучении является утверждение, что этим путем развивается у детей только механическая подражательность, а такие важные качества личности, как инициатива, активность, заглушаются.

Обосновывается это положение ссылками на практику фребелевских детских садов, указанием на то, что там действия детей определялись словом и показом воспитателя и вызывали у детей только механическое подражание.

Перед нами стояла серьезная исследовательская задача. Заключалась она в том, чтобы найти в обучении такие средства, которые при показе, пояснении и образце придали бы ему живой, творческий характер, развивали активность детской мысли, детское воображение.

Мысль о необходимости делать обучение процессом творческим характерна для русской прогрессивной педагогики. Наиболее ярко, полно она выражена у Л. Н. Толстого. Его критика фребелевских занятий в заграничных детских садах содержит в себе требования такого обучения, при котором дети не механически воспринимают, пассивно отражают данное им, а способны активно усваивать знания, развивающие их мышление, умение наблюдать. Наши поиски были направлены на то, чтобы обучение могло опираться на детский опыт, расширять его, подсказывать детям пути его использования.

Сам характер обучения требует освоения данного содержания, т. е. основано на подражании обучающим образцам. Несомненно, здесь скрыта опасность развития механического, чисто подражательного мышления. При относительно слабом развитии мышления в дошкольном возрасте эта опасность особенно велика.

Но, если ее предвидеть, она легко устраняется внесением в обучение таких свойств, которые преодолевают чисто подражательное отношение детей к воспринимаемому материалу и развивают гибкость мышления, конечно, в соответствии с возможностями данной ступени возраста.

Одним из решающих условий является такое построение обучения, которое опирается на активное решение детьми определенных умственных задач, требующих от ребенка активной работы мышления.

Умственные задачи должны разрабатываться таким образом, чтобы решение их могло идти не одним, а несколькими путями. Словом, мы хотим сказать, что, обучая детей, заботясь о содержании обучения, необходимо одновременно иметь в виду и воспитание ценных качеств мышления. Это активное педагогическое вмешательство в развитие ребенка имеет свою конкретную форму — оно опирается на разработку такого обучения, которое вызывает у детей формирование определенных черт мышления.

На практике, при проверке обучения, мы обнаруживали иногда и явление механического усвоения. В средней группе, например, рассказывая по картинке, дети почти буквально повторяли друг друга.

Изучение материалов показало, что все случаи подобного рода связаны с неправильно проводимым обучением. Механический характер усвоения детьми образца возникал потому, что образец (как и пояснение и другие приемы) был дан без показа того, как можно варьировать рассказ, что и как можно изменять и что должно быть общим у всех детей.

Творческий характер обучения зависит от того, как поставлена умственная задача. Если умственная задача состоит для детей только в том, чтобы увидеть, услышать и запомнить материал, то такое обучение всегда будет механическим.

Какой же должна быть умственная задача, чтобы знания и умения творчески усваивались детьми?

Как известно, обучение является освоением накопленных знаний, умений. Творческий характер обучения предполагает творческое освоение детьми предлагаемого им материала, т. е. определенную умственную его обработку.

Мы остановимся на данных, характеризующих развитие детей в тех случаях, о которых и высказывалось мнение, что они оказывают механическое влияние на детей. Речь идет о том, как дети по образцу обучаются связной, развитой речи, и как при этом развивается у детей творческая мысль, воображение.

Из опыта обучения в средней группе

Воспитательница. Дети, сейчас я вам расскажу, что со мной случилось, когда я была маленькой, а потом вы будете рассказывать, что с вами случилось.

Образец. Когда я была маленькая, я один раз пошла гулять к пруду. На мне было новое платье и белые носочки. Около пруда паслись гуси. Вдруг самый большой гусь вытянул шею, зашипел и побежал за мной. Он хотел ущипнуть меня за ногу. Я испугалась, бросилась от него и провалилась в тину. Гусь отстал, а я побрела домой. Мое новое платье было все в грязи, а на ногах были теперь не белые, а черные носочки.

Дети улыбаются.

Воспитательница. Еще так случилось (как возможность вариации случая в рассказе). Когда я была маленькая, я захотела пойти на улицу. Пошла, а около дверей стояла лопата. Я дверь открыла, а лопата меня ударила.

Дети, вспомните, что с вами случилось, когда вы были маленькими. Подумайте хорошенько. Может быть, вы где-нибудь с мамой были или гуляли. Вспомните и расскажите¹.

Рассказы детей

Зина. Когда я была маленькой, я пошла на улицу играть и пошел сильный дождь. Я хотела прыгнуть через лужу, но упала и запачкалась.

Ваня. Мне еще было 3 года, мама ушла на базар, у меня были маленькие котята, я с ними играл, я их кормил. А потом мама пришла и принесла молочка и конфет.

Толик. У меня был кот. Мама ушла в гости и оставила меня одного дома. Я с ним поиграл, а потом его рассердил, и он меня поцарапал.

Витя. Я поехал к бабушке. Гулял, гулял, хотел идти домой. Курица стояла у дверей и клюнула меня в ногу.

Гена. Мы пошли с мамой в зоопарк, я видел там обезьяну. Я просунул палец, а обезьяна хотела меня укусить. Мама мне сказала, что так нельзя.

Валерик. Как-то раз, когда мне было 2 года, я был маленький. Когда был именинником, мама мне принесла конфет. Я вышел на улицу, там лежал камень. Я хотел его взять, упал, и конфеты упали.

Валерик. Я был именинником, мама купила мне плитку шоколада. Я увидел курицу, хотел ее поймать, побежал и упал в лужу.

Что примечательно в этом занятии? Прежде всего мы можем отметить, что все дети в группе овладели способностью рассказывать, привлекая свой опыт. Только в первом рассказе видно прямое подражание образцу («Когда я была маленькая... хотела прыгнуть через лужу...»). Остальные рассказы свободны от прямого подражания, хотя в них и заметно влияние образца, но каждый рассказик индивидуален по замыслу, в каждом отражен жиз-

¹ Опыт показал, что такой задачи (применительно ко всей группе в целом) необученные дети решать не могут. Обучавшиеся дети выполняют ее все без исключения.

ненный случай. В этом, несомненно, проявляется творчество детей.

В условиях обучения у детей старшего дошкольного возраста эта способность значительно развивается. Совершенствуется форма речи, глубже и разнообразнее становится замысел, легче привлекается опыт. Сам по себе опыт и знания становятся богаче. Мы не приводим здесь примеров таких самостоятельных рассказов, ввиду того что этот вид занятий стал уже обычной практикой.

Опыт показывает, что в запасе у детей всегда есть о чем рассказать, что их наблюдения богаты по содержанию, и если они владеют речью свободно, то составляют содержательные и ясные рассказы.

Но такое умение «рассказать», как и общее представление о том, что значит «рассказывать», дети усвоили в обучении при пересказах народных сказок, детских рассказов для чтения и т. д. На этой основе стало возможным развитие творческого характера обучения.

Таким образом, попытка обучать детей, показывая им образец, пример, дала положительные результаты. Все дело в том, каков будет показ, каким будет пояснение, образец, с какими воспитательными целями он будет даваться в обучении. Поэтому и разный воспитательный эффект дают различные приемы обучения. Одна задача ставится перед образцом для точного пересказа (выработать у детей практическое представление о рассказывании и умение что-то связно пересказать), другая — при творческом рассказывании, характеризующем более высокий этап в обучении.

В книге «Обучение в детском саду» опубликованы конкретные данные о различном выполнении детьми работы и отношений к ней в тех случаях, когда образец (наклеивания) дается для точного копирования и для творческого использования, т. е. когда детям указывается, в чем они должны ему следовать, а где могут поступать свободно. В настоящее время в практике детских садов накопился уже значительный опыт и подобного рода факты не представляют исключения, они становятся обычными.

Нами был проведен ряд контрольных занятий с детьми старших групп детских садов. Одно из них приведено в таблице 5.

Счетно-конструктивная задача состояла в том, чтобы сложить из палочек флажок: «Надо взять две палочки и

Различия в способах решения умственной задачи детьми

Решение задачи обучавшимися детьми

Решение задачи детьми, работавшими по методике заданий

1 стол		1 стол	
2 стол		2 стол	
3 стол		3 стол	
4 стол		4 стол	
5 стол		5 стол	
6 стол		6 стол	

положить на столе одну над другой — это будет палка от флага, а из остальных палочек сложить материю флага. Когда сложите флагок, посчитайте, сколько палочек пошло на материю флага, сколько на палку, сколько палочек пошло на весь флагок» (каждому дается по 10 палочек, количество их не называется).

В таблице наглядно представлены способы решения задачи детьми двух групп. Одна группа — ранее обучав-

шиеся дети, другая — дети не обучавшиеся (работали прежде по методике заданий). В каждой группе 18 детей (по 3 человека за каждым столом).

Дети обучавшиеся руководствовались счетной задачей и выполнили ее точно, используя 10 спичек. Каждый ребенок придумал свою конструкцию флажка. Работа за одним столом не помешала детям индивидуализировать свою работу. Конструкции флажка разнообразны. Устный счет дети ведут легко и правильно.

Дети не обучавшиеся руководствовались счетной задачей только при составлении палочки флажка, в остальном или оставляли данные им спички (в числе десяти) не использованными, или брали у соседей. Сосчитать не могли. Конструктивную задачу решали однообразно, подражая друг другу.

В связи с этим мы имели возможность отметить существенные различия в работе детей обучавшихся и тех детей, которые работали по методике заданий. Результаты сводятся к следующему.

Дети первой группы проявляют инициативу и активность в решении вопроса, действуют индивидуально и самостоятельно. Дети второй группы действуют путем подражания друг другу, проявляют мало самостоятельности, нет инициативы в разрешении поставленной перед ними задачи. Эти дети склонны решать ту или иную умственную задачу наиболее легким и привычным путем. Поэтому они удовлетворяются первым полученным результатом и не требовательны к себе.

Таким образом, прослеживая процесс овладения детьми знаниями и умениями в дошкольном обучении, можно установить не только доступность этих знаний и умений всем детям в группе, но также и то важное обстоятельство, что дети в выполнение учебной работы активно вносят что-то свое. Даже в том маленьком мире несложных рассказов, конструкций, счетных задач дети находят свой индивидуальный путь. Значит, обучение не обезличивает детей, а значительно их обогащает.

В свете фактических данных становится понятным, что нет оснований опасаться как обучающего влияния на ребенка, так и обучающего образца. Все дело в том, как будет построено обучающее влияние и каким будет дидактический образец.

Опыт показывает, что обучение дает детям широкую

основу для развития индивидуальных интересов и способностей, поднимает уровень творческого развития ребенка.

ЗНАЧЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТА, ПОЛУЧАЕМОГО РЕБЕНКОМ, ДЛЯ РАЗВИТИЯ ИНТЕРЕСА К ЗАНЯТИЯМ

Факты глубокой заинтересованности детей при обучении известны всем, кто наблюдал детей в детских садах. Законно возникает вопрос: что же направляет интересы детей, что вызывает у детей так много упорства, желания завершить то или иное предложенное им дело?

При пояснении и показе одни дети раньше, другие позже «открывают» для себя источник получения знаний, умений; они начинают связывать содержание пояснения, показа с содержанием своей работы, с ее результатами. Известен тот психологический факт, что дети младшего дошкольного возраста (часто и старшего) как бы не замечают воздействия на них примера окружающих и утверждают, что они «сами» научились. На вопрос: «Кто тебя научил делать лодочку?» — большинство детей ответит: «Я сам научился». Возможность воспринять что-то от взрослого, чему-то научиться не осознается еще ясно детьми. Видимо, в этом значительная роль принадлежит практике детских игр этого периода, характерных тем, что дети действительно «сами» все задумывают и выполняют. Для детей является новым учиться у взрослого. Перелом наступает с того момента, когда в сознании детей устанавливается связь между результатами их работы (рисования, наклеивания, лепки, конструирования) и теми пояснениями, тем показом, который дается воспитателем. Нагляднее всего сопоставление пояснений и показа с результатом возможно в наклеивании, лепке, где продукция находится перед глазами ребенка, где он сопоставляет выполненное им с теми образцами, которые были даны, и с тем, что выполнили другие дети. Вот почему обучение мы начинаем, давая детям такого рода практику, в процессе которой они наглядно убеждаются в необходимости источника для получения результата.

Самый факт получения определенного результата (например, нарисовать «дом», построить «дом», рассказать по картинке) оказывает на детей большое воспитательное влияние. Детей интересует не только процесс выполне-

ния, но и результат. Дети 4—5 лет испытывают радостное чувство, когда смотрят на нарисованный ими же «цветок», «мяч» и т. д. Нет сомнения в том, что обучение увеличивает их возможности в этом отношении, поднимает на новый уровень продукт их деятельности, и дети это замечают. Стоит только посмотреть, как дети толпятся вокруг рисунков, конструкций, выставленных для общего обозрения, как тщательно анализируют свою работу, сравнивают ее с другими.

В этой практической деятельности зарождаются у детей представление о связи, существующей между собственной деятельностью, и тем, что говорит и показывает воспитатель. У детей появляется способность не только слушать (как процесс), но и слышать (т. е. сосредоточиваться на даваемом содержании).

Наш опыт обучения на основе пояснения и показа говорит о том, что обучение и для воспитателя, и для детей является деятельностью, безусловно, целенаправленной. Выражения «такой же рассказ», «такой же рисунок» вполне понятны детям на ступени даже младшего возраста, при условии разработки показа и образца на уровне понимания детей данного возраста и воздействия обучения.

Необучавшиеся дети часто не могут идти так называемым «творческим» путем и поэтому отказываются от исполнения, ссылаясь на то, что они «не умеют», «не могут». Резко изменяется картина в практике обучения, когда дети привыкают действовать в направлении, указываемом взрослым. Они берутся за дело с намерением сделать то, что было предложено, и так, как сказано, показано.

Опыт обучения показывает, что эта целевая направленность деятельности детей дает результаты значительно более высокие, чем те, которые получают дети в свободной деятельности, когда самый ход дела толкает их на отклонения, облегчения, на замены одного замысла другим, более легко удающимся. Смена замысла у детей часто является совсем не результатом их богатой фантазии, а доказывает только неспособность детей самостоятельно преодолевать трудности, неизбежно встающие при исполнении. Обход трудностей дети мотивируют своими желаниями, так как не осознают причин, толкающих на изменение замысла.

Все эти факты обнаруживаются с несомненной ясностью в практике обучения. Факты показывают, что целевая деятельность у детей не образуется сама собой, не представляет собой перехода от какой-то бесцельной, процессуальной деятельности к деятельности целевой, не вытекает из игры, не является прямым ее продуктом. Целевая деятельность воспитывается в процессе обучения. Самую возможность учиться и научиться нужно открыть детям на практике. Результат начинает интересовать детей не сразу, а лишь постепенно, по мере того как они начинают осознавать, что могут выполнить что-то определенное. Опыт детей еще очень мал, и у них нет мерила своих возможностей. Например, они слышат хорошие рассказы других детей, видят хорошо выполненные рисунки, но у них нет мысли о том, что все это они могут делать сами. Только при обучении возможности детей поднимаются на этот уровень, а вместе с этим выясняется и воспитательная роль результата деятельности на развитие психики детей.

Результаты радуют детей открывающимися перед ними возможностями тех достижений, которые им не были доступны до сих пор, о которых они не имели никакого представления.

Сначала ребенка вполне удовлетворяет сам факт получения непосредственного результата (то, что им нарисовано, сконструировано, наклеено). Но при обучении, при условии выполнения какой-то общей работы, в младшей и средней группах (лепить гриб, нарисовать дом) дети начинают замечать несходство и сходство в их работах. Отсюда один шаг к анализу полученного результата. При наличии обучения результат начинает сравниваться с тем, что требовалось сделать.

Мы пользовались таким приемом, как выкладывание перед детьми образца работы (предлагаемого им уже в начале занятия) для того, чтобы каждый из них положил к образцу свою работу, если она выполнена «так же» и на другое место, если «не так». Во всей нашей многолетней практике применения этого приема не было случая, когда бы ребенок положил к образцу работу, отклоняющуюся от него хотя бы и небольшими деталями.

«Так» или «не так» — это то, что первоначально занимает ребенка как результат. Суждение «так» или «не так» обращает его к способам выполнения — как достичь

того, чтобы было «так». На определенном этапе обучения у детей всех ступеней дошкольного возраста развивается интерес к указаниям, как именно надо делать, что и составляет внутреннюю, психологическую сторону учебной деятельности и имеет большое воспитательное значение.

Результат для ребенка теперь заключается уже в том, чтобы сделать в деталях то, что было в образце и пояснении.

В практике обучения мы встречаемся иногда с пренебрежительным отношением воспитателей к деталям выполнения работы детьми. В лепке, рисовании, конструировании они легко проходят мимо неточностей, недоделок, неаккуратного выполнения и т. п., ограничиваясь очень общими требованиями. Этим наносится трудноправимый ущерб в воспитании у ребенка установки на получение результата.

Возраст ребенка не может служить препятствием к тому, чтобы доступное для него ребенок делал точно, красиво.

Что касается старших групп, то здесь у детей стремление к овладению знаниями и умениями в разных областях при обучении оказывается ярко выраженным; самые факты этих проявлений богаты и разнообразны. Это служит показателем того, что дети, поставленные в условия правильно организованного воспитания и обучения, могут учиться вполне хорошо.

Мы предполагаем, что психологическим мотивом стремления к учению у детей дошкольного возраста является желание получить результаты от своей деятельности. Можно наблюдать, как развивается это явление, как дети все с большим и большим вниманием и требовательностью относятся к результатам своей работы, у них складывается критическое отношение к ним и способность объективной оценки.

Несомненно, здесь заключается большой материал для детской психологии, изучая который она может дать педагогике полезные выводы для совершенствования процесса воспитания и обучения в детском саду, в семье.

Глава IV

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТАХ ДЕТСКОГО САДА

Изучение программных документов различных периодов развития теории и практики дошкольного воспитания показывает, что образовательное содержание занимает в них значительное место¹.

Содержание программных документов с разной степенью полноты охватывает главнейшие стороны развития ребенка и выражает требования советского общества к детскому саду. На первом плане стоит задача — дать детям представления, знания об окружающей советской действительности, под влиянием которых должно формироваться и поведение детей, должны складываться нравственные нормы. Это было вызвано стремлением приблизить детский сад к жизни советских людей, сделать содержание его работы живым. Этот принцип остается ведущим для всех программных документов².

Первый опыт программной работы был выражен в «Программе навыков». Здесь сделана попытка представить все стороны работы с детьми.

Поиски новых форм и стремление обогатить содержание работы детского сада были отражены в выпуске «Программ дошкольных учреждений», утвержденных в 1932 г. дошкольной секцией ГУСа (Наркомпрос РСФСР). Эти программы содержали в себе два документа: а) программы знаний и навыков и б) программы организующих моментов.

Нужно сказать, что в этом программном документе отражен положительный практический опыт детских са-

¹ См.: Программа навыков (1928). Программы дошкольных учреждений: а) программы навыков, б) программы организующих моментов (1932); Программа и внутренний распорядок детского сада (1934); Руководство для воспитателя детского сада (1938, 1945 и 1953); Программа воспитания в детском саду (проект) (1960).

² Единственным исключением является «Руководство для воспитания детского сада» (1938).

дов. Недостатком данного документа является несомненное преувеличение возрастных возможностей детей. Но несмотря на это, в программе знаний и навыков мы найдем много полезных сведений о том, в каком направлении нужно работать с детьми.

Хорошо разработана программа движений, культурно-гигиенических навыков. Значительный материал дан в программе музыкального воспитания. Программа изобразительной деятельности фиксирует внимание главным образом на материалах для изобразительной деятельности детей и дает общие установки по известному кругу знаний и умений в рисовании, лепке. Обширна программа по «математике». Здесь определяется круг знаний в области счета, величины, формы, пространства, времени для каждой ступени дошкольного возраста.

Надо отметить наличие программы по грамоте для детей шести и семи лет, предусматривающей освоение детьми чтения по методу целых слов.

Эта программа должна была осуществляться в форме «организуемых моментов» (длительностью 15—20 дней), содержание которых было разработано в особом документе. «Организуемые моменты» должны были организовать детскую жизнь вокруг определенного события общественной жизни (8 Марта, День Советской Армии), какого-либо события детской жизни и т. п.

Вспомогательной к «организуемым моментам» являлась так называемая «повседневная работа», рассчитанная на прохождение программы знаний и умений, не связанных с «организуемым моментом».

Программа знаний и навыков практически не использовалась и не осуществлялась на практике, так что о жизненной значимости программы знаний и умений почти не приходится говорить.

Исчерпывающую оценку роли «организуемого момента» дает Н. К. Крупская. «В свое время «организуемый момент» имел большое значение, потому что работа детского сада по традиции была очень бессодержательна... Мне кажется, что впервые был поднят вопрос об «организуемом моменте» для того, чтобы детям давать более углубленное представление, может быть, не начиная их политикой до конца, но сблизить с тем, чем живет страна. Это было положительно, но, мне кажется, что сейчас можно несколько иначе строить работу. От программ (программ органи-

вующих моментов. — А. У.) получилось у меня такое впечатление. Вот один «организующий момент»: поговорят об одном, а потом переключаются на другое. Запас знаний, который дается ребятам (я не о науке говорю), не закрепляется. Ребенку надо насчет животных, растений и людей приобрести целый ряд знаний, а тут ему даются лозунги, причем почти одно и то же дается каждый год. Повторения нужны, но надо соблюдать промежутки времени, через которые повторения целесообразно давать, а то это просто приедается»¹.

«Я боюсь, что иногда «организующие моменты» у нас заслоняют своеобразие той систематики, которая необходима»².

В другом своем выступлении Н. К. Крупская так говорила об «организующих моментах»: «...эти «организующие моменты» особенно пугают, потому что они оторваны от всей повседневной жизни изо дня в день, нет объяснения окружающих явлений, нет рассказов, которые ребят заинтересовали бы, нет наблюдений этой жизни — только определенное число этих «организующих моментов», когда говорятся большие слова»³.

Разрабатывается и издается Наркомпросом «Программа и внутренний распорядок детского сада» (1934). Документ этот оказался глубоко ошибочным, педологическим. Он утверждал строго установленные единые и неизменные для всех детей стадии и возрастные нормы развития. Так, по программе «Развитие речи» ребенок в три года должен был называть окружающие его предметы, в три с половиной — предметы на картинке, в четыре года — действия, в четыре с половиной — качества предметов.

По программе физического воспитания — в три с половиной года ребенок должен был приучаться расстегивать пуговицы на белье сбоку, а в четыре года — застегивать пуговицу сбоку и т. д.

Программы требовали от детей усвоения чрезмерного объема формальных знаний и навыков, что и приводило к формальному усвоению детьми знаний, часто недоступных для их понимания, и формальной тренировки в тех или иных навыках.

¹ Крупская Н. К. Пед. соч., М., 1959, т. 6, с. 270.

² Там же, с. 271.

³ Там же, с. 445.

Игры детей служили для проработки тем, воспитатель предлагал детям определенные темы игр (различные в зависимости от возраста детей).

Эта программа характерна утратой установки на воспитательный процесс. Формально понятая систематизация знаний и умений без учета возрастных особенностей направляла работу воспитателя с детьми по ложному пути («Программы и внутренний распорядок детского сада» отменены в ноябре 1937 г.).

На основе постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» от 4 июля 1936 г. происходит коренной пересмотр работы в области воспитания детей. Как известно, этим решением была ликвидирована лженаука педология, насаждавшая реакционные взгляды на детское развитие и реакционную практику воспитания детей. Дошкольная педагогика решительно освобождается от чуждых взглядов и влияний.

Подготавливается новый документ, изданный под названием «Руководство для воспитателя детского сада» в 1938 г. Это руководство состоит из программно-методических указаний, охватывающих все стороны воспитательной работы детского сада, а именно: физическое воспитание, игру, рисование, лепку, музыкальное воспитание, знакомство с природой, развитие речи и первоначальных математических представлений. Деление на главы является условным, так как этот документ ориентирует воспитателя на проведение единого педагогического процесса.

Воспитательный принцип, положенный в основу данного документа, определяет и направление программно-методического содержания работы детского сада. Руководство принадлежит воспитателю; все, что проводит воспитатель с детьми, имеет определенное воспитательное значение.

Так, в программе рисования и лепки говорится о том, что «в процессе работы воспитатель может (разрядка здесь и далее наша. — А. У.) помогать детям непосредственным показом отдельных приемов. При вырезывании «на глаз» можно показать прием вырезывания различных симметричных предметов путем сгибания бумаги вдвое. При составлении узоров из геометрических форм или при декоративном рисовании можно на первых занятиях показать детям готовые образцы.

В ознакомлении с природой рекомендуется метод непосредственного наблюдения природы, разнообразные игры, уход за растениями и животными, поручаемый детям, детская художественная литература и т. д.

Для развития речи детей намечаются такие пути: хорошая речь воспитателя, контроль за речью детей и ее исправление, разговор с детьми и беседа, рассматривание детьми картин, диафильмов, художественное чтение и рассказывание. Для развития математических представлений рекомендуется развивать математические представления ребенка на наглядном, конкретном материале, используя для этого игры, занятия с различными материалами, рассматривание картинок и пр. Большое значение при этом отводится также и специальному дидактическому материалу, однако его роль вспомогательная».

Н. К. Крупская сделала ряд замечаний по «Программе детского сада».

Главные замечания касались вопросов умственного развития. Н. К. Крупская пишет: «Существует, кроме физического воспитания, еще и *умственное развитие*. В данной программе говорится лишь о *знакомстве дошкольника с природой*. В этой главе говорится всего больше о *цветочках, о птичках, о красоте природы*. Обо всем говорится слишком общо, мало конкретно...

Но познания ребенку нужны не только о природе, но и *об окружающих людях, их жизни, труде*. Это из программ совершенно выпало...

И не случайно, что глава об общественном воспитании так мало конкретна. Вне людского общества нет и общественного воспитания»¹.

Несмотря на существенные недостатки, этот документ имел значительные преимущества по сравнению с прежними программными документами. Он ориентировал практику детских садов на глубокую работу по коммунистическому воспитанию детей, подчеркивал руководящую роль воспитателя в этом процессе.

Большое воспитательное содержание дается в программах рисования, музыкального воспитания, развития речи, математических представлений, знакомства с природой.

«Руководство для воспитателя детского сада» широко входит в практику детских садов, перестраивает ее и на

¹ Крупская Н. К. Пед. соч. М., 1959, т. 6, с. 397—398.

целый ряд лет становится основополагающим программным документом.

При последующих изданиях «Руководства для воспитателя детского сада» (в 1939 г. 2-е изд., в 1945 г. 3-е изд., в 1953 г. 4-е изд.) вносятся частичные изменения в структуру изложения, не меняющие характера документа, его основного направления и содержания.

При создании и переработке «Руководства для воспитателя детского сада» издания 1945 г. были учтены значительные накопления в теории и практике дошкольного воспитания и в психологии дошкольного возраста, сделанные за предыдущий период.

Вводится специальная глава о знакомстве детей с окружающей жизнью (знакомство с бытом, общественной жизнью, природой).

Характерным изменением в подходе к задачам воспитания является ясно выраженная установка на воспитание личности ребенка в детском коллективе. Материал «Руководства» разработан по принципу особенностей построения воспитательного процесса для каждого возраста, с учетом возрастных особенностей детей, характера их деятельности, отношений друг с другом и взрослыми. Изложение ведется применительно к построению воспитательного процесса в младшей, средней и старшей группах детского сада с характеристикой особенностей организации детской жизни и воспитания их поведения.

В «Руководстве для воспитателя» издания 1953 г. уже содержатся указания на обучение — на его значение, формы организации, методы. Однако программа образовательной работы по существу остается той же, что и в предыдущем издании. Она включает все те знания, умения, представления, которые ребенок приобретает различными путями. Вполне понятно, что воспитатели детских садов в своей практике обучения детей больше обращались к книгам и пособиям, где есть ссылки на программу обучения, нежели к «Руководству».

Опыт работы детских садов подсказывал необходимость создания программы обучения и достаточно убедительно раскрывал то положение, что имеются определенные знания и умения, весьма существенные для развития ребенка-дошкольника, которые формируются у всех детей, посещающих детский сад, только в том случае, если

этих детей специально обучают требуемым знаниям и умениям, если эти знания даются воспитателем на занятиях.

Например, дети младшей группы детского сада могут овладеть правильным произношением трудных звуков родного языка только путем специально организованного обучения. То же самое характерно для овладения связной речью детьми средней и старшей групп.

Так как обучение в детском саду имеет четкие временные рамки, то необходимо особенно строго подходить к определению его содержания. Образовательное содержание, являющееся предметом обучения, должно быть разработано в программе детского сада с особой тщательностью, ибо оно рассчитано на усвоение его всеми детьми данной возрастной группы. Поэтому исключительно важное значение имеют критерии, которыми следует руководствоваться при определении программы обучения в детском саду, признаки, по которым выделяется то, чему нужно обучать детей.

Для построения программы обучения в наших детских садах исходным положением является близость знаний, даваемых детям, к жизни, к практике.

Прежде всего необходимо отметить тот факт, что сейчас значительно возросли требования к воспитательно-образовательной работе с детьми дошкольного возраста.

Широкое развитие в Советском Союзе государственной системы детских садов значительно повышает роль этой работы, так как детский сад становится практически первой ступенью системы народного образования в нашей стране. К работе детского сада предъявляются четкие программные требования.

Обучение детей-дошкольников должно строиться с учетом специфических возрастных особенностей, поэтому выбор знаний с точки зрения близости их к жизни, практике должен все время координироваться с ходом физического и психического развития детей. Таким образом, решение вопроса о программе обучения состоит не в простом установлении какого-то количества знаний и умений (это сравнительно простая задача), а в том, чтобы правильно связать предлагаемые детям знания с ходом развития. Эти знания, с одной стороны, должны соответствовать уже достигнутому уровню развития детей, а с другой — всемерно способствовать их дальнейшему интеллектуальному и моральному росту.

Наибольшее значение для развития ребенка имеет обогащение его представлений об окружающем. Из своих представлений о жизни ребенок черпает содержание для игр, рисунков, для отношений с людьми. Широта и разнообразие этих представлений во многом определяют умственное и нравственное развитие детей.

Именно в этом направлении и должна всячески улучшаться программа работы детских садов. Еще сравнительно недавно работа по ознакомлению детей с окружающим ограничивалась кругом тех сведений, которые ребенок и сам мог получить от окружающих. Однако практика показала, что для правильной ориентации детей в окружающем этих сведений далеко не достаточно. Поэтому необходимо специально организовывать наблюдения за природой, за жизнью и деятельностью людей. Круг объектов таких наблюдений уже в общем намечен и при известных условиях может быть значительно усовершенствован.

В настоящее время опыт обучения в детских садах и ряд специальных исследований выявили воспитательную ценность и образовательное значение некоторых знаний и умений для детей разных возрастных групп. Многие воспитатели тщательно вычлениют элементы знаний об окружающем, доступные детям того или иного возраста. Так, проведена большая работа по определению тех физических явлений, которые доступны детям в 3—4-летнем возрасте, а также разработана методика ознакомления с этими явлениями. Намечены некоторые пути развития способностей детей к обобщению конкретных сведений, что должно привести к существенным общим сдвигам в их умственном развитии¹.

Была проведена большая работа по точному описанию тех представлений, которым должны согласно программе овладевать дети. Однако сейчас таким внешним описанием удовлетвориться уже нельзя. Важно установить связи, отношения этих представлений, выделить те из них, овладение которыми обеспечивает наибольший воспитательный эффект, наибольшее развитие способности к обобщению, к самостоятельному нахождению связей усваиваемых знаний и умений.

¹ См.: Психологические вопросы игры и обучения в дошкольном возрасте. Сб. статей / Под ред. Д. Б. Эльконина. М., 1957, с. 114—122.

Содержание программы должно быть таким, чтобы дети-дошкольники в пределах своих возрастных возможностей получали подлинно научные, точные сведения об окружающем. В то же время эти сведения должны способствовать развитию ребенка, его мыслительных способностей.

В этом отношении показательны рассказы для детей, написанные биологом Н. М. Павловой¹. В этих рассказах, написанных ясно и доходчиво, воспитатель может найти точные и подлинно научные сведения о растениях. Эти сведения расширяют кругозор детей, их познания о природе. Из рассказов воспитателей, построенных на материале книг Н. М. Павловой, дети узнают много нового по сравнению с тем, что они могли бы самостоятельно подметить (кто разносит семена растений, как открываются и закрываются чашечки цветков, как сменяется цветочный покров и т. д.).

Содержательный круг сведений о жизни животных дают детям сказки и рассказы В. Бианки. Они вводят ребенка в жизнь природы, открывают ему явления с той стороны, в том их виде, в каком ребенок самостоятельно воспринять их не может.

К сожалению, программа детского сада по ознакомлению с природой не учитывает содержания, которое изложено в художественной форме и может быть основой для работы воспитателя с детьми. Если обратиться, например, к программе по природе для средней группы, то здесь указываются чисто внешние сведения, которыми должны овладеть дети (умения различать деревья по внешнему виду — 2—3 вида; знания о том, что на деревьях, кустах зеленые листья, цветы красивые, душистые; семена сеют в землю, поливают, из них выращивают растения).

В программе старшей группы также констатируются лишь внешние явления природы. Ясно, что программа должна вводить детей в познание существенных особенностей жизни растений и животных. И в этом отношении необходима специальная работа по отбору сведений, доступных детям, и по приданию им адекватной для детского восприятия формы.

¹ Рассказы Н. М. Павловой «Желтый, белый, лиловый»; «В живой комнатке». — В кн.: Четыре времени года / Сост. С. А. Веретенникова и др. М., 1971.

В развитии ребенка второе место после ознакомления с окружающим занимает образовательная работа в области родного языка.

Обучение языку в детских садах проходит главным образом в следующих направлениях — фонетическом (звукопроизношение) и синтаксическом (связность) — и значительно меньше в направлении формирования грамматического строя языка.

Фонетическая сторона языка во всем ее многообразии формируется у детей прежде всего путем естественного подражания языку взрослых. Начиная с трехлетнего возраста специальная работа с детьми ведется уже выборочно — по определенным областям звукопроизношения, представляющим специфические трудности для усвоения языка.

В отношении русского языка обычно выделяются такие области работы: учить детей произносить слова внятно, без лишнего смягчения согласных, чисто произносить шипящие звуки (для младшей группы), учить правильно произносить все звуки в словах (для средней и старшей групп).

Практика детских садов показывает, что даже при такой общей постановке задач обучение звукопроизношению оказывает существенное положительное влияние на уровень развития речи детей.

Еще большее значение имеет обучение связной речи (умение связно, несколькими фразами описывать тот или иной предмет, умение полно, последовательно, выразительно рассказать о наблюдаемом явлении).

В педагогической практике важно определить не только круг представлений, знаний, умений, но также и тот словарь, который им соответствует и должен быть в активном пользовании у ребенка. Только на такой основе можно вести одновременно и работу по расширению круга представлений детей, и работу по обогащению их словарного запаса. В этом случае работа над словарем будет идти вместе с формированием представлений и выделять ее в отдельную программу нет оснований (хотя необходимо особо ее обозначить). В то же время работа по фонетике в младшей группе должна быть специально выделена, так как она требует особых приемов и не может протекать в процессе ознакомления с окружающим.

Новой является задача обучения конструированию и

программа этого конструирования. Начало развития способностей к этому виду деятельности закладывается в играх и занятиях детского сада, где дети получают представления о величине, форме, пространстве, а также навыки оперирования этими представлениями.

Важным вопросом дошкольного обучения является четкое определение содержания программы в области изобразительного искусства. Опыт обучения рисованию в детских садах показал, что здесь имеются серьезные затруднения. В частности, это относится к решению задачи по ознакомлению детей с величиной, формой, пространством и цветом.

Методика ознакомления с этими свойствами имеет много вариаций и представлена целым рядом пособий (дидактические русские народные игрушки, дидактические игры, специальный дидактический материал и т. п.). Однако обучение рисованию и конструированию слабо связано с систематическим и последовательным развитием представлений детей о форме, величине, пространстве, цвете. Расширение и обогащение этих представлений должно проходить на таком дидактическом материале, который был бы тесно связан с решением конструктивных и изобразительных задач. Это потребует, конечно, создания новых пособий, учитывающих и логику формирования изобразительных навыков, и особенности усвоения относительно общих представлений о качествах объектов.

Прочное место в детских садах заняло обучение детей счету. Опыт показал, что усвоение количественных операций не только расширяет круг представлений детей о вещах, но и имеет существенное значение для общего интеллектуального развития. Вместе с тем необходимо проводить дальнейшую работу по совершенствованию программ и методики обучения счету в дошкольных учреждениях.

В программу обучения в советских детских садах пока не входит чтение и письмо. В опытном порядке в этом отношении получен определенный материал, раскрывающий как общие возможности введения этих дисциплин, так и способы обучения им. Естественно, если дети в детском саду будут обучаться чтению и письму, то это облегчит им работу в школе. Вопрос о практическом введении обучения грамоте и письму в старшей

группе детского сада требует еще дополнительного обсуждения и исследования.

Как бы актуален ни был вопрос о содержании программы, однако он не исчерпывает всей проблемы обучения в детском саду. Не менее важен другой вопрос, затрагивающий, по существу, внутреннее строение этой программы, а именно вопрос о том, в каком порядке, в какой последовательности необходимо давать детям представленные в программе элементы знаний и умений. Ясно, что решение этого вопроса связано с учетом возрастных особенностей детей дошкольного возраста.

Практика показывает, что этот вопрос тесно связан прежде всего с точным определением того круга знаний (умений), которыми должны овладеть дети. Способ их усвоения часто зависит от внешних обстоятельств: например, сезонность в явлениях природы диктует определенную последовательность ознакомления с ними детей; в ознакомлении с трудом людей также важно предусмотреть такие внешние факторы, как близость и доступность тех или иных объектов наблюдения. Однако решающим моментом здесь все же будут не эти внешние обстоятельства, а простота и сложность тех представлений, которыми должны овладеть дети.

Возьмем другую область — обучение родному языку. Здесь нельзя строго осуществить требование относительно последовательного рассмотрения программного материала, так как в дошкольной программе мы имеем дело не с какой-либо одной стороной языка (например, грамматикой или лексикой), а со всеми его сторонами, представленными в разных навыках: звукопроизношением в фонетике, связной речью в синтаксисе, словарем в лексике и т. д. Каждый из этих элементов имеет свое собственное значение. Поэтому усвоение этого материала нельзя провести в той последовательности, которая протекает из чисто языковых закономерностей. Здесь правило последовательности можно применять лишь внутри каждой отдельной области.

Значительные трудности существуют в реализации требования последовательности к программе по рисованию и лепке (меньше это относится к конструированию). Для выяснения последовательности по отношению к рисованию применялись различные критерии. Так, Е. А. Флерина предлагала руководствоваться прин-

ципом введения объектов, психологически близких для ребенка (в результате такого подхода в тематику обучения вошло даже изображение человека). А. А. Волкова считала, что следует учитывать прежде всего сложность изображаемого или его простоту для детей разных возрастов. Однако в сюжетном рисовании эти критерии применены быть не могут. В настоящее время определение последовательности в программе по рисованию составляет важную задачу дошкольной педагогики.

Последовательность в области обучения движениям (физкультурным) реализована довольно полно. Но обоснование этой последовательности пока еще недостаточно разработано.

Важнейшим моментом всей программы обучения является четкое определение тех показателей, с которыми ребенок должен выйти из детского сада: что должны знать и уметь дети, как они должны быть развиты и что может служить показателем их развития. Программа работы со старшей группой должна ориентировать на эту завершающую работу. Возраст от 6 до 7 лет составляет в нашей практике определенный рубеж между дошкольным воспитанием и школой. Определить программу обучения для этого возраста — значит составить известный критерий для поступления детей в школу.

Специально нужно выделить вопрос о программе обучения детей от 5 до 6 лет. До самого последнего времени требования к работе с детьми этого возраста как-то растворялись в программе работы с детьми 6 лет, уходящими в школу, так что, переходя в старшую группу, эти дети встречались там с тем же программным материалом, который они усваивали ранее. Собственные потребности и возможности этого возраста оставались в стороне.

Программа обучения должна более точно фиксировать круг работы именно с детьми от 5 до 6 лет. При этом нужно учитывать особенности детей этого возраста, темпы их умственной работы, отличающиеся от того, с чем мы встречаемся у детей 6 лет.

Программа обучения детей от 3 до 4 лет и от 4 до 5 лет также включает много особенностей по сравнению с более старшими возрастными ступенями. В этом младшем возрасте особенно важно развивать сенсорный опыт ребенка, представление о цвете, форме, величине,

а также практическую ориентировку в окружающем. Значительное место в программе работы с этими детьми должно принадлежать словарной работе, развитию элементов связной речи и навыков точного словопроизношения.

По-видимому, целесообразно создать специальные программы с более дробным делением по возрастам — для детей 4 и 3 лет.

Если в заключение рассмотреть те общие направления, по которым строится программа обучения в детском саду, то можно обнаружить, что через все годы дошкольного детства проходит: 1) работа по расширению кругозора ребенка, 2) работа по развитию языка детей в различных его проявлениях, 3) работа по совершенствованию двигательного аппарата ребенка, 4) работа по художественному воспитанию.

Точное и полное определение программы обучения позволяет правильно организовать занятие с детьми на разных ступенях дошкольного возраста, разработать рациональную последовательность в выполнении учебных задач. Это в свою очередь обеспечит правильное применение дидактического оборудования, соответствующего содержанию выполняемых задач.

К этому времени была проведена известная исследовательская работа, определившая то образовательное содержание, которое может быть усвоено детьми опосредствованно, лишь при передаче его на основе обучения. Вопрос о программе обучения получил более правильное и полное разрешение в проекте «Программы воспитания в детском саду» (1960), разработанной для объединенных детских учреждений, а затем в «Программе воспитания в детском саду» (1962, 1969 и др.).

Образовательная работа, как это предусмотрено в проекте, будет вестись по широкой программе в процессе таких видов деятельности, как игра, труд, учение.

Программа обучения содержит в себе точно очерченный круг знаний и умений, которыми должны овладеть все дети в группе в результате учебных занятий в детском саду.

Образовательная программа, связанная с другими видами деятельности детей — игрой и трудом, имеет более общий характер, поскольку она может быть результатом детского опыта и воспитательных мероприятий. Она на-

правлена главным образом на расширение кругозора детей, развитие любознательности в соответствии с их индивидуальными интересами.

Один ребенок активен в играх и проявляет здесь много наблюдательности и любознательности, другой пристально присматривается к материалам, трудовым процессам, к людям, которые трудятся, и пытливо узнает, что, зачем и как. Если дети любознательны к вещам, они многое могут почерпнуть из бытовых условий жизни в детском саду. Следовательно, и результаты будут очень индивидуальны, как и самые знания, представления, которые усвоят дети.

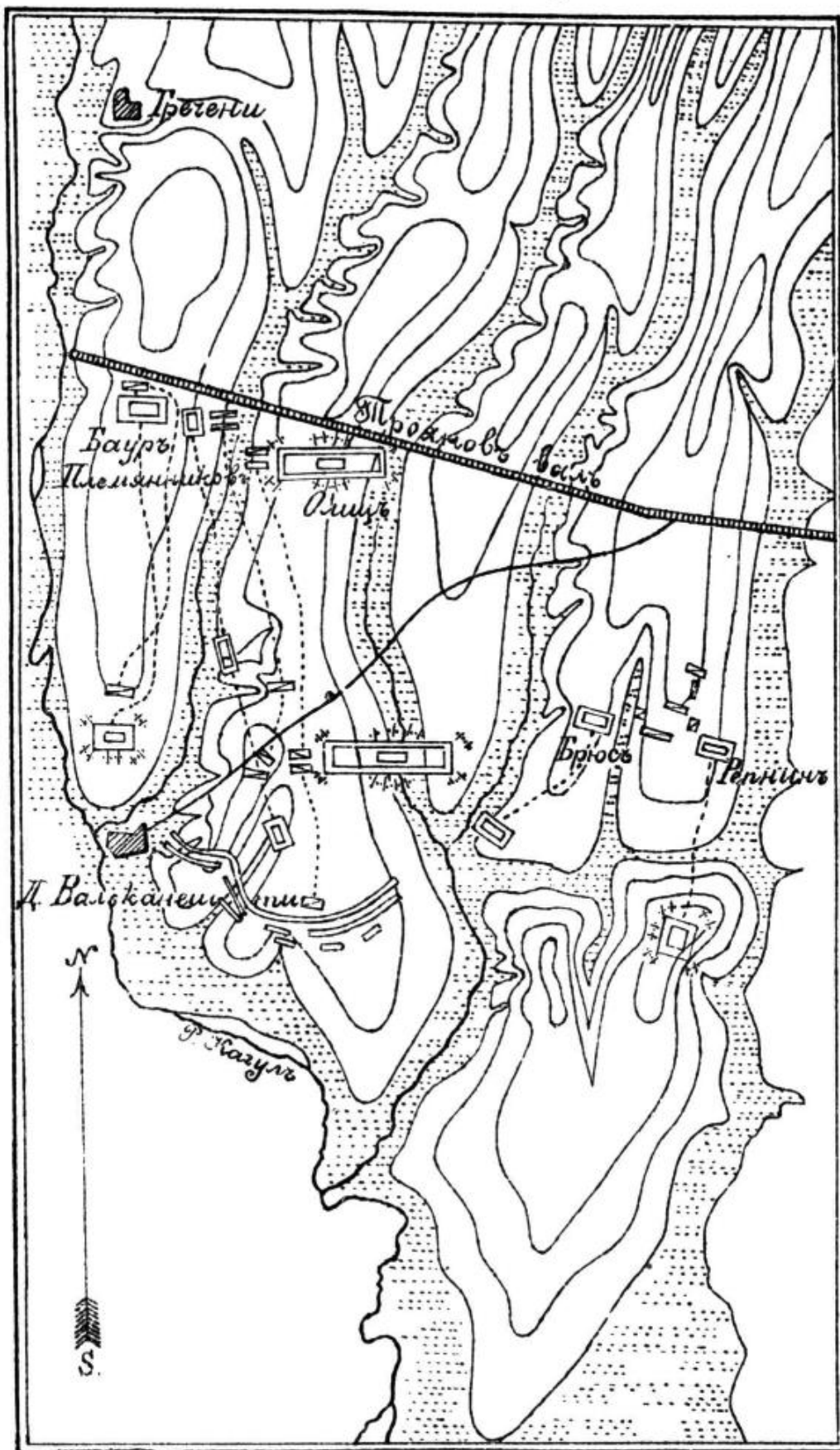
Только в совокупности всех путей образовательной работы можно достаточно полно разрешить задачу расширения кругозора всех детей в группе, показать детям многообразие окружающего их мира, развить знания, сформировать необходимые умения.

Перспективы дальнейшей работы над программой детского сада мы хотели бы связать с мыслью, высказанной Л. С. Выготским и звучащей вполне современно.

«Если задаться вопросом, каким требованиям должна удовлетворять программа детского сада для того, чтобы она была приведена в соответствие с особенностями ребенка дошкольного возраста, то ответ на него, мне кажется, будет звучать так. Эта программа должна обладать двумя следующими трудно соединимыми качествами. Во-первых, она должна быть построена по какой-то системе, которая ведет ребенка к определенной цели, каждый год делая определенные шаги по пути движения к этой цели. Эта программа должна быть сходной со школьной программой в том смысле, что она должна быть программой единого систематического цикла общеобразовательной работы. Вместе с тем эта программа должна быть и программой последовательности, которая отвечает и эмоциональным интересам ребенка, и особенностям его мышления...»¹.

¹ Выготский Л. С. Обучение и развитие в дошкольном возрасте. — В кн.: Умственное развитие детей в процессе обучения. М., 1935, с. 20.

Сражение при Кагуль.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В организации педагогического процесса в детском саду большое значение имеет вопрос о своеобразии воспитательной и образовательной работы с детьми дошкольного возраста.

Разнообразие задач, стоящих перед советским детским садом, их характер делает детский сад воспитательным учреждением с широкой программой. Посредством воспитания решаются задачи физического развития детей, имеющих первостепенное значение для этого возраста, идет формирование привычек и навыков общественного поведения, отношения к окружающим, развитие интересов, дружбы, навыков труда, организованности, характера, воли.

Вместе с этим дошкольное воспитание содержит такие задачи, которые имеют не только воспитательное, но и образовательное значение. К этим задачам надо отнести формирование у детей правильных представлений об окружающем, развитие речи, счета, приобретение навыков в рисовании, лепке и т. д.

Одни из этих образовательных задач решаются общим ходом воспитательного процесса и являются неотъемлемым его содержанием, другие задачи для своего решения требуют дидактических средств.

Воспитательный процесс в детском саду направлен, например, на воспитание речи детей. Но, для того чтобы достичь определенных успехов в овладении всеми детьми на уровне их возрастных возможностей определенными сторонами речи — правильным звукопроизношением, связностью, выразительностью, необходима дидактическая работа. Поэтому образовательную работу следует рассматривать как самостоятельную задачу, и ей должно быть отведено определенное место в педагогическом процессе детского сада.

Разработано значительное число форм и средств образовательной работы с детьми дошкольного возраста, в том числе занятия, дидактические игры, дидактические материалы. Каждое из этих средств обладает различными возможностями по отношению к воспитательно-образовательным задачам.

Советская дошкольная педагогика избирательно подходит к средствам образовательной работы с детьми, сообразуясь с задачами советского детского сада, основанными на требовании активного руководства развитием каждого ребенка, обеспечения высокого уровня всестороннего развития всех детей, воспитывающихся в детском саду.

Среди средств дошкольной образовательной работы обучение обладает большими преимуществами, так как оно обеспечивает организованную обучающую роль взрослого, что и делает обучение весьма эффективным.

Обучение, будучи применено к различному образовательному содержанию — ознакомлению с окружающим, формированию речи, развитию математических представлений, музыкальных способностей, развитию движений, рисованию, лепке и т. д., оказывает на детей глубокое воспитательное влияние: развивает способности, интересы; расширяет кругозор, обогащает умения и навыки в различных видах деятельности, совершенствует внимание. Обучение дает возможность поднять развитие всех детей в группе на более высокий уровень, содействует в значительной мере смягчению неравномерности развития детей, наблюдающейся в практике.

В процессе обучения и под его непосредственным влиянием у детей формируется учебная деятельность — способность ребенка производить умственную работу определенного направления и в связи с этим слушать и слышать, смотреть и видеть, воспринимать и познавать. Это — первые шаги в развитии способности учиться.

Учебная деятельность вносит значительные изменения в поведение ребенка. Он становится более собранным, легче откликается на слово взрослого, привыкает выслушивать подробности, становится более внимательным. И все это сообщает поведению детей организованный характер и делает их более воспитанными. Именно эти черты ярко проявляются в тех детских коллективах, в которых проводится обучение.

Обучение обладает большим воспитательным воздействием также и потому, что оно обеспечивает детям посылные для них движения вперед, дает возможность достичь определенного результата и пережить удовлетворение от работы. А это стимулирует формирование детских интересов, воли, характера.

Всякое обучение имеет общие черты. Вместе с тем эти общие черты конкретизируются для каждой возрастной ступени своеобразно. Такими общими чертами является то, что: а) обучение ведется по дидактическим правилам, основанным на психологических закономерностях, преследует задачи сообщения знаний, овладение умениями; б) обучение опирается на обучающую роль взрослого (учителя, воспитателя); в) обучение носит организованный характер: имеет определенную программу и форму организации детей.

Это последнее необходимо подчеркнуть, поскольку существо дошкольного «обучения» нередко понимается так, будто оно протекает «во всей жизни», что «ребенок учится на каждом шагу». Такое понимание относится скорее всего к тому бесспорному факту, что ребенок растет в социальной среде и воспринимает ее влияние. К дидактическим же явлениям это не относится.

Эти общие черты обучения проявляются и в дошкольном обучении.

В целях планомерного и систематического влияния воспитателя на всех детей в группе обучение в детском саду строится как организованный процесс и протекает в форме занятий с группой детей определенного возраста.

В планомерном развитии процесса обучения на занятиях заключаются большие воспитательные возможности формирования у детей знаний, умений, воспитания организованных форм поведения, внимательности, умственной активности.

Процесс обучения на занятиях позволяет воспитателю равномерно работать со всеми детьми в группе, осуществляя определенную программу.

По своему содержанию дошкольное обучение направлено на то, чтобы всесторонне воспитывать и развивать ребенка, используя материал окружающей жизни, давая в известной последовательности знания о природе и лю-

дых, навыки счета, рисования, конструирования, пения, движения.

В обучении решающая роль принадлежит личному влиянию воспитателя на детей. Поэтому оно требует от воспитателя глубокого знания психологии ребенка, умелого согласования своего воздействия с особенностями детского развития.

Дошкольное обучение имеет свою характерную черту. Оно является изустным (Одоевский), докнижным, доучилищным (Ушинский). Ребенок-дошкольник приобретает знания, умения от взрослого. Из его пояснений, показа, ответов, вопросов, беседы, чтения детям книг, рассматривания картин. Это предъявляет большие требования прежде всего к речи взрослого, к ее содержанию и форме. Уметь говорить с маленькими детьми так, чтобы быть понятым ими, составляет большое педагогическое искусство. Громадную роль при этом играет знание детской психологии. Важно при этом, чтобы речь воспитателя была конкретной и образной.

Большое место в процессе обучения отводится речи детей как способу активизации личности ребенка.

От воспитателя требуется очень хорошее овладение разнообразной деятельностью (рисование, ритмические движения, пение, умение наблюдать и т. д.), поскольку обучение ребенка происходит на образцах личного примера воспитателя.

В методическом отношении дошкольное обучение характеризуется привлечением дидактических материалов и пособий, разработанных с учетом задач и возрастных особенностей детей (красочность, динамичность и т. д.). Дидактические игры, игровые задания и приемы позволяют повысить восприимчивость детей, разнообразят учебную деятельность ребенка, вносят занимательность.

Воспитание активности и самостоятельности мышления ребенка обусловлено тем, насколько обучение для детей является процессом решения умственных задач.

Если это сделано правильно, то процесс обучения вызывает у детей всех ступеней дошкольного возраста глубокую заинтересованность, сосредоточенность внимания, самодисциплинированность. Проявляются эти качества у детей в желании выполнить работу, в нахождении интересных путей решения, самоконтроле, в спо-

способности контролировать друг друга, что, естественно, создает атмосферу свободной дисциплинированности детей.

В нашем опыте определились конкретные условия, при которых процесс обучения может развивать детскую инициативу, активность и самостоятельность.

Значительные различия в решении этой задачи обнаружены при применении двух способов построения обучения: так называемого «целостного», где ребенку дается весь путь работы, и «диктантного», при котором решение учебной задачи сообщается по частям. Каждый из этих способов развивает у ребенка определенный способ мышления, действия и оказывает влияние на его поведение.

«Целостный» способ дает больше возможностей для проявления активности, самостоятельности. Усваивая предложенное, дети могут в то же время проявить и свою инициативу в частных способах решения умственной задачи, в темпах ее решения.

«Диктантный» способ сосредоточивает усилия на запоминании и воспроизведении отдельных элементов. Для развития активности и самостоятельности здесь имеется меньше условий.

Развитию самостоятельности мышления ребенка также способствует раскрытие перед ним возможности разнообразного решения одной и той же задачи (в счете, конструировании и т. д.).

Обучение ведется в детском коллективе. Влияние детей друг на друга, направляемое в воспитательных целях, составляет важную опору для воспитания у детей самостоятельности, умений действовать организованно, совместно. Одновременно у детей формируется и индивидуальное поведение — способность спрашивать, отвечать, предлагать, показывать, рассказывать.

К. Маркс и Ф. Энгельс о воспитании и образовании. — М., 1978.

В. И. Ленин о воспитании и образовании. — М., 1973.

О дальнейшем совершенствовании обучения, воспитания учащихся общеобразовательных школ и подготовки их к труду: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР (1977 г.).

О мерах по дальнейшему развитию детских дошкольных учреждений, улучшению воспитания и медицинского обслуживания детей дошкольного возраста: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР (1959 г.).

Крупская Н. К. Дети — наше будущее. — М., 1975.

Аванесова В. Н. Обучение самых маленьких в детском саду. — М., 1968.

Аванесова В. Н. Дидактическая игра как форма организации обучения в детском саду. — В кн.: Умственное воспитание дошкольника / Под ред. П. Н. Поддьякова. М., 1972.

Аванесова В. Н. Воспитание и обучение детей в разновозрастной группе. — М., 1977.

Блонский П. П. Избранные педагогические произведения. — М., 1979.

Бородич А. М. Методика развития речи детей. — М., 1974.

Венгер Л. А. Психологические вопросы подготовки детей к обучению в школе. — Дошкольное воспитание, 1970, № 4.

Венгер Л. А. Об умственном развитии детей дошкольного возраста. — Дошкольное воспитание, 1972, № 1.

Веретенникова С. А. Ознакомление дошкольников с природой. — 3-е изд. — М., 1980.

Ветлугина Н. А. Развитие музыкальных способностей. — М., 1958.

Виноградова Н. Ф. Умственное воспитание детей в процессе ознакомления с природой. — М., 1978.

Возрастные возможности усвоения знаний / Под ред. Д. Б. Эльконина, В. В. Давыдова. — М., 1966.

Вопросы обучения в детском саду / Под ред. А. П. Усовой. — 2-е изд. — М., 1955.

Воспитание детей раннего возраста / Под ред. Г. М. Ляминой. — 2-е изд. — М., 1976.

Воспитание детей в средней группе детского сада / Под ред. Г. М. Ляминой. — М., 1977.

¹ В третьем издании список литературы обновлен.

Воспитание и обучение в детском саду / Под ред. А. В. Запорожца, Т. А. Марковой. — М., 1976.

Давидчук А. Н. Развитие у дошкольников конструктивного творчества. — 2-е изд. — М., 1976.

Давыдов В. В. Виды обобщения в обучении. — М., 1972

Дидактика средней школы. Некоторые проблемы современной дидактики / Под ред. М. А. Данилова, М. Н. Скаткина. — М., 1975.

Дидактические игры и занятия с детьми раннего возраста / Под ред. С. Л. Новоселовой. — 3-е изд. — М., 1977.

Дидактические игры и упражнения по сенсорному воспитанию дошкольников / Под ред. Л. А. Венгера. — 2-е изд. — М., 1978.

Дошкольная педагогика / Под ред. В. И. Ядэшко и Ф. А. Сохина. — М., 1978.

Жуковская Р. И. Ознакомление детей подготовительной группы сада с явлениями общественной жизни. — В кн.: Нравственное воспитание. М., 1972.

Занятия в детском саду / Под ред. А. П. Усовой. — М., 1954.

Запорожец А. В. Ленинская теория и проблемы обучения и умственного воспитания детей дошкольного возраста. — Дошкольное воспитание, 1970, № 4.

Запорожец А. В. Педагогические и психологические проблемы всестороннего развития и подготовки к школе старших дошкольников. — Дошкольное воспитание, 1972, № 4.

Запорожец А. В. Интеллектуальная подготовка детей к школе (содержание, формы и методы). — Дошкольное воспитание, 1977, № 8.

Кенеман А. В., Хухлаева Д. В. Теория и методика физического воспитания детей дошкольного возраста. — 2-е изд. — М., 1978.

Казаква Т. Г. Изобразительная деятельность младших дошкольников. — М., 1980.

Как знакомить дошкольников с природой / Под ред. П. Г. Саморуковой. — М., 1978.

Комарова Т. С. Пути повышения эффективности занятий. — Дошкольное воспитание, 1975, № 8.

Комарова Т. С. Обучение детей технике рисования. — 2-е изд. — М., 1976.

Короткова Э. П. Обучение рассказыванию в детском саду. — М., 1978.

Костюк Г. С. Актуальные вопросы обучения и развития младшего школьника. — В кн.: Обучение и развитие младших школьников. Киев, 1970.

Котлярова С. Ознакомление с трудом взрослых (подготовительная группа). — Дошкольное воспитание, 1974, № 12.

Кузина Н. И. Формирование объяснительной связной речи у детей старшего дошкольного возраста. — Дошкольное воспитание, 1973, № 5.

Лернер И. Я. Дидактическая система методов обучения. — М., 1976.

Леушина А. М. Формирование элементарных математических представлений у детей дошкольного возраста. — М., 1974.

Липштан З. В. Игры и занятия со строительным материалом в детском саду. — М., 1974.

Люблинская А. А. Воспитателю о развитии ребенка. — 2-е изд. — М., 1972.

Лямина Г., Иельникова И. Ознакомление детей с явлениями общественной жизни. — Дошкольное воспитание, 1975, № 11.

Маневцева Л. М. О развитии познавательных интересов детей. — Дошкольное воспитание, 1973, № 11.

Методика музыкального воспитания в детском саду / Под ред. Н. А. Ветлугиной. — М., 1976.

Методика обучения изобразительной деятельности и конструированию / Под ред. Н. П. Сакулиной, Т. С. Комаровой. — М., 1979.

Назаренко К. В. Особенности усвоения старшими дошкольниками знаний о причинно-временных зависимостях. — В кн.: Воспитание и обучение старших дошкольников в детском саду. Минск, 1971, ч. II.

Нравственное воспитание в детском саду / Под ред. В. Г. Нечаевой, Т. А. Марковой. — М., 1978.

Обучение и развитие / Под ред. Л. В. Занкова. — М., 1975.

Обучение детей рисованию / Под ред. С. В. Парафеевой. — 2-е изд. — М., 1972.

Оконь В. Основы проблемного обучения. — М., 1968.

Осокина Т. И. Физическая культура в детском саду. — 2-е изд. — М., 1978.

Подготовительная к школе группа в детском саду. — 2-е изд. — М., 1975.

Программа воспитания в детском саду. — 8-е изд. — М., 1978.

Психология детей дошкольного возраста / Под ред. А. В. Запорожца. — М., 1964.

Развитие речи детей дошкольного возраста / Под ред. Ф. А. Сохина. — 2-е изд. — М., 1979.

Русскова Л. В. О некоторых сторонах обучения на занятиях. — Дошкольное воспитание, 1975, № 8.

Сакулина Н. П., Комарова Т. С. Изобразительная деятельность в детском саду. — М., 1973.

Сенсорное воспитание в детском саду / Под ред. Н. Н. Поддьякова, В. Н. Аванесовой. — М., 1981.

Скаткин М. Н. Совершенствование процесса обучения. — М., 1971.

Содержание и методы умственного воспитания дошкольников / Под ред. Н. Н. Поддьякова. — М., 1980.

Сорокина А. И. Дошкольная педагогика: Учебник для дошкольных педучилищ. — М., 1961.

Сорокина А. И. Умственное воспитание в детском саду. — М., 1975.

Состояние обучения в детских садах / Под ред. А. П. Усовой. — М., 1960.

Тарунтаева Т. В. Развитие элементарных математических представлений у дошкольников. — М., 1980.

Тихеева Е. И. Развитие речи детей (раннего и дошкольного возраста). — 3-е изд. — М., 1967.

Умственное воспитание дошкольника / Под ред. Н. Н. Поддьякова. — М., 1972.

Эстетическое воспитание в детском саду / Под ред. Н. А. Ветлугиной. — М., 1978.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Введение	6
Глава I. Роль образовательной работы в воспитательном процессе детского сада	33
Взаимосвязь воспитательной и образовательной работы	—
Средства образовательной работы и обучение	40
Виды деятельности ребенка и их воспитательно-образовательное значение	48
Игра	50
Труд	53
Учебная деятельность, ее значение и место	57
Глава II. Формирование учебной деятельности ребенка и ее характерные черты	62
Невосприимчивость детей к обучению и ее причины	—
Уровни развития учебной деятельности	68
Появление самоконтроля и его роль в формировании учебной деятельности	70
Индивидуальные случаи протекания учебной деятельности детей	72
Становление учебной деятельности	75
О роли опосредствованного опыта в развитии детей на ступени дошкольного возраста	80
Обучение языку	87
Глава III. Процесс обучения на занятиях	93
Занятия как форма организации процесса обучения	95
Переход от игры к занятию	97
Организация детского коллектива на занятии	101
Воспитание внимания детей на занятии	106
Сообщение знаний и умений	109
Пояснение воспитателя	110
Умственные задачи и их значение	121
О воспитательном подходе к ошибкам детей	124

Закрепление знаний	126
Роль повторения, упражнения	—
Значение проговаривания	128
Самостоятельная работа детей на занятии как метод закрепления знаний	129
Использование детьми знаний и умений в жизни . . .	135
Развитие активного творческого мышления у детей в процессе обучения	142
Значение результата, получаемого ребенком, для раз- вития интереса к занятиям	148
Глава IV. Образовательные элементы в программных до- кументах детского сада	152
Заключение	167
Литература	172

Александра Платоновна Усова

ОБУЧЕНИЕ В ДЕТСКОМ САДУ

Редактор *Е. А. Данилова*
 Художественный редактор *Л. Ф. Малышева*
 Технический редактор *Е. В. Кузьмина*
 Корректор *О. С. Захарова*

ИБ № 5910

Сдано в набор 12.09.80. Подписано к печати 22.01.81. А07225. Формат 84×108^{1/32}. Бум. типограф. № 3. Гарн. об. нов. Печать высокая Усл. п.ч. л. 9,24. Уч.-изд. л. 10,0. Тираж 300 000 экз. (1—150 000). Заказ 2441. Цена 40 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
 Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Типография № 2 Росглаволиграфпрома, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

святили себя одному и тому же дѣлу. Современемъ, когда мѣръ христіанскій окрѣпъ, когда турки перестали быть страшны, то рыцарскіе ордена, равно какъ и наше братство, сами собой распались. Ихъ дѣло было кончено.

Отъ всякаго вступавшаго въ сѣчь требовалось доказательство, что онъ принадлежитъ къ православной греко-россійской церкви. Вообще, запорожцы были очень набожны, заботились объ украшеніи своихъ церквей, любили церковное пѣніе и давали приличное содержаніе своимъ пастырямъ. Не смотря на свои скудные достатки, они содержали въ разныхъ мѣстахъ 14 церквей, въ томъ числѣ и свой монастырь, на р. Самарѣ. Въ церковныхъ дѣлахъ запорожцы поступали такъ же, какъ и во всемъ остальномъ. Ежегодно кievскій Межигорскій монастырь высылалъ имъ въ сѣчь монаха, и если этотъ монахъ приходился по вкусу, былъ «великій співака и хорошій читака», да къ тому же строго соблюдалъ церковный порядокъ, то они оставляли его на другой годъ, а если нѣтъ, то принимали новаго. Не только сѣчевая церковь во имя Покрова Божьей матери, но и другіе православные храмы, особенно въ Кіевѣ, щедро обогащались доброхотными даяніями запорожскихъ братьевъ. Они прославились своей щедростью во всѣхъ православныхъ странахъ Востока: Палестинѣ, Греціи, землѣ Волошской, откуда приходили сборщики милостыни и куда они рассылали священные сосуды, кресты, хоругви, дорогія облаченія, серебро, золото, паникадила, свѣшники. Многіе еще при жизни строили храмы, а передъ смертью каждый запорожець завѣщалъ все, что имѣлъ лучшаго и дорогаго, на Божью церковь. Наиболѣе набожные казаки, на преклонѣ лѣтъ принимали постриженіе—то въ своемъ самарскомъ Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ, то въ кievской Межигорской обители. И этотъ переходъ не былъ тяжелъ суровому казачеству, привыкшему съ дѣтства къ труду, воздержанію, къ повиновенію. Сѣчевая церковь считалась одною изъ богатѣйшихъ церквей въ православной землѣ. Ея высокая колокольня съ 4 окнами была вооружена пушками, какъ на случай защиты, такъ и для пальбы въ торжественныя

службы — на Пасху, Богоявленіе, храмовой праздникъ. Во время водосвятія всѣ казаки становились коннымъ строемъ на площади, по куренямъ, въ своемъ полномъ нарядѣ, но безъ шапокъ. У старыхъ запорожцевъ свисалъ и закручивался за ухо длинный чубъ, или «оселедецъ»; у всѣхъ головы бритыя, усы нафабрены и закручены. Вѣтеръ развѣваетъ длинные закидные рукава у кунтушей; ярко горятъ шелковые пояса съ золотыми кистями и золотой галунъ на широкихъ разноцвѣтныхъ шароварахъ, заправленныхъ въ красные «сафьянцы». У каждаго казака за поясомъ торчатъ два пистолета, за спиною виситъ «рушница», у пояса сабля, на стремени пика. Сѣдло и конская сбруя у богатыхъ запорожцевъ украшены по-турецки, камнями. Тутъ же стоятъ пѣшіе казаки, пришедшіе на праздникъ изъ далекихъ зимовниковъ, и вся большая площадь нестрѣтеть грознымъ казацкимъ строемъ. Служба кончилась. Вынесли изъ церкви богатыя хоругви; показался хоръ пѣвчихъ, изъ школярей и молодиковъ, человекъ 50; вышелъ отецъ архимандритъ съ крестомъ, іереи съ иконами и свѣчами; сзади чинно и съ «повагой» выступаютъ атаманы, впереди всѣхъ кошевой. За ними двинулись заѣздомъ запорожцы, и вся процессія приблизилась къ Днѣпру. Какъ только отецъ-архимандритъ погрузилъ въ Іорданъ святой крестъ, всѣ пушки разомъ дали залпъ, послѣ котораго затрещали самопалы. Такимъ же порядкомъ процессія вернулась назадъ. Казаки разошлись по куренямъ, гдѣ вмѣсто обычной пшенной каши, тетери, мамалыги или галушекъ, на столахъ дымился борщъ горячій съ саломъ, лежала вяленая рыба, поросенки, «пострама» изъ бараньихъ ножекъ, горы варениковъ, соленыхъ огурцовъ и колбасы — самые любимые казацкіе наѣдки. Но безъ горѣлки, меду или пива, безъ венгерскихъ и крымскихъ винъ, а главное безъ варенухи — и праздникъ былъ бы не въ праздникъ. Всѣ эти напитки стоятъ въ большихъ посудилахъ, поверхъ которыхъ плаваютъ черпаки. Особенно уважали запорожцы варенуху; они варили ее изъ водки, приправляя медомъ, сухими фруктами, корицей, гвоздикой и другими пряностями. Послѣ такого обѣда запорожцы отправлялись обыкновенно

цѣлыми толпами въ предмѣстье. Всю ночь шель разгуль, широкій казацкій разгуль. Тамъ, передъ шинкомъ, два казака, другъ противъ друга, взявшись въ боки, сѣменять мелкую дробь ногами, подаваясь на-встрѣчу то однимъ плечомъ, то другимъ. Не колыхнется казакъ, не дрогнетъ его сѣдой усъ—такъ легко, такъ плавно онъ подходитъ,—и вдругъ казакъ опустился на землю и пошелъ работать въ присядку. Свиснувъ ухарски, казакъ летитъ вверхъ на аршинъ отъ земли и опять сидитъ, опять выколачиваетъ ногами; невесело его лицо, даже сурово: нѣтъ противъ него его милой, и онъ, точно обманутый въ кровавой схваткѣ съ ногойцемъ, вскрикиваетъ: «Гей, гай-гай, гурра-га! Сѣки, коли, рѣжь врага!» — и снова опускается въ присядку. Въ другомъ мѣстѣ толпа запорожцевъ окружила слѣпца-кобзаря, усѣвшагося на землѣ; у многихъ капаютъ слезы изъ старыхъ очей. Кобзарь, перебирая струны, поетъ «думу» про несчастную судьбу Свирговскаго:

„Какъ того пана Ивана,
 „Что Свирговскаго гетьмана,
 „Басурмане ловили
 „До голову ему рубили.
 „Ой, голову снимали
 „И на бунчукъ подымали,
 „И въ сурмы игравали,
 „И плясы затѣвали...“

Тутъ, въ этихъ «думахъ», вся прошлая исторія славнаго Запорожья; тутъ его герои, прославленные въ битвахъ, замученные въ турецкой неволѣ.—Совсѣмъ охмѣлѣвшій казакъ, прогулявшій все до нитки, идетъ черезъ площадь и выпѣваетъ про Сагайдачнаго, какъ этотъ, любимый казаками, гетманъ промѣнялъ свою жену на табакъ да на трубку. И долго могучій голосъ гуляки покрываетъ базарную площадь, переполненную разгульнымъ казачествомъ. Любили запорожцы погулять — и въ будни, и въ праздники. Но во время походовъ пьянство считалось однимъ изъ самыхъ тяжкихъ преступленій. Атаманъ казнилъ виновнаго лишеніемъ жизни.

Вообще, обычаи суда были у запорожцевъ просты: судилъ кошевой, и на его судъ не было управы. Приговоры исполнялись войсковымъ асауломъ быстро, безповоротно. Наказанія у нихъ были строги, а по нынѣшнему времени даже жестоки. Воровство, грабежъ, богохуленіе, нарушеніе цѣломудрія, побѣгъ во время войны или неповиновеніе начальству—наказывались смертною казнью. Преступника сажали въ пушкарню, гдѣ онъ сидѣлъ, прикованный къ пушкѣ и ждалъ своей горькой участи. Отсюда его водили на допросъ, и если не признавался, то понуждали пыткой. Наконецъ, кошевой ставилъ приговоръ; войсковой судья дѣлалъ надпись, а довбишъ велъ преступника на казнь. Его подвозили на конѣ подъ виселицу и, накинувши петлю, уводили коня прочь. Тутъ онъ висилъ, пока не рассыпятся его кости. Чаще всего преступника привязывали къ позорному столбу, на площади. Вокругъ столба ставили разные напитки: водку, медъ, пиво, брагу; клали калачи и тутъ же пучки палокъ, или «кіи». Казаки, подходя по-очереди, брали въ руки кіи и, выпивши корякъ горѣлки или меду, били преступника приговаривая: «Вотъ тебѣ, вражій сынъ, чтобы ты не кралъ и не разбойничалъ. Мы за тебя цѣлымъ куренемъ платили». Часто забивали до смерти.—Но эти же запорожцы, послушные какъ дѣти своему отцу-атаману, становились во время войны грозны, страшны, и ихъ военная слава гремѣла далеко по бѣлому свѣту; они гордились ею, какъ лучшею наградой на землѣ. Съ наступленіемъ весны раздавался бранный кличъ. То, бывало, гетманъ изъ Украйны звалъ запорожцевъ «погулять», то они сами, не взирая ни на какіе договоры, которые заключала Москва или Польша съ турками, выбирали себѣ походнаго атамана и снаряжались въ походъ—«сшить кошулю изъ огня Стамбулу». Какъ только Днѣпръ очищался отъ льда, запорожцы дружною артелью ладятъ свои чайки, эти суденышки безъ киля, но съ двумя рулями: одинъ спереди, другой—сзади и на 10—15 веселъ каждое; дно выдалбливаютъ изъ бревна, бока обшиваютъ досками и обвязываютъ снаружи пучками камыша, обвитаго вѣтками боярышника, точно канатами; на всякій

случай ставятъ и мачту. Казаки охотнѣе плавали на веслахъ, чѣмъ подъ парусами. Кромѣ лодокъ, запорожцы въ это же время готовятъ и запасы: складываютъ въ боченки сухари, пекутъ коржи, набираютъ въ горшки тетерю, или густое квашеное тѣсто. Каждый казакъ снаряжаетъ себя въ дальнюю дорогу: насыпаетъ въ пороховницу пороху, отливаетъ пули, точитъ саблю, готовитъ двѣ пицали, а изъ одежды беретъ самую простую и грубую: двѣ пары шароваръ, двѣ полотняныхъ рубахи, куртку да суконный кафтанъ. Когда все готово, на чайку ставятъ квадратъ, тащатъ фальконетъ, и послѣ напутственнаго молебствія казаки разсаживаются по мѣстамъ, на каждой чайкѣ отъ 40 до 50 человекъ. Грянулъ прощальный выстрѣлъ; атаманы и все остающееся братство сняли шапки, пожелавъ добраго пути, и флотилія, изъ сотни лодокъ, пошла внизъ. Впереди идетъ атаманская лодка, на ней развѣвается флагъ; прочія идутъ плотно одна возлѣ другой. Но турки провѣдавъ, что запорожцы двинулись, разставили свои галеры въ устьяхъ Днѣпра. И на это есть сноровка. Казаки выжидаютъ въ камышахъ, гдѣ-нибудь версть за 10 или 15, самой темной ночи; сидятъ тутъ часто по цѣлымъ недѣлямъ. Выждавши такую ночь, они всегда съумѣютъ проскользнуть, и черезъ 40 часовъ—на томъ берегу, въ Анатоли. Какъ только причалать, тотчасъ дѣлаютъ высадку, и ужъ тутъ идетъ кровавая потѣха. Города берутъ приступомъ, врасплохъ; грабятъ, жгутъ; окрестная страна приходитъ въ трепеть: «Аллахъ, Аллахъ! казаки вышли въ море!»—Скачутъ гонцы въ Цареградъ; разсылаетъ султанъ вѣстниковъ, дабы каждый берегъ свое добро. Даже такіе людные города, какъ Трапезонтъ, Синопъ, пылаютъ въ огнѣ; бѣда грозитъ столицѣ султана, ея предмѣстьямъ... Запорожцы были безпощадны въ битвѣ съ мусульманами: ничто не могло склонить на милость суроваго казака—ни старость, ни юность, ни красота, ни знатность. Если нельзя было убить, они ловили свою жертву на арканъ и тащили ее къ атаману, будь то самъ паша, даже великій визирь. Нагрузивши лодки добычей, удалцы быстро исчезали въ открытое море. Ихъ отвага была такъ ве-

лика, что они не боялись даже встрѣчи съ кораблями турокъ, хотя такая встрѣча рѣдко сходилась имъ съ рукъ. Запорожцы зорко глядѣли въ оба, и какъ только замѣчали турокъ, раздавалась команда атамана: «Мачты долой!» Онъ двигалъ всю флотилію такъ, чтобы она до захода солнца повернулась къ нему спиной, а къ туркамъ лицомъ. Въ полночь, по крику филина или другому сигналу, вся флотилія неслась къ одной точкѣ; мигомъ поднимались казаки на корабль, отбирали все, что было цѣннаго: деньги, товары, пушки, а корабль съ людьми пускали на дно. Черезъ 2 — 3 часа все кончено: чайки несутся домой. Но турки еще пуще стерегутъ устье Днѣпра. Тогда казаки высаживаются пониже Очакова, перетаскиваютъ на себѣ всѣ лодки, тяжелую добычу и черезъ 3 дня снова въ Днѣпрѣ, выше турецкихъ галеръ. Случалось, что запорожцы натыкались среди бѣла-дня на турецкія суда. Не сами турки были страшны, а вотъ ихъ пушки: отъ нихъ челны разсыпались, какъ стая скворцовъ, и многіе гибли въ морской пучинѣ; самые удалые успѣвали спастись только бѣгствомъ, покидавши въ море всю добычу. Если же атаманъ приказывалъ начать битву, то запорожцы прежде всего привязывали весла; потомъ одна половина, не трогаясь съ лавокъ, палила неустанно, а другая только заряжала, подавая ружья. Мѣткіе выстрѣлы казаковъ держали турокъ въ дали; но все-таки пушки брали свое, и слава Богу, если послѣ такой передѣлки половина челновъ возвращалась домой. Возвратившись съ добычей, запорожцы дѣлили ее по-братски, между всѣмъ товариществомъ. Все шло въ дѣлежку: испанскіе реалы, арабскіе цехины, ковры, парча, бумажные и шелковые товары, драгоценныя ларцы, посуда, все, что успѣли нагрузить на чайки. И снова казакъ гуляетъ, гуляетъ до тѣхъ поръ, пока не спуститъ свою долю. Будущее его не заботитъ.

Запорожцы имѣли свой военный урядъ. Войско дѣлилось на тысячи — подъ начальствомъ полковниковъ, на сотни — подъ начальствомъ сотниковъ и десятки, каждый изъ 9 старыхъ воякъ и около 30 молодиковъ — подъ начальствомъ десятниковъ. Часто случалось, что полковникъ имѣлъ подъ начальствомъ около 4-хъ ты-

сячь казаковъ. Полковники и вся войсковая старшина въ мирное время держали себя по-товарищески, но одинъ шагъ изъ сѣчи— и послушаніе становилось заповѣдью для каждаго запорожца. Онъ за него платился не только спиною, но и жизнью. Въ морскомъ походѣ атаманъ выкидывалъ ослушника за бортъ, и никто не посмѣлъ бы его оборонить. Въ походахъ степныхъ, при нападеніяхъ на врага, соблюдалась строжайшая тишина; даже кони у нихъ не ржали. Казаки рѣдко вступали въ битву днемъ: они любили ночныя нападенія, особенно въ мѣстахъ хорошо имъ знакомыхъ. Шли въ походѣ со всѣми предосторожностями, окруживъ себя бекетами и скрывая посреди отряда возы. Въ случаѣ встрѣчи съ врагомъ болѣе сильнымъ они дѣлали изъ повозокъ таборъ. За таборомъ сотня казаковъ не боялась тысячи ляховъ, нѣсколькихъ тысячъ татаръ: укрывшись возами, казаки посылали пулю за пулей—мѣтко, спокойно, держа противника вдаль, пока онъ не наскучитъ осадой, которая могла затянуться на недѣлю, другую, даже больше того. Къ большой наступательной войнѣ казаки не имѣли ни способностей, ни охоты: напасть, зажечь, ограбить—вотъ ихъ война, и все это въ одинъ день, въ одинъ часъ.

До 1645 года запорожцы считались на службѣ у поляковъ; въ этомъ году присягнули Бѣлому Царю. Петръ Великій за помощь шведскому королю велѣлъ разорить сѣчь. Тогда запорожцы перешли въ Алешки, противъ нынѣшняго Херсона, и пробыли тамъ, пока не воцарилась Императрица Анна Іоанновна. Она разрѣшила имъ вернуться на старыя мѣста, и вотъ эта-то «Новая» сѣчь простояла до временъ Императрицы Екатерины, когда турки уже перестали быть страшны, когда край началъ заселяться и потребовалъ мирнаго обереженія; запорожцы со своими вольностями становились беспокойнымъ и не совсѣмъ приятнымъ сосѣдомъ. Въ августѣ мѣсяцѣ 1775 г. Императрица разослала манифестъ, въ которомъ объявляла объ уничтоженіи запорожской сѣчи, но еще раньше, а именно въ маѣ этого года, отряды генераль-поручика Текелія наступали съ разныхъ сторонъ на Запорожье. Его границы

были заняты безъ сопротивленія. Самъ Текелій, съ дивизіей пѣхоты и конницы, въ Духовъ день, расположился въ двухъ верстахъ отъ сѣчи, выставивъ противъ нея всю свою артиллерію. Запорожцы уже знали, что имъ готовится конецъ. Прошло два дня; Текелій потребовалъ къ себѣ казацкую старшину. Кошевой Калнышъ собралъ раду: «А что, панове-атаманы, будемъ теперь дѣлать? Русскіе зовутъ насъ въ гости: идти намъ къ нимъ или не идти? Отдадимъ

Запорожскій разъѣздъ.

сѣчь или не отдадимъ?» — Въ отвѣтъ на эти слова поднялся страшный шумъ. Одни были не прочь спокойно отдаться, другіе громко кричали: «Пускай Текелій приведетъ еще столько войска,—мы разобьемъ его въ пухъ. Передавимъ москалей, какъ мухъ!» — Такъ говорили самыя буйныя головы. Тогда вышелъ изъ церкви отецъ архимандритъ Владиміръ Сокальскій, въ полномъ облаченіи, съ

крестомъ въ рукахъ. Онъ сталъ увѣщевать: «Побойтесь Бога, безумные! Вы называете себя христіанами и хотите поднять руку на христіанъ же! Смиритесь: таковъ нашъ жребій, и примемъ его какъ заслуженное наказаніе Божіе. Вотъ, видите крестъ и на немъ Распятіе: кто его не послушаетъ, да погибнетъ!» — И замолкли самые буйные, зарыдало товариство въ одинъ голосъ. «Будетъ по твоему, отецъ-архимандритъ: зналъ ты, что сказать. Не только слушаемъ, а и головы свои положимъ за тебя». — «Не шутка то, братья, сказалъ Кошевой, всѣ пути намъ заняты; противъ насъ наведены пушки. Боже помоги! Пойдемъ, атаманы. Что будетъ, то будетъ, а будетъ то, что Богъ дастъ!» Съ хлѣбомъ-солью вошли казаки въ палатку генерала, поклонились и привѣтствовали его по русскому обычаю. Текелій принялъ хлѣбъ-соль и спросилъ, кто у нихъ старшій? Калнышъ назвалъ себя, потомъ показалъ войскового судью Косапа, писаря Глобу и куренныхъ атамановъ, числомъ 40. Текелій всѣхъ ихъ усадилъ и, мало поговоря, пошелъ вмѣстѣ съ ними въ сѣчь. «Гдѣ же ты, кошевой, меня примешь?» Калнышъ пригласилъ гостей къ себѣ, посадилъ на лавки и знатно угостилъ. Пили коряками, ѣли изъ корытъ или на деревянныхъ тарелкахъ, безъ вилокъ, безъ ножей. «Кто у васъ готовитъ такія вкусныя блюда?» спросилъ генераль. — «У насъ по куренямъ славные есть повара!» Тогда Текелій попросилъ, чтобы и ему дали одного такого повара; онъ назначить ему хорошую пенсію, а кошевому и всѣмъ атаманамъ обѣщалъ подарить на память каменные миски. На это куренной атаманъ Сторць сказалъ: «Э, ваша ясновельможность: хоть съ корыта, та до-сыта, а вы ѣдите съ блюда, да худы». Тутъ былъ намекъ на худобу генерала, но онъ нисколько не разсердился и даже, потрепавъ атамана, поблагодарилъ его за присловье. Осмотрѣвши курени, оглядѣвши житье-бытье казацкое, Текелій отблагодарилъ старшину за угощеніе и вернулся въ свой обозъ. Прошла недѣля. Съ обѣихъ сторонъ приходили гости, знакомились, угощались; все шло мирно. Наконецъ Текелій позвалъ къ себѣ Калныша, писаря Глобу, судью Косапа и объявилъ ему царскій указъ, а потомъ велѣлъ собираться въ дорогу, въ Питеръ. Пока

шли сборы, судья успѣлъ умереть; Глоба и Калнышъ уѣхали; остальныхъ запорожцевъ привели къ присягѣ. Тогда казаки задумали «москаля убрать у шоры» (обмануть), а самимъ «десъ дальше мандрувать» (убираться), и вотъ, на первый разъ, пришло къ Текелію человекъ 50, поклонились хлѣбомъ-солью и стали просить, чтобы онъ выдалъ имъ билетъ, на рѣчку Тилигуль, ловить рыбу. — «Нѣтъ, говорятъ, ни гроша денегъ, а нужно заработать, чтобъ было чѣмъ подать заплатить». Засмѣялся генералъ и приказалъ выдать билетъ. Темною ночью запорожцы, забравши оружіе, весь свой скарбъ, уложились въ лодки и безъ шума ушли внизъ; кромѣ «билетныхъ», ушло до тысячи «безбилетныхъ»; ихъ насажали, сколько можно было втиснуть. И другая партія продѣлала то же самое, за ними третья, и наконецъ въ сѣчи остались лишь слѣпые, хромые и самые старыя: всѣ ушли на турецкую границу. Когда офицеры донесли генералу о томъ, что сѣчь пуста, онъ страшно разсердился и заперся на цѣлый день въ свою палатку. Вечеромъ велѣлъ привести къ себѣ атамановъ: ихъ явилось десять. «Отчего не всѣ пришли?» спросилъ онъ гнѣвно. «Какъ же всѣмъ прійти», спросили, въ свою очередь, атаманы, «когда никого нѣтъ?» — «А гдѣ же они?» — «Атаманы разѣхались по зимовникамъ, а войско разбѣжалось. И мы думаемъ себѣ, чего намъ оставаться? Старшину забрали, казаки ушли, нечѣмъ и командовать!» — «Но куда же ушли ваши казаки?» — «Вы же сами, ясновельможный, давали имъ билеты, отпускали на рыбныя ловли, на Тилигуль!» — Текелій еще больше разсердился, приказалъ выгнать атамановъ, а черезъ нѣсколько времени и самъ уѣхалъ въ столицу. — Русское войско стояло въ границахъ Запорожья 7 лѣтъ, пока новый край не заселился. Бывшія паланки запорожцевъ вошли въ составъ двухъ губерній: на правомъ берегу Днѣпра Новороссійской, а на лѣвомъ — Азовской. Въ самой сѣчи, этомъ гнѣздѣ Запорожья, стоялъ донской казачій полкъ Сулимы; курени были разобраны, пороховой погребъ засыпанъ, пушки забраны, а церковь и укрѣпленія оставлены. Черезъ два года лишь остатки

валовъ да уцѣлѣвшія могилы могли указать мѣсто, гдѣ жило и померло славное братство.

Однакоже духъ славнаго воинства не погасъ. Онъ воскресъ на берегахъ Кубани, гдѣ проявилъ себя въ полувѣковой борьбѣ съ горскими народами Кавказа — въ сторожевой службѣ на постахъ, въ залогахъ или же подъ Севастополемъ, въ секретяхъ. Это были дѣти, внуки и правнуки тѣхъ же сѣчевиковъ, отъ которыхъ они переняли ихъ отвагу, удалъ, даже ихъ хитрости. Вышло это такъ: князь Потемкинъ, всегда благоволившій къ запорожцамъ, во время второй войны съ турками, собралъ ихъ съ хуторовъ, зимовниковъ и снарядилъ особое войско, частью конное, частью пѣшее для службы на лодкахъ. По окончаніи войны, казаки за свою вѣрную службу получили отъ Императрицы жалованную грамоту и землю для поселенія на берегахъ Кубани, гдѣ они тогда же водворились подъ именемъ «Вѣрнаго войска черноморскаго» *); ихъ потомки живутъ тамъ и теперь, называясь Кубанскими казаками. Другая половина, тысячъ около пяти, дѣйствительно переселилась въ Турцію. Жили они тамъ хорошо, привольно, но тоска по родинѣ часто грызла казацкое сердце. При первомъ удобномъ случаѣ они покинули Турцію, получили надѣлы возлѣ береговъ Азовскаго моря и стали извѣстны подъ именемъ «Азовскихъ казаковъ». Это было уже въ царствованіе Императора Николая Павловича. Впослѣдствіи они присоединились къ своимъ братьямъ, кубанцамъ. Не такъ давно писали, что одинъ запорожець, по имени Коломіецъ, еще доживалъ свой вѣкъ въ Дунайской сѣчи. Ему было тогда 123 года. Можетъ быть, этотъ дубъ уцѣлѣлъ и до сихъ поръ, — неизвѣстно.

*) См. „Казаки“. Стр. 273. Войско вѣрныхъ черноморскихъ казаковъ.

ШТУРМЪ ИЗМАИЛА.

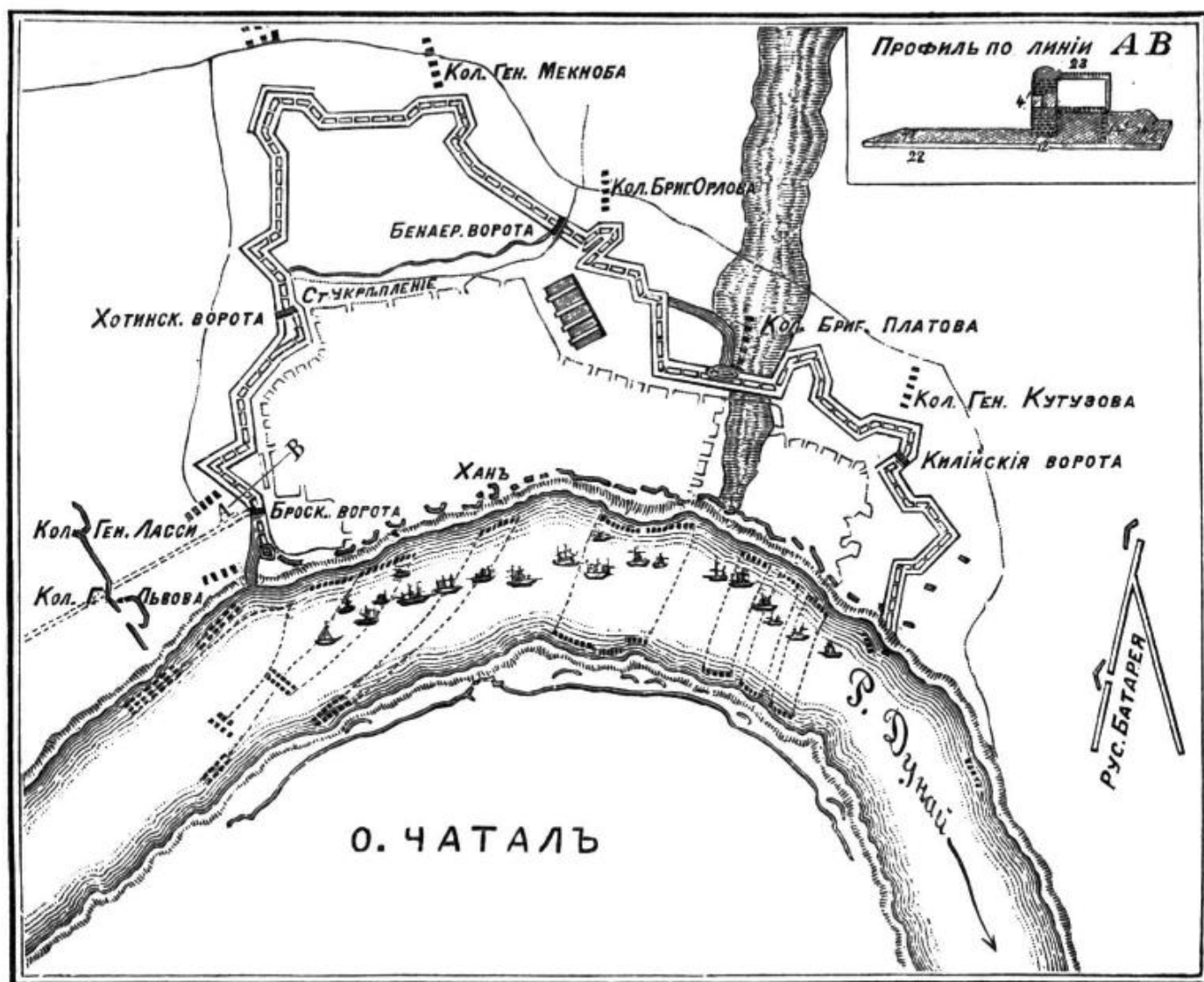
а разсвѣтъ 2-го декабря 1790 года, къ нашимъ аванпостамъ подь крѣпостью Измаиломъ, подѣхаль на казацкой лошади маленькій сухопарый старичокъ, въ курткѣ изъ толстаго солдатскаго сукна; сзади за нимъ поспѣшаль казакъ съ узелкомъ въ рукахъ, съ длинной офицерской саблей подь мышкой. Аванпосты пропустили всадниковъ, и въ одинъ мигъ разнеслась по русскому лагерю радостная вѣсть, что пріѣхаль Суворовъ. На батареяхъ раздались привѣтственные залпы; все засуетилось, забѣгало; пасмурныя лица просіяли, всѣ поздравляли другъ друга точно съ побѣдой. «Если пріѣхаль нашъ отецъ, говорили солдаты, значитъ, опять будемъ брать крѣпость. Это вѣрно». — Такъ оно было и на самомъ дѣлѣ.

Суворовъ стоялъ со своимъ отрядомъ подь Галацомъ и со дня на день поджидалъ отъ Измаила нашу флотилію, чтобы начать военныя дѣйствія. Но вмѣсто того получилъ отъ свѣтлѣйшаго князя Потемкина письмо: «Извольте поспѣшить подь Измаилъ для пріятія всѣхъ частей подь вашу команду. Моя надежда на Бога и

вашу храбрость. Поспѣшите, мой милостивый другъ»... Суворовъ отвѣчалъ, по своему обычаю, коротко: «Получа повелѣніе вашей свѣтлости, отправился я къ сторонѣ Измаила. Боже, даруй вамъ свою помощь!» Отправивъ донесеніе, Суворовъ сталъ собираться въ путь. Его сборы были недолги, распоряженія кратки: «Фанагорійскому полку, двумъ сотнямъ казаковъ, тысячѣ арнаутовъ и ста-пятидесяти охотникамъ Апшеронскаго полка выступить подъ Измаиль; немедля приготовить и отправить туда же 30 лѣстницъ». Вотъ и все. Черезъ два часа Суворовъ выѣхалъ съ конвоемъ изъ 40 казаковъ; дорогой опередилъ конвой и явился съ однимъ казакъ, у котораго находился въ узелкѣ его мундиръ и парадныя регалии. Сдѣлавши болѣе ста верстъ, онъ тотчасъ принялся за дѣло. А дѣла было много. Передъ нимъ стояла одна изъ сильнѣйшихъ крѣпостей Турціи, «Орду-Калеси», что значитъ «войсковая крѣпость»; а подъ стѣнами этой крѣпости, съ ея отличнымъ гарнизономъ — нашъ осадный корпусъ, слабый силами, истомленный, упавшій духомъ. Часть войска уже ушла на зимнія квартиры, остальные тоскливо ждали только своей очереди; осадная артиллерія была отправлена.

Измаильская крѣпость расположена на лѣвомъ берегу килійскаго гирла Дуная, на склонѣ отлогой высоты, которая обрывается у самаго берега крутымъ уступомъ. Главный валъ, замыкая площадь въ 400 десятинъ земли, состоялъ въ то время, какъ это видно на приложенномъ планѣ, изъ семи бастіоновъ, но изъ нихъ только одинъ, а именно лѣвый, примыкавшій къ рѣкѣ, былъ каменный; онъ имѣлъ двойную пушечную оборону: верхній рядъ орудій стоялъ на барбетѣ, а нижній — въ казематахъ. Одинъ изъ угловыхъ бастіоновъ, самый сѣверный, былъ только обшитъ камнемъ да имѣлъ по угламъ двѣ каменныхъ башни; его защищали 30 орудій; всѣ же остальные верки были земляные. Фронтъ крѣпости, обращенный къ рѣкѣ, оставался совсѣмъ безъ защиты; турки успѣли насыпать здѣсь нѣсколько батарей уже послѣ того, какъ подошли наши войска. Высота крѣпостнаго вала въ разныхъ мѣстахъ была различна, отъ 3 до 4 саж.; ширина рва доходила

до 6 саж., а глубина—до 4-хъ и даже 5-ти, хотя не вездѣ. На валгангѣ сухопутныхъ фронтовъ стояло болѣе 200 орудій разнаго калибра. За турецкими валами засѣла сорока-тысячная армія, въ томъ числѣ 15 тыс. янычаръ. Въ Измаилѣ скопились бывшіе защитники Хотина, Аккермана, Бендеръ, Киіи. Это была цѣлая

Планъ Измаила.

армія, а не простой гарнизонъ; въ военныхъ запасахъ—изобиліе, продовольствія на полтора мѣсяца, но, что самое главное, комендантомъ крѣпости былъ посѣдѣлый въ бояхъ Айдосъ-Мехмедъ-паша, человекъ твердый, безстрашный, знавшій свою силу. Два раза предлагалъ ему султанъ званіе великаго визиря, и оба раза онъ отказывался; теперь же поклялся отстоять послѣдній оплотъ Турецкой Имперіи. Онъ объявилъ своимъ подчиненнымъ волю па-

дишаха, что кто переживет падение Измаила, тому отрубят голову. И турки знали, что страшное приказание будет исполнено. Въ числѣ защитниковъ, кромѣ многихъ знатныхъ пашей, мурзъ и бековъ, находился Капланъ-Гирей съ шестью сыновьями.

Еще въ концѣ ноября русскіе отряды подъ начальствомъ генерала Потемкина и Гудовича обложили Измаиль съ сухого пути. Имѣя около 30 тыс. пѣхоты и казаковъ при 40 орудіяхъ, они расположились длиннымъ полукружіемъ, верстахъ въ четырехъ отъ крѣпости. Нѣсколькими днями раньше подошли двѣ нашихъ гребныхъ флотиліи: одна подъ начальствомъ генерала де-Рибаса, другая—изъ черноморскихъ казаковъ, подъ начальствомъ войскового судьи Головатаго. Отрядъ пѣхоты и 600 казаковъ высадились на островъ Сулинъ, какъ разъ противъ крѣпости, гдѣ мысъ Чаталь, и въ ночь на 19 ноября заложили здѣсь батарею. Тогда обѣ флотиліи вмѣстѣ съ прибрежной батареей открыли по крѣпости жестокой огонь, подъ прикрытіемъ котораго вырыли на островѣ траншею и насыпали еще двѣ батареи. Огнемъ этихъ батарей и неустанной пальбой съ лодокъ наши успѣли истребить около сотни непріятельскихъ лодокъ, на которыхъ находилось 120 орудій. Не смотря на искусство де-Рибаса и отвагу безстрашныхъ нашихъ моряковъ, одинъ флотъ ничево не могъ сдѣлать безъ помощи со стороны осадныхъ войскъ. А помощи большой не было. Войска держались вдаль, къ тому же терпѣли недостатокъ въ топливѣ, оставались безъ зимней одежды, продовольствія, а тутъ подходила зима и, какъ всегда бываетъ въ томъ краю, — дождливая, холодная и съ лихорадками. Служба требовалась своимъ чередомъ. Въ ожиданіи вылазки, войска стояли день и ночь на-сторожѣ, не раздѣваясь. Солдаты стали хирѣть, появились больные, и число ихъ съ каждымъ днемъ все прибывало. Хотя съ сухого пути и палили въ крѣпость, но всѣ хорошо видѣли, что турки не сдадутъ ея по доброй волѣ, а принудить ихъ—нечѣмъ. Генералы, собравшись на совѣтъ, порѣшили отойти на зимнія квартиры и, отправивъ донесеніе главнокомандующему, стали потихоньку сниматься. Свѣтлѣйшій не дождался этого донесенія, но только по догад-

камъ, что оно должно быть именно такое, выписалъ, какъ сказано, изъ-подъ Галаца Суворова, предоставивъ ему главное начальство надъ всѣми войсками.

Первымъ дѣломъ Суворовъ вернулъ осадную артиллерию и отрядъ Потемкина. Работа закипѣла на сушѣ, на водѣ. Каждый часъ былъ на счету. Ежедневно Рибасъ доносилъ Суворову о постройкѣ новыхъ батарей на островѣ Сулинѣ, прибавляя въ своихъ донесеніяхъ, что дѣлается у турокъ или что говорятъ шпионы. Солдаты въ это время рѣзали на топливо камышъ, заготовляли штурмовыя лѣстницы, вязали фашины; гонцы ежедневно сновали десятками — то въ Бендеры, къ свѣтлѣйшему, то въ Галацъ, съ приказаніями: выслать провизію, не задерживать штурмовыя лѣстницы и т. п. Скучный и мертвый до сихъ поръ лагерь нельзя было узнать: онъ оживился, повеселѣлъ; больные стали здоровыми, притомлевные набрались силъ; явилась охота работать и служить; каждому хотѣлось показать себя великому полководцу, услышать его привѣтъ, забавную шутку. Суворовъ часто объѣзжалъ полки и толковалъ съ солдатами. Онъ не скрывалъ онъ нихъ, что затѣваетъ дѣло трудное: «Валы Измаила высоки, рвы глубоки, а все-таки намъ надо его взять; такова воля матушки-Государыни!» — «Съ тобой, нашъ отецъ, какъ не взять-то? Возьмемъ, не устоятъ турку! Хоть онъ совсѣмъ въ землю заройся, вытащимъ его на свѣтъ Божій!» — радостно и увѣренно отвѣчали солдаты, цѣлуя руки «отцу» Александру Васильевичу. По ночамъ бывали ученья. Въ сторонкѣ отъ лагеря вывели особое укрѣпленіе, на валу котораго устали рядами фашины, изображавшія турокъ. Сюда собирали по ночамъ отъ всѣхъ полковъ команды и, по указанію Суворова, учили ихъ переходить ровъ, взбираться на брустверь, очищать его штыками вправо и влѣво, — все то, что придется дѣлать при настоящемъ штурмѣ. Почти ежедневно выѣзжалъ Суворовъ со всѣми генералами на осмотръ крѣпости и ближайшихъ къ ней путей; каждый начальникъ штурмовой колонны долженъ былъ знать заранѣе, куда онъ ее поведетъ, гдѣ спустится въ ровъ, гдѣ поднимется на валъ. Вначалѣ турки стрѣляли по свитѣ Суворова, но послѣ, при-

смотрѣвшись, перестали обращать на нее вниманіе. Когда осмотръ мѣстности былъ конченъ, Суворовъ велѣлъ устроить по двѣ батареи, въ 10 орудій каждая, на флангахъ осаднаго корпуса, показывая видъ, будто онъ хочетъ приступить къ правильной осадѣ. Къ этому времени были готовы лѣстницы, фашины; прибыли войска изъ-подъ Галаца, вернулся Потемкинъ со своимъ отрядомъ. Прежде чѣмъ сдѣлать окончательныя распоряженія, Суворовъ отправилъ измаильскому коменданту письмо главнокомандующаго, пересланное изъ Бендеръ, и приложилъ свое собственное. Послѣднее было такого содержанія: «Сераскиру, старшинамъ и всему обществу. Я съ войсками сюда прибылъ. Двадцать четыре часа на размышленіе — воля; первый мой выстрѣлъ — уже неволя; штурмъ — смерть, что оставляю вамъ на разсмотрѣніе». Одинъ изъ подручныхъ пашей, который принималъ это письмо, разговорился съ нашимъ офицеромъ и, между прочимъ, сказалъ: «Скорѣе Дунай остановится въ теченіи и скорѣе небо упадетъ на землю, чѣмъ сдастся Измаиль». На другой день вечеромъ полученъ отъ сераскира отвѣтъ, длинный предлинный. Айдосъ просилъ сроку не 24 часа, а 10 дней, чтобы посланный къ визирю успѣлъ вернуться; кромѣ того, отъ требовалъ, чтобы на этотъ срокъ было заключено перемиріе. Явное дѣло, турки хстѣли протянуть и при скудости нашихъ запасовъ могли выиграть. Такіе приемы имъ удавались не разъ, но теперь они имѣли дѣло съ Суворовымъ, который заранѣе зналъ, что изъ этихъ переговоровъ никакого толку не будетъ. Однако сераскиръ прислалъ турка и на другой день, какъ будто за отвѣтомъ. Суворовъ приказалъ передать на словахъ, что если въ тотъ же день Айдосъ не прикажетъ выкинуть бѣлый флагъ, то послѣдуетъ штурмъ, и тогда пусть не ждетъ пощады. День прошелъ, бѣлое знамя не показывалось: судьба крѣпости была рѣшена.

Вечеромъ собрались къ Суворову всѣ начальники; они знали, о чемъ будетъ рѣчь, и каждый заранѣе приготовилъ свой отвѣтъ. Немного говорилъ Суворовъ, но говорилъ горячо, вдохно-

венно: «Два раза наши подходили къ Измаилу, — такъ началъ Александръ Васильевичъ, — и два раза отступали. Теперь, въ третій разъ, намъ остается только либо взять городъ, либо умереть. Правда, крѣпость сильна, гарнизонъ — цѣлая армія, но ничто не устоитъ противъ русскаго оружія. Напрасно турки думаютъ, что они безопасны за своими стѣнами. Мы покажемъ имъ, что наши воины и тамъ ихъ найдутъ. Я рѣшился овладѣть этой крѣпостью или погибнуть подъ ея стѣнами». Младшій по чину бригадиръ Платовъ сказалъ безъ запинки: «Штурмъ!» и всѣ 13 голосовъ повторили это слово 13 разъ. Суворовъ вскочилъ съ мѣста, перецѣловалъ всѣхъ присутствующихъ и сказалъ: «Сегодня молиться, завтра — учить войска, послѣ-завтра — побѣда, либо славная смерть!»... Совѣтъ постановилъ: «Сераскиру въ его требованіи отказать. Отступление предосудительно побѣдоноснымъ Ея Императорскаго Величества войскамъ, по силѣ четвертой-надесять главы устава».

Днемъ штурма назначили 11-е число. Но это рѣшеніе надо было сохранить въ тайнѣ, чтобы оно не дошло до турокъ, которые и безъ того стояли въ полной готовности. Отъ перебѣжчиковъ было извѣстно, что турки ждутъ штурма каждую ночь, и что половина солдатъ сидитъ въ землянкахъ, всегда готовая броситься на валы, что сераскиръ объѣзжаетъ крѣпость по два и по три раза въ день, а по ночамъ объѣзжаютъ татарскіе султаны и янычарскіе агасы, помимо того, что особые дозоры ходятъ отъ бастіона къ бастіону. Таковы были извѣстія изъ крѣпости. Суворовъ приказалъ объявить ихъ по войскамъ, чтобы зналъ каждый солдатъ. Онъ всегда такъ дѣлалъ. Затѣмъ были отданы послѣднія распоряженія. Сигналъ къ штурму — три ракеты; овладѣвши валомъ, отнюдь не врываться въ городъ, пока не отворятъ ворота и не войдутъ резервы; начальникамъ сообразоваться въ дѣйствіяхъ другъ съ другомъ, но, начавши атаку, не останавливаться; отыскивать подъ бастіонами погреба и ставить при нихъ караулы; при движеніи внутри города не дѣлать поджоговъ; безоружныхъ христіанъ, а также женщинъ, дѣтей — не трогать.

Впереди штурмовыхъ колоннъ идти стрѣлкамъ и рабочимъ, съ топорами, кирками, лопатами; сзади колоннъ находится резервамъ. Резервами можно подкрѣплять не только свои колонны, но и сосѣднія.

Наканунѣ штурма, съ солнечнымъ восходомъ, наши открыли сильнѣйшую канонаду: 40 орудій съ сухого пути, 100 орудій съ острова Сулина и 150 съ гребной флотилии громили Измаиль съ ранняго утра до поздняго вечера. Турки отвѣчали горячо, но съ полудня стали стихать, а къ вечеру и совсѣмъ замолкли. Отъ рева 600 орудій земля стонала; снаряды бороздили небо по всемъ направленіямъ. Одинъ изъ нихъ попалъ въ нашу бригантину, и судно взлетѣло на воздухъ; зато и городу сильно досталось. Съ наступленіемъ темноты нѣсколько казаковъ перебѣжали къ туркамъ: нападеніе уже не могло быть неожиданнымъ; послѣ оказалось, что турки сами готовили на эту ночь три вылазки: двѣ противъ нашихъ батарей, третью—къ ставкѣ Суворова.

Ночь выдалась темная, непроглядная; по временамъ раздавались одиночные выстрѣлы, освѣщая на секунду то тотъ, то другой уголъ нашего лагеря. И эти выстрѣлы смолкли. Среди почной тишины по временамъ изъ крѣпости доносился какой-то неясный, зловѣщій гулъ. Мало кто спалъ въ эту ночь. Не спалъ и Суворовъ; онъ ходилъ по бивакамъ, вступалъ въ бесѣду съ офицерами, шутилъ съ солдатами. Вспоминая былыя побѣды, онъ обѣщалъ уснѣхъ и на сегодня. Вернувшись къ себѣ, Суворовъ прилегъ къ огню, но не спалъ; его окружала большая свита адъютантовъ, ординарцевъ, гвардейскихъ офицеровъ, придворныхъ, знатныхъ иностранцевъ. Многие изъ послѣднихъ принесли большую пользу во время штурма, а современемъ прославили свое имя на поляхъ Европы громкими побѣдами. Сюда они пріѣхали учиться.—Въ три часа ночи взвилась ракета. Наши войска поднялись съ биваковъ, устроились и выступили къ сборнымъ мѣстамъ. Въ 5^{1/2} час., при густомъ туманѣ, штурмовыя колонны пошли на приступъ. Три правыя колонны находились подъ общимъ начальствомъ Потемкина, а три лѣвыя—Самойлова; 1-ю колонну велъ Львовъ, 2-ю—Ласси, 3-ю—Мэкнобъ—

генералы испытанной храбрости, бравшіе штурмомъ Очаковъ. Въ этихъ колоннахъ было 15 батал. пѣхоты да въ прикрытіи 3 полка конницы. Лѣвыя колонны вели на штурмъ по порядку номеровъ: бригадиры Орловъ, Платовъ и генераль-маіоръ Голенищевъ-Кутузовъ—всѣ трое подвизались впослѣдствіи, въ эпоху Александра, въ тяжелые годы борьбы съ Наполеономъ. Теперь подъ ихъ начальствомъ находилось 7 батальоновъ пѣхоты, 8 тысячъ казаковъ, тысяча арнаутовъ, а въ резервѣ 4 полка казаковъ, 12 эскадроновъ карабинеровъ и гусаръ. Нужно прибавить, что спѣшенные казаки 4-й и 5-й колоннъ, потерявшіе своихъ лошадей подъ Очаковымъ, были вооружены вмѣсто ружей укороченными пиками. Колонны двигались въ порядкѣ, въ глубокой тишинѣ. Турки сидѣли смирно, не выдавая себя ни единымъ звукомъ. Раньше другихъ подошла къ назначенному ей мѣсту, именно лѣвѣе Бросскихъ воротъ, вторая колонна подъ начальствомъ Ласси. Сажень за 300 или за 400 турки встрѣтили ее адскимъ огнемъ. Въ одну минуту загорѣлся весь валгангъ; загремѣло 700 орудій, затрещали ружья; крѣпость стала похожа на грозный вулканъ, извергавшій пламя и дымъ; небо и земля были въ огнѣ, и въ довершеніе ужаса, по всему валу раздавался протяжный, раздрающій душу крикъ: «Ал—ла! Ал—ла!», какъ послѣднее, похоронное пѣніе. Вторая колонна оробѣла, солдаты затоптались на мѣстѣ, но бывшій тутъ Потемкинъ съумѣлъ ихъ увлечь,—они бросились впередъ, живо забросали ровъ фашинами. Измайловскаго полка прапорщикъ Гагаринъ приставилъ лѣстницы, по которымъ стали подниматься: первыми вошли маіоръ Неклюдовъ, начальникъ стрѣлковъ, и Ласси. Турки съ яростью набросились на этихъ храбрецовъ; они пустили въ ходъ кинжалы, сабли, копья; но на мѣсто павшихъ прибѣжали другіе; поднялась голова колонны, успѣла утвердиться и сейчасъ же, не спускаясь въ городъ, пошла забирать влѣво, къ Хотинскимъ воротамъ. Почти въ то же время подходила первая колонна; ее вели фанаторы, любимыя дѣти Суворова. Передъ этой колонной возвышался каменный редутъ, табія, замыкавшій измаильскія укрѣпленія у самаго берега Дуная.

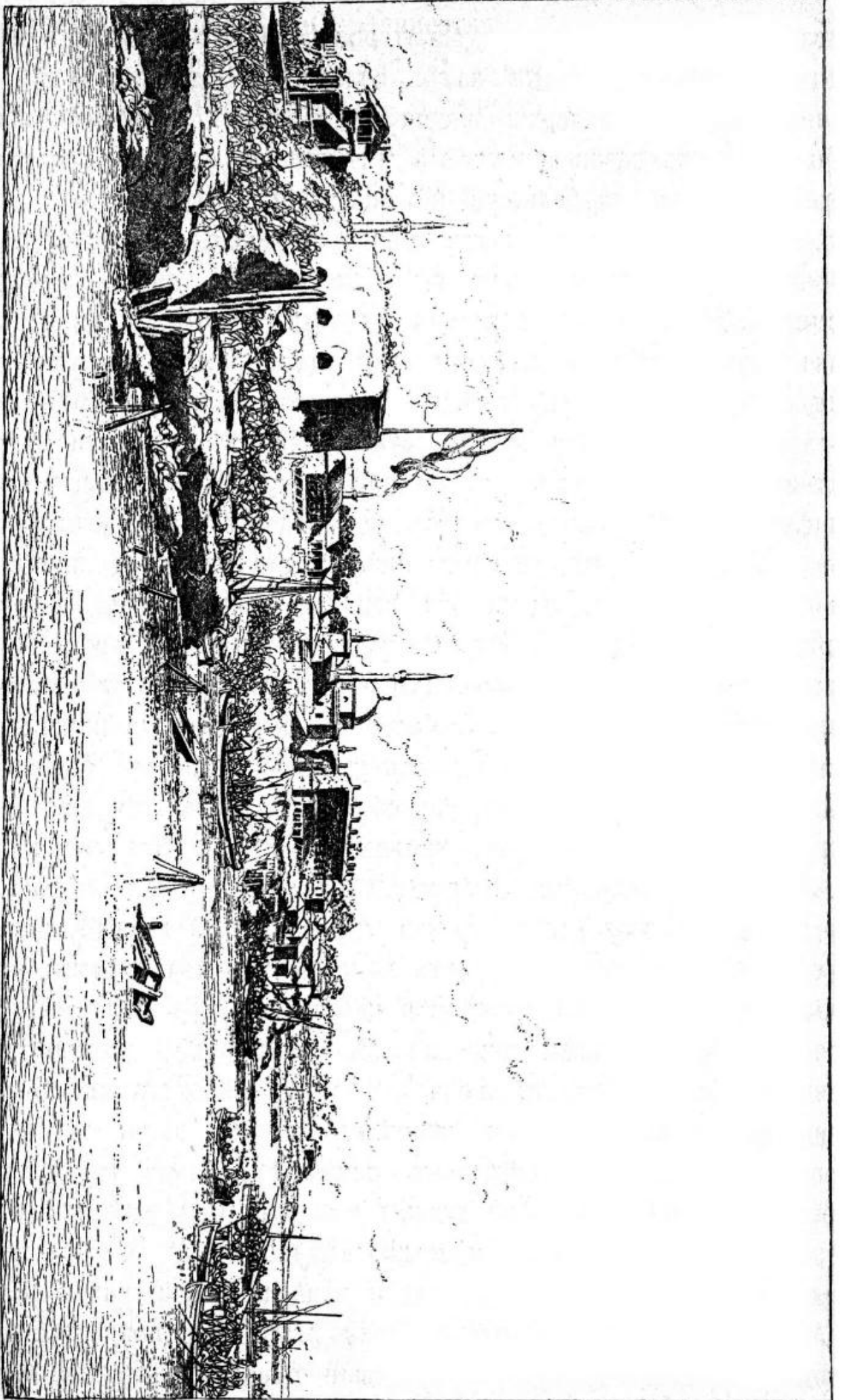
Взять его въ лобъ не было никакой возможности; колонна повернула вправо, къ палисаду, протянутому отъ редута къ рѣкѣ. Генераль Львовъ перелѣзъ черезъ него первымъ, за нимъ фанаторійцы, потомъ апшеронскіе егеря. Не смотря на страшный картечный огонь изъ редута, они быстрымъ натискомъ въ штыки тотчасъ овладѣли съ тыла ближайшими турецкими батареями; но не успѣли солдаты оглядѣться, какъ изъ табіи выскочили янычары, потрясая въ воздухѣ своими грозными ятаганами. Колонна съ успѣхомъ отбила эту вылазку, послѣ чего обошла редутъ сзади, подъ самыми стѣнами, и, поднявшись на валгангъ, устремилась влѣво—туда, гдѣ была вторая колонна, откуда раздавались крики: «Ура! Съ нами Богъ!» Солдаты рвались съ нечеловѣческой силой; бѣшеной волной они сметали всѣхъ встрѣчныхъ. Раненый генераль Львовъ остался за табіей, старшій полковникъ Лобановъ-Ростовскій тоже: велъ колонну Зелотухинъ. На штыкахъ добрался онъ до Бросскихъ воротъ, дошелъ до Хотинскихъ, выломалъ ихъ и впустилъ резервы. Обѣ колонны, 1-я и 2-я, соединились вмѣстѣ. На долю третьей колонны выпало еще болѣе трудное дѣло: она шла съ сѣверной стороны, съ поля, гдѣ крѣпостная ограда была гораздо выше. Высота вала и глубина рва были здѣсь такъ велики, что приходилось нятисаженныя лѣстницы связывать по двѣ; кромѣ того, эту часть верковъ защищали янычары подъ начальствомъ самого сераскира. Войска поднимались съ большимъ трудомъ, съ тяжкими потерями, а поднявшись—встрѣтили такой отпоръ, что, не подоспѣвъ резервы, пришлось бы отступить. Начальникъ колонны Мэкнобъ и принцъ Гессенскій, который шелъ впереди, оба получили тяжелыя раны; всѣ штабъ-офицеры убыли изъ строя, и тогда Суворовъ прислалъ сюда гусарскаго подполковника Фризе.

На другомъ концѣ крѣпости, со стороны Молдаванскаго предместья, во главѣ шестой колонны шелъ неустрашимый Кутузовъ. Подъ градомъ картечи колонна достигла контръ-эскарпа. Здѣсь палъ, сраженный пулей, молодой бригадиръ Рибоьеръ, на котораго возлагали такъ много надеждъ. Солдаты пріостановились, колебались, но въ эту опасную минуту спустился въ ровъ самъ

Кутузовъ; за нимъ бросились солдаты и скоро очутились на валу. Однако на валу пришлось такъ жутко, что Кутузовъ вызвалъ резервъ; херсонскіе гренадеры дружнымъ ударомъ въ штыки заставили турокъ очистить имъ путь. Шестая колонна утвердилась теперь прочно. Колонна Орлова шла на Бендерскія ворота, что почти по срединѣ крѣпости. Когда часть ея успѣла подняться, растворились ворота, и турки, съ ятаганами въ рукахъ, бросились вдоль рва, во флангъ 4-й колоннѣ. Такимъ образомъ она была разрѣзана на-двое; тѣмъ, которые находились наверху, грозила явная гибель. Во рву завязалась кровавая схватка: казаки и турки, сбившись въ темнотѣ, рѣзались на смерть; точно изъ адской бездны раздавались по-очередно то громкое: «Алла!», то наше русское «ура!», смотря по тому, кто бралъ верхъ. Бѣдные казаки, почти безоружные, гибли подъ турецкими ятаганами сотнями; ихъ короткія пики дробились въ щепы. Въ это самое время неподалеку спустилась въ ровъ 5-я колонна, Платова. Тутъ казаки очутились по поясъ въ водѣ, и только начали было взбираться подъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ на валъ, какъ услышали вправо отъ себя побѣдные крики турокъ, а вслѣдъ затѣмъ шумъ жестокой свалки. Они замялись, остановились и тотчасъ были опрокинуты назадъ, въ ровъ. Къ счастью, недалеко отъ 4-й колонны находился самъ Суворовъ: онъ послалъ резервы. Полоцкій полкъ, подъ начальствомъ храбраго Яцунскаго, ударилъ янычарамъ въ тылъ. Янычары было понятились, но въ эту самую минуту палъ Яцунскій, убитый наповалъ. Турки опомнились; опять раздался крикъ побѣды: полочане стали отступать. Тогда выскочилъ изъ заднихъ рядовъ священникъ Трофимъ Куцинскій съ крестомъ въ рукахъ. Приподнявъ его, онъ воскликнулъ: «Стой, ребята! Вотъ вамъ командиръ!»—На этотъ разъ полочане ринулись какъ тигры; въ мигъ они пронизали штыками густые ряды турокъ: многихъ уложили, остальныхъ заставили разбѣжаться.—Разстроенные, утраченные множествомъ враговъ и гибелью своихъ товарищей, казаки топтались на мѣстѣ, не зная, что съ собой дѣлать, какъ вдругъ, среди общаго смятенія и безурядицы, раздался громовой голосъ

Платова: «Съ нами Богъ и Екатерина!» Онъ приставилъ лѣстницу и самъ полѣзъ на валъ. Вслѣдъ за Платовымъ обѣ колонны поднялись наверхъ: непріятель сброшенъ, Бендерскія ворота заняты; часть казаковъ успѣла пробраться оврагомъ до самаго берега, гдѣ оказала большую помощь нашему десанту.

Въ то самое время, когда войска штурмовали съ поля, де-Рибасъ велъ съ пальбой свою флотилію въ двѣ линіи: въ первой линіи плыла на сотнѣ казачьихъ лодокъ пѣхота, и на 45 лодкахъ черноморскіе казаки; во второй линіи шли на веслахъ большія суда: бригантины, шлюпки, пловучія батареи. Крѣпостныя батареи отвѣчали имъ огнемъ ста орудій; въ томъ числѣ одна гаубица кидала снаряды въ 15 пуд. вѣсу. Только темнота ночи спасла нашу флотилію отъ погрома. Подойдя на ружейный выстрѣлъ, вторая линія, раздѣлившись на двѣ половины, примкнула къ флангамъ первой. Въ такомъ порядкѣ лодки подошли къ берегу. Войска сдѣлали высадку быстро, отчетливо и послѣ кроваваго боя овладѣли всѣмъ побережьемъ Дуная. Десять тысячъ отборнаго турецкаго войска очисти́ли всѣ батареи, чему не мало помогла колонна Львова, захватившая, какъ сказано, нѣсколько батарей съ тыла. Подъ начальствомъ де-Рибаса также находилось много иностранныхъ офицеровъ, какъ на примѣръ: графъ Дамасъ, принцъ де-Линь, сынъ генерала, Эмануэль Рибасъ и другіе; они бросались на турокъ съ рыцарской отвагой, подавая тѣмъ высокій примѣръ русскимъ солдатамъ. Эта услуга не обошлась имъ даромъ: между ними были убитые и почти всѣ переранены. Въ 8 часовъ утра вся крѣпостная ограда перешла въ наши руки; зато разстройство войска и потеря въ людяхъ были страшно велики. Большія скопища турокъ готовились защищать улицы, дома, тогда какъ нашимъ приходилось наступать слабымъ, сильно растянутымъ фронтомъ. Но Суворовъ не любилъ медлить. Получено приказаніе: перевести духъ, устроиться и продолжать атаку. Съ быстротою молніи войска спустились внизъ, и началась сѣча, какой не бывало давно. Это не то, что сраженіе, гдѣ дѣло кончается натискомъ, въ одинъ-два удара; это были тысячи дракъ—на площа-

Штурмъ Измаила съ рѣчной стороны.

дяхъ, на улицахъ, въ домахъ, во дворахъ, за каждымъ угломъ. Ночное побоище казалось теперь шуточнымъ дѣломъ, игрушкой. Турки не уступали шагу безъ борьбы; они стрѣляли изъ оконъ, изъ дверей, съ крышъ, изъ-за высокихъ заборовъ; при всякомъ удобномъ случаѣ, напримѣръ на площадяхъ, они встрѣчали русскихъ тѣснымъ фронтомъ, въ ятаганы. Наши отступали передъ натискомъ, перестраивались и шли въ атаку за атакой, пока не разгоняли скопища. Большія гостиницы, или ханы, надо было штурмовать какъ крѣпости или же разбивать ихъ ядрами. Тѣмъ не менѣе, наши войска, шагъ за шагомъ, надвигаясь кольцомъ, сжимали турокъ все тѣснѣе и тѣснѣе. Этотъ тяжкій побѣдный путь особенно дорого доставался безоружнымъ казакамъ. Была минута, когда они, окруженные на площади турками, могли погибнуть всѣ до одного, если бы не выручила ихъ во-время подоспѣвшая пѣхота да отважные запорожцы. И въ другихъ мѣстахъ случались опасныя минуты. Такъ, Капланъ-Гирей, окруженный татарами и турками, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, подобно бурному потоку, устремился на-встрѣчу нашимъ войскамъ: черноморскіе казаки въ одинъ мигъ были смяты, при чемъ потеряли двѣ пушки. Имъ также угрожала гибель, если бы не подоспѣли три баталіона егерей, успѣвшихъ окружить разъяренное скопище. Капланъ-Гирей, побѣдитель австрійцевъ, сдавленный въ тискахъ, кидался какъ левъ, очищая путь; онъ, видимо, искалъ смерти: на приглашеніе сдаться—отвѣчалъ каждый разъ широкимъ взмахомъ своей сабли. Возлѣ него пало пять сыновей, много знатныхъ мурзъ, и самъ онъ умеръ на солдатскихъ штыкахъ, прикрывши собою около четырехъ тысячъ мусульманскихъ труповъ. Генералъ Ласси, добравшись до середины города, наткнулся на тысячу татаръ, вооруженныхъ пиками и засѣвшихъ за стѣнами армянскаго монастыря. Съ ними находился Максудъ Гирей, потомокъ Чангисъ-хана. Онъ защищался во славу своихъ предковъ и только тогда сдался, когда солдаты выломали ворота и перебили больше половины его отряда. Послѣ Ласси подошли остальные войска. Къ часу дня городъ былъ занятъ; турки держались лишь въ мечети, двухъ ханахъ и редутѣ;

но это были уже остатки, которые не могли долго сопротивляться: ихъ выбили силой или заставили сдаться. Старикъ Айдось не пережилъ этого дня. Онъ засѣлъ въ каменномъ ханѣ, близъ Хотинскихъ воротъ, съ двумя тысячами янычаръ. Полковникъ Золотухинъ атаковалъ гостинницу батальономъ фанагорійцевъ. Штурмъ продолжался около двухъ часовъ, пока выбили ядрами ворота. Гренадеры ворвались внутрь хана, перебили многихъ турокъ, а остальные запросили пощады; ихъ вывели на дворъ и стали отбирать оружіе. Между ними находился самъ сераскиръ. Пока отбирали оружіе, кому-то изъ егерей захотѣлось поживиться богатымъ кинжаломъ паши; онъ протянулъ, было, руку, чтобы вырвать его изъ-за пояса, какъ стоявшій сзади янычаръ выстрѣлилъ по немъ, да вмѣсто егеря убилъ офицера, отбравшаго оружіе. Въ суматохѣ наши приняли этотъ выстрѣлъ за измѣну; разсвирѣпѣвшіе солдаты перекололи почти всѣхъ турокъ.

Вслѣдъ за пѣхотой по улицамъ крѣпости проѣхала конница и окончательно очистила ихъ отъ турокъ. Въ 4 часа дня все было кончено. Измаилъ имѣлъ тогда ужасный видъ. На улицахъ и площадяхъ валялись горы убитыхъ, полураздѣтыхъ, даже совсѣмъ нагихъ; лавки и богатые дома стояли въ полномъ разрушеніи; внутри все было растащено или разрушено. Никогда еще русскіе солдаты такъ не ожесточались, какъ во время и послѣ штурма. Кромѣ того, что они были измучены долгой и тоскливой осадой, никогда побѣда не доставалась такъ дорого, какъ въ этотъ кровавый приступъ. Десять часовъ они были въ огнѣ, и третья часть убыла изъ строя. Но зато нигдѣ беззавѣтная храбрость русскихъ войскъ не была такъ очевидна, какъ при штурмѣ Измаила. Офицеры, главные начальники всегда были впереди, бились какъ солдаты, отчего перебиты или переранены въ огромномъ числѣ: изъ 600 офицеровъ уцѣлѣло только 200; солдаты рвались за офицерами безъ всякихъ понуканій, криковъ, а тѣмъ болѣе угрозъ. Многіе изъ оставшихся въ живыхъ, глядя потомъ на эти грозные валы, удивлялись, какъ они могли на нихъ взобраться. Самъ Суворовъ говаривалъ не разъ, что на такое дѣло, какъ штурмъ

Измаила, можно рискнуть разъ въ жизни, не больше. — Среди крови, дыма и огня онъ послалъ два донесенія; изъ нихъ одно Императрицѣ: «Гордый Измаиль палъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества»; другое — свѣтлѣйшему: «Россійскія знамена — на стѣнахъ Измаила».

Военные трофеи были велики, лучше сказать, громадны; плѣнныхъ взято 9 тыс., пушекъ 265, знаменъ и бунчуковъ 370, пороху до 3 тыс. пудовъ, лошадей до 10 тыс. Солдатамъ досталось такое множество товаровъ, денегъ, цѣнной посуды и оружія, что они не знали, куда съ ними дѣваться. Многіе щеголяли въ сорванныхъ съ древковъ красивыхъ турецкихъ знаменахъ; иные запахивались дорогими турецкими шаями или коврами; гуляки, особенно бывшіе запорожцы, кидали горстями золото, серебро, топтали ногами драгоценныя сосуды. Суворовъ, по своему обычаю, ни до чего не коснулся. Офицеры привели къ нему арабскаго коня, въ полномъ и богатѣйшемъ уборѣ; они просили принять его на память объ этомъ славномъ днѣ. Суворовъ отказался: «Донской конь привезъ меня сюда, на немъ отсюда и уѣду». — Не даромъ солдаты говорили: «Нашъ Суворовъ во всемъ съ нами, только не въ добычѣ».

Штурмъ Измаила устрасилъ недруговъ Россіи, подѣрекавшихъ турокъ къ продолженію войны. Они заключили миръ, отдавши Очаковъ и земли по Кубани. Грозная твердыня, облитая русской кровью, осталась за ними, хотя не надолго. Въ то самое время, когда гостилъ въ Москвѣ Наполеонъ, Измаиль былъ уступленъ Россіи съ частью Бессарабіи. Теперь, на мѣстѣ крѣпости, стоятъ сиротливо три церкви, изъ нихъ одна — бывшая мечеть. Нѣкогда высокіе валы осыпались, заросли бурьяномъ и по нимъ, вмѣсто часовыхъ, бродятъ овцы. Ни здѣсь, ни въ городѣ, который раскинулся по ту сторону оврага, за бывшимъ армянскимъ предместьемъ, нѣтъ ничего, что напоминало бы о величайшемъ подвигѣ въ русской военной исторіи.

ПОХОДЫ СУВОРОВА ВЪ ИТАЛІИ.

Въ началѣ 1799 г. русскія войска получили приказаніе идти на помощь австрійцамъ противъ французовъ. Императоръ Павелъ давно уже смотрѣлъ съ негодованіемъ на насилія и захваты, которые позволяли себѣ французы. Такъ, во время похода въ Египеть, они захватили островъ Мальту, владѣнія рыцарскаго ордена, главою котораго считался нашъ Государь. Покореніемъ народовъ они навязывали такое правленіе, котораго тѣ вовсе не желали, въ то время когда законные государи, лишеныя своихъ наслѣдственныхъ земель, скитались по Европѣ, какъ бездомные. Ихъ несчастную судьбу также принялъ близко къ сердцу русскій монархъ.

По совѣту англичанъ, австрійцы обратились къ нему съ просьбой, чтобы онъ вмѣстѣ съ войсками отпустилъ и Суворова для назначенія его главнокомандующимъ. Императоръ согласился и на эту просьбу. Особымъ рескриптомъ онъ вызвалъ Суворова изъ деревни, гдѣ фельдмаршалъ жилъ на покоѣ. Получивши высочайшій рескриптъ, Суворовъ облобызалъ его, прижалъ къ старымъ ранамъ, и, отслуживши молебенъ, быстро какъ юноша полетѣлъ на

зовъ монарха. Императоръ милостиво принялъ престарѣлаго воина, своими руками возложилъ ему на шею крестъ Іоанна Іерусалимскаго, при чемъ фельдмаршалъ, стоя на колѣняхъ, воскликнулъ: «Боже, спаси царя!» — «Тебѣ спасать царей», сказалъ Государь. Въ распоряженіе Суворова было отдано два русскихъ корпуса: одинъ въ 20 тыс., подъ начальствомъ Розенберга, другой въ 9 тыс., подъ начальствомъ Ребиндера; третій корпусъ, Римскаго-Корсакова, предназначался въ Швейцарію.

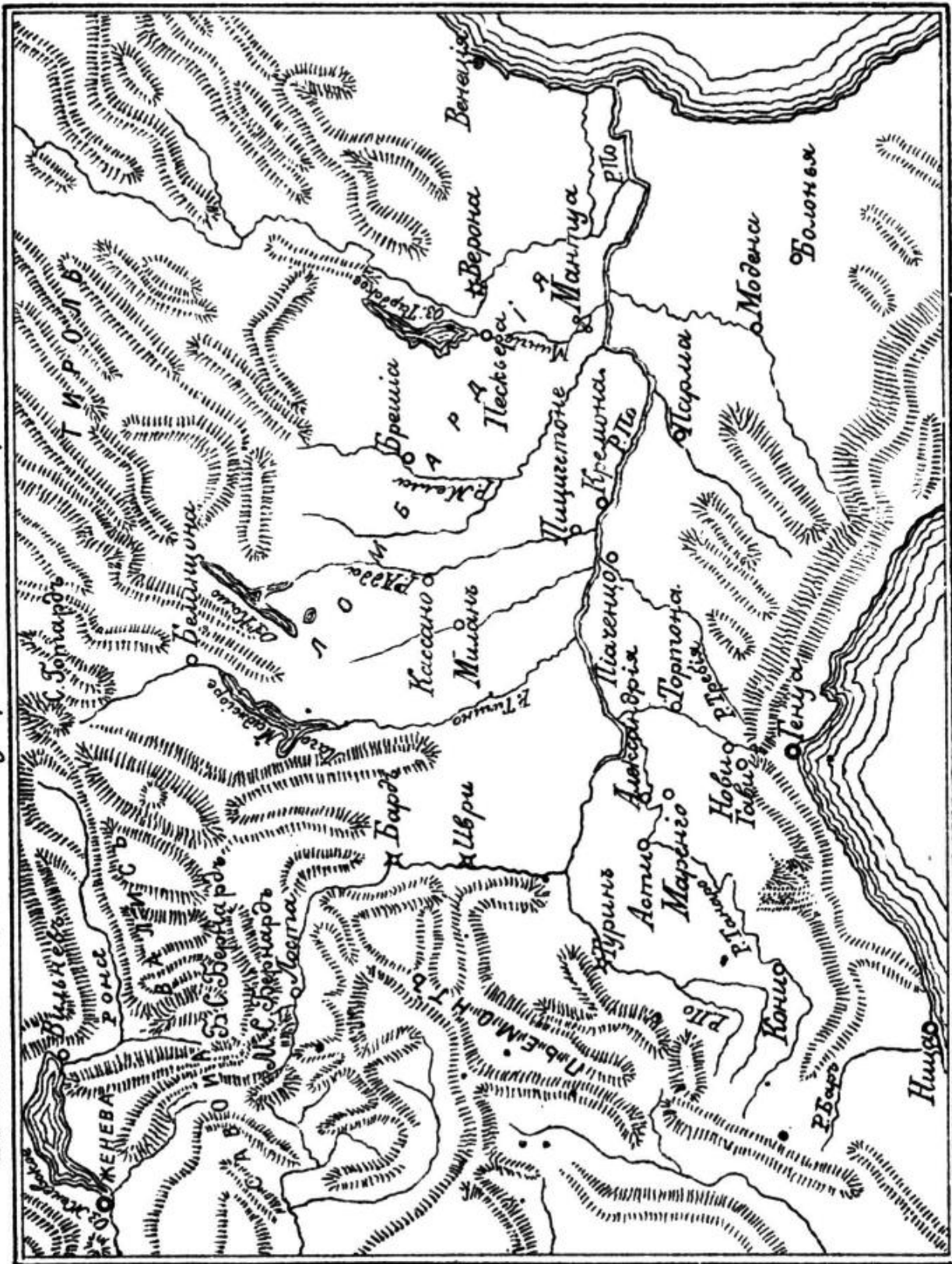
Суворовъ выѣхалъ изъ Петербурга въ ту самую пору, когда начиналась распутица. Проѣздомъ черезъ Вильну, гдѣ квартировалъ тогда Фанагорійскій полкъ, карета фельдмаршала остановилась возлѣ гауптвахты. Ее окружили городскія власти, толпа народа, офицеры, солдаты. Командиръ полка подалъ почетный рапортъ. Суворовъ принялъ его, сидя въ каретѣ, и пожелалъ видѣть старыхъ сподвижниковъ. Ихъ подошло человекъ 50. «Здравствуйте, чудо-богатыри! Здравствуйте, мои милые!» Многихъ фельдмаршалъ узнавалъ по лицу, подзывалъ къ себѣ поближе, цѣловалъ ихъ и ласкалъ, какъ ласкаютъ любимыхъ дѣтей. Солдаты переглянулись; выступилъ впередъ гренадеръ Кабановъ и сталъ просить чтобы фельдмаршалъ взялъ свой полкъ въ Италію. «Хотимъ! Желаемъ, отецъ!» подхватили сѣдые усачи, тѣсясь возлѣ кареты. Суворовъ обѣщалъ просить объ этомъ Государя: самъ же въ распоряженіи не можетъ. Живо запрягли карету; фельдмаршалъ отправился дальше, и впослѣдствіи, на поляхъ Италіи, часто вспоминалъ фанагорійцевъ, а они напрасно ждали, что ихъ не сегодня — завтра пошлютъ туда же. Въ половинѣ марта Суворовъ пріѣхалъ въ Вѣну, гдѣ остановился въ домѣ нашего посланника. Въ ожиданіи высокаго гостя, зеркала, бронзу и все украшенія вынесли прочь; постель приготовили на сѣнѣ. Нѣмцы воспрянули духомъ, узнавъ о пріѣздѣ Суворова; сумрачное лицо Императора прояснилось чувствомъ радости и надежды. Онъ заполучилъ вождя доселѣ непобѣжденнаго и 30 тыс. побѣдоносныхъ войскъ. Однако не смотря на боевую славу, нашему полководцу не вполне то до-вѣряли и требовали, чтобы онъ изложилъ на бумагѣ, какъ онъ

намѣренъ дѣйствовать противъ французовъ. Когда Суворовъ отвѣчалъ, что онъ будетъ дѣйствовать, какъ укажутъ обстоятельства, верховный военный совѣтъ, состоявшій изъ чиновниковъ, потребовалъ, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, разсмотрѣлъ ихъ планъ кампаніи. Суворовъ взялъ карандашъ, зачеркнулъ крестомъ всю записку и приписалъ внизу слѣдующее: «Начну войну тѣмъ, что перейду рѣку Адду, а кончу ее, гдѣ Богу будетъ угодно». Такъ нѣмцы ничего отъ него и не добились; зато Суворовъ сразу нашлъ себѣ большого врага: это былъ баронъ Тугутъ, главный заправила придворнаго военнаго совѣта. Онъ привыкъ, чтобы его волю исполняли какъ законъ, даже главнокомандующіе, хотя въ военномъ дѣлѣ ничего не смыслилъ. Въ концѣ марта Суворовъ выѣхалъ изъ Вѣны. По дорогѣ въ Италію, онъ обгонялъ русскія войска, спѣшившія туда усиленными переходами. 3-го апрѣля авангардъ князя Багратіона вступилъ уже въ Верону *). Народъ узнавши, что ждуть Суворова, повалилъ толпами за городъ. Съ радостными криками окружили итальянцы экипажъ фельдмаршала, водрузили на немъ знамя, и многотысячная толпа открыла шествіе, выражая свой восторгъ со свойственною итальянцамъ живостью. Съ трудомъ добравшись до своей квартиры, Суворовъ быстро вѣшалъ на лѣстницу, переодѣлся въ фельдмаршальскій мундиръ и вышелъ въ пріемную, гдѣ его ожидали городскія и военныя власти. На привѣтствія отъ гражданъ Суворовъ отвѣчалъ, что Государь прислалъ его выгнать французовъ, защитить троны и вѣру, дать народамъ миръ, тишину. «Прошу, ваше высокопреосвященство, молитесь Господу за царей-государей, за насъ и за все христіанское воинство. А вы будьте вѣрны Богу и государевымъ законамъ», прибавилъ фельдмаршалъ, обращаясь по-очереди къ епископу и ко всѣмъ городскимъ властямъ. Затѣмъ Розенбергъ сталъ называть присутствующихъ генераловъ, переходя отъ одного къ другому. Суворовъ стоялъ на вытяжку, зажмуривши глаза: «Помилуй Богъ! Не слыхалъ, познакомимся!» говорилъ онъ, дѣлая

*) См. карту военныхъ дѣйствій Суворова въ Италіи.

КАРТА

Военных действий Суворова и Бонапарта в Италии.

поклонъ тому генералу, котораго раньше не зналъ. Розенбергъ назвалъ Милорадовича. Суворовъ встрепенулся: «А! Это ты, Миша! Михайло! Знаю васъ такимъ, — и Суворовъ показалъ на аршинъ отъ земли, — и ѣдалъ у вашего батюшки пироги! О, да какіе были сладкіе! Помню, помню, какъ вы ѣздили верхомъ на палочкѣ. Поцѣлуемся, Михайло Андреевичъ! Ты будешь герой! Ура!» — «Генераль-маіоръ князь Багратіонъ!» продолжалъ Розенбергъ. Тутъ фельдмаршалъ снова открылъ глаза и торопливо спросилъ: «Князь Петръ? Это ты, Петръ? Помнишь ли... подъ Очаковымъ?.. съ турками?.. Въ Польшѣ?..» Тутъ онъ расцѣловалъ его въ глаза, въ лобъ, въ губы, прибавивъ: «Господь Богъ съ тобой, князь Петръ!» Багратіонъ былъ тронутъ до слезъ ласками фельдмаршала: «Нельзя не помнить, ваше сіятельство, того счастливаго времени, когда служилъ подъ вашимъ начальствомъ!»

На другой же день Багратіонъ выступилъ изъ Вероны. Войска шли бодро, съ пѣснями; ихъ провожали пѣшіе и кѣнные, повозки и кареты. Многіе итальянцы втискивались въ ряды солдатъ, пожимали имъ руки, угощали хлѣбомъ, виномъ, табакомъ; отсталыхъ подвозили въ экипажахъ. Таковъ былъ первый переходъ русскихъ въ Италиі. Въ г. Валеджіо австрійскіе генералы собрали свои войска на смотръ Суворову. Болѣе часа онъ внимательно глядѣлъ на проходившіе мимо него баталіоны, и, когда смотръ кончился, сказалъ Меласу: «Шагъ хорошъ — побѣда!» Дѣйствительно, австрійскія войска были хороши; ихъ 86-ти-тысячная армія большею частію состояла изъ старыхъ солдатъ, хорошо одѣтыхъ, исправно вооруженныхъ, содержимыхъ въ порядкѣ и строгой дисциплинѣ. Австрійская пѣхота того времени строилась для боя развернутымъ фронтомъ, по-баталіонно; колонны употреблялись только въ походѣ. Главное дѣйствіе пѣхоты заключалось въ стрѣльбѣ изъ сомкнутаго строя; для разсыпного строя употреблялась легкая пѣхота, вооруженная винтовками. Конница, такъ же какъ и пѣхота, строилась въ три шеренги; въ бою стояла на флангахъ и бросалась въ атаку съ мѣста, прямо съ саблями. Но австрійскіе генералы не умѣли приспособляться къ мѣстности и, кромѣ того, слишкомъ

растягивали свои войска, въ расчетѣ охватить фланги непріятеля. Привыкши ходить на помочахъ, какъ прикажутъ въ Вѣнѣ, они дѣйствовали вообще робко, нерѣшительно, отчего проигрывали битвы, особенно при встрѣчѣ съ такимъ противникомъ, какъ французы. Въ обѣихъ французскихъ арміяхъ, изъ которыхъ одна находилась противъ австрійцевъ, а другая въ Южной Италіи, былъ большой недостатокъ въ продовольствіи, обуви, даже въ одеждѣ; солдаты ходили въ лохмотьяхъ и зачастую голодали; но зато ихъ молодые и талантливые генералы привыкли дѣйствовать смѣло, рѣшительно, не придерживаясь устарѣлыхъ правилъ военного искусства, заповѣданныхъ еще Фридрихомъ Великимъ. Они ловко передвигали войска, приспособлялись къ мѣстности, искусно пускали въ дѣло стрѣлковъ, водили въ атаку колонны, и все это живо, умѣло, кстати; стрѣльбу производили не сомкнутымъ строемъ, какъ австрійцы, а больше разсыпнымъ: цѣлые баталіоны рассыпались, имѣя сзади сильныя резервы. Особенно это оказывалось удобнымъ въ мѣстахъ лѣсныхъ и гористыхъ; густая цѣпь стрѣлковъ обыкновенно подготавливала успѣхъ, послѣ чего колонны бросались въ штыки, и почти всегда прорывали тонкій строй австрійцевъ. Французы совершали свои переходы быстро и налегкѣ, безъ обозовъ, безъ палатокъ, появляясь совершенно неожиданно то впереди, то на флангахъ малоподвижнаго противника; въ виду его они переходили рѣки, наводили мосты, взбирались на кручи, таща на рукахъ орудія, и кидались въ битву смѣло, беззавѣтно. Одолѣть французовъ могли только русскія войска подъ начальствомъ Суворова. Онъ обучалъ своихъ солдатъ почти такъ же, какъ обучали французы. Суворовъ приучалъ солдатъ ничего не бояться: «Испуганъ—на-половину побѣжденъ; смерть бѣжитъ отъ сабли и штыка храбраго. Счастье дается смѣлому и отважному. Кто ожидаетъ нападенія, тотъ ужъ почти побѣжденъ. Въ атакѣ не задерживать. Непріятеля поражать штыками, саблями, пиками. Когда же непріятель сколотъ или срубленъ, тотчасъ его преслѣдовать, не давая ему времени опомниться, собраться, устроиться. Быстрота и натискъ — душа войны». Суворовъ также часто бро-

салъ обозы, сажалъ свои войска на подводы, или же шелъ самъ впереди, не обращая вниманія на отсталыхъ. «Я дѣйствую не по часамъ, говорилъ онъ, а минутами: одна минута рѣшаетъ исходъ баталіи». Таковы были главные правила, которыхъ держался великій полководецъ. По немъ были и войска. Они не ходили, а летали, не зная никакихъ преградъ—горы ли, рѣки, болота, сытъ ли, голоденъ солдатъ, все равно: «Гдѣ проходитъ олень, тамъ пройдетъ и солдатъ». Въ бою войска дрались со смѣлостью изумительной, они дрались какъ отчаянные, а «ничего нѣтъ страшнѣе отчаянныхъ», какъ сказалъ однажды самъ Суворовъ. Одинъ иностранецъ говорилъ, что русскія войска тверды и устойчивы, какъ бастионы. Однако австрійцы были недовольны, когда Суворовъ велѣлъ русскимъ офицерамъ преподавать имъ главные правила своей науки. Они смотрѣли на русскихъ свысока, потому что у нихъ не было офицеровъ генеральнаго штаба, не было интендантскихъ чиновниковъ; русская конница была не такъ легка и подвижна, какъ австрійская, артиллерія — тоже; большіе обозы затрудняли движеніе арміи. Это все, что они пока могли видѣть.

Страна, гдѣ пришлось нашимъ войскамъ бороться съ французами, называется Ломбардіей, страна прославленная множествомъ походовъ и битвъ, начиная со временъ Анибала. Хотя она довольно ровная, но большое изобиліе рѣчекъ, а также болотъ мѣшало безостановочному движенію войскъ; особенно жаловались австрійцы. Было приказано дѣлать по 30 верстъ въ сутки, отдыхать по 8 часовъ. Имъ казались такіе переходы не по силамъ. Когда ихъ жалобы дошли до Суворова, онъ сдѣлалъ Меласу нагоняй: «За хорошей погодой гоняются только женщины, франты да лѣнивцы. Эка важность, что пѣхота замочила ноги!» — Въ половинѣ апрѣля союзники подошли къ р. Аддѣ, за которой остановилась французская армія, готовая къ защитѣ. Она была растянута верстъ на сто, и новый главнокомандующій, генераль Моро, не успѣлъ исправить ошибку своего предшественника, какъ нагрянулъ Суворовъ. Онъ не только заставилъ Моро отступить, но еще отрѣзалъ у него половину дивизіи, потерявшей 250 офи-

церковь, 5 тыс. солдатъ и 20 орудій Моро отвелъ свою армію за р. По, а Суворовъ направился къ Милану. Казаки отбили ворота, ворвались въ улицы, нахватали плѣнныхъ и окружили цитадель, въ которой оставался небольшой французскій гарнизонъ. Рано утромъ, въ Свѣтлое Христово Воскресенье, вышла изъ города процессія на-встрѣчу войскамъ; впереди архіепископа несли кресты и хоругви, по бокамъ сплошною лентою двигались миланцы. Александръ Васильевичъ слѣзъ съ лошади, приложился къ распятію и поцѣловалъ руку архипастыря. Дальше продолжали путь вмѣстѣ. День выдался теплый, чудесный. Улицы, балконы и крыши домовъ сплошь были усѣяны народомъ; въ воздухѣ стоялъ торжественный и радостный гулъ. Одни радовались уменьшенію налоговъ, потому что французы таки-порядочно обдирали Италію; другіе радовались возстановленію прежнихъ порядковъ, а иные просто глядѣли съ любопытствомъ и великимъ удивленіемъ на русскихъ людей, особенно на казаковъ. Въ Европѣ думали, что мы вѣчно живемъ въ снѣгу, видъ имѣемъ дикій, звѣроподобный. Между прочимъ, миланцы видѣли, какъ наши солдаты крестились противъ каждой церкви и добродушно цѣловались, поздравляя другъ друга съ праздникомъ. На другой день, по случаю торжественнаго молебствія въ миланскомъ соборѣ, Суворовъ пріѣхалъ въ золотой каретѣ, въ мундирѣ, при всѣхъ орденахъ; на всемъ пути отъ его квартиры стояли шпалерами войска. По окончаніи службы, когда онъ выходилъ изъ собора, ему бросали подъ ноги цвѣты, зелень, цѣловали ему руки, хватались за платье. Фельдмаршалъ былъ тронутъ до слезъ. «Какъ бы не затуманилъ меня этотъ өиміамъ: теперь пора рабочая!» сказалъ онъ тихо. За параднымъ обѣдомъ въ числѣ гостей присутствовали три французскихъ генерала. Сначала Суворовъ со всѣми перехристосовался, заставляя по-русски отвѣчать: «Во истину воскресъ!» а потомъ ужъ пригласилъ гостей садиться за столъ. При этомъ онъ, какъ всегда, усердно потчивалъ, шутилъ, забавляя всѣхъ присутствующихъ остроуміемъ ума и живостью бесѣды.

Узнавши, что Моро увелъ свою армію въ Апеннинскія горы,

а армія Макдональда еще далеко, Суворовъ пошелъ на Туринъ, столицу короля пьемонтскаго, гдѣ находились огромные склады запасовъ, парки, большой арсеналь. Кромѣ того, овладѣвши Туринномъ, Суворовъ рассчитывалъ отрѣзать армію Моро отъ Швейцаріи и Савойи, откуда она получала продовольствіе. Въ г. Вогерѣ нагналъ русскія войска Великій Князь Константинъ Павловичъ. Хотя ему было всего 20 лѣтъ, но Государь пожелалъ, чтобы его царственный сынъ прошелъ школу Суворова, чѣмъ оказалъ послѣднему великую честь. Когда Великій Князь пріѣхалъ являться, то Суворовъ выскочилъ къ нему на-встрѣчу въ кителѣ, въ каскѣ и съ подвязаннымъ глазомъ. — «Что это случилось съ вашимъ глазомъ, Александръ Васильевичъ?» — «Ахъ, ваше высочество, вчера проклятые немогузнайки опрокинули меня въ ровъ и чуть было не разбили всѣхъ моихъ косточекъ». Жары въ то время стояли страшныя. Суворовъ всегда находился при войскахъ, хотя больше ѣхалъ въ своей каретѣ, или въ «ковчегѣ», какъ ее называли солдаты. Этотъ ковчегъ тащили обывательскія лошаденки, на козлахъ сидѣлъ деревенскій возница, а на запяткахъ стоялъ кривой поваръ Мишка. При такой простотѣ не мудрено было очутиться и во рву. Случалось, что Суворовъ садился верхомъ, выѣзжалъ далеко впередъ и ложился гдѣ-нибудь подъ сараемъ или въ тѣни виноградника, откуда смотрѣлъ на проходившія мимо войска. Иногда онъ вдругъ появлялся среди солдатъ. Начинались разговоры, шутки, смѣхъ; солдаты тѣснились къ нему, какъ пчелы; задніе прибавляли шагу: каждый поровиль уловить хоть одно словечко. Подъ Туринномъ фельдмаршалъ узналъ, что французы хотятъ защищаться, а ихъ тамъ было всего 3¹/₂ тысячи. Городъ окружили войсками; отдано приказаніе ставить батареи, на другой день штурмовать. Между прочимъ, среди ночной тишины раздавались изъ цитадели выстрѣлы, и ядра бороздили землю. Суворовъ, какъ ни въ чемъ не бывало, стоялъ у фонтана, любуясь прекрасною ночью. Атаманъ Денисовъ схватилъ фельдмаршала поперекъ туловища и, не смотря на его просьбы, угрозы, даже проклятія, не смотря на то, что онъ вцѣпился ему въ волосы, спустилъ Суворова въ ровъ и

заставилъ его тутъ переночевать. На другой день жители Турина сами открыли ворота и впустили войска. Комендантъ началъ-было палить по городу, но Суворовъ приказалъ передать, что выведетъ на разстрѣляніе всѣхъ плѣнныхъ французовъ. Послѣ такой угрозы комендантъ унялся. Союзники взяли въ Туринѣ до 400 орудій, около 20 тыс. ружей и множество военныхъ запасовъ; въ то же время получено донесеніе, что сдались Александрія, миланская цитадель и Ферара, гдѣ австрійцы приобрѣли еще до 200 орудій. Лестно было Суворову, что вездѣ встрѣчали наши войска съ радостью, и что въ два мѣсяца почти вся сѣверная Италія была очищена отъ непріятели. Онъ оставался только въ нѣкоторыхъ крѣпостяхъ, какъ на примѣръ въ Мантуѣ; армія Моро, припертая къ морю, бездѣйствовала. Но въ то же самое время командованіе союзной арміей возлагало на стараго фельдмаршала много постороннихъ заботъ и причиняло ему не мало душевныхъ огорченій. Австрійцамъ хотѣлось удержать за собой всѣ завоеванія; они во все не думали о возвращеніи законныхъ государей, для чего собственно и были посланы наши войска. Суворовъ поступалъ такъ, какъ ему было указано Государемъ Императоромъ, мало обращая вниманія на распоряженія изъ Вѣны; тогда приказанія стали приходить помимо него, прямо къ подчиненнымъ ему генераламъ, что было хуже всего, потому что подрывало въ войскахъ дисциплину. Жалобы фельдмаршала доходили въ Петербургъ не скоро, и пока нашъ Государь узналъ всѣ извороты австрійцевъ, они довели Суворова до того, что онъ хотѣлъ отказаться отъ званія главнокомандующаго и снять фельдмаршальскій мундиръ, пожалованный ему австрійскимъ императоромъ.

Между тѣмъ, употребляя наши войска для своей выгоды, австрійцы мало о нихъ заботились. Въ такой богатой и плодоносной странѣ, какъ Италія, русскіе терпѣли нужду въ продовольствіи. На одномъ переходѣ Александръ Васильевичъ увидѣлъ на берегу кучку солдатъ. Черпая ложками воду прямо изъ рѣки, они чѣмъ-то закусывали. «Что, ребята, вы тутъ дѣлаете?» — спросилъ фельдмаршалъ. — «Итальянскій супъ хлебаемъ, ваше сіятельство!» — отвѣ-

чали солдаты. Суворовъ слѣзъ съ лошади, взявъ ложку, самъ похлебаль и говорить: «Хорошо! Помилуй Богъ, хорошо! Сытъ теперь, совсѣмъ сытъ. А вотъ недалеко французы, только бы намъ добратся до нихъ. Найдется, чѣмъ приправить супъ! Прощайте, богатыри!»—Сѣлъ на лошадь и уѣхалъ.

Во время пребыванія въ Туринѣ до Суворова дошли слухи, что Моро покинулъ морской берегъ и перешелъ въ наступленіе. Фельдмаршалъ оживился, забылъ всѣ огорченія и, поднимая войска навстрѣчу непріятелю, не упустилъ ни одной мелочи похода: котламъ выступать въ 12 ч. ночи, за 15 верстъ останавливаться и варить пищу; войскамъ трогаться въ 3 часа; на 7-й верстѣ отдохнуть часокъ; послѣ второго перехода — прямо къ котламъ; соснуть до 4-хъ; въ 9 ч. ночлегъ: «палатки разбиты, все готово — отдыхай». Русскіе сдѣлали тогда 50 верстъ въ сутки, за что получили благодарность въ приказѣ по войскамъ. Въ Александріи Суворовъ узналъ, что наступленіе Моро — пустой слухъ, но что, съ другой стороны, приближается армія Макдональда, и австрійскій отрядъ, стерегущій пути, уже потерпѣлъ отъ нихъ уронъ. Надо было спѣшить. Суворовъ повелъ свою армію и, дойдя до Страделлы, узнаетъ, что нужна немедленная помощь. Тогда фельдмаршалъ отдѣляетъ нѣсколько казачьихъ полковъ, беретъ съ собой князя Багратіона и скачетъ съ ними впередъ; прочимъ войскамъ дано приказаніе спѣшить. Уже французы перешли р. Тидону; правый флангъ австрійцевъ обойденъ, батарея въ 8 орудій захвачена; еще немного — и австрійцы погибли. Сзади показалось облако пыли: явился Суворовъ съ четырьмя полками казаковъ. Этого было мало, но тутъ находился Суворовъ. Въ одинъ мигъ онъ обозрѣлъ поле битвы: два казачьихъ полка полетѣли во флангъ полякамъ, обходившимъ австрійцевъ; два другіе, подъ начальствомъ Горчакова, племянника Суворова, кинулись на правый флангъ французовъ. Поляки смѣшались, французы остановились. Но въ это время уже показалась сзади головная колонна русскаго авангарда подъ начальствомъ Великаго Князя. Солдаты выбивались изъ силъ; многіе падали отъ палящаго зноя, отъ изнуренія, но самые зака-

ленные спѣшили на выстрѣлы и стали выстраиваться сзади австрійцевъ. Суворовъ приказалъ двинуть все силы разомъ. Багратионъ шепнулъ на ухо фельдмаршалу, что въ ротахъ не насчитается и по 40 человекъ, — нельзя ли повременить хотя немного? Суворовъ также отвѣчалъ ему на ухо: «А у Магдональда нѣтъ и по 20; атакуй съ Богомъ!» Вся линія ударила дружно, съ музыкой и барабаннымъ боемъ; русскіе шли съ пѣснями. Французы встрѣтили мѣткимъ огнемъ, особенно губительнымъ потому, что множество канавъ задерживали движеніе союзниковъ на каждомъ шагу; кромѣ того, французы безпрестанно бросались въ атаку. Суворовъ, разъѣзжая вдоль фронта, повторялъ: «Впередъ! Впередъ! коли!» Багратионъ врѣзался въ польское каре; казаки кололи и рубили ихъ во всю руку. Покончивъ съ поляками, Багратионъ понесся по фронту и наскочилъ на флангъ отступавшихъ французовъ. Передъ смертоноснымъ натискомъ казаковъ ихъ каре разорвалось: французы поспѣшно отступили за Тидону. — На другой день былъ отданъ по войскамъ пароль: «Терезія» и лозунгъ: «Кѳолинъ». Эти два имени напоминали австрійцамъ ихъ любимую императрицу и побѣду надъ Фридрихомъ Великимъ. Утромъ стояло подъ ружьемъ 22 тысячи. Въ 10 ч. войска двинулись впередъ: на правомъ флангѣ князь Багратионъ; за нимъ — дивизія Швейковскаго; сзади — резервъ; въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ — австрійцы; общій резервъ подъ начальствомъ Меласа. Двигаясь чрезвычайно медленно, войска перешли р. Тидону и только къ 2 час. завидѣли польскую дивизію, верстахъ въ 7 отъ Требіи. Суворовъ далъ вздохнуть войскамъ, послѣ чего самъ повелъ авангардъ Багратиона. Пѣхота ударила на поляковъ съ фронта, казаки — съ фланговъ. Поляки дрались отчаянно. Это были изгнанники, покинувшіе отечество и ненавидѣвшіе Суворова, побѣдителя Праги. Они работали не только штыками, но и прикладами. Наши все-таки одолѣли: отнявши знамя, 2 пушки и 600 плѣнныхъ, заставили остальныхъ уйти за Требію. На прочихъ пунктахъ французы были гораздо слабѣе. Къ вечеру оба берега рѣки Требіи освѣтились заревомъ костровъ.

Къ Макдональдѣ подошли подкрѣпленія, больше 10 тыс. Имѣя теперь перевѣсъ въ силахъ, онъ отдалъ распоряженіе охватить союзниковъ съ обоихъ фланговъ: поляки должны были переправиться черезъ Требію выше нашего праваго фланга, а двѣ французскія дивизіи — пониже лѣваго фланга; остальнымъ наступать спереди. Но и Суворовъ отдалъ приказъ къ атакѣ. Когда союзники стали въ ружье, французы начали переправу въ келоннахъ; въ интервалахъ шла конница; развернутые баталіоны прикрывали движеніе съ того берега. Суворовъ рано замѣтилъ обходное движеніе поляковъ и послалъ Багратіона. Пѣхота бросилась въ штыки, казаки и австрійскіе драгуны охватили ихъ съ боковъ, такъ что Домбровскій едва успѣлъ спастись за Требію, покинувъ три знамени, пушку и 400 плѣнныхъ. Въ это время французы атаквали дивизію Швейковскаго, наши стали отступать, но отступали по-суворовски: они то бросались впередъ, то встрѣчали атаки французовъ огнемъ въ упоръ. Здѣсь 5 баталіоновъ дрались противъ 15-ти. Никогда и нигдѣ французы не встрѣчали такого упорнаго сопротивленія. Розенбергъ поскакалъ къ Суворову; за нимъ помчался Багратіонъ. Фельдмаршалъ лежалъ въ изнеможеніи на землѣ, прислонивши голову къ огромному камню. «Попробуйте сдвинуть этотъ камень! Не можете?.. Ну, такъ и русскія войска не могутъ отступать!.. Извольте держаться, ни шагу назадъ!» — Съ тѣмъ Розенбергъ и отѣхалъ. «Ну что, князь Петръ?» спросилъ фельдмаршалъ у Багратіона. Послѣдній доложилъ, что поляки отброшены, но половина людей убыла, ружья стрѣляютъ худо, а непріятель силенъ. «Не хорошо, князь Петръ! Коня! — и фельдмаршалъ, какъ былъ, въ рубахѣ, помчался къ войскамъ Багратіона. «Заманивайте, ребята, заманивайте... шибче... бѣгомъ!» кричалъ Суворовъ впереди отступавшаго баталіона. Шаговъ черезъ 200 онъ вдругъ закричалъ: «Стой! Налѣво кру-гомъ!» Суворовъ поскакалъ дальше. Войска Багратіона, увидѣвши любимаго вождя, встрепенулись: пропала усталъ, огонь участился. Съ барабаннымъ боемъ пошли они на помощь Швейковскому и появились въ тылу у французовъ, держа ружья на-руку. Положеніе дѣлъ измѣнилось:

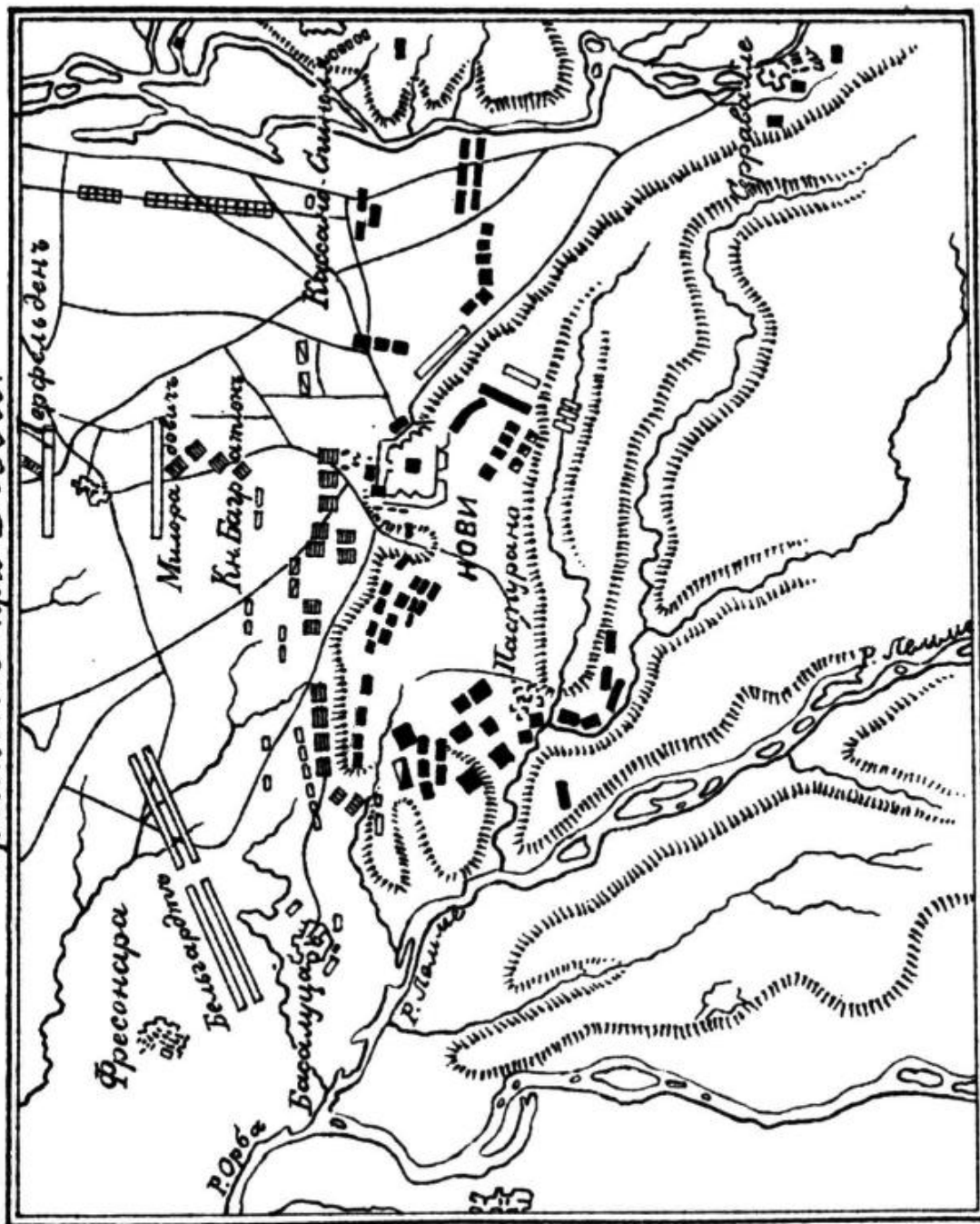
французы, принявъ ихъ за свѣжіе полки, отступили за Требію. Упрямый старикъ Меласъ, командовавшій резервами, не понималъ, гдѣ грозитъ намъ опасность, и дрожалъ все время за свой лѣвый флангъ. Только послѣ вторичнаго приказанія вынеслись 10 эскадроновъ Лихтенштейна, которые разогнали французовъ въ центрѣ и успѣли еще подать помощь лѣвому флангу. Въ 6 час. вечера французы очистили весь лѣвый берегъ Требіи. Наши измученныя войска не могли сдѣлать ни шагу; Суворовъ не слѣзалъ три дня съ лошади, хотя, впрочемъ, не показывалъ и вида усталости. Онъ весело встрѣтилъ генераловъ и, поздравивши ихъ съ третьей побѣдой, сдѣлалъ распоряженія на утро для перехода черезъ Требію. Цѣпь аванпостовъ протянулась вдоль берега. Едва забрезжилъ свѣтъ, наши казаки увидѣли, что непріятеля нѣтъ. Оказалось, что Макдональдъ, убѣдившись въ полномъ разстройствѣ своихъ войскъ и потерявши надежду на помощь со стороны Моро, рѣшился немедленно отступить. Потери французовъ, особенно въ пѣхотѣ, были велики: поляковъ, напримѣръ, осталось 300 чел., а было 4 тысячи; во время жаркаго преслѣдованія французы потеряли еще больше, почти половину своей арміи. Только Суворовъ могъ рѣшиться принять битву на Требіи, имѣя въ тылу армію Моро; австрійцы никогда бы на это не осмѣлились. Пораженіе на Требіи привело въ негодованіе всю Францію; она потребовала къ суду своихъ генераловъ. Зато нашъ Государь пожаловалъ Суворову свой портретъ, осыпанный брилліантами, при лестномъ рескриптѣ: «Портретъ мой на груди вашей да изъявить всѣмъ и каждому признательность Государя къ великимъ дѣламъ своего подданнаго. Слава Богу, слава вамъ!» — Полки корпуса Розенберга получили гренадерскій маршъ; всѣмъ солдатамъ Государь пожаловалъ по рублю и выслалъ тысячу знаковъ отличія. Нашъ Александръ Васильевичъ гордился еще тѣмъ, что онъ разбилъ французовъ почти на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ двѣ тысячи лѣтъ назадъ нанесъ пораженіе римлянамъ великій карфагенскій полководецъ Анибалъ, о чемъ рассказано въ другой книгѣ.

Теперь все свое вниманіе Суворовъ обратилъ на взятіе итальян-

скихъ крѣпостей, хотя такая медлительная война была ему не по душѣ; онъ рвался впередъ, мечталъ о вторженіи во Францію, но этого требовалъ австрійскій императоръ, и ему оставалось повиноваться. По недостатку осадной артиллеріи, австрійцы осаждали крѣпости поочередно: взявши одну, перетаскивали орудія и парки къ другой, что, разумѣется, отнимало много времени. Раньше другихъ сдалась туринская цитадель, гдѣ союзники взяли 560 орудій, 40 тыс. ружей, да столько же пудовъ пороху; за нею сдалась цитадель Александріи; наконецъ, на исходѣ 4-го мѣсяца блокады, сдалась Мантуя, самая сильная крѣпость не только въ Италіи, но и во всей Европѣ. Извѣстіе о взятіи Мантуи, этого послѣдняго оплота французовъ, поразило ихъ какъ громомъ: коменданта судили во Франціи какъ преступника и сняли съ него мундиръ; въ Вѣнѣ же приняли это извѣстіе съ большею радостію, чѣмъ поражение на Требії. Императоръ Павелъ возвелъ Суворова въ княжеское достоинство, съ прибавленіемъ титула: Италійскій. «Пріймите воздаяніе за славные подвиги», писалъ онъ ему: «да пребудетъ память ихъ на потомкахъ вашихъ къ чести и славѣ Россіи». Войска австрійскаго генерала Края съ паденіемъ Мантуи совершенно освободились, и, вотъ, Суворовъ, развязанный по рукамъ и по ногамъ, могъ исполнить давно задуманное, близкое его сердцу движеніе чрезъ Апенинскія горы, въ приморскую область Генуи, гдѣ укрывалась армія Моро. Уже былъ назначенъ день выступленія, но французы предупредили и на этотъ разъ: 1-го августа показались французскія колонны на склонахъ Апенинскихъ горъ, передъ сел. Нѳви. Ихъ велъ молодой генералъ Жуберъ, только-что вступившій въ командованіе; восемь лѣтъ тому назадъ онъ былъ еще солдатомъ въ рядахъ альпійской арміи и на 4-мъ году службы произведенъ въ генералы. Жуберъ сумѣлъ поднять упавшій духъ французовъ, но перешелъ въ наступленіе только потому, что не зналъ, какъ велики силы союзниковъ, предполагая ихъ гораздо меньше, самъ же имѣлъ только 45 тыс. Французы расположились на высотахъ. Какъ видно на приложенномъ планѣ, ихъ позиція тянулась по гребню горъ, версть на 8; въ ея центрѣ, у подножія

горь, они заняли городокъ Нѣви, обнесенный высокою стѣною, окруженный предмѣстьями и садами. Правый флангъ французовъ былъ отброшенъ далеко назадъ, у Серравале: тамъ стояло 2 тыс. поляковъ, а лѣвый флангъ—передъ дер. Пастурано. Подступы къ позиціи, покрытые виноградниками, садами, пересѣченные заборами и канавами, были трудны сами по себѣ и, кромѣ того, хорошо обстрѣливались сверху. Съ ранняго утра,—это было 3-е августа,—Суворовъ разѣзжалъ на конѣ, зорко высматривая положеніе французовъ; съ другой стороны выѣхалъ Жуберъ. Передъ нимъ, какъ на ладони, стояло 60 т. союзниковъ; противъ лѣваго фланга—Край съ 27 тыс. австрійцевъ; противъ Нѣви—Багратіонъ, за нимъ Милорадовичъ съ 10 тыс.; сзади, версть на 10—Дерфельденъ и Меласъ съ 15-ю тыс.; еще дальше—корпусъ Розенберга. Жубера взяло раздумье. Только тутъ онъ догадался, что Мантуя взята. Войска простояли цѣлый день въ ожиданіи боя. Еще не занималась заря другого дня, какъ правое крыло союзниковъ атаковало лѣвый флангъ французовъ, передъ Пастурано. Жуберъ поскакалъ на первые выстрѣлы и, попавши въ цѣпь, былъ убитъ пулей па-поваль. Смерть вождя скрыли; его мѣсто опять занялъ Моро. Онъ послалъ за подкрѣпленіями; австрійцы были сбиты съ высотъ на всемъ протяженіи боевой линіи. Багратіонъ, не получая приказанія, поѣхалъ отыскивать Суворова и нашель его лежащимъ на землѣ, среди кучки генераловъ. Фельдмаршалъ притворился, будто спитъ. Услыхавши голосъ князя Петра, онъ вскочилъ и засыпалъ его вопросами. Край получилъ приказаніе повторить атаку, Багратіонъ — взять Нѣви. Крѣпкія стѣны города, куда укрылись французы, не поддавались ядрамъ; тогда русскіе, подъ страшнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ сверху и сбоку, стали забирать вправо, чтобы подвѣяться на высоты. Солдаты перелѣзали черезъ заборы, прыгали черезъ канавы и все-таки подвигались тихо, теряя много убитыхъ и раненыхъ. Когда французы вышли изъ города и ударили нашимъ во флангъ, они, отбивши атаку, отступили. Вторая попытка, Багратіона и Милорадовича вмѣстѣ, — также не имѣла успѣха: французы отлично отбивались, переходя при случаѣ въ

Враженіе при Нові.

Союзная войска

Франц. войска

наступленіе. Суворовъ вызвалъ Дерфельдена; съ появленіемъ свѣжихъ войскъ, вся боевая линія перешла въ дружное наступленіе: французы бросились на высоты. Не останавливаясь, съ барабаннымъ боемъ, наши двинулись за ними, но скоро отхлынули, устилая путь трупами. Еще два раза подымался Дерфельденъ, и оба раза возвращался назадъ. Жаркое, палящее солнце прожигало насквозь: солдаты страдали отъ жажды, падали безъ чувствъ; многіе тутъ же умирали. Суворовъ не щадилъ себя. Онъ появлялся подъ градомъ пуль, картечи, напутствуя колонны: «Не задерживайся; иди шибко, бей штыкомъ, колоти прикладомъ!.. Ухъ, махни, головой тряхни!» При видѣ страшныхъ потерь и неудачи, огорченный фельдмаршалъ слѣзъ съ коня и катался передъ фронтомъ по землѣ: «Ройте мнѣ могилу, я не переживу этого дня!» И стыдъ, и гнѣвъ терзали его душу. Однако онъ послалъ приказаніе Меласу прибыть на помощь.

Къ 3 часамъ союзники успѣли отдохнуть, явился Меласъ, и теперь французы, громившіе съ высотъ, уже были нестрашны. Двѣ австрійскія колонны пошли долиной р. Скривіи, сбили поляковъ и поднялись сзади французовъ; русскіе солдаты, подъ начальствомъ Дерфельдена, ворвались-таки въ Нѳви, а отсюда проникли дальше въ горы, къ Пастурано. Здѣсь, въ узкихъ деревенскихъ улицахъ, загроможденныхъ обозами, еще раньше столпились французы лѣваго фланга, сбитые Краемъ. При появленіи русскихъ имъ не было другого спасенія, какъ одиночное бѣгство въ горы, потому что путь къ Генуѣ былъ уже отрѣзанъ. Одна бригада цѣликомъ положила оружіе, при чемъ взято въ плѣнъ два генерала. Равнина, скаты и гребни, лощины—все было усѣяно тѣлами бойцовъ; вокругъ Нѳви лежали трупы, какъ снопы на урожайномъ полѣ.

Ночь прекратила жаркое преслѣдованіе; войска остановились на ночлегъ, и только дальніе выстрѣлы въ горахъ гулко отдавались среди ночной тишины. Одинъ фельдмаршалъ не спалъ и готовилъ распоряженія для движенія въ горы, къ морскому берегу, куда до сихъ поръ французы скрывались и откуда появлялись, когда имъ вздумается. На утро все было готово къ дальнѣйшему

наступленію; но каково же было негодование Суворова, когда интенданты объявили ему, что движеніе надо остановить, потому что нѣтъ муловъ и продовольствія! Вскорѣ затѣмъ Меласъ получилъ прямое приказаніе отъ своего императора отдѣлить свои войска и заняться устройствомъ завоеваннаго края. Такъ рухнули надежды Суворова на окончательное истребленіе французовъ и походъ во Францію! Австрійцы видимо заботились только о своихъ выгодахъ; о возвращеніи законныхъ государей они вовсе не думали, а подѣ устройствомъ Италіи разумѣли ея закрѣпощеніе. Только высокія милости императора Павла утѣшали Суворова въ его душевныхъ огорченіяхъ, награждали его заботы о благѣ итальянскаго народа. Всѣмъ участникамъ битвы при Нѳви пожалованы щедрыя царскія награды; семействамъ убитыхъ офицеровъ приказано выдавать ежегодную пенсію, а Суворову Государь написалъ, что онъ поставилъ себя «выше награжденій»; однако и для него нашель награду, а именно, чтобы всѣ войска, даже въ присутствіи Императора, отдавали фельдмаршалу воинскія почести, присвоенныя Его Величеству: «Достойное—достойному. Прощайте, князь, живите, побѣждайте французовъ!» — такъ заканчивался Высочайшій рескриптъ. Надо сказать, что и народы Италіи достойнымъ образомъ оцѣнили нашего полководца. Въ концѣ августа прибыла въ г. Асти, гдѣ войска стояли лагеремъ, депутація изъ Турина; она поднесла Суворову золотую шпагу, осыпанную брилліантами, съ благодарственною подписью отъ имени всего пьемонтскаго народа. Изгнанные государи Италіи отъ себя награждали Суворова или почтили его письмами; даже лакей Суворова Прохоръ Дубасовъ попалъ въ милость: онъ получилъ двѣ медали за обереженіе своего «барина». Немногіе полководцы видѣли при жизни столько почестей, сколько видѣлъ ихъ Суворовъ въ послѣдній годъ своей боевой жизни. Даже надменные англичане приходили въ азартъ при одномъ имени Суворова. Его причуды пришлись имъ по душѣ; каждый хотѣлъ имѣть его портретъ, покупалъ книгу, въ которой рассказывалось о Суворовѣ, зачитывался газетой, гдѣ прославляли его дѣла. Во время трехнедѣльной стоянки въ г. Асти сюда стекались толпы

любопытныхъ со всѣхъ концовъ Европы. Приѣзжали иностранные министры, генералы, богатые англійскіе лорды, чтобы только видѣть знаменитаго полководца, взглянуть на побѣдоносныя войска и угадать, въ чемъ кроется ихъ побѣда. Смотры и ученья производились ежедневно; одно торжество смѣнялось другимъ. Однажды, послѣ обѣдни, происходила раздача Высочайшихъ наградъ: Суворовъ возложилъ на Великаго Князя брилліантовый крестъ св. Іоанна Іерусалимскаго; солдаты, подходя по очереди, становились на колѣни и получали изъ рукъ фельдмаршала знаки отличія. То же самое исполняли и австрійскіе офицеры.

Къ столу обыкновенно собирались всѣ приѣзжіе гости, причемъ Суворовъ безцеремонно продѣлывалъ свои обычныя причуды: кто не сказалъ «аминь» послѣ молитвы «Отче нашъ», того приказывалъ обносить водкой; смотрѣлъ, чтобы никто не пресыпалъ соли, декламировалъ финскіе стихи. Многіе изъ гостей, привыкшихъ къ поварскому столу, не могли ничего ѣсть, особенно въ постные дни; если же ѣли въ угоду хозяину, то принимали послѣ лекарство. Подъ конецъ длиннаго и веселаго обѣда хозяинъ начиналъ дремать; тогда Прохоръ толкалъ его безъ церемоніи подъ бока, говоря: «Пора, сударь, спать!»—Таковъ былъ Суворовъ за столомъ, на людяхъ. Въ кабинетѣ же, занятый докладами и приказаніями, онъ былъ строгъ, сдержанъ, и тутъ со стороны подчиненныхъ требовалось большое вниманіе къ дѣлу, чтобы не навлечь его гнѣва.

Народъ итальянскій полюбилъ Суворова: онъ уже наслаждался миромъ, добытымъ русскою кровью, и съ горестью узналъ, что Суворовъ оставляетъ Италію, что онъ получилъ приказаніе выступить со всѣми русскими войсками въ Швейцарію. Къ сожалѣнію, это была правда.

ШВЕЙЦАРСКІЙ ПОХОДЪ.

Вока Суворовъ воевалъ въ Италиі, англичане вошли въ новый договоръ съ Императоромъ Павломъ. По этому договору особый русскій корпусъ долженъ былъ высадиться въ Голландіи, чтобы вмѣстѣ съ англичанами выгнать отсюда французовъ; Суворову же перейти изъ Италиі въ сосѣднюю Швейцарію, гдѣ присоединить къ себѣ русскій корпусъ Римскаго-Корсакова, а также войска австрійцевъ, и соединенными силами, наступая на французовъ, вторгнуться во Францію. Какъ только австрійскіе министры узнали о заключеніи тайнаго договора, послѣшили включить въ него и Австрію, такимъ образомъ: швейцарскую армію, подъ начальствомъ эрцъ-герцога Карла, перевести на Рейнъ, а вмѣсто нея выставить другую, поменьше. Императоръ Павелъ, не подозрѣвая ихъ тайныхъ намѣреній, согласился. Намѣренія же ихъ были таковы: закрѣпивъ за собой окончательно Италию, занять въ свою пользу и Голландію. Въ Италиі служилъ имъ до сихъ поръ помѣхой Суворовъ, дѣйствовавшій безкорыстно, согласно указаніямъ и рыцарскому образу

мыслей своего государя. Его надо было удалить. Англичане тоже думали о себѣ: имъ хотѣлось уничтожить голландскій флотъ, отбивавшій у нихъ торговлю, да, кромѣ того, они боялись, чтобы русскіе, овладѣвши приморскимъ городомъ Генуей, не удержали ея въ своихъ рукахъ. Вотъ каковы были наши союзники. Но этого мало: какъ только прибылъ изъ Россіи корпусъ Римскаго-Корсакова, эрцъ-герцогъ Карлъ, не дождавшись Суворова, покинулъ Швейцарію и перешелъ на Рейнъ, тогда какъ по условію онъ долженъ былъ ожидать смѣны въ равныхъ силахъ. Едва его уговорили оставить хоть небольшой отрядъ въ 8 тыс. подъ начальствомъ Готце. Съ удаленіемъ австрійцевъ положеніе русскаго корпуса становилось опаснымъ: 24 тыс. не могли защищать страну противъ 80 тыс. французовъ, да еще подъ начальствомъ такого опытнаго вождя, каковъ былъ Массена. Французы, за время своего пребыванія въ Швейцаріи, успѣли изучить страну, отлично приспособились къ горной войнѣ и являлись такимъ образомъ соперникомъ сильнымъ, опаснымъ. Русскіе люди того времени смотрѣли на поступокъ эрцъ-герцога Карла какъ на измѣну; почти такъ же смотрѣлъ и нашъ Государь. Онъ сталъ опасаться за судьбу заброшенныхъ войскъ и торопилъ Суворова слѣшить изъ Италіи на выручку Корсакова.

Суворовъ могъ выбрать для похода въ Швейцарію два пути, хотя довольно кружныхъ, но они оба вели на соединеніе съ корпусомъ Корсакова и небольшими отрядами австрійцевъ, расположенныхъ по р. Линтѣ, дальше къ Цюриху и за Цюрихомъ *). Здѣсь же, въ этихъ мѣстахъ, находился лѣвый флангъ Массены. Суворовъ выбралъ третій путь, самый трудный, зато скорѣе всѣхъ сближавшій его съ французами, а именно — черезъ высокій горный узелъ Сенъ-Готардъ, гдѣ находился ихъ правый флангъ. Сбивши здѣсь непріятеля, нашъ полководецъ разсчитывалъ пройти долиной р. Рейсы, обойти Люцернское озеро и выйти главнымъ силамъ въ тылъ, въ то время когда австрійцы и войска Корсакова

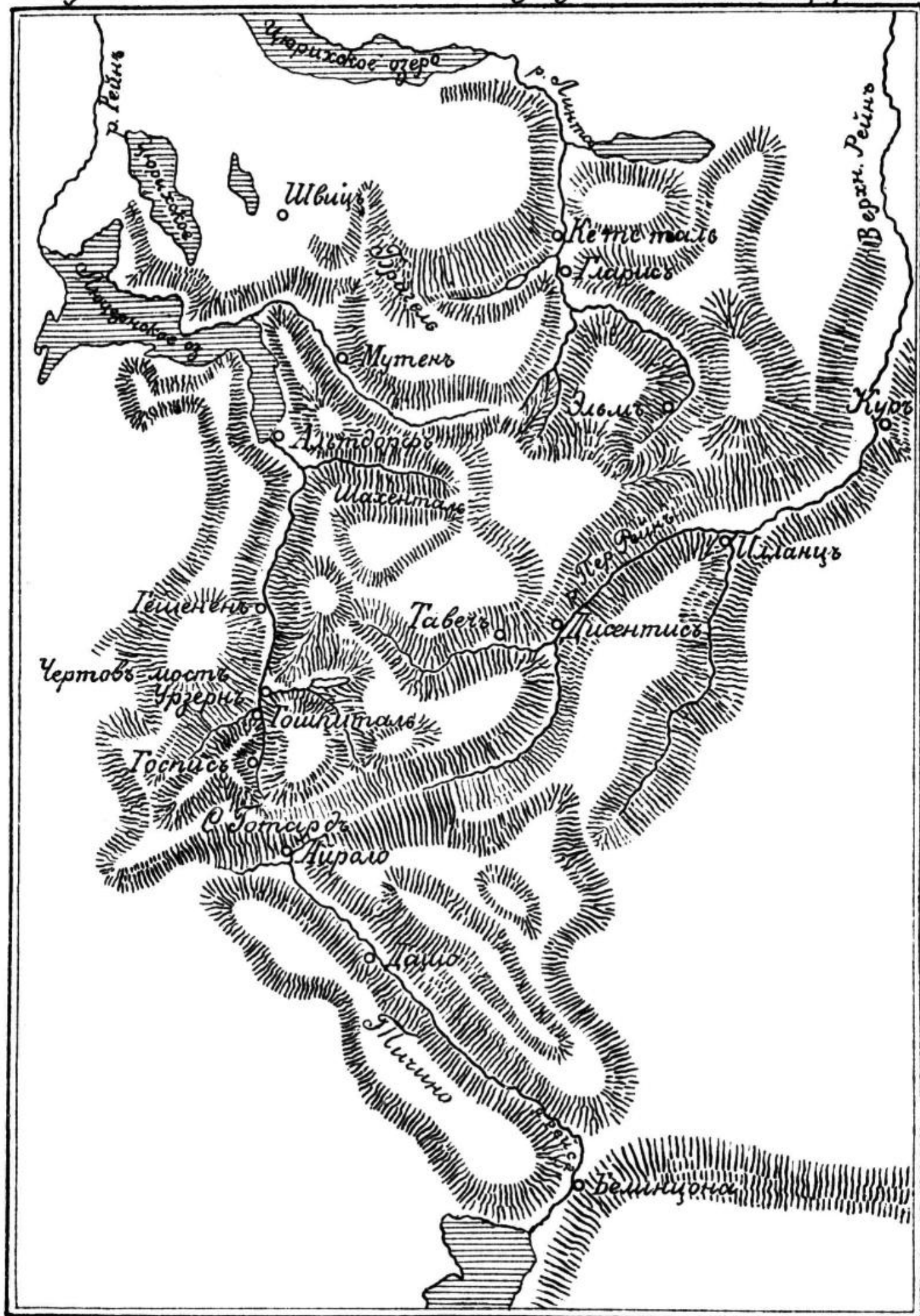
*) Смотри карту военныхъ дѣйствій Суворова въ Швейцаріи.

ударять на нихъ спереди. Офицеры австрійскаго генеральнаго штаба обнадежили Суворова, что избранный имъ путь хотя и труденъ, однакоже возможенъ. Послѣ, какъ увидимъ, оказалось, что они говорили о томъ, чего не знали.

Въ концѣ августа Суворовъ выступилъ изъ Александріи и 4-го сентября былъ уже за полтораста верстъ, въ Таверно. Колесный путь оканчивался, начинались горы, а, между прочимъ, обѣщанныхъ австрійцами 1½ тыс. муловъ не оказалось. Великій Князь совѣтовалъ пустить подъ выюки казачьихъ лошадей. Такъ и сдѣлали: приспособили кое-какъ вьючныя сѣдла, нашли 3 тыс. мѣшковъ и навьючили казачьихъ лошадей. Работа кипѣла днемъ и ночью; кромѣ продовольствія и боевыхъ запасовъ, надо было навьючить горную артиллерію, всѣ принадлежности и на эту трудную работу ушло почти двѣ недѣли. Только въ день Рождества Богородицы могъ выступить Розенбергъ, предназначенный въ обходъ; корпусъ Дерфельдена, при которомъ находился самъ Суворовъ, выступилъ двумя днями позже. Въ авангардѣ этого корпуса шелъ Багратионъ, за нимъ — дивизіи Швейковскаго и Форстера, всего 22 баталіона пѣхоты, 15 орудій; у Розенберга — только 10 баталіоновъ и столько же орудій. На время похода войска получили особое приказаніе: каждой дивизіи идти отдѣльной колонной, имѣя впереди 25 казаковъ и 25 піонеровъ; въ головѣ колонны — одно орудіе. При видѣ непріятели головнымъ частямъ рассыпаться, взбираться на высоты, а прочимъ, не взирая на огонь, кидаться въ штыки. И французы готовились къ встрѣчѣ. До сихъ поръ они имѣли дѣло съ австрійцами — противникомъ робкимъ, нерѣшительнымъ. Узнавши о движеніи Суворова, военный министръ совѣтовалъ Массенѣ быть осмотрительнымъ; въ бою сохранять какъ можно долѣе резервы, бить большими частями, потому что русскіе стремительны въ натискѣ и стойки въ огнѣ. Но Массена и самъ понималъ, что передъ нимъ не австрійцы, простоявшіе цѣлое лѣто въ бездѣйствіи.

Изъ Белинцоны Розенбергъ пошелъ въ обходъ Сенъ-Готарда. Погода стояла отвратительная: дождь лилъ ливмя, вѣтеръ прохва-

Карта военных действий Суворова в Швейцарии.

тывалъ на-сквозь; ночи стояли сырыя, холодныя. Войска дрогли на бивакахъ, на почлегахъ, а переходы были назначены большіе, суворовскіе, по 30 верстъ въ сутки. Путь ихъ шелъ черезъ снѣжный перевалъ Лукманьеръ въ долину Верхняго Рейна. Крутые спуски и подъемы, скользкіе косогоры, безпрестанныя переправы черезъ горныя рѣчки, по колѣни и даже по поясъ въ водѣ, а тутъ еще дождь, пробиравшій до нитки. Солдаты, выбиваясь изъ силъ, падали, срывались съ крутизны и погибали. Шли съ разсвѣта до ночи, но не всегда находили на ночлегъ хворость, чтобы обогрѣться; за два дня до Крестовоздвиженья корпусъ ночевалъ на самомъ перевалѣ, гдѣ нельзя было достать ни лучины. Не смотря на это, войска, сдѣлавши въ три дня 75 верстъ, вступили въ назначенное время въ Тавечъ. На утро предстоялъ имъ бой.

Войска Дерфельдена шли долиной Рейсы. И тамъ, и здѣсь солдаты не теряли ни на минуту обычной бодрости. Между ними ѣхалъ все тотъ же Суворовъ, на казачьей лошаденкѣ, прикрытый легкимъ плащомъ, извѣстнымъ подъ именемъ «родительскаго»; на головѣ круглая широкополая шляпа. Сзади фельдмаршала тащился на казачьей же лошади швейцарецъ Антоній Гамма, старикъ 65 лѣтъ. Въ Таверно Суворовъ стоялъ у него на квартирѣ и такъ полюбился старику, что тотъ бросилъ семью, свои дѣла и поклялся ни на шагъ не отставать отъ фельдмаршала. Честный швейцарецъ сдержалъ свое слово: онъ сдѣлалъ весь швейцарскій походъ, служа русскимъ то проводникомъ, то за переводчика.

Угрюмо смотрѣлъ Сенъ-Готардъ на дальнихъ пришельцевъ; при тогдашнемъ ненастьѣ видъ его былъ вдвойнѣ суровъ и грозенъ. Съ нашей стороны поднималась вверхъ лишь извилистая тропинка, едва доступная для вьюковъ; мѣстами она спускалась въ обрывы, въ глубокія и тѣсныя ложбины горныхъ рѣчекъ и опять взвивалась круто вверхъ промежду утесовъ и скалъ. Горе путнику, котораго застигнетъ въ этихъ мѣстахъ горная вьюга! Развѣ съ вершины горы спустится въ-время монахъ съ вѣрною собакой и успѣютъ отрыть несчастнаго изъ-подъ снѣжныхъ сугробовъ. Гору обороняли три французскихъ батальона, — войска не

велики, но французы на каждомъ шагу имѣли такія позиціи, гдѣ горсть стрѣлковъ могла остановить цѣлую колонну. Наканунѣ Воздвиженія съ утра было пасмурно, густыя облака лѣпились по скатамъ горъ, въ воздухѣ стояла мгла. Колонна Дерфельдена, покинувши Дацію, разошлась въ разныя стороны. Князь Багратіонъ взялъ вправо и сталъ взбираться на кручи; Швейковскій и Форстеръ лѣзли съ фронта; французы подымались, забирая все выше и выше. Ихъ позиція на Сень-Готардѣ казалась неприступной: прямо передъ носомъ торчали отвѣсныя скалы. Русскіе отважно двинулись вверхъ; пули низали ихъ на выборъ, укладывали десятками; первая атака была отбита, повели вторую. Не смотря на присутствіе Суворова и Великаго Князя, одушевлявшихъ солдатъ, они не могли сдѣлать того, что было выше силъ человѣческихъ; уже 1,200 труповъ лежали распростертыя передъ облитыми кровью утесами, а позиція никакъ не дается. Суворовъ начинаетъ бояться за войска Багратіона: не показываются! А они тѣмъ временемъ карабкаются съ утеса на утесъ, безъ всякихъ тропинокъ, на глазъ; солдаты упираются штыками, тащатъ другъ дружку, становятся на плечи, проливаютъ пота много, а подвигаются на пядь. Суворовъ ничего этого не знаетъ. Въ 4 часа онъ повелъ третью атаку съ фронта. Въ эту самую минуту, на правой сторонѣ, на сѣвжной вершинѣ, показались богатыри Багратіона. Французы, какъ только ихъ завидѣли, поспѣшно отошли: Сень-Готардъ остался въ нашихъ рукахъ.

На вершинѣ горы Суворова встрѣтилъ престарѣлый настоятель монастыря, пріютившагося здѣсь съ давнихъ лѣтъ для подаванія помощи погибающимъ въ горахъ. Фельдмаршалъ просилъ прежде всего отслужить благодарственный молебенъ. Стоя на колѣняхъ, горячо молился Александръ Васильевичъ о дарованіи побѣды заброшеннымъ русскимъ войскамъ, его любимому дѣтищу. За трапезой, состоявшей изъ варенаго картофеля и гороха, Суворовъ былъ очень оживленъ, много говорилъ съ монахами, похваляя ихъ христіанскій подвигъ; онъ очаровалъ этихъ смиренныхъ пустынниковъ своимъ умомъ, ласковою рѣчью, добротою души. Въ

это время войска собрались, поотдохнули и стали спускаться съ горы. Между тѣмъ, къ французамъ подошли подкрѣпленія, прибылъ начальникъ дивизіи Лекурбъ, и едва успѣлъ приготовить войска къ защитѣ деревни Госпиталь, какъ узналъ, что его тылу угрожаютъ русскіе. Это былъ корпусъ Розенберга.

Въ день атаки Сень-Готарда Розенбергъ вышелъ изъ дер. Тавеча, имѣя въ авангардѣ Милорадовича. Два французскихъ баталіона, занимавшіе гору Криспальтъ, были сбиты дружнымъ натискомъ нашихъ колоннъ и спустились въ безпорядкѣ къ дер. Урзернъ, позади дер. Госпиталь. Лекурбъ, поднимаясь на Сень-Готардъ, оставилъ здѣсь про всякій случай резервъ; французы стали готовиться къ встрѣчѣ. Наши войска успѣли, между тѣмъ, до наступленія ночи собраться на вершинѣ горы. Густыя облака заволокли всю долину; бывшіе наверху не видѣли ни французовъ, ни деревни. Тихо стала спускаться внизъ цѣпь егерей; за нею подвигались наугадъ колонны. По сигналу боевая линія дала залпъ и бросилась въ штыки на невидимаго противника. Французы были озадачены, но не испуганы: они пытались защищаться. Однако ихъ живо смяли спереди, охватили съ фланговъ и заставили разбѣжаться; часть непріятеля скрылась въ долину, а другая поднялась къ Лекурбу. Отъ нихъ-то онъ и узналъ о появленіи у себя въ тылу русскихъ. Этотъ смѣлый генераль собралъ остатки своего войска и, побросавши артиллерію въ Рейсу, полѣзъ на скалистыя, неприступныя горы влѣво отъ Рейсы. Какъ дикія кошки карабкались въ непроглядной темнотѣ французскіе солдаты; они перевалили черезъ гребень, высотой въ $2\frac{1}{2}$ версты, и опять стали на пути Суворова, у дер. Гешенень. А войска Суворова и Розенберга ночевали на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ ихъ застала ночь, не подозрѣвая, что они такъ близко одно отъ другого. Суворовъ принялъ наши бивачные огни за французскіе, тогда какъ ихъ давно не было. Только утромъ оба корпуса сошлись и дальше двинулись вмѣстѣ долиной Рейсы. За версту отъ дер. Урзернъ дорога врѣзается въ скалу, въ которой пробить ходъ шаговъ 80 длины, 4 ширины; дальше дорога лѣпится по карнизу

скалы и круто поворачиваетъ на мостъ, извѣстный подъ названіемъ «Чертова моста». Онъ виситъ надъ пропастью сажень на 10 или на 11; внизу бѣшено рвется рѣка, клубится, пѣнится, перепадая съ утеса на утесъ. За мостомъ дорога опять сворачиваетъ вправо, переходитъ нѣсколько разъ съ одного берега на другой и только у дер. Гешенень выходитъ на свѣтъ Божій изъ этой дикой, мрачной трещины. Впереди шель Милорадовичъ. Какъ только голова колонны вступила въ подземелье, спереди раздались выстрѣлы—ружейные и пушечные. Колонна остановилась. Полковникъ Трубниковъ, съ тремя сотнями охотниковъ, сталъ взбираться вверхъ, въ обходъ справа, а майоръ Тревогинъ, съ двумястами егерей, спустился въ самое ущелье Рейсы, перебрался черезъ бурный потокъ по поясъ въ водѣ и началъ карабкаться на горныя выси лѣваго берега. Трубниковъ раньше показался надъ головами французовъ. Они испугались, бросили въ Рейсу свою пушечку, но въ это самое время ихъ товарищи, бывшіе по ту сторону моста, кинулись разбирать каменную кладку, на самомъ спускѣ. Такимъ образомъ французы, защищавшіе подземелье, были отрѣзаны. Майоръ Мансуровъ ворвался въ подземелье: однихъ сбросилъ штыками въ Рейсу, другіе сами туда кидались съ утесовъ, никто не спасся. Однако мостъ оказался настолько разрушенъ, что перейти по немъ не было возможности; кромѣ того, французскіе стрѣлки, рассыпавшись по берегу, били изъ-за каждаго камня. Наши тоже рассыпались по скаламъ, на берегу; началась живая перестрѣлка, всѣ ребра горъ затянулись дымкой. Но вотъ съ высотъ того берега началъ спускаться съ егерями Тревогинъ. Французы, завидя его, тотчасъ отступили. Сейчасъ же наши принялись за мостъ: патаскали бревенъ отъ бывшей по близости постройки; офицеры перевязали ихъ своими длинными шарфами, и первые же перешли по зыбкой перекладинѣ, перекинутой черезъ бездну. Майоръ Мещерскій, шедшій впереди всѣхъ, получилъ смертельную рану, а казакъ, который слѣдовалъ за нимъ, сорвался внизъ головою. Дальше переправа шла уже безостановочно, войска потянулись узкой лентой вправо, встрѣчая по дорогѣ трупы французовъ, уби-

тыхъ егерями Тревогина. Французы отступили къ Альторфу, гдѣ, впрочемъ, не оказали большого сопротивленія. На этомъ пути къ русской колоннѣ присоединился австрійскій отрядъ, силою въ 2 тыс. человѣкъ, подъ начальствомъ генерала Ауфенберга.

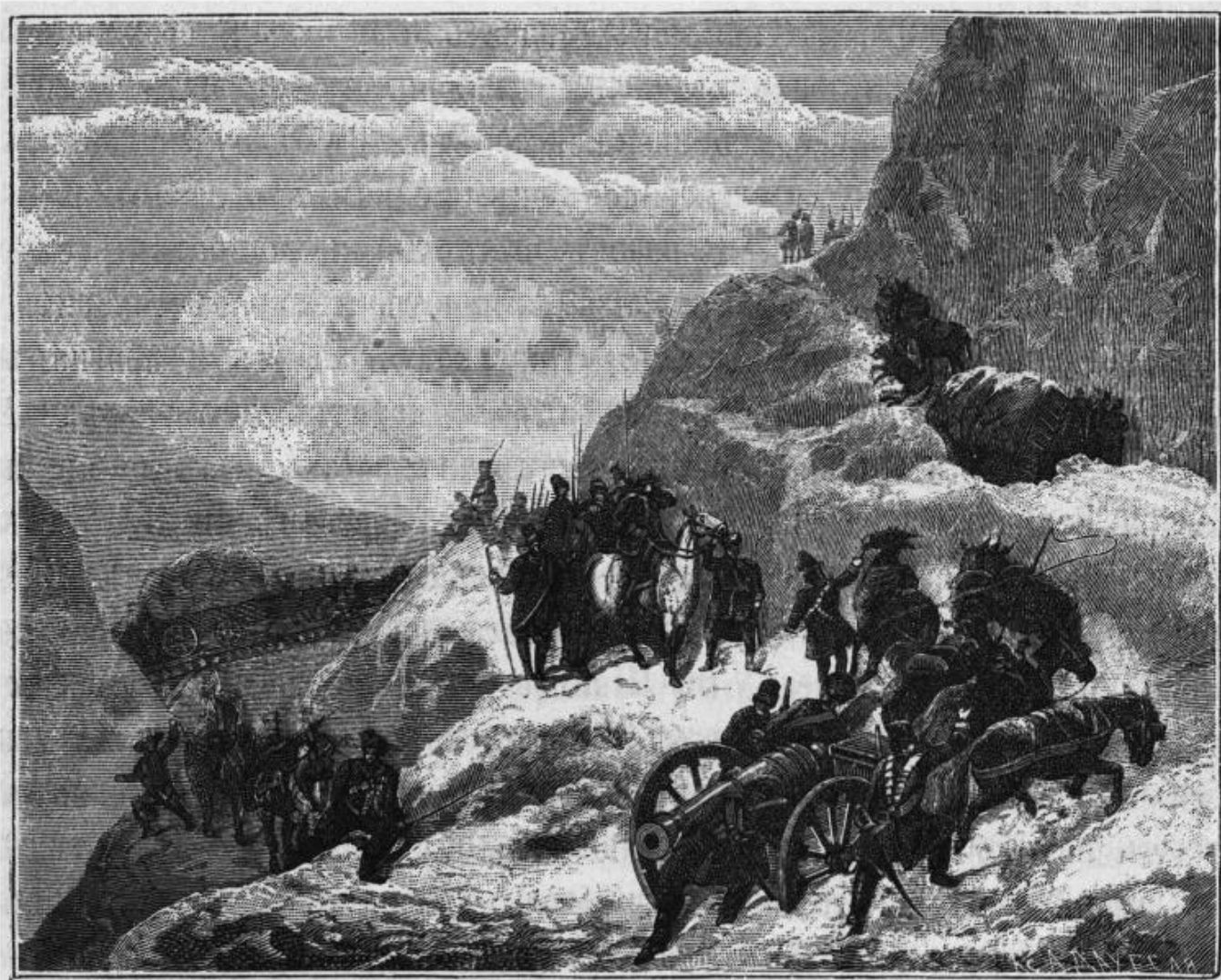
Къ удивленію Суворова и всѣхъ русскихъ, у Люцернскаго озера дорога прекращалась: высокія отвѣсныя горы стояли поперекъ пути, преграждая прямое сообщеніе со Швицомъ; озеро находилось въ рукахъ французовъ. Суворовъ, что называется, былъ припертъ къ стѣнѣ — ни впередъ, ни назадъ. Хотя Лекурбъ имѣлъ всего около 6 тыс., но онъ, конечно, не дастъ спокойно отступить къ Сенъ-Готарду, да и вся эта дорога была теперь занята растянувшимися войсками. Вотъ въ какомъ положеніи очутились русскіе, благодаря тому, что довѣрились австрійцамъ: назначая прямое движеніе къ Швицу, они не знали, что берегомъ озера нѣтъ никакой дороги. Оставалось идти безъ дорогъ. Съ правой стороны въ долину Рейсы открывается мрачное Шахенское ущелье, съ тропинкой къ верховьямъ р. Линты; были, правда, еще изъ этого же ущелья двѣ тропинки на снѣговой Ростокскій хребетъ съ переваломъ въ Муттенскую долину, но по этимъ тропинкамъ могли взбираться лишь смѣлые альпійскіе охотники, привыкшіе съ дѣтства карабкаться по ледникамъ. Суворовъ выбралъ именно этотъ путь, какъ болѣе прямой и короткій: онъ рассчитывалъ, что раньше прибудетъ въ Швицъ, подастъ помощь Корсакову и оставленнымъ союзникамъ. Такъ могъ поступить полководецъ, не только вѣрный данному слову, но смѣлый, рѣшительный, увѣренный въ своихъ войскахъ.

Въ 5 час. утра, 16 сентября, тронулся Багратіонъ, за нимъ — Дерфельденъ, потомъ австрійцы; въ арьергардѣ Розенбергъ. Съ первыхъ же шаговъ дали себя знать альпійскія горы: дикія, сумрачныя, скалистыя. Солдаты шли больше гуськомъ, то скользя по голымъ камнямъ или глинѣ, то погружаясь въ рыхлый снѣгъ. По временамъ голыя ноги измѣняли; солдатъ цѣплялся руками, карабкался на четверенькахъ, и хорошо если подвигался хоть малость впередъ; мало-мальски зазѣвался — онъ летѣлъ внизъ,

сбивая заднихъ товарищей. А дождь льетъ своимъ чередомъ; вѣтеръ рветъ и мечетъ, пронизывая до костей продрогшихъ солдатъ. Доберутся они, бывало, до площадки, остановятся отдохнуть, но какой это отдыхъ? — Ни обогрѣться, ни обсушиться, — идти куда лучше. Шинелишки истрепались, сапоги безъ подошвъ, ноги почти у всѣхъ голыя! Французамъ куда было лучше: каждый солдатъ имѣлъ башмаки съ гвоздями, а нашимъ никто ихъ не припасъ. И провизія давно была истрачена; у рѣдкаго оставался запасецъ муки или картофеля, да и лепешку-то испечь негдѣ. Офицеры терпѣли больше, чѣмъ солдаты, потому что солдатъ все-таки запасливѣе. Милорадовичъ съѣлъ на привалѣ у одного солдата пригорѣлую лепешку, поблагодарилъ и прислалъ ему кусокъ сыру; а сыръ наши солдаты не влюбили, называя его «гнилью». Все капральство сложилось по сухарику, прибавили еще кусочекъ сухого бульона и отнесли въ узелкѣ генералу. Онъ не побрезговалъ, взялъ. — Все-таки и на альпійскихъ утесахъ русскій солдатъ оставался тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ на равнинахъ Польши или въ знойной турецкой степи. Какъ только стихалъ дождь и становилось полегче, солдаты ободрялись; затягивалась залихватская пѣсня, гудѣли сопѣлки, играли рожки. Великій Князь сдѣлалъ съ авангардомъ цѣлый переходъ пѣшкомъ; Суворовъ то шелъ пѣшкомъ, то садился на свою лошадку, постоянно оставаясь на виду у солдатъ. Случилось ему остановиться возлѣ одной кучки, ужъ больно измученной труднымъ подъемомъ. Суворовъ самъ затынулъ: «Что съ дѣ-ѣ-ѣ-вушкой случилось, что съ кра-а-сною случилось?» — Раздался дружный хохотъ, солдаты повсеселѣли и пошли, напирая молодецкою грудью. Черезъ 12 часовъ такого подъема авангардъ сталъ спускаться къ дер. Муттень. Короткій путь обошелся дороже длиннаго: онъ былъ весь усѣянъ трупами муловъ и казацкихъ лошадей; но солдаты, благодаря Бога, почти всѣ уцѣлѣли. Этотъ безпримѣрный походъ поразилъ даже смѣлаго Лекурба: онъ два раза атаковалъ арьергардъ Розенберга и потомъ оставилъ его въ покоѣ; весь вьючный обозъ, подъ прикрытіемъ казаковъ, успѣлъ безъ помѣхи втянуться въ Шахенское ущелье и подняться на хребетъ. Вскорѣ

по прибытіи въ Муттенскую долину Суворовъ получилъ страшныя вѣсти: Римскій-Корсаковъ и австрійцы разбиты на голову подъ Цюрихомъ, сильный французскій корпусъ занимаетъ вправо г. Гларисъ, Массена стягиваетъ войска къ Швицу! Это значило, что русская армія окружена, надежды на помощь—никакой.

Дѣйствія Массены были искусны и сохранялись въ глубокой

Суворовъ пропускаетъ мимо себя войска.

тайнѣ. Имѣя подъ рукой 40 тыс., онъ переправилъ одну дивизію за Лимать, разрѣзалъ наши войска и приперъ ихъ къ Цюриху. Страшная рѣзня на улицахъ Цюриха закончила двухдневное кровавое побоище; солдаты спасались въ одиночку, а весь обозъ, парки, казна, канцелярія, 9 знаменъ, 26 орудій съ зарядными ящиками достались непріятелю. Остатки корпуса отступили къ Рейну. Въ то же самое время французы разбили возлѣ Глариса

австрійскій отрядъ Готце, о которомъ уже было упомянуто; два прочіе въ страхѣ ушли сами. Массена зналъ цѣну времени: тотчасъ послѣ пораженія Корсакова спустился Люцернскимъ озеромъ къ Альторфу и, узнавши, что Суворовъ уже прошелъ, вернулся опять назадъ, чтобы приготовить ему встрѣчу въ Швицѣ и такимъ образомъ уловить всю нашу армію въ западню. Массена былъ увѣренъ, что Великій Князь и фельдмаршалъ будутъ у него въ плѣну. Какое сопротивленіе могла оказать ему босая, оборванная и изнуренная армія, безъ полевой артиллеріи и безъ патроновъ?..

Фельдмаршалъ собралъ военный совѣтъ. Въ бѣдную швейцарскую хижину вошли 10 генераловъ съ Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ. Суворовъ, бѣгавшій по комнаткѣ, остановился, окинулъ всѣхъ быстрымъ взглядомъ и началъ говорить, торжественно, съ одушевленіемъ: «Корсаковъ разбитъ и прогнанъ за Рейнъ! Готце пропалъ безъ вѣсти и корпусъ его разсѣянъ! Прочіе ушли! Весь планъ нашъ разстроень. Какъ нѣкогда армія Петра Великаго заведена была измѣной къ берегамъ Прута, такъ и теперь мы, среди горъ, окружены сильнымъ непріателемъ. Что предпринять намъ? Идти назадъ — постыдно: никогда еще не отступалъ я. Идти впередъ къ Швицу — невозможно: у Массены свыше 60-ти тысячъ, а у насъ нѣтъ и 20. Къ тому же мы безъ провіанта, безъ патроновъ, безъ артиллеріи... Помощи намъ ждатель не отъ кого... Мы на краю гибели!» Сказавши эти тяжкія слова, старый фельдмаршалъ былъ убитъ горемъ; его душа страдала невыносимо. Онъ продолжалъ: «Теперь одна остается надежда на Всемогущаго Бога, да на храбрость и самоотверженіе моихъ войскъ. Мы—русскіе! Съ нами Богъ!»—Встрепенулись всѣ присутствующіе. «Спасите честь Россіи! Спасите сына нашего Императора!» Съ этими словами 70-ти-лѣтній фельдмаршалъ бросился къ ногамъ Великаго Князя и залился слезами. Константинъ Павловичъ въ смущеніи поднялъ Суворова, обнималъ его, цѣловалъ и, самъ рыдая, не могъ сказать ни слова. И всѣ присутствующіе были потрясены до глубины души: испытанной храбрости полководецъ, съ закаленной какъ желѣзо волей, плакалъ

какъ дитя! — Дерфельденъ первый пришелъ въ себя и заговорилъ отъ имени прочихъ. Онъ ручался за неизмѣнную храбрость и безропотную покорность всего войска: оно пойдетъ, куда бы ни повелъ его великій полководецъ. Солдаты и офицеры не посрамятъ русскаго оружія; если не одолѣютъ врага силой, то лягутъ всѣ до одинаго, со славой. — Раздался общій кликъ: «Не посрамятъ! Клянемся: всѣ умремъ!» Слова Дерфельдена, горячій дружный откликъ генераловъ были истиннымъ наслажденіемъ для измученной великой души Суворова. Онъ оживился, глаза его снова заблестали: «Да, мы — русскіе: съ помощью Божьей мы все одолѣемъ!» — Послѣ этого начались совѣщанія, на которыхъ принять совѣтъ Великаго Князя, пробиваться къ Гларису.

Въ тотъ же день выступили въ авангардъ австрійцы подъ начальствомъ Ауфенберга; на другой день остальные войска; Розенбергъ получилъ приказаніе отбиваться, пока не спустятся съ горъ всѣ наши выюки. Австрійцы благополучно перевалили черезъ гору Брагель; но когда спустились въ долину Кленталь, тутъ наскѣли на нихъ французы, такъ что Ауфенбергъ хотѣлъ уже сдаваться. Его выручилъ Багратіонъ. Не смотря на усталость, русскія войска сейчасъ же перешли въ наступленіе. Велико было изумленіе французовъ, когда они слышали на обоихъ флангахъ дружное «ура!» и увидѣли блеснувшіе русскіе штыки. Генераль Молиторъ отвелъ ихъ назадъ и засѣлъ за каменной церковной оградой; справа защищалъ французовъ высокій гребень горы, слѣва — озеро: позиція довольно сильная; и безъ того узенькій путь спереди наполовину преграждался выступомъ скалы. Нѣсколько разъ бросался Багратіонъ въ атаку — безуспѣшно. Спускалась ночь; войска были утомлены до крайности; нападеніе отложили до утра. Въ это время подошла дивизія Швейковскаго. Потихоньку, крадучись, нѣсколько баталіоновъ вскарабкались въ темнотѣ наверхъ и стали на спускѣ; храбрый полковникъ Цукато съ пѣхотой и двумя сотнями пѣшихъ казаковъ забрался еще дальше, занявши утесы въ головахъ французовъ. Въ такомъ угрожающемъ положеніи обѣ стороны ожидали разсвѣта.

Незавиденъ былъ ночлегъ. Крупныя капли холоднаго дождя падали въ перемежку съ хлопьями снѣга; туманъ, точно пелена, все застилалъ передъ глазами, знобило; нестерпимый голодъ мучилъ солдатъ и офицеровъ. Костровъ не разводили; всю ночь никто не спалъ, а при малѣйшемъ шорохѣ французы осыпали градомъ пуль. Князь Багратіонъ сидѣлъ прижавшись къ скалѣ: его мучила рана; кругомъ стояли солдаты: «Подождите только, немного подождите! Скажу: впередъ! и дружно ударимъ! Пардона нѣтъ». — «Слушаемъ, ваше сіятельство! Охъ, какъ бы поскорѣе!» — Въ это время раздался чей-то голосъ: «Гдѣ князь Петръ? Гдѣ князь Петръ?» — Это былъ фельдмаршалъ въ своей худенькой шинелькѣ, обмокшій, прозябшій. — «Ради Бога, тише, ваша свѣтлость!» сказалъ Багратіонъ и потащилъ его къ скалѣ. — «Князь Петръ! я хочу непременно ночевать въ Гларисѣ! И мнѣ, и имъ холодно и голодно. Петръ, непременно хочу ночевать въ Гларисѣ!» — «Мы скоро будемъ тамъ, ваша свѣтлость», отвѣчалъ Багратіонъ, «Ломоносовъ съ гренадерами обойдетъ сзади, и какъ только дастъ залпъ, Дендригинъ ударитъ съ гребня, а мы спереди. Головой ручаюсь, будете ночевать въ Гларисѣ!» — «Спасибо, князь Петръ! Спасибо! Хорошо, помилуй Богъ, хорошо!» И пошелъ тихо отецъ Александръ Васильевичъ ночевать въ овечьей хлѣвѣ, гдѣ ждалъ его Великій Князь.

Незадолго до разсвѣта Молиторъ послалъ въ гору сильный отрядъ, но гора была уже въ нашихъ рукахъ. Тогда французы дали по всей линіи залпъ, и русскіе, не смотря на темноту, бросились впередъ, сбили противника и гнали его верстъ шесть, не давая опомниться. Французы потеряли 3 пушки, 2 знамени и 400 плѣнныхъ. Багратіонъ остановился въ д. Нетсталь, удерживая натискъ французовъ, получившихъ подкрѣпленіе; въ это время фельдмаршалъ отвелъ остальныя войска въ Гларисъ, уже очищенный непріателемъ.

Пока здѣсь половина русской арміи пробивала себѣ дорогу, другая ея часть, подъ начальствомъ Розенберга, защищала тылъ передъ грозными силами Массены. Розенбергъ имѣлъ всего 4 тыс., считая пѣшихъ казаковъ; три полка арьергарда еще не

успѣли спуститься съ Ростокскаго хребта, такъ какъ наши вьюки продолжали тянуться по горной тропѣ. 19-го числа, въ 2 часа дня, показались французскія колонны, имѣя впереди густыя цѣпи застрѣльщиковъ. Наши отбили атаку, прогнавши ихъ до самаго Швица. Но это была только рекогносцировка; Массена хотѣлъ узнать силы русскихъ. Рѣшительный ударъ онъ готовилъ на-завтра. Къ вечеру подтянулись вьюки, спустился арьергардъ, такъ что у Розенберга собралось тысячъ до семи; Массена имѣлъ въ это время уже около 10 тыс. Часовъ 11 утра три французскихъ колонны двинулись обоими берегами горной рѣчки; по скатамъ горъ наступали застрѣльщики. Нашъ авангардъ сталъ отходить; храбрецы кидались изъ цѣпи, осаживая французскихъ стрѣлковъ. Между тѣмъ Розенбергъ выдвинулъ свои главныя силы, построилъ поперекъ долины въ двѣ линіи и въ такомъ порядкѣ ожидалъ французовъ. Когда нашъ авангардъ раздался по обѣ стороны, французы очутились передъ грознымъ неподвижнымъ строемъ. Ихъ пѣхота начала развертываться въ линіи, артиллерія открыла пальбу; забили барабаны, заиграла музыка — французы повели атаку. Наши подпустили на ружейный выстрѣлъ, дали залпъ и разомъ, съ крикомъ «ура!» бросились въ штыки. Одно время французы были ошеломлены, мѣстами открыли бѣглый огонь, но это колебаніе продолжалось недолго: дрогнулъ ихъ центръ, повернулъ спину, и началось бѣгство, безтолковое, поспѣшное. Русскіе батальоны рвались впередъ, опережали другъ друга, поражая французовъ въ спины. Пять орудій было захвачено по пути, два орудія у выхода изъ ущелья, и эти орудія, повернутыя хоботами, били теперь своихъ же частыми залпами. Французы могли устроиться только позади Швица, за 8 верстъ. Побѣда была полная, блестящая. Этою побѣдою Розенбергъ спасъ русскія войска — и свои, и тѣ, что сражались передъ Гларисомъ. Всю ночь шла уборка раненыхъ, погребеніе убитыхъ; непріятельскія орудія и фуры были зарыты въ землю. Въ сумкахъ убитыхъ французовъ наши солдаты находили водку, вино, хлѣбъ, сухари, а недалеко отъ Швица казаки нашарили въ лѣсу нѣсколько мѣшковъ съ рисомъ, ящики съ

сыромъ, колбасою и виномъ. Эта счастливая находка позволила нашимъ разговѣться: въ авангардѣ сварили супъ и похлебали горяченькаго. Розенбергъ послалъ приказаніе въ Швицъ заготовить продовольствіе на 12 тыс. войска, а самъ съ раннего утра началъ подыматься на гору Брагель, по слѣдамъ Суворова. Массена, прождавши цѣлый день, только вечеромъ узналъ, что въ Муттенѣ остались лишь раненые; Розенбергъ былъ уже далеко.

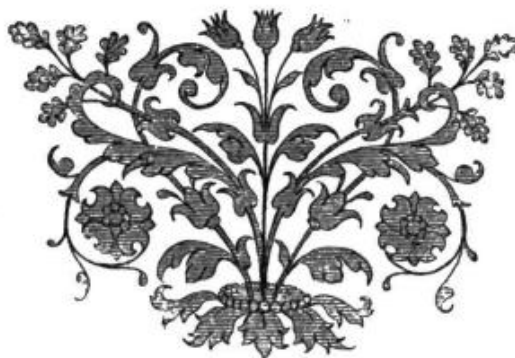
Въ то время, когда наши генералы обходили фронтъ безъ обуви, уже нельзя было думать о новыхъ побѣдахъ. Съ тоскою въ сердцѣ Суворовъ рѣшился для спасенія арміи отступить на Рейнъ. Только великая нужда могла заставить его позабыть о своихъ союзникахъ, хотя они сами позорно бросили русскія войска. Ночью съ 23 на 24-е сентября русскія войска выступили къ г. Иланцу. Поперекъ пути пролегалъ высокій горный хребетъ. Еще не успѣлъ вьючный обозъ втянуться въ тѣснину, замыкавшую долину р. Линты, какъ французы начали преслѣдованіе. Но въ арьергардѣ шелъ князь Петръ. Нашъ маленькій отрядъ, совсѣмъ безъ артиллеріи, сберегая каждый патронъ, то кидался въ штыки, то стоялъ неподвижно, выжидая противника на близкій ружейный выстрѣлъ. Солдаты дрались отчаянно; они забывали, что отступаютъ, и часто зарывались далеко впередъ, больше, чѣмъ слѣдовало. За время боя въ арьергардѣ, главные силы успѣли уйти къ Эльму, верстъ за 20, и здѣсь расположились на ночлегъ; авангардъ Милорадовича продолжалъ идти дальше, открывая путь черезъ снѣговой хребетъ. У Эльма наши всю ночь ждали нападенія: французы были наверху, на утесистыхъ горахъ; а русскіе стояли поперекъ долины, занимая оба берега рѣки. Солдаты отдыхали поочередно, если можно назвать отдыхомъ такое время, когда ждешь непріятеля каждую минуту. Снѣгъ падалъ густыми хлопьями, вѣтеръ рѣзалъ лицо, рвалъ лохмотья. Послѣ полуночи войска снялись и верстъ за 5 отъ Эльма полѣзли въ гору. Одна узенькая дорожка, пролегавшая по косогору, мѣстами приближалась къ отвѣсной кручѣ, мѣстами спускалась въ промоины. Въ началѣ подъема наши вязли по колѣно въ грязи, но чѣмъ выше подыма-

лись, тѣмъ больше погружались въ снѣжные сугробы. Вьюга заносила свѣжій слѣдъ; каждый человѣкъ прокладывалъ себѣ свою тропу и чуть отступался — летѣлъ въ бездну. Съ высоты горъ слышались глухіе раскаты грома; сквозь густой туманъ блистала молнія; огромные камни, срываемые бурей, катились съ грохотомъ внизъ, грозя встрѣчнымъ смертью. Никакими словами нельзя описать того, что вынесли наши генералы, офицеры и солдаты — босые, изнуренные голодомъ, тяжкими трудами и душевными муками. Орудія побросали въ бездны; болѣе 300 вьюковъ погибло. Въ то время, когда Милорадовичъ успѣлъ перевалить черезъ вершину, остальные войска только подбирались къ ней. Солдаты выбились изъ силъ: кто падалъ прямо въ снѣгъ, кто садился на камнѣ, иные забились подъ скалы, — гдѣ кто падалъ, тамъ и оставался, пока не разсвѣло. Къ несчастью заходило. Морозъ крѣпчалъ больше и больше: многіе отморозили себѣ ноги, руки; многіе уснули вѣчнымъ сномъ, наканунѣ спасенія. На другой день вечеромъ, послѣ тяжелаго спуска, на которомъ покалѣчились оставшіеся мулы, русскія войска достигли Иланца, на берегу Рейна. Тутъ они обогрѣлись, отдохнули и перешли въ городокъ Куръ, гдѣ ужъ нашли во всемъ изобиліе. Скоро были забыты тягости похода! Мгновенно русскій лагерь оживился; пришлось чинить обувь, «справлять» амуницію, чистить заржавѣвшія ружья; отдохнувшіе солдаты шутили надъ минувшемъ горемъ и распѣвали удалыя солдатскія пѣсни.

Таковъ былъ конецъ швейцарскаго похода. Онъ прославилъ русское войско больше, чѣмъ самая блестящая побѣда. Заброшенная въ глубь Альпъ, наша маленькая армія 16 дней боролась съ непогодой, дикими, неприступными горами и дралась вездѣ, гдѣ только встрѣчала непріятели. Смѣло проходили наши солдаты съ артиллеріей и вьюками тамъ, гдѣ ступала нога только привычнаго охотника. По нѣскольку дней они оставались безъ провіанта и братски дѣлились съ офицерами тѣми крохами, которыя находили въ ранцахъ убитыхъ французовъ. А сколько разъ, дрожа отъ стужи, перебирались въ-бродъ черезъ быстрые горные потоки!

Промоченные до костей, они были застигаемы снѣгомъ или вьюгой; мокрая одежда покрывалась ледяной корой, и при всемъ томъ— ни малѣйшаго ропота, ни единой жалобы! Правда, ругали непогоду, ругали французовъ, а пуще всего австрійцевъ, но унынія, безнадежнаго отчаянія—никто не видалъ. Доставалось и Суворову. Разъ на походѣ, взбираясь на кручу, солдаты кричали: «Старикъ нашъ выжилъ изъ ума; Богъ вѣсть, куда завелъ насъ!»... Фельд-маршалъ, ѣхавшій недалеко, услышалъ это и, обернувшись къ своей свитѣ, громко сказалъ: «Какъ они хвалятъ меня! Помилуй Богъ: такъ точно они хвалили въ Турчинѣ и Польшѣ!»—Солдаты разсмѣялись, готовые въ эту минуту броситься за отца-Суворова хоть съ этой самой кручи.

Спасеніе русскихъ войскъ Государь Императоръ поставилъ Суворову въ величайшую заслугу, почему пожаловалъ ему званіе генералисимуса и повелѣлъ воздвигнуть въ честь его памятникъ; Великій Князь Константинъ Павловичъ получилъ титулъ Цесаревича, а всѣ прочіе участники — щедрое воздаяніе за свои труды и доблести.

БОРОДИНСКАЯ БИТВА.

Императоръ Александръ, подобно своему родителю, продолжалъ войну съ французами, которые подъ знаменами одного изъ талантливѣйшихъ генераловъ, принявшаго титулъ императора, выступили на завоеваніе всей Европы. Наполеонъ и Александръ первый разъ встрѣтились въ Моравіи, на поляхъ Аустерлица, куда русскія войска явились на помощь австрійцамъ. Объ этой встрѣчѣ и поражениі нашихъ войскъ разсказано въ другомъ мѣстѣ. Въ слѣдующемъ году великодушный Государь послалъ свои войска на помощь Пруссіи; но прежде чѣмъ они стянулись къ границѣ, пруссаки потерпѣли въ одинъ и тотъ же день, въ разныхъ мѣстахъ, два пораженія. Вся тяжесть войны, какъ и въ былые годы, пришлась на долю русскихъ, и хотя русскіе вышли съ честью изъ нея, но Государь, видя безсиліе своего союзника, заключилъ съ французами миръ, довольно для себя тягостный. Своимъ недавнимъ врагамъ онъ обязался оказывать военную помощь и, кромѣ того, прервать торговля сношенія съ англичанами, которые до сихъ поръ считались

нашими союзниками. Не прошло и трехъ лѣтъ со времени заключенія этого мира, какъ обѣ стороны стали готовиться къ войнѣ. Наполеонъ не могъ выносить могущества Россіи; во всей Европѣ лишь одинъ русскій Императоръ отстаивалъ достоинство своей власти, оберегалъ интересы своего народа. Всѣ же прочіе монархи должны были думать и поступать такъ, какъ требовалъ Наполеонъ. Народы Европы жили не для себя, а для того, чтобы исполнять его причудливыя затѣи. Мечтая о созданіи всемірной монархіи, Наполеонъ рассчитывалъ черезъ покореніе Россіи приблизиться къ Индіи, откуда онъ могъ всего вѣрнѣе угрожать Англіи, этой до сихъ поръ неуязвимой его соперницѣ. Нашлись и другія причины къ войнѣ.

Въ началѣ 1812-го года было собрано противъ нашей границы 608 тыс. войска, именно: 604 батальона пѣхоты, 530 эскадроновъ кавалеріи, 1240 полевыхъ и 130 осадныхъ орудій. Для подвоза продовольствія потребовалось около 6 тыс. повозокъ; для переправъ черезъ рѣки везли готовые мосты, множество канатовъ, якорей. Никогда еще Европа не видѣла такихъ обширныхъ приготовленій, такъ хорошо обдуманыхъ и искусно исполненныхъ; ни одинъ завоеватель не располагалъ до сихъ поръ такими обширными средствами, какъ Наполеонъ, которому были открыты всѣ арсеналы, порты, казначейства и для котораго готовили вспомогательныя войска португальцы, итальянцы, нѣмцы, поляки, датчане, швейцарцы — почти всѣ народы Европы. Въ половинѣ мая Наполеонъ пріѣхалъ въ Дрезденъ. Сюда явились по его приглашенію императоръ австрійскій, король прусскій и другія владѣтельныя особы. Среди блестящаго двора, окруженный покорными ему монархами, Наполеонъ чувствовалъ себя могущественнѣйшимъ человекомъ въ мірѣ. Онъ былъ увѣренъ, что сокрушитъ Россію. «Я иду въ Москву, говорилъ онъ, и въ одно-два сраженія все кончу. Императоръ Александръ будетъ на колѣняхъ просить у меня мира». Почти всѣ окружавшіе Наполеона думали такъ же, какъ онъ. Генералы и офицеры добивались какъ особой милости, чтобы ихъ назначили въ «Великую армію»; солдаты одинаково

съ ними мечтали о славѣ, о богатой добычѣ, которую сулила имъ предстоящая кампанія: короткая, побѣдоносная.

По окончаніи празднествъ Наполеонъ выѣхалъ изъ Дрездена и въ половинѣ іюня былъ уже на берегахъ Нѣмана. Здѣсь его ожидали, кромѣ гвардіи и резервной кавалеріи, 450 тыс., или 8 корпусовъ, предназначенныхъ дѣйствовать по главному направленію, къ Москвѣ; особый корпусъ Макдональда долженъ былъ прикрывать лѣвый флангъ Великой арміи, а австрійскій корпусъ Шварценберга—ея правый флангъ. Передовые непріятельскіе разѣзды стояли въ разныхъ мѣстахъ по лѣвому берегу Нѣмана. Къ одному изъ этихъ разѣздовъ подъѣхала карета, изъ которой вышелъ Наполеонъ. Это былъ сорока-двухлѣтній человекъ, довольно полный, широкоплечій; глаза — живые, свѣтлые; отмѣтная прядь волосъ прикрывала его широкій лобъ. Онъ носилъ обыкновенно синій съ отворотами мундиръ, поверхъ бѣлаго жилета, бѣлые лосинные штаны и высокіе по колѣни сапоги; на головѣ трехугольную шляпу, а сверхъ мундира — сѣрый сюртукъ. Переодѣвшись въ платье польскаго офицера, Наполеонъ сѣлъ верхомъ и, окруженный большой свитой, проѣхалъ вдоль берега, осматривая въ подзорную трубу окрестности Ковно. Возвратился онъ веселый, напѣвая старинную пѣсенку. Вечеромъ было приказано навести три моста между Ковно и мѣстечкомъ Понѣмуни; огней не разводить, войскамъ соблюдать величайшую тишину. Послѣ полуночи, на 12-е іюня, построенные на лодкахъ мосты заколыхались подъ тяжестью конницы, артиллеріи и колоннъ пѣхоты. На другомъ берегу все было тихо, никакихъ слѣдовъ присутствія русскихъ. Наполеонъ проскакалъ верстъ шесть по сыпучему песку, среди еловаго лѣса, не встрѣтивъ ни души. Утромъ французы заняли Ковно. — Такъ, безъ объявленія войны, императоръ французовъ вступилъ въ предѣлы Россіи.

Противъ громаднхъ силъ Наполеона она могла выставить лишь 200 тыс. и то раздѣленныхъ между собой значительнымъ разстояніемъ вдоль западной границы. Первая армія, силою въ 120 тыс., подъ начальствомъ военнаго министра Барклая, защищала линію

р. Нѣмана. Вторая армія, силою въ 40 тыс., подъ начальствомъ Багратіона, расположенная между Нѣманомъ и Бугомъ, предназначалась для дѣйствія во флангъ непріятелю. Третья армія, около 46 тыс., получила назначеніе защищать Волынь, на случай появленія большихъ непріятельскихъ силъ изъ Галиціи. Общаго вождя надъ русскими войсками не было. Нашъ военный министръ, какъ человекъ осторожный, разсудительный, считался наиболѣе способнымъ вести войну съ такимъ рѣшительнымъ противникомъ, какъ Наполеонъ: его быстрымъ дѣйствіямъ Барклай считалъ необходимымъ противопоставить дѣйствія медленныя, т.-е. затягивать войну, утомлять противника, изводить его голодомъ, жаждою битвы, но въ то же время нападать и бить его мелкими отрядами, съ боковъ или съ тыла,—однимъ словомъ, дѣйствовать такъ же, какъ дѣйствовала сто лѣтъ тому назадъ Петръ Великій, имѣя дѣло со шведами. Главнокомандующій Второй арміей, князь Багратіонъ, «генералъ по образу и подобию Суворова», какъ человекъ пылкій, держался правилъ своего великаго учителя: искать непріятеля, идти ему навстрѣчу, кидаться на него первымъ. Такимъ образомъ, оба главнокомандующіе думали розно, отчего выходило часто несогласіе въ ихъ дѣйствіяхъ.

Въ ту же памятную ночь Императоръ Александръ находился на балѣ, устроенномъ въ его честь въ г. Вильно, на дачѣ Бенигсена. Всѣ веселились, ничего не подозревая, какъ вдругъ, вошелъ министръ полиціи и доложилъ Государю, что непріятель переправляется черезъ Нѣманъ. Незамѣтно удалившись съ бала, Государь всю ночь провелъ въ работѣ. Онъ сразу увидѣлъ, въ какомъ опасномъ положеніи находились наши разъединенныя арміи, почему прежде всего послалъ повелѣніе Барклаю отступить отъ береговъ Нѣмана и Вилии къ Двинѣ, а Багратіону спѣшить на соединеніе или черезъ Вильно, или, если уже поздно, то на Минскъ. Въ ту же ночь Государь подписалъ приказъ войскамъ: «Не нужно мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Воины! Вы защищаете вѣру, отечество, свободу. Я съ вами. На зачинающаго Богъ». Въ письмѣ

къ фельдмаршалу Салтыкову Государь писалъ: «Оборона отечества, сохраненіе независимости и чести народной принудили насъ препоясаться на брань. Я не положу оружія, доколѣ ни единого непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ». — Черезъ пять дней послѣ этого Наполеонъ былъ уже въ Вильно и расположился въ тѣхъ самыхъ комнатахъ, которыя занималъ Императоръ Александръ. Не желая войны, скорбя о грядущихъ бѣдствіяхъ, нашъ Государь прислалъ къ нему своего министра съ письмомъ, въ которомъ предлагалъ начать мирные переговоры, но съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы французы отошли за Нѣманъ. Наполеонъ сказалъ на это Балашеву: «Неужели вы думаете, что я пришелъ къ вамъ только за тѣмъ, чтобы посмотрѣть на Нѣманъ?» — Его первыя распоряженія заключались въ томъ, чтобы отрѣзать наши арміи, Первую отъ Второй, для чего онъ направилъ въ разрѣзъ между ними своего младшаго брата, короля Іеронима, давши ему подъ начальство 80 тысячъ. Изъ Вильно Наполеонъ выслалъ къ Двинѣ 150 тыс. подъ начальствомъ Мюрата, а Даву съ 40 тыс. послалъ на Минскъ, чтобы перехватить дорогу Багратиону. Переправившись черезъ Двину, Барклай отошелъ къ Витебску, и, не зная, что случилось съ Багратиономъ, долженъ былъ остановиться, а чтобы задержать французовъ, выдвинулъ верстъ за 20, къ Островнѣ, корпусъ Остермана. Справа и слѣва наши войска защищали болотистый лѣсъ. Остерманъ, будущій герой Кульма, мужественно отбивалъ всѣ атаки французовъ. Въ нѣкоторыхъ полкахъ ядра и картечь вырывали цѣлые ряды. «Что дѣлать?» спрашивали Остермана. — «Ничего не дѣлать, отвѣчалъ онъ: стоять и умирать». На другой день Остермана смѣнилъ Коновницынъ, на третій день — Паленъ. Наконецъ французы, имѣя большой перевѣсъ въ силахъ, приблизились къ главной позиціи: надо было или уходить, или принять бой. Къ счастью, пришло изъ Второй арміи извѣстіе, что она не могла пройти на Могилевъ, потому что тутъ ее предупредилъ Даву, и теперь идетъ черезъ Мстиславль на Смоленскъ. Дѣйствительно, 22 іюля обѣ арміи соединились въ этомъ городѣ. Такимъ образомъ, не смотря на быстроту маршей, на такомъ длинномъ

пути Наполеону не удалось не только разрѣзать наши арміи, но даже отрѣзать хотя бы малую ихъ часть. Этому помѣшало, кромѣ искусныхъ распоряженій Императора Александра, венастье, дожди, вслѣдствіе чего повозки съ провіантомъ отстали, и французскіе солдаты должны были промышлять грабежомъ. Въ тылу арміи накопились шайки мародеровъ, что уменьшало боевыя войска на полтораста тысячъ. Разрушеніе «Великой» арміи началось не въ Москвѣ, а тотчасъ со времени ея вступленія въ границы Россіи. Впереди ожидала Наполеона народная война, самая страшная война, силу которой онъ испыталъ на другомъ концѣ Европы, въ маленькой Испаніи.

Когда уже обозначились непріятельскія силы, нашъ Государь призвалъ на борьбу съ Наполеономъ весь русскій народъ. 6-го іюля онъ подписалъ манифестъ, который заканчивался слѣдующими словами: «Соединитесь всѣ: съ крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ—и никакія силы васъ не одолѣютъ». Императоръ пріѣхалъ въ Москву грустный, подавленный тяжестью заботъ. Но здѣсь, на другой же день, онъ увидѣлъ, что, какъ ни велика бѣда, народъ ее вынесетъ на своихъ плечахъ. Съ восходомъ солнца весь Кремль наполнился народомъ. Въ 9 ч. утра, при звонѣ колоколовъ, Императоръ появился на Красномъ крыльцѣ, чтобы идти въ Успенскій соборъ слушать молебствіе по случаю заключенія мира съ турками. Тысячи голосовъ загремѣли ему на-встрѣчу: «Ура! Веди насъ, куда хочешь! Веди насъ, нашъ отецъ!» Идя среди густой толпы народа, Царь какъ бы слился съ ней въ одну семью. Не то купецъ, не то мѣщанинъ, выкликнулся изъ толпы: «Не унывай! Видишь, сколько насъ въ одной Москвѣ, а сколько же во всей Россіи! Всѣ за тебя помремъ!» — Манифестъ объ ополченіи одушевилъ всю Россію. Вездѣ набирали и снаряжали ратниковъ. Каждый жертвовалъ, что могъ: приносили деньги, золотыя и серебряныя вещи, ружья, сабли, пистолеты, съѣстные припасы. Одна Московская губернія пожертвовала до 4-хъ мил. и въ одинъ мѣсяць поставила 12 полковъ ратниковъ. Ихъ одѣли въ сѣрые суконные кафтаны; на шапкахъ нашили крестъ, съ изображе-

ніемъ имени Государя и надписью: «За вѣру и царя». Вся Россія приняла близко къ сердцу защиту родной земли; она пожертвовала до 100 мил. деньгами и поставила 320 тыс. ратниковъ. Донъ вооружился отъ мала до велика *).

Для того, чтобы дать время вооружиться народу, Барклай, по соединеніи обѣихъ армій, рѣшился перейти въ наступленіе. Этого желалъ Государь, ждалъ весь русскій народъ и особенно войска. Частоянное и томительное отступленіе по пыльной дорогѣ, подъ жгучими лучами солнца, поселило въ рядахъ арміи уныніе, даже ропотъ; молча, угрюмо шагали солдаты по столбовой дорогѣ; не слышно было обычной пѣсни, веселыхъ разговоровъ. Между тѣмъ, сзади приходилось отбиваться, и тутъ больше всего доставалось казакамъ: «Нѣтъ ужъ мочи больше держаться», рассказывалъ одинъ казакъ: «такъ и садится окаянный на шею... Право, ужъ и Матвѣй Ивановичъ скоро откажется»... Рѣчь шла о Платовѣ. И такъ, 26 іюля, обѣ арміи пошли въ трехъ колоннахъ по дорогѣ къ Витебску; для обезпеченія лѣваго фланга выставили къ г. Красному дивизію Невѣровскаго. Однако Наполеонъ успѣлъ собрать свои растянутыя войска и направилъ ихъ не противъ главныхъ силъ, а противъ Невѣровскаго, въ надеждѣ занять Смоленскъ, прежде чѣмъ обѣ арміи успѣютъ туда отступить. Этимъ движеніемъ онъ угрожалъ отрѣзать ихъ отъ Москвы. Въ авангардѣ французскихъ войскъ шелъ съ 15 тыс. начальникъ всей резервной кавалеріи лихой Мюратъ, король неаполитанскій, за нимъ двигался пѣхотный корпусъ Нея. Взявши безъ труда Красный, занятый батальономъ егерей, Мюратъ обошелъ городъ съ лѣвой стороны и всею своею конницею ударилъ на Невѣровскаго. На-встрѣчу французамъ бросились наши драгуны, но были отбиты съ потерей 5 орудій. Въ самомъ началѣ боя Невѣровскій остался съ одной пѣхотой. Онъ объѣхалъ свою дивизію, напоминая солдатамъ, чему ихъ учили: «Никакая кавалерія васъ не побѣдитъ, только стрѣляйте мѣтко, не торопясь. Никто не смѣй начинать безъ моей команды!» — Войска стали отступать къ Смоленску, по большой дорогѣ, усаженной де-

*) См. „Казакъ“. — „Какъ донцы постояли всѣмъ войскомъ за русскую землю“.

ревьями и окопанной канавами. Сначала они шли въ трехъ каре, потомъ въ одной густой колоннѣ. Французскіе эскадроны налетали одинъ за другимъ спереди, заскакивали сзади, но на-встрѣчу имъ раздавалась звучная команда: «то-6-овсь, пли! жжаай!» — и эскадроны разлетались врознь. «Видите, какъ легко справиться съ конницей! кричалъ Невѣровскій: благодарю! Поздравляю васъ!» — «Рады стараться! ура!» отвѣчали солдаты и, сплотясь еще болѣе, чутко слушали команду начальника. На разстояніи 12 верстъ они отбили до 40 атакъ. Наступила ночь; французы прекратили преслѣдованіе.

Когда Ней съ Мюратомъ подступили къ Смоленску, обѣ наши арміи находились еще верстъ за 30 отъ города, на Витебской дорогѣ. На защиту ветхихъ стѣнъ города первымъ явился Раевскій; его смѣнилъ потомъ Дохтуровъ. Солдаты Багратіона, можно сказать, рвались впередъ, въ нетерпѣливомъ ожиданіи встрѣчи съ врагомъ, и Наполеонъ, увидя за Днѣпромъ походныя колонны, пришелъ въ восхищеніе, при чемъ воскликнулъ: «Наконецъ-то русскіе въ моихъ рукахъ!» Онъ думалъ, что главнокомандующій хочетъ дать битву, но Барклай, имѣя на рукахъ единственную русскую армію и зная, что резервы не готовы, не могъ отважиться на битву; онъ рѣшилъ защищать Смоленскъ лишь до тѣхъ поръ, пока войска успѣютъ отступить дальше, къ Москвѣ.

Наканунѣ праздника Успенья, съ утра 150 тыс. французовъ стояли подъ городомъ въ ожиданіи боя. Наступилъ полдень; Наполеону дали знать, что русскіе отступаютъ. Тогда полтора ста орудій открыли огонь, и 11 дивизій, съ разныхъ сторонъ, пошли на приступъ. Предмѣстья были взяты, а городъ, благодаря мужественной защитѣ, устоялъ, хотя весь былъ охваченъ огнемъ. Жители спасались въ церкви, гдѣ служили всенощную, но и церкви загорались. Наши войска, среди пожара, воплей и криковъ горожанъ, среди лопавшихся гранатъ, встрѣчали непріятеля картечью, а онъ, смѣняя колонны, неослабно наступалъ съ побѣднымъ крикомъ: «Да здравствуетъ императоръ!» — Битва продолжалась до 11 час. ночи; французы безъ пользы потеряли около 9

тыс. потому что въ ту же ночь Дохтуровъ очистилъ Смоленскъ. Вѣсть о гибели Смоленска смутила всѣхъ русскихъ людей. «Подъ Смоленскомъ, толковали въ народѣ, соединилось наше войско, и Смоленскъ сдали! Отворены ворота къ Москвѣ!»... Отступавшія войска также роптали; слышалась обычная рѣчь, что Барклай—измѣнникъ... Тяжело было главнокомандующему видѣть угрюмыя, нахмуренныя лица солдатъ, мрачно шагавшихъ по столбовой дорогѣ; еще тяжелѣе было слышать такія обидныя рѣчи, но онъ терпѣливо страдалъ, не зная, чѣмъ помочь. Онъ былъ готовъ дать битву, если бы встрѣтилась подходящая мѣстность; пока же такой не попадалось...

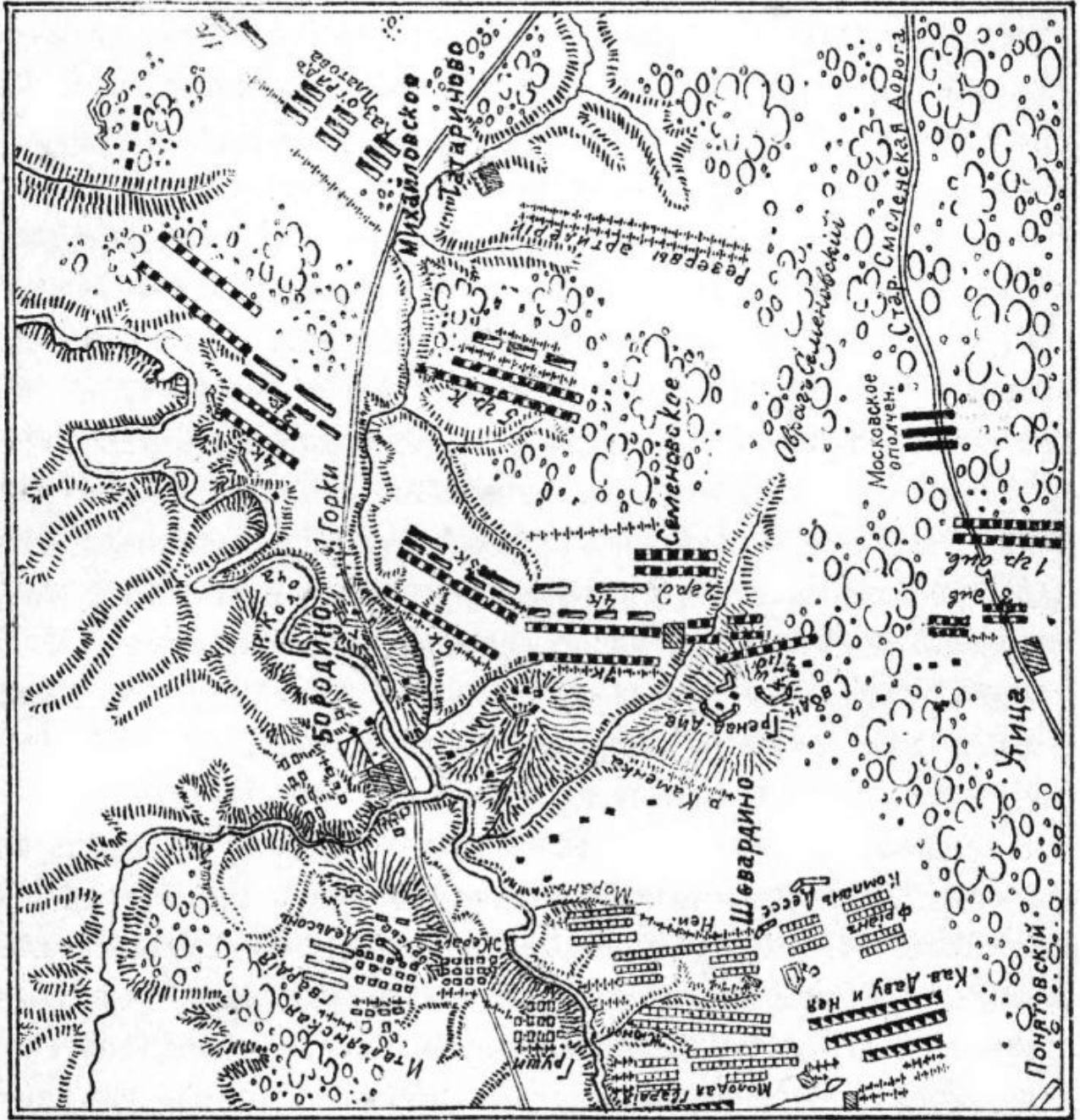
Въ с. Царево-Займище пріѣхалъ въ армію новый главнокомандующій, Кутузовъ, который 22 года тому назадъ, въ чинѣ генераль-маіора, велъ одну изъ штурмовыхъ колоннъ на валы Измаила, и 7 лѣтъ назадъ командовалъ союзной арміей подъ Аустерлицемъ. Не смотря на свои годы, Михаилъ Илларионовичъ былъ еще бодръ, а что главное, его знали и любили русскія войска. — «Пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ», шутили солдаты. Старики, вспоминая былые походы, говорили, что недаромъ Наполеонъ обозвалъ его «старой лисицей». Одѣтый въ сюртукъ, безъ эполетъ, въ бѣлой фуражкѣ съ краснымъ околышемъ и съ ногойкой черезъ плечо, объѣзжалъ Кутузовъ ряды повеселѣвшихъ солдатъ. Разосланные офицеры скоро ему донесли, что не доходя верстъ 10 до Можайска, за с. Бородинымъ есть позиція, выгодная для оборонительнаго боя. Главнокомандующій самъ поѣхалъ впередъ и, признавши ее подходящей, остановилъ здѣсь наши арміи.

Село Бородино лежитъ въ углу между двухъ рѣчекъ—Воиной и Калочей. Дорога къ селу спускается внизъ и за Калочей опять поднимается вверхъ черезъ д. Горки. Влѣво отъ моста — крутые обрывистые берега Калочи дѣлаютъ часть этой высоты почти неприступной. Если же подняться къ д. Горкамъ, то на правой рукѣ видна д. Семеновское, у Семеновскаго оврага; между этими двумя деревнями, поближе къ рѣкѣ, поднимается высокій курганъ, на которомъ наши вырыли укрѣпленіе, извѣстное подъ именемъ «кур-

ганной батареи», или «батарей Раевского». Еще дальше, за Семеновскимъ, поляна, поросшая тогда мелкимъ кустарникомъ, вдоль опушки большого лѣса; въ этомъ лѣсу — сел. Утица, гдѣ проходила Старая смоленская дорога, на Ельню и Можайскъ. Нашъ правый флангъ, какъ видно на приложенномъ планѣ, примкнулъ къ лѣсу между рѣками Москвой и Калочей; лѣвый флангъ оканчивался въ кустахъ у д. Утицы; фронтъ всей позиціи простирался на 7 верстъ, выступая по срединѣ угламъ. Наиболѣе важные пункты, наканунѣ прибытія французовъ, были усилены укрѣпленіями, хотя выкопанными на скорую руку и съ довольно слабой обороной. Кромѣ курганной батареи, приспособленной на 10 орудій, немного далѣе, впереди Семеновскаго, вырыли еще три укрѣпленія, или флеши, названныя по имени Багратіона, а впереди отъ нихъ, версты за двѣ, у сел. Шевардина — такъ-называемый шевардинскій редутъ, на 12 орудій, предназначенный собственно для обзрѣнія непріятельской арміи. Правое крыло и центръ позиціи заняли войска Первой арміи, а лѣвый флангъ — войска Багратіона; въ самомъ укрѣпленіи и лѣвѣе его, до д. Семеновское, сталъ корпусъ Раевского; Багратіоновы флеши должна была занять сводная дивизія Воронцова, за которою расположиться войскамъ Невѣровскаго. Пѣхотные полки cadaго корпуса были построены въ батальонныхъ колоннахъ, въ двѣ линіи; за ними, также въ двѣ линіи, построилась конница, имѣя позади главные резервы. Общее число нашихъ войскъ простиралось до 104 тыс., не считая ратниковъ и казаковъ. У Наполеона было больше.

24-го августа французскія войска подходили по большой дорогѣ къ с. Бородино. Егерскіе полки, рассыпанные берегомъ Калочи, встрѣтили наступающія колонны ружейными выстрѣлами во флангъ. Наполеонъ скоро замѣтилъ, что наше правое крыло совершенно недоступно и приказалъ переправить черезъ Калочу три дивизіи корпуса Даву и два кавалерійскихъ корпуса для занятія шевардинскаго редута, а корпусъ Понятовскаго послалъ вправо, по Старой смоленской дорогѣ. Подготовивши атаку мѣткимъ огнемъ 8-ми-орудійной батареи, французы въ превосходномъ числѣ пошли

Планъ сраженія при Бородинѣ 1812г.

1, Укрепленія.

12 - Батареи передъ дѣр.
Горки.

3 - Батарея Раевского,
или Курганная

4 - Шевардинскій ре-
дуть.

2, Русскія войска.

27 д. - 27 дивизія

2 к. д. - 2^я кавал. див.

1 гр. д. - 1^я гренад. див.

2 гр. д. - 2^я " " " " " "

7 к. - 7^я корпусъ

6 к. - 6^я " " " " " "

4 к. - 4^я " " " " " "

3 к. - 3^я " " " " " "

2 к. - 2^я " " " " " "

1 к. - 1^я " " " " " "

Бат. к. - 5^я гренад. корт.

на редутъ, обходя справа и слѣва занимавшія его войска: 14 батальоновъ пѣхоты и 38 эскадроновъ кавалеріи. Въ 8 ч. вечера храбрый Компанъ съ полками своей дивизіи овладѣлъ редутомъ, въ то время, когда Моранъ, другой французскій генералъ, взялъ Шевардино. На смѣну 27-й дивизіи явились гренадеры, которыхъ подвелъ самъ Багратіонъ; кирасиры на лѣвомъ флангѣ, драгуны на правомъ поочередно кидались на-встрѣчу наступавшимъ колоннамъ французовъ. Спорный редутъ переходилъ изъ рукъ въ руки, хотя нельзя было утвердительно сказать, кто въ настоящую минуту его хозяинъ: темнота покрывала поле битвы, а противники точно старались наверстать потерянное время, не уступая другъ другу ни въ храбрости, ни въ стремительности. Въ 11 ч. ночи, когда поляки уже серьезно грозили лѣвому флангу, пришло отъ Кутузова приказаніе отойти на главную позицію.

Канунъ Бородинской битвы прошелъ безъ выстрѣла, какъ будто обѣ стороны безмолвно согласились собраться съ силами. Это была та зловѣщая тишина, которая обыкновенно предшествуетъ бурѣ. Французскій императоръ не сходилъ съ коня, внимательно изучая поле битвы. Онъ съѣздилъ къ вице-королю, стоявшему со своимъ корпусомъ за Калочей, передъ Бородинымъ, побывалъ у Шевардина, гдѣ должны были собраться главные силы, посѣтилъ корпусъ Понятовскаго. Солдаты всѣхъ націй встрѣчали его обычными криками; ни одинъ изъ нихъ не сомнѣвался въ побѣдѣ. Взрывы веселаго хохота раздавались у огромныхъ костровъ, ярко пылавшихъ по случаю мелкаго дождя, который моросилъ съ утра. Имѣя въ виду атаковать Багратіоновы флешы, Наполеонъ призвалъ къ себѣ Компана и лично передалъ ему это лестное для него приказаніе. — Русскіе воины молча и серьезно готовились къ предстоящей битвѣ, священной, по мнѣнію cadaго. Русскій солдатъ чувствовалъ обиду, нанесенную его Государю, его отечеству этимъ дерзкимъ пришельцемъ, попиравшимъ родную землю, оскорблявшимъ его вѣковую святыню. Затая въ душѣ свои чувства, онъ готовилъ на завтра кровавую месть за поруганіе храмовъ, за разореніе Руси, за посягательство на ея древнюю столицу. Вдоль

линіи войскъ, по ихъ бивакамъ, носили икону Смоленской Божіей Матери, спасенную отъ пожара усердіемъ нашихъ солдатъ. Тысячи головъ склонялись до земли, поручая себя Заступницѣ, и тихое торжественное шествіе иконы, сопровождаемое церковнымъ пѣснопѣніемъ, направлялось дальше, напоминая воинамъ близость послѣдняго часа. Наступила ночь: все смолкло—и шумные восторги, и молитвенные звуки. На пространствѣ квадратной версты было собрано 250 тыс. бойцовъ, болѣе 60 тыс. лошадей, 1,200 орудій. На этомъ клочкѣ земли готовилась разыгратъ одна изъ кровопролитныхъ битвъ, какую могли запомнить люди, при чемъ одна сторона сражалась изъ-за пустой амбиціи своего кумира, а другая сражалась по необходимости, защищая то, что дорого каждому.

Въ 3 ч. утра французы стали разбирать оружіе и становиться въ ряды; густой туманъ скрывалъ передвиженіе колоннъ, которыя спѣшили занять свои мѣста: итальянскій корпусъ — противъ Бородина, Ней и Даву — противъ Флешей; кавалерія — у нихъ въ тылу, гвардія — въ резервѣ; поляки—вдали, на правомъ флангѣ. «Что дѣлается у русскихъ?» — спросилъ первымъ дѣломъ Наполеонъ, выйдя изъ палатки. Получивши отвѣтъ, что русскіе стоятъ на мѣстѣ, онъ, видимо, остался доволенъ. «Сегодня немножко холодно, но ясно; это солнце Аустерлица!» — прибавилъ онъ, указывая на востокъ. Въ 5 ч. Наполеонъ сѣлъ верхомъ и поскакалъ къ Шевардину. Всѣ на мѣстахъ; ротные и эскадронные командиры читаютъ на тотъ день приказъ: «Воины! Вотъ сраженіе, котораго вы такъ желали. Побѣда зависитъ отъ васъ. Она намъ нужна... Дѣйствуйте такъ, какъ вы дѣйствовали при Аустерлицѣ, Фридландѣ, Витебскѣ и Смоленскѣ. Пусть позднѣйшее потомство съ гордостью вспоминаетъ о вашихъ подвигахъ въ этотъ день. Да скажутъ о каждомъ изъ васъ: «онъ былъ въ великой битвѣ подъ Москвой!» — Въ 5^{1/2} ч. раздался первый пушечный выстрѣлъ, нарушившій глубокую тишину; за нимъ послѣдовалъ другой, третій... потомъ они слились въ канонаду: французская батарея, придвинувшись на версту, открыла убійственный огонь изъ ста ору-

дій, поражая флеши; черезъ нѣсколько времени изъ центра начали громить курганную батарею, а на лѣвомъ флангѣ — с. Бородино. Подъ прикрытіемъ такого огня двѣ французскія дивизіи двинулись на флеши. Но только-что Компанъ вышелъ изъ лѣса и, опустивъ штыки, устремился на крайнюю флешь, какъ палъ, сраженный картечью. Его солдаты пришли въ замѣшательство. Зоркій Даву издали замѣтилъ колебаніе въ рядахъ, прискакалъ къ дивизіи, самъ сталъ во главѣ 57-го полка и повелъ его дальше. Однако и маршалъ, получивъ сильную контузію, свалился безъ чувствъ: его унесли; Наполеону доложили, что онъ убитъ. Французы, лишившись всѣхъ главныхъ начальниковъ, не могли удержаться въ захваченной флеші: ихъ оттуда выбили гренадеры Воронцова, а драгуны и ахтырскіе гусары отняли у нихъ во время преслѣдованія 12 пушекъ. Въ то же время войска крайняго лѣваго фланга ворвались съ двухъ сторонъ въ с. Бородино; наши егеря въ какія-нибудь четверть часа потеряли 30 офицеровъ и половину солдатъ. Оставивши одну дивизію для занятія селенія, вице-король перевелъ всѣ остальные войска черезъ Калочу. Канонада на нашемъ лѣвомъ флангѣ не умолкала ни на минуту. Въ исходѣ 8-го пошли на флеші и войска Нея, въ батальонныхъ колоннахъ; корпусъ Жюно расположился лѣвѣе Шевардина, кавалерія двигалась сзади. Багратіонъ успѣлъ усилить свое слабое крыло всѣми войсками, бывшими въ его распоряженіи, даже потребовалъ помощи отъ Барклая. Пренебрегая страшнымъ огнемъ, поражающимъ ихъ въ упоръ, французы приближались къ флешамъ. Ней, въ головѣ полка пѣхоты, овладѣлъ крайнею лѣвою флешью; почти всѣ гренадеры, защищавшіе ее, были истреблены. Багратіонъ двинулъ полки принца Мекленбургскаго: ихъ встрѣтилъ Мюратъ съ конными егерями; бывшіе на-готовѣ кирасиры опрокинули конныхъ егерей, ворвались въ укрѣпленія, выбивая палашами французскую пѣхоту. Мюратъ спрыгнулъ съ коня и спрятался въ лѣвой флеші. Въ тѣсныхъ флешахъ сбились войска обѣихъ сторонъ, палили чуть не въ лицо другъ другу, бросались за 10 шаговъ въ штыки. Багратіонъ, какъ могучій орелъ, защи-

щаль свое гнѣздо, но въ ту самую минуту, когда отъ его присутствія зависѣло спасеніе лѣваго крыла, онъ получилъ смертельную рану. Лѣвое крыло осиротѣло, и хотя по прежнему русскія колонны шли съ величайшею отвагою по трунамъ своихъ и чужихъ, но, не слыша привычнаго оклика, онѣ шли молча, уподобляясь грознымъ шанцамъ, сверкавшимъ пламенемъ и сталью. Ихъ били картечью, на нихъ бросалась пѣхота, палетала конница, а онѣ все двигались, исчезая въ этомъ смѣшеніи народовъ, наминавшемъ послѣдній день міра. Около 11^{1/2} ч. французы окончательно завладѣли флешами; Коновницынъ отвелъ остатки русскихъ войскъ за Семеновскій оврагъ, гдѣ прикрылъ ихъ тремя гвардейскими полками и поставилъ на краю оврага сильную батарею.

Овладевъ флешами, Ней послалъ дивизію Фріана выбить нашихъ гренадеръ изъ Семеновскаго. Эта атака была отбита; Фріанъ, потерявши сначала сына, самъ свалился, пронизанный пулей. Тогда Мюрать, по совѣщаніи съ Неемъ, рѣшилъ ввести въ дѣло конницу. Задрожала земля подъ копытами 50-ти эскадроновъ, направленныхъ отважнымъ Мюратомъ. «Желѣзные люди», какъ называлъ Наполеонъ своихъ кирасиръ, перешли оврагъ выше Семеновскаго, гдѣ наткнулись на шесть нашихъ каре; измайловцы и литовцы встрѣтили ихъ батальнымъ огнемъ; они отбили одну за другой, три стремительныхъ атаки. Солдаты Литовскаго полка кидались въ штыки съ крикомъ: «ура!» Латники записались на батареи, гдѣ ихъ били банниками, хлестали пальниками. Но защита этихъ развалинъ обошлась намъ дорого: Литовскій полкъ въ продолженіе часа потерялъ тысячу человекъ. Несравненно успѣшнѣе была атака Латуръ-Мобура, въ составѣ 30-ти эскадроновъ. Они, перебравшись черезъ оврагъ, скрытые буграми, подымались по-одиночкѣ наверхъ и неслись уступами, сметая все, что уцѣлѣло отъ 2-й Гренадерской дивизіи. Во время кавалерійскаго боя дивизія Фріана окончательно утвердилась въ Семеновскомъ. Сильныя батареи, поставленныя теперь на высотахъ, поражали лѣвое крыло русскихъ съ фронта, а центръ — во флангъ. Къ счастью, густая

пыль и облака дыма мѣшали французамъ видѣть сильное разстройство лѣваго крыла.

Войска итальянскаго корпуса своевременно предприняли наступленіе на курганную батарею, въ центрѣ нашей позиціи. Раевскій, выславши егерскіе полки къ Калочѣ, расположилъ дивизіи Паскевича и Васильчикова по обѣ стороны укрѣпленія. Французы прогнали разсыпавшихся егерей, подготовили атаку артиллерійскимъ огнемъ и бросились въ штыки. Въ самую рѣшительную минуту у насъ не хватило на батареѣ зарядовъ: генераль Бонами выбилъ защитниковъ и отбросилъ ихъ за Горицкій оврагъ. Смѣлый Мюрать, завидя издали успѣхъ своихъ солдатъ, уже спѣшилъ къ нимъ на помощь... Положеніе русской арміи стало опаснымъ: неприятель овладѣлъ однимъ изъ главныхъ пунктовъ бородинскаго поля. Утвердившись, онъ могъ разрѣзать наши войска и притиснуть правый флангъ къ р. Москвѣ. Бѣду отвелъ Ермоловъ, случайно проѣзжавшій съ порученіемъ Кутузова. Завидя смятеніе на курганной батареѣ, онъ поскакалъ туда съ двумя конными ротами, схватилъ по дорогѣ свѣжій батальонъ Уфимскаго полка и, повернувши бѣжавшихъ къ нему на встрѣчу егерей, бросился съ ними на укрѣпленіе. Черезъ четверть часа оно было въ нашихъ рукахъ; генераль Бонами попался въ плѣнъ; три тысячи труповъ устлали высоту. Солдаты Васильчикова и Паскевича гнались за французами такъ далеко, что Ермоловъ приказалъ драгунамъ ихъ обскакать и завернуть. На смѣну войскамъ Раевского явилась 24-я дивизія Лихачева и 4-я принца Виртембергскаго; пріѣхалъ Барклай, окончательно водворившій порядокъ. Подъ страшнымъ перекрестнымъ огнемъ, какого ветераны не запомнятъ за 20 лѣтъ, этотъ мужественный генераль спокойно дѣлалъ распоряженія, не заботясь, что вокругъ него падали раненые, убитые, что изъ его свиты уцѣлѣлъ лишь одинъ офицеръ. Онъ видимо искалъ смерти, точно хотѣлъ отомстить за тяжкіе и несправедливые упреки.

Наступалъ рѣшительный моментъ боя; битва, по выраженію Наполеона, созрѣла. Ней и Мюрать вторично послали къ императору, настойчиво требуя помощи. На этотъ разъ онъ уступилъ,

отдавши въ ихъ распоряженіе молодую гвардію и дивизію Клапареда; вице-королю послано приказаніе атаковать вторично батарею Раевского. Былъ часъ по полудни. Грозныя колонны пѣхоты облегли нашу центральную позицію; 400 орудій, пѣшихъ и конныхъ, громили ее въ-перекрестъ; строилась въ ряды конница, готовая поддержать атаку пѣхоты. Все обѣщало французамъ несомнѣнный успѣхъ, какъ въ минуту наступленія удара произошло у нихъ на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, за с. Бородинымъ, непонятное смятеніе. Всѣ обратили въ ту сторону вниманіе: туда поскакалъ вице-король, гнѣвно пришпорилъ свою лошадь императоръ. Оказалось, что съ разрѣшенія главнокомандующаго, нѣсколько казачьихъ полковъ, подъ начальствомъ Платова, съ 28 эскадронами корпуса Уварова перешли черезъ Калочу и произвели сумятицу въ тылу у французовъ. За два часа времени, пока все пришло въ порядокъ, мы успѣли усилить позицію центра: ее занялъ корпусъ Остермана; за нимъ стали преображенцы и семеновцы; сзади—кавалерія изъ общаго резерва. Опасный промежутокъ между Семеновскимъ и курганной батареей былъ въ-время прикрытъ.

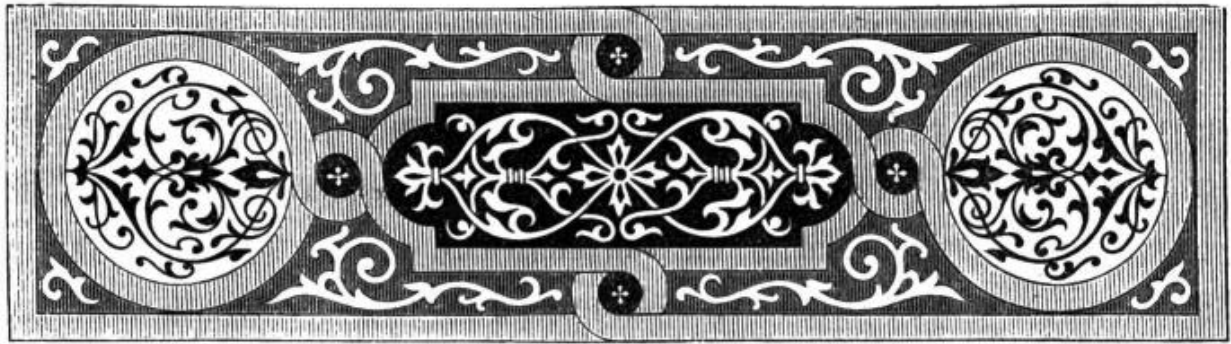
Къ 2 ч. французы возобновили атаку. Сближеніе резервовъ съ боевыми линіями, необходимое для успѣшнаго отраженія частыхъ атакъ непріятеля, повело къ тому, что ядра и гранаты съ батарей возлѣ Семеновскаго безжалостно разрывали наши густыя ряды; смерть уносила свои жертвы сотнями; генералы, одинъ за другимъ, выбывали изъ фронта. Въ это время изъ-за Семеновскаго оврага, слѣва, пошли кирасиры на Курганную батарею; 5-й полкъ, во главѣ котораго летѣлъ Коленкуръ, перенесся черезъ ровъ и брустверь. Огонь пѣхоты, расположенной сзади укрѣпленія, заставлялъ кирасиръ его очистить; Коленкуръ былъ убитъ. Теперь пошли полки Латуръ-Мобура: на правомъ флангѣ легкіе польскіе уланы, въ центрѣ конныя батареи, на лѣвой рукѣ кирасиры. Въ то время, когда саксонскіе кирасиры, имѣя во главѣ генерала Тиллемана, направились прямо на укрѣпленіе, остальные налетѣли на три нашихъ полка: Перновскій, Кексгольмскій и 33-й Егерскій. За 60 шаговъ пѣхота дала губительный залпъ, прямо въ лицо

латникамъ: тѣ отхлынули. Зато въ укрѣпленіи шла предсмертная борьба; кирасиры рубили пѣхоту, артиллеристовъ, очищали ненавистную имъ батарею отъ ея послѣднихъ защитниковъ. Въ углу, на походномъ стулѣ, сидѣлъ больной Лихачевъ, старый кавказскій генералъ, возвышавшій свой слабый голосъ среди кроваваго побоища. Видя, что все потеряно, старикъ бросился впередъ навстрѣчу смерти, но враги, почтившіе его сѣдины, опустили палаши. Пѣхота вице-короля была въ это время уже на высотѣ, гдѣ утвердилась окончательно; наши разстроенные полки отступили за Горицкій оврагъ. Еще нѣсколько пылкихъ атакъ, въ которыхъ попеременно принимали участіе почти всѣ наши полки, — и битва стала утихать. Лошади павшихъ всадниковъ носились цѣлыми табунами, топча копытами раненыхъ и мертвыхъ; ѣдкій запахъ дыма стоялъ въ горлѣ; закоптѣлыя лица бойцовъ, покрытыхъ слоемъ пыли, голодныхъ, изнуренныхъ долгимъ напряженіемъ, были страшны; въ воздухѣ висѣла мгла, въ которой сверкали красно-багровымъ свѣтомъ залпы семисотъ орудій...

Армія Барклая ушла за оврагъ, къ д. Горки; лѣвое крыло, отойдя на пушечный выстрѣлъ отъ Семеновскаго, примкнуло къ лѣсу. Такое положеніе нашихъ войскъ, потерявшихъ почти двѣ трети первоначальнаго состава, не представляло уже никакихъ выгодъ для дальнѣйшей обороны. Еще солнце стояло высоко, когда маршалы просили Наполеона ввести въ дѣло свою гвардію. «Я не дамъ гвардію, приказалъ онъ передать; за 3 тыс. верстъ отъ Франціи надо беречь резервы». И вслѣдъ затѣмъ выѣхалъ самъ на Семеновскія высоты, откуда ему видны были въ глубинѣ поля русскіе, прикрывавшіе опушку окрестныхъ лѣсовъ. «Они, вѣрно, еще хотятъ артиллеріи?» спросилъ Наполеонъ, пораженный этой неслыханной стойкостью, «такъ дайте имъ!» — Выдвинулись всѣ резервы, небывшіе въ дѣлѣ, и адская канонада еще на нѣсколько часовъ потрясала всю окрестность, пока не наступила ночь.

Такъ кончился этотъ ужасный день. Обѣ стороны считали себя побѣдителемъ — и были правы, потому что сдѣлали все, что могли.

НАШИ ПАРТИЗАНЫ.

усарскій полковникъ Давыдовъ первый придумалъ вести партизанскую войну. Это значитъ: дѣйствовать малыми отдѣльными отрядами, нападать на непріятеля, когда случится, больше врасплохъ, и нападать живо, налетомъ; напавши же — бить, отхватывать отсталыхъ, ловить мародеровъ, отрѣзывать транспорты; при неудачѣ — скрываться, но такъ скрываться, чтобы непріятель не могъ найти и слѣдовъ. Бутузовъ согласился послать на первый разъ только 50 гусаръ и 150 казаковъ, и то по просьбѣ Багратиона: онъ былъ человекъ опасливый, на смѣлыя предпріятія рѣшался туго. Давыдовъ же остался очень доволенъ; послѣ бородинской битвы онъ свернулъ съ большой дороги и направился въ Калужскую губернію. Изъ Медыня онъ вышелъ на Скугарево, и тутъ у него былъ первый притонъ. Отсюда вплоть до Медыня тянулся въ ту пору лѣсъ, а самое село расположено на высотѣ, открытой со всѣхъ сторонъ верстъ на 8. Непріятельская армія тянулась къ столицѣ. По обѣ стороны большой дороги, верстъ на 30 или на 40, двигалось не-

счетное число обозовъ, парковъ съ прикрытіемъ и грабительскихъ шаекъ, или мародеровъ. Богатая хлѣбородная страна вмигъ опустѣла. Пожары, грабежи, убійства шли по слѣдамъ французовъ. Русскіе люди стали сами себя оберегать, сдѣлались осторожны, бдительны, хотя въ то же время очень подозрительны. Куда ни придетъ Давыдовъ—ворота заперты; при нихъ стоятъ старъ и младъ съ вилами, кольями, топорами, а иные даже съ ружьями. Подъѣдутъ казаки, начнутъ говорить, а имъ въ отвѣтъ летитъ топоръ или картечь изъ ружья. Давыдовъ же не хотѣлъ обходить ни одного попутнаго селенія: распуская слухъ, что за нимъ идетъ войско, онъ требовалъ, чтобы жители защищались пока сами и, кромѣ того, давали бы вѣсти, что дѣлается у французовъ. Какъ только крестьяне поймутъ, что передъ воротами стоятъ свои, сейчасъ ворота настезь, и ужъ тутъ начиналось угощенье: хлѣбъ, пиво, пироги, калачи—что у кого было въ печи. Когда Давыдовъ спрашивалъ, отчего ихъ принимаютъ за французовъ, ему вездѣ давали одинъ отвѣтъ: «Ваша одежда на ихнюю похожа». — «Но развѣ я вамъ не русскимъ языкомъ говорю?» — «Да, вѣдь, у нихъ всякаго сброда людей». — Тогда Давыдовъ надѣлъ чекмень и отстилъ себѣ бороду.

Какъ только французы узнали, что въ тылу у нихъ появился нашъ отрядъ, стали его повсюду искать. Но Давыдовъ былъ не промахъ. Его партизаны проводили цѣлый день на высотѣ села Скугарева; подъ вечеръ раскладывали недалеко отъ села огни, переходили дальше, опять раскладывали огни, а на ночь—въ лѣсъ, безъ огня. Если случалось встрѣтить прохожаго, то брали подъ арестъ, пока не выступали въ походъ; если прохожій сбѣжитъ, сейчасъ же перемѣняли стоянку. Какъ только получалась вѣсточка, что виденъ непріятельскій обозъ, отрядъ подымался часа за два до разсвѣта, срывалъ на транспортѣ, что было по силѣ, и окружными путями возвращался въ тотъ же спасительный лѣсъ.—Такъ они сражались и кочевали съ 29 августа до Рождества Богородицы.

2-го сентября Давыдовъ напалъ на шайку мародеровъ въ с. Токарево и захватилъ 90 чел. въ плѣнъ. Они прикрывали обозъ съ

награбленнымъ добромъ. Только-что крестьяне и казаки стали дѣлить между собою имущество, какъ пикеты дали знать, что на Токарево идетъ другая шайка. Непріятель шелъ прямо, безъ малѣйшей осторожности. Партизаны сѣли на коней и скрылись за избами, а за нѣсколько сажень отъ селенія кинулись на шайку съ гикомъ и стрѣльбой. Обозъ захваченъ; еще сотня французовъ очутилась въ плѣну. Давыдовъ созвалъ токаревскихъ крестьянъ, роздалъ имъ ружья и патроны, съ такимъ наставленіемъ: «Если къ вамъ будутъ находить враги, то примите ихъ дружелюбно, съ поклонами, угостите, какъ слѣдуетъ и уложите ихъ пьяными спать. Какъ только они заснутъ, бросайтесь, и ужь тутъ не давайте имъ пощады. Мертвыя тѣла не кидайте зря, а заройте гдѣ мѣсто поукромнѣе—въ хлѣву, въ лѣсу, чтобы не было примѣтно свѣжаго слѣду. А ты, староста, держи всегда на-готовѣ 3 или 4 парня, и какъ только завидятъ они француза, чтобъ сейчасъ скакали меня искать: я приду къ вамъ на помощь».—Такія наставленія давалъ Давыдовъ всѣмъ деревнямъ, только не на бумагѣ, а на словахъ: боялся, чтобы его тактику не провѣдали французы.

Однажды онъ пробирался на смоленскую дорогу и въ 6 верстахъ отъ Царева-Займища повстрѣчалъ непріятельскій разъѣздъ. Наши шли ложиной, вдоль опушки лѣса, скрытно; но такъ какъ нужно было добыть языка и узнать, что дѣлается въ Царевѣ, то Давыдовъ отрядилъ урядника и 10 доброконныхъ казаковъ на перехватъ, вдоль по ложинѣ, а другихъ 10 послалъ прямо на разъѣздъ. Этотъ сдѣлся безъ боя. Отъ унтеръ-офицера узнали, что въ селѣ имѣеть дневку транспортъ съ снарядами и конное прикрытіе. въ 250 человекъ. Давыдовъ свернулъ съ дороги и пошелъ на Царево; версты за три отъ села они встрѣтились съ фуражирами, человекъ около 40. Французы, завидя нашихъ, круто повернули и ускакали назадъ. Давыдовъ взялъ 20 гусаръ, 70 казаковъ и полетѣлъ въ погоню; съ французами вмѣстѣ онъ въѣхалъ и въ Царево. У страха глаза велики, а дѣло было вечеромъ; все разсыпалось передъ отрядомъ: кого захватили въ плѣнъ, кого пришибли на мѣстѣ да вывезли съ собой въ Скугарево 10 провіантскихъ фуръ и одну фуру

съ патронами. Давыдовъ далъ своей партіи отдохнуть, такъ какъ она была въ движеніи 30 часовъ, а отдыхали у него такимъ образомъ: партія раздѣлена на 2 части, по 48 человѣкъ, и въ каждой партіи только 2 лошади разсѣдланы, остальные же стоятъ готовыя; пройдетъ часъ—разсѣдлываютъ другую пару, такъ что въ сутки очередь доходила одинъ разъ до каждой лошади. На пикетахъ стояли 4 казака, кромѣ того 20 въ резервъ,—эти всегда на-готовѣ. Еще нѣсколько дѣлъ, и подвиги Давыдова стали извѣстны. Главнокомандующій теперь убѣдился, какой великій вредъ можетъ нанести непріятелю малая война, особенно послѣ занятія французами Москвы. Имъ нужно было кормиться, посылать въ разныя стороны фуражировъ, а тѣ, не зная дорогъ, путались и сами натыкались на казацкую пику. Да и вообще, французскія войска были не способны къ малой войнѣ: они привыкли къ большимъ битвамъ, въ которыхъ войска дѣйствуютъ правильнымъ строемъ, гдѣ непріятель на-лицо, тогда какъ здѣсь нужна особая сноровка. Въ это же время отъ самой границы тянулись вплоть до Москвы ихъ парки, обозы, безпрестанно скакали курьеры: это была богатая добыча партизанамъ. Главнокомандующій выбралъ нѣсколько отважныхъ офицеровъ, далъ имъ небольшіе летучіе отряды и поручилъ дѣйствовать на всѣхъ путяхъ, ведущихъ къ Москвѣ. Въ то время, когда Давыдовъ леталъ между Можайскомъ и Вязьмой, князь Вадбольскій, съ маріупольскими гусарами и нѣсколькими казачьими сѣтнями, основался возлѣ Можайска; поручикъ фонъ-Визинъ съ казаками—на боровской дорогѣ; капитанъ Сеславинъ—поближе къ Москвѣ, на той же дорогѣ. Артиллерійскій капитанъ Фигнеръ, съ болѣе значительнымъ отрядомъ—гусаръ, уланъ, драгунъ и казаковъ—истреблялъ непріятеля подъ стѣнами столицы; князь Кудашевъ дѣйствовалъ по серпуховской дорогѣ. Такимъ образомъ, наши летучіе отряды занимали къ югу отъ Москвы все разстояніе между Вязьмой и Бронницами. Такіе же отряды рыскали и съ сѣверной стороны—отъ Клина, Русы, Дмитрова, Ярославля. Можно сказать, что армія Наполеона была окружена со всѣхъ сторонъ партизанскими отрядами. Они соблюдали особыя правила: передвигались

больше по ночамъ, проселками, либо даже тропинками, безъ всякаго шума; переходы дѣлали быстрые; отдыхали или въ лѣсахъ, или въ оврагахъ, не выставляя передовыхъ постовъ. Никто кромѣ начальника не зналъ, куда идетъ отрядъ и зачѣмъ. Получивши свѣдѣніе, что непріятель близко, начальникъ отряда выѣзжалъ на рекогносцировку, старался высмотрѣть окрестную мѣстность, силу противника и потомъ или дѣлалъ нападеніе, или давалъ знать ближайшимъ отрядамъ; иногда же посылалъ донесеніе въ главную квартиру, — все это смотря по силѣ противника. Посылки дѣлались черезъ офицеровъ и крестьянъ. Крестьяне часто приходили къ партизанамъ, водили ихъ по лѣсамъ и трущобамъ, находились въ розыскахъ, водили сдавать плѣнныхъ, вооружались при помощи партизанъ и дѣйствовали съ ними сообща. Налеты партизаны дѣлали быстро, неожиданно и съ разныхъ сторонъ. Тутъ ужъ пощады не давали. Особенно страшно было попасться Фигнеру.

Главнокомандующій приказалъ усилить отрядъ Давыдова: ему дали еще 2 казачьихъ полка, 1-й Бугскій и Тентярскій. Ставши теперь смѣлѣе, онъ сдѣлалъ 12-го числа поискъ къ Вязьмѣ, и на разсвѣтѣ, въ виду города, атаковалъ непріятеля, который прикрывалъ транспортъ провіанта и артиллерійскихъ снарядовъ. Случилось то, чего не ожидалъ и самъ Давыдовъ: 270 солдатъ и 6 офицеровъ положили оружіе, 100 чел. легло на мѣстѣ; досталось въ добычу 20 подводъ съ провіантомъ и 12 артиллерійскихъ повозокъ съ снарядами. Сейчасъ же двѣ фуры съ патронами и 340 ружей пошли на руки калужскимъ ополченцамъ. Дня черезъ два, утромъ, казачьи пикеты замѣтили, что отъ села Тарбѣева подвигается множество фуръ, покрытыхъ бѣлымъ холстомъ. Давыдовъ проскакалъ впередъ, и ему показалось, точно цѣлый флотъ идетъ на парусахъ. Гусары и казаки помчались на-перерѣзъ. Передніе ударили на прикрытіе; французы, выпаливъ изъ пистолетовъ, обратились въ бѣгство, но бугцы успѣли ихъ охватить. Кромѣ прикрытія партизаны взяли 20 фуръ съ овсомъ и хлѣбомъ. Французскій губернаторъ, назначенный Наполеономъ, жилъ тогда въ Вязьмѣ, такъ что всѣ описанныя дѣла происходили у него подъ

носомъ. Онъ рѣшился дѣйствовать: разослалъ вездѣ циркуляры, съ описаніемъ примѣтъ Давыдова и строгимъ приказаніемъ поймать его и разстрѣлять. Затѣмъ, собравши изъ разныхъ командъ сильный отрядъ, до двухъ тысячъ, поручилъ одному изъ своихъ старшихъ офицеровъ непременно разбить партію Давыдова, а его самого доставить живымъ или мертвымъ. — Давыдовъ обо всѣхъ этихъ распоряженіяхъ отлично зналъ и во-время получилъ свѣдѣніе о движеніи непріятеля. Первымъ его дѣломъ было, что называется, запутать свой слѣдъ, и онъ сдѣлалъ это такъ ловко, что его не сыскали бы гончія. Когда же французы были сбиты съ толку окончательно, Давыдовъ, безъ особаго труда, разбилъ ихъ въ два приема подъ той же Вязьмой. Тутъ много помогъ Давыдову высланный въ его распоряженіе еще одинъ донской полкъ, Попова 13-го, состоявшій изъ пяти сотенъ добробонныхъ казаковъ. Прежде чѣмъ пустить его въ дѣло, Давыдовъ обучалъ казаковъ по-своему, а именно: по первому сигналу вся партія должна разсыпаться; по второму каждый казакъ скачетъ на утекъ, версть 8—10, иногда даже 20, и потомъ уже поворачиваетъ на сборный пунктъ, который ему заранѣе извѣстенъ.

Были и неудачи; Давыдовъ самъ о нихъ рассказываетъ въ своихъ запискахъ. Когда Наполеонъ уже двигался обратно по той же самой дорогѣ, по которой пришелъ въ Россію, наши партизаны шли рядомъ съ непріятелемъ и, слѣдя за каждымъ его шагомъ, доносили все, что видѣли, не пропуская случая самимъ выскочить на большую дорогу. Въ началѣ ноября Наполеонъ, оставивши Смоленскъ, двигался къ Красному. На разсвѣтѣ разѣзды дали знать, что непріятельскія колонны тянутся между Никулинымъ и Стѣсною. Партизаны полетѣли на большую дорогу и покрыли ордой разстояніе на нѣсколько верствъ. Непріятельская колонна пріостановилась, чтобы подтянуть свой хвостъ; графъ Орловъ-Денисовъ, главный начальникъ всѣхъ партизанскихъ отрядовъ, приказалъ сдѣлать ударъ. Партизаны затоптали всѣхъ отсталыхъ, взяли въ плѣнъ двухъ генераловъ, отбили 4 орудія и множество повозокъ. Но вотъ подошла старая гвардія, посреди которой на-

ходилъ самъ ^и Наполеонъ. Солнце стояло на полдень; въ воздухѣ тишина и только гулко отдавалась мѣрная поступь тяжелой пѣхоты. Французы, замѣтивши присутствіе партизановъ, взяли ружье подъ курокъ и гордо продолжали свой путь, не прибавляя шагу. Какъ ни старались наши оторвать хоть одного солдата — нѣтъ, это не люди, а гранитныя стѣны, твердыя, несокрушимыя. Въ высокихъ медвѣжьихъ шапкахъ, въ синихъ сюртукахъ, перекрещенныхъ на груди бѣлыми ремнями, и красныхъ султанахъ съ эполетами, они красовались какъ макъ среди снѣжнаго поля: поступь свободная, осанка грозная, и смерть ихъ не брала. Казаки славныхъ партизановъ Давыдова, Сеславина, Фигнера — всѣ тутъ спасовали. Будь регулярная кавалерія да нѣсколько ротъ конной артиллеріи, французы такъ бы не прошли. Часть казаковъ разсыпалась по дорогѣ ломать мостки, портить гати; другіе кружились возлѣ; графъ Орловъ-Денисовъ, окруженный ординарцами и ахтырскими гусарами Давыдова, гарцовалъ на своемъ рыжемъ конѣ передъ самымъ фронтомъ колонны. Полковники, офицеры, урядники и простые казаки бросались впередъ, съ намѣреніемъ хоть ущипнуть француза, — напрасно: колонны валили одна за другою, и гвардія Наполеона проходила среди казачьей толпы, какъ стопушечный корабль проходитъ среди рыбацкихъ лодокъ — гордо и спокойно.

Артиллерійскій капитанъ Фигнеръ съ самаго начала войны съ Наполеономъ готовился къ смерти. Онъ ежедневно посѣщалъ церкви, крѣпко молился и плакалъ. Наполеона, какъ главнаго виновника войны, возненавидѣлъ. Когда французы заняли Москву, Фигнеръ отпросился у главнокомандующаго и пошелъ пѣшкомъ въ столицу. Днемъ бродилъ по городу, одѣтый то во фракъ, то въ сермягу, пробирался въ дома, занятые французами, высматривалъ, что было ему нужно, а по ночамъ нападалъ съ крестьянами и побивалъ ихъ безъ жалости. Говорятъ, онъ хотѣлъ убить Наполеона. Вернувшись въ армію и получивши партизанскій отрядъ, Фигнеръ дѣйствовалъ съ нимъ кругомъ Москвы. Онъ истреблялъ продовольствіе, нападалъ на фуражировъ, взрывалъ зарядные ящики, отби-

валъ орудія, и при всемъ томъ давалъ главнокомандующему самыя вѣрныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ, какъ въ Москвѣ, такъ и подъ Москвой. Всякое движеніе непріятеля было ему извѣстно. Партизаны переносили голодъ и холодъ; двигались по ночамъ какъ волки, въ лѣсахъ, не зная иного пріюта. Самъ Фигнеръ не разъ переодѣвался во французскій мундиръ и переговаривался съ непріятелемъ. Тутъ онъ узнавалъ такія секретныя распоряженія, о которыхъ нельзя было узнать черезъ шпионовъ. Однажды Фигнеръ, переодѣтый кирасиромъ, въ бѣлой шинели, поставилъ скрытно свой отрядъ въ лѣсу, а самъ выѣхалъ на просѣку и остановился въ тѣни на опушкѣ лѣса. Скоро раздался конскій топотъ, и показались французскіе кирасиры въ колоннѣ по-шести. Фигнеръ самъ ихъ окликнулъ по-французски: кто идетъ? Тогда фланговый офицеръ подѣхалъ къ нашему партизану: они поговорили и разѣхались, какъ ни въ чемъ не бывало. Сейчасъ же отрядъ прошелъ глухими и топкими тропинками довольно большое разстояніе и остановился вторично; коней разсѣдлали; Фигнеръ съ двумя уланскими офицерами поѣхалъ дальше. Одинъ изъ этихъ уланъ немного зналъ по-французски, и Фигнеръ приказалъ ему отвѣчать и за себя, и за товарища, если встрѣтятся французы. Дѣйствительно, какъ только выѣхали изъ лѣса, всѣ трое увидѣли кругомъ села большой французскій лагерь. — «Поѣдемъ къ нимъ», — сказалъ Фигнеръ и пустилъ коня рысью. Офицеры не отставали. Часовой даже не остановилъ ихъ: ему и въ голову не могло придти, чтобы это были русскіе. Подѣхали къ тѣмъ же кирасирамъ. Фигнеръ пожелалъ имъ добраго утра и началъ разговоръ; а нашихъ уланъ окружила другая кучка, засыпая ихъ вопросами. Жутко приходилось этимъ бѣднымъ уланамъ. Наконецъ Фигнеръ распрощался, повернулъ лошадь назадъ и уже порядочно отѣхалъ, какъ вдругъ опять возвратился къ знакомымъ кирасирамъ, спросилъ еще что-то и вторично повернулъ въ лѣсъ къ своему отряду. — Въ другой разъ онъ взялъ съ собой гусарскаго поручика Орлова, и оба, въ французскихъ мундирахъ, отправились въ село Вороново, гдѣ стоялъ авангардъ Великой арміи. Тутъ же была и главная квар-

тира Мюрата. Черезъ цѣпь ведетовъ* имъ удалось пробраться незамѣтно, но на мосту, передъ самыми биваками, ихъ окликнулъ часовой и потребовалъ отзыва. Фигнеръ, вмѣсто отзыва, — онъ его, конечно, не зналъ, — сталъ ругать часоваго, за то, что тотъ не знаетъ службы, не умѣетъ спрашивать; часовой испугался, а Фигнеръ съ Орловымъ проѣхали спокойно на биваки. Тутъ онъ подѣзжалъ ко многимъ офицерамъ, разговаривалъ съ ними и, выпытавъ, что ему надо было, вернулся назадъ. На мосту Фигнеръ еще разъ далъ наставленіе часовому, какъ слѣдуетъ спрашивать, и, отѣхавши съ полъ-версты шагомъ, оба партизана проскакали черезъ цѣпь въ карьеръ.

Партизанскія дѣйствія наносили непріятелю большой вредъ. Трудно навѣрное сказать, сколько потерялъ Наполеонъ своихъ солдатъ за время стоянки въ Москвѣ, но Кутузовъ доносилъ Государю, что за 10 дней было захвачено болѣе пяти тысячъ. А сколько осталось убитыхъ, раненыхъ? — Можетъ быть, не менѣе того. Особенно тяжело доставался французамъ фуражъ для лошадей. Ихъ отряды, посылаемые за сѣномъ, истреблялись или партизанами, или крестьянами. Наполеонъ отдалъ приказъ, чтобы за фуражемъ посылались сильные отряды, съ артиллеріею, но отъ этого ослаблялись его главные силы. Вмѣсто отдыха, который сулили войскамъ, ихъ служба становилась горше, чѣмъ была въ походѣ. Часть французской арміи, которая занимала Москву, въ особенности гвардія, успѣла отдохнуть; она запаслась теплою одеждою, ѣла солонину, сухари; была и водка. Тѣ же войска, которымъ пришлось стоять не въ самой Москвѣ, бѣдствовали страшно. Солдаты французскаго авангарда несли тяжелую аванпостную службу, дѣлали далекія фуражировки, ѣли крупу и конину. Если попадалась изрѣдка рожь либо пшеница, то они толкли зерно на камняхъ и варили изъ него похлебку; соли почти не было: вмѣсто соли клали порохъ, а вмѣсто масла — сальные свѣчи. Дровъ тоже не было, и въ сырыя холодныя ночи солдаты дрогли отъ стужи, заболѣвали и уходили изъ строя. Лошади перебивались соломой, которую тащили съ крышъ, но и такую не всегда могли достать.

Летучіе партизанскіе отряды не только дѣйствовали сами, но и поднимали на борьбу съ врагомъ мирныхъ поселянъ. Они раздавали имъ оружіе, научали, какъ дѣйствовать, помогали и выручали ихъ въ бѣдѣ. Крестьяне сражались не хуже настоящихъ воиновъ и не мало истребили враговъ. Первою поднялась Смоленская губернія. Тутъ крестьяне перехватывали фуражировъ, шпионовъ, мародеровъ, которые бродили въ тылу Наполеоновской арміи; мѣщанинъ Манчинковъ захватилъ курьера съ важными бумагами и получилъ за это крестъ. По разореніи Смоленской губерніи, крестьяне стали собираться въ отряды и дѣйствовать общими силами. Такіе отряды причиняли непріятелю столько же вреда, сколько и партизанскіе налеты. Въ особенности прославилась дружина маіора Емельянова, воина временъ Суворовскихъ. Въ его дружинѣ были и дворяне, и крестьяне. Сражались они сначала пиками и косами, но потомъ у нихъ явилось огнестрѣльное оружіе, добытое у непріятеля же. Емельяновъ устроилъ особые маяки, съ которыхъ подавались сигналы; колокольный звонъ давалъ знать—уходить ли изъ домовъ, собираться ли въ бой, или быть на сторожѣ. Въ стычкахъ Емельяновъ всегда бился впереди и въ одной жаркой перестрѣлкѣ былъ пораженъ на смерть пулей. Между сычевскими поселянами былъ еще извѣстенъ бурмистръ сельца Левшина, что на вяземской дорогѣ. Однажды непріятельская партія вошла въ это сельцо и заняла избу. Бурмистръ послалъ сзывать народъ, а самъ приперъ въ избѣ двери. Испуганные французы стали стрѣлять сквозь двери и ранили на смерть отважнаго бурмистра. Сбѣжались крестьяне и заставили французовъ сдаться. Чувствуя, что приходитъ смерть, левшинскій бурмистръ просилъ земляковъ пощадить плѣнныхъ французовъ, не мстить за него, и самъ умеръ. Въ Гжатскомъ уѣздѣ прославился своими подвигами партизанъ Самусь. Онъ служилъ въ Елисаветградскомъ гусарскомъ полку, былъ раненъ въ дѣлѣ подъ Смоленскомъ и оставленъ на полѣ битвы. Кое-какъ добрался онъ до сосѣдней деревни, излечился и поднялъ сосѣдній народъ. Въ отрядѣ Самуся считалось до 2 тыс. конныхъ и пѣшихъ ратниковъ, и, что всего удивительнѣе, у нихъ была пушка, отбитая у францу-

зовъ же. Самусь, истребивъ со своимъ отрядомъ болѣе трехъ тысячъ непріятелей, сдѣлался извѣстенъ графу Милорадовичу, который произвелъ его въ унтеръ-офицеры и хлопоталъ о немъ дальше. Сражались за родину дворяне, мѣщане, крестьяне и отставные солдаты—всѣ званія, всѣ сословія, всякій по своему достатку и силамъ. Въ числѣ смолянъ, поднявшихся на брань, были одними изъ первыхъ помѣщики Энгельгардтъ и Шубинъ. Отставной подполковникъ Энгельгардтъ, проживая въ своей порѣченской деревенькѣ, помогалъ казакамъ истреблять бродячія шайки французовъ, а Шубинъ напалъ съ казанскими драгунами на непріятельскихъ мародеровъ, при чемъ захватилъ 20 чел. въ плѣнъ. Двоимъ мародерамъ удалось уйти въ Смоленскъ, и здѣсь они донесли своему начальнику о всемъ случившемся. На Энгельгардта также сдѣланъ былъ доносъ. Его привезли въ Смоленскъ, посадили въ тюрьму и приговорили къ смертной казни. Передъ исполненіемъ приговора французы стали его прельщать полковничьимъ чиномъ и уговаривать, чтобы онъ перешелъ къ нимъ на службу. Энгельгардтъ сорвалъ съ себя платокъ, которымъ завязали ему глаза, и сказалъ съ негодованіемъ: «Стрѣляйте въ меня поскорѣе!» Французы сначала ранили его въ ногу, но ни боль, ни льстивыя обѣщанія не поколебали твердости духа русскаго дворянина. Тогда французы дали по немъ залпъ: изъ 18 пуль 2 попали въ животъ, одна въ грудь. Энгельгардтъ еще дышалъ, и одинъ солдатъ пристрѣлилъ его въ високъ. Шубина тоже разстрѣляли, такъ какъ онъ, подобно Энгельгардту, наотрѣзъ отказался перейти къ французамъ.

Вслѣдъ за Смоленской губерніей поднялись Калужская, Московская, Владимірская и Тверская. Въ этихъ губерніяхъ подвиги сельскихъ партизановъ были труднѣе, потому что приходилось имѣть дѣло съ непріателемъ болѣе сильнымъ, лучше вооруженнымъ и смѣлымъ. А потому здѣсь крестьяне дѣйствовали сообща: давали присягу цѣлой деревней истреблять французовъ и крѣпко стоять другъ за друга. Малѣйшая угодливость французамъ считалась измѣною. Однажды крестьяне какой-то глухой деревеньки

встрѣтили французовъ хлѣбомъ-солью. Когда они явились вмѣстѣ съ прочими въ церковь и подходили къ кресту, священникъ укорялъ ихъ слѣдующими словами: «Зачѣмъ вы сюда пришли? Вы не наши. Вы предали православныхъ, приняли враговъ, какъ желанныхъ гостей»... Крестьяне устыдились своего малодушія. Вообще, они вели малую войну такъ же, какъ и настоящіе партизаны. За околицей, на высокихъ мѣстахъ, ставили стражу; чуть завидятъ непріятеля, да еще и въ малыхъ силахъ, крестьяне обходили его и старались накрыть такъ, чтобы никто не ушелъ; если же непріятель былъ силенъ, то стража давала знать въ ближайшее село. Въ случаѣ опасности били въ набатъ, по которому всѣ малыя команды спѣшили на сборное мѣсто. Каждая команда имѣла своего партіоннаго начальника. Въ свалкѣ крестьяне били враговъ съ ожесточеніемъ, но въ плѣнъ брали неохотно, потому что плѣнныхъ надо было беречь, потомъ сдавать, да и, кромѣ того, народъ былъ очень озлобленъ. Добычу, какая случалась, дѣлили всегда поровну, по-братски; но добыча мало ихъ привлекала: не жадность, а любовь къ родинѣ и месть къ врагу ополчили народные силы.

Наполеона страшно пугала эта война, и, правда, нѣтъ ничего страшнѣе народной войны. Не зная русскихъ людей, онъ писалъ и рассылалъ прельстительныя воззванія, въ которыхъ обѣщаль мирную и спокойную жизнь, зазывалъ крестьянъ на московскіе рынки, гдѣ у нихъ все будетъ покупаться по вольной цѣнѣ и за большія деньги. Однако русскіе люди остались вѣрны престолу и не пошли на измѣну. У нихъ были свои увѣщанія, отъ своихъ властей, призывавшихъ на борьбу до послѣдняго, и эти увѣщанія приходились имъ больше по душѣ: въ нихъ говорилось то же самое, что у каждого было на умѣ и на сердцѣ.

АСЛАНДУЗСКАЯ ПОБѢДА И ВЗЯТІЕ ЛЕНКОРАНИ.

Жакъ ни труденъ былъ для Россіи Двѣнадцатый годъ, но онъ былъ еще труднѣе для странъ закавказскихъ. Только недавно единовѣрная намъ Грузія признала «бѣлаго» Царя своимъ Государемъ, и Россія переступила Кавказскія горы для того, чтобы устроить эту несчастную страну, защитить ее отъ набѣговъ сосѣдей, отъ покушеній персіянъ.

Царство Грузинское, нѣкогда грозное, было теперь окружено мелкими владѣніями татарскихъ хановъ, по природѣ хищныхъ, жадныхъ и лукавыхъ, привыкшихъ жить грабежемъ на счетъ слабаго сосѣда, какъ тутъ сталъ среди нихъ врагъ новый, сильный, взявшій подъ свою защиту такую легкую для нихъ добычу, какъ царство Грузинское. Встрепенулись не только мусульмане, испугались французы, англичане. Ихъ послы явились въ Персію, доставили пушки, ружья, патроны, сукна на обмундированіе солдатъ; иностранные офицеры взялись за обученіе персидскаго войска, а персидскій шахъ, подсылая тайно лазутчиковъ, мучилъ мелкихъ татарскихъ владѣтелей и поднималъ ихъ противъ русскихъ. Нѣ-

которые изъ нихъ уже считались въ подданствѣ Россіи, другіе— только подъ ея покровительствомъ, а были и такіе, которые, лишившись своихъ владѣній, въ наказаніе за измѣну, скитались бездомовниками, напримѣръ: ханы бакинскій, дербентскій, кубинскій. Въ то время, когда миръ съ Персіей висѣлъ, какъ говорится, на волоскѣ, Россія, напрягая всѣ свои силы для борьбы съ Наполеономъ, ничѣмъ не могла помочь далекому краю—ни войскомъ, ни деньгами; и нашимъ ничтожнымъ силамъ, заброшеннымъ на Закавказье, пришлось вынести на своихъ плечахъ всю тяжесть неравной борьбы. Здѣсь одинъ-два батальона уже считались сильнымъ отрядомъ; продовольствіе для войска приходилось добывать силой: пересылку съ Россіей затрудняли горцы, а кругомъ народъ предательскій, на который никакъ нельзя было положиться: обѣщаютъ, даже клянутся—и обмануть. Таковы были тамъ дѣла въ тяжелую годину нашествія Наполеона.

Персіяне держались особаго способа войны. Они не выходили въ открытое поле, какъ нѣкогда встарину, а вели войну больше похожую на разбой: отбивали скотъ, увозили оплошныхъ жителей, переправляя ихъ поспѣшно за рѣку Араксъ, отбивали табуны лошадей и т. д. Къ счастью, въ ту пору на стражѣ Закавказья стоялъ молодой генераль Котляревскій, сынъ священника, родомъ изъ Харьковской губерніи, хотя настоящей его родиной слѣдуетъ считать Кавказъ, гдѣ онъ провелъ свою юность и получилъ первый офицерскій чинъ. Смѣлый въ бою, даже дерзкій, онъ не зналъ, чтó такое страхъ передъ непріателемъ: грозный и настойчивый по отношенію къ татарскимъ ханамъ, онъ держалъ ихъ въ рукахъ, внушая уваженіе и страхъ къ силѣ русскаго оружія; солдаты его боготворили и готовы были всюду за нимъ слѣдовать. Имя Котляревскаго стало страшно хищнымъ сосѣдямъ; передъ нимъ трепетали ханы, враждебные Россіи, уважали и были спокойны дружелюбные къ ней. Въ половинѣ августа 1812 года сынъ персидскаго шаха Абасъ-Мирза появился съ многочисленнымъ войскомъ на берегахъ р. Аракса. Онъ то переходилъ эту рѣку, то переправлялся обратно, какъ бы поддразнивая русскихъ, то начи-

наль мирные переговоры съ главнокомандующимъ, то прерываль ихъ своими, ни съ чѣмъ несообразными требованіями. Въ то же время отдѣльные отряды персіянъ расходились въ разныя стороны, грабили сосѣднія ханства и возмущали жителей противъ русской власти. Главнокомандующимъ Кавказскаго края былъ въ то время генераль Ртищевъ, человѣкъ миролюбивый; онъ надѣялся путемъ переговоровъ урезонить персіянъ. Котляревскій же, который стоялъ въ это время съ своимъ отрядомъ въ пограничномъ ханствѣ Карабагскомъ, нынѣшней Эриванской губерніи, думалъ совсѣмъ иначе: онъ говорилъ, что персіянъ нужно сначала побить, а потомъ ужъ толковать о мирѣ. Случилось такъ, что Ртищеву пришлось уѣхать въ Тифлисъ, гдѣ грузинскій царевичъ Александръ подвѣялъ мятежъ; Котляревскій остался лицомъ къ лицу съ нахальнымъ противникомъ. Абасъ-Мирза задумалъ съ главными силами идти къ Тифлису черезъ Талышинское ханство, на соединеніе съ царевичемъ Александромъ, а отдѣльными отрядами удерживать Котляревскаго въ Карабагѣ. Удайся этотъ дерзкій походъ, за нимъ послѣдовало бы возстаніе всѣхъ закавказскихъ народовъ и потеря Грузіи. Котляревскій рѣшился на отчаянное дѣло: предупредить нападеніе Абасъ-Мирзы и самому его атаковать, не смотря на то, что въ его распоряженіи находилось всего 3 батальона пѣхоты, 6 орудій и 500 казаковъ, тогда какъ Абасъ-Мирза располагалъ огромнымъ полчищемъ въ 30 тыс., въ томъ числѣ 14 тыс. сарбазовъ, т.-е. обученныхъ регулярному строю. Это войско было расположено лагеремъ, недалеко отъ укрѣпленія Асландузъ, по ту сторону Аракса.

18-го октября, въ лагерѣ на рѣчкѣ Агъ-Угланѣ, раздался барабанный бой, означавшій легкій походъ. Слѣдовало взять съ собой на 4 дня сухарей и по 40 патроновъ; шинели оставить. Когда отрядъ былъ готовъ, Котляревскій вошелъ въ середину и сказалъ солдатамъ: «Братцы! Намъ нужно идти за Араксъ и разбить персіянъ. Ихъ на одного десять, но храбрый изъ васъ стѣдитъ десяти, а чѣмъ болѣе враговъ, тѣмъ славнѣе побѣда. Идемъ же, братцы, и разобьемъ». — Отрядъ тронулся; впереди шелъ проводникъ Муратъ-

ханъ, который взялся указать дорогу и бродъ черезъ р. Араксъ. Котляревскій рассчитывалъ напасть на непріятеля ночью, но, чтобы обойти его караулы, надо было переправиться выше лагеря верстъ на 15, что составляло суточный переходъ почти въ 70 верстъ. На другой день на зарѣ войска начали переправу. Первое орудіе прошло благополучно; второе провалилось въ яму съ людьми и лошадьми. Людей-то вытащили, а орудіе оставили. Къ счастью, другихъ остановокъ не было. На противоположномъ берегу отрядъ собрался, построился въ каре и тронулся впередъ. Казаки и татарская конница рысили впереди, забирая въ тылъ непріятеля, т.-е. со стороны Персіи. На пути попадались персіяне, — ихъ брали безъ выстрѣла. Наконецъ, показался персидскій лагерь и часть войска, бывшаго на ученьи. Рассказываютъ, что Абасъ-Мирза, сидя у своей палатки съ англійскимъ офицеромъ за чашкой кофе, сказалъ: «Вотъ какой-то ханъ ѣдетъ ко мнѣ». Англичанинъ посмотрѣлъ въ трубу и отвѣчалъ: «Нѣтъ, это не ханъ, а Котляревскій». Тогда Абасъ-Мирза сердито замѣтилъ: «Пусть лѣзутъ поросята на ножъ». Въ лагерь, разумѣется, никакъ не ожидали столь смѣлаго нападенія. Русскіе уже были совсѣмъ близко, когда персидскіе солдаты бросились въ-разсыпную. Однако офицеры успѣли ихъ удержать и стали строить въ колонны. Нашъ отрядъ двигался въ трехъ каре, съ растянутыми передними фасадами, каждый въ 4 взвода; между взводами — орудія; на флангахъ перваго и третьяго каре — егеря, а между каре — конница. Котляревскій скоро замѣтилъ, что бывшій за лагеремъ курганъ занятъ лишь конницей; онъ занялъ этотъ курганъ и открылъ по лагерю огонь. Абасъ-Мирза поздно спохватился, что сдѣлалъ ошибку. Теперь онъ выступилъ со всѣми своими войсками, направляя ихъ въ обходъ, чтобы отрѣзать русскихъ отъ Аракса. Котляревскій оставилъ наверху по одному фасу и орудія, а съ прочими войсками спустился на-встрѣчу персіянъ. Грянуло громовое ура, началась штыковая работа, и такая страшная, что персіяне не долго выдержали и бросились спасаться за рѣчку Дарауртъ. 36 фальконетовъ, весь персидскій лагерь со многими сокровищами и снарядами, 400 тю-

ковъ англійскихъ патроновъ достались побѣдителямъ; артиллерія, благодаря быстротѣ своихъ коней, успѣла ускакать. Котляревскій, расположившись въ персидскомъ лагерѣ, обдумывалъ свои дальнѣйшія дѣйствія, какъ привели къ нему русскаго унтеръ-офицера, бывшаго въ плѣну у персіянъ. Онъ принесъ персидское знамя и вызывался провести скрытно нашъ отрядъ тою стороною, гдѣ не было у непріятели пушекъ. — «На пушки, братецъ! На пушки!» вскричалъ Котляревскій, вскочилъ съ того самаго стула, на которомъ часъ назадъ сидѣлъ Абасъ-Мирза.

Въ это же время персидскій принцъ, «подобный Александру Македонскому», какъ величали персіяне Абасъ-Мирзу, успѣлъ устроиться возлѣ укрѣпленія Асландуза, расположеннаго при впаденіи рѣчки Дараурта въ Араксъ *). Отсюда онъ сталъ высылать стрѣлковъ и артиллерію, чтобы беспокоить русскихъ. Ночью явились въ нашъ отрядъ перебѣжавшіе плѣнные и сказали, что изъ персидскаго лагеря разосланы гонцы собрать всѣ разсѣянные за Араксомъ отряды. Это извѣстіе ускорило рѣшимость Котляревскаго: въ ту же ночь войска выступили къ Асландузу и до разсвѣта переправились черезъ р. Дарауртъ. Котляревскій, выславъ казаковъ къ р. Араксу, пресѣчь дорогу бѣглецамъ, раздѣлилъ остальныя войска на три части, имѣя въ виду охватить непріятеля съ трехъ сторонъ: 7 ротъ грузинскихъ гренадеръ шли со стороны Персіи, егеря обходили съ лѣвой стороны, резервъ слѣдовалъ внизъ по теченію Дараурта. Въ глухую, темную ночь тихо подвигались русскіе отряды къ Асландузу: малѣйшій шопоть былъ строго запрещенъ. Персіяне, по своей безпечности, даже не разставили пикетовъ; они сидѣли возлѣ костровъ, и вдругъ, точно во снѣ, увидѣли надъ собой блеснувшіе штыки, суровыя лица мохнатыхъ гренадеръ. Раздались вопли ужаса и отчаянія; снова грянуло ура, и началось кровопролитіе: персіяне падали подъ ударами штыковъ; гренадеры, не взирая на мольбы, косили цѣлыя батальоны, какъ сухую траву. Самъ Котляревскій кричалъ: «Полно, полно, гренадеры! Довольно!»—его не слушали солдаты, озлоблен-

*) Смотри планъ сраженія при Асландузѣ.

ные хищными повадками азіятовъ. Вдругъ генераль слышитъ жалобный вопль: «Котляревскій! Спаси меня! Я Арасланъ-ханъ!» — Это былъ одинъ изъ храбрѣйшихъ воиновъ персидской арміи, командовавшій полкомъ конницы. Котляревскій бросился въ толпу и спасъ ему жизнь. Въ эту страшную ночь напалъ столбнякъ на самыхъ храбрыхъ. Кто-то закричалъ: «Въ Асландузъ, въ укрѣпленіе!» — и вся персидская армія бросилась туда, какъ стадо перепуганныхъ овецъ. Оно было обнесено палисадами и окружено двумя глубокими рвами. Однако Котляревскій по слѣдамъ враговъ ворвался въ укрѣпленіе и мигомъ его взялъ. Самъ Абасъ-Мирза едва ускакалъ по направленію къ Тавризу, съ конвоемъ изъ 20 человекъ. Въ дѣлѣ подъ Асландузомъ наши взяли 11 пушекъ, 5 знаменъ и 600 плѣнныхъ; раненыхъ и убитыхъ подобрано 9 тысячъ. Непріятельскія пушки оказались англійскаго издѣлія и имѣли такую надпись: «Отъ короля надъ королями — шаху надъ шахами, въ даръ», что означало подарокъ короля Англій. Наши потеряли всего 127 чел. Съ поля битвы генераль отправилъ въ Тифлисъ донесеніе, которое начиналось слѣдующими словами: «Богъ, ура и штыки даровали и здѣсь побѣду войскамъ всемилостивѣйшаго Государя». Въ два дня укрѣпленіе Асландузъ было разрушено, и Котляревскій возвратился за Араксъ.

Главнокомандующій, получивши подробное донесеніе о побѣдѣ при Асландузѣ, донесъ Государю, испрашивая Высочайшей милости на награжденіе Котляревскаго слѣдующимъ чиномъ и Георгіевскимъ крестомъ 3-го класса. Государь немедленно подписалъ его производство въ генераль-лейтенанты и повелѣлъ изготovitъ патентъ на Георгіевскій крестъ; главнокомандующій получилъ Александровскую ленту. Добрый Ртищевъ никогда не могъ забыть, кому онъ былъ обязанъ этой наградой.

Хотя Асландузская побѣда и дала хорошій урокъ персіянамъ, но Котляревскій не считалъ войну оконченной. Персіяне оставались еще въ Талышинскомъ ханствѣ, составляющемъ нынѣ часть Шемахинской губ., гдѣ они утвердились во время переговоровъ и гдѣ, при помощи англичанъ, сильно укрѣпили Ленкорань. Война

могла окончиться только взятіемъ Ленкорани: такъ понималъ Котляревскій и сталъ готовиться къ новому походу. Пока подошли къ нему подкрѣпленія, наступилъ декабрь. 17-го числа отрядъ, силою въ полторы тысячи пѣхоты, 470 казаковъ, при 6 орудіяхъ, выступилъ изъ лагеря. За рѣкою Араксомъ тянется версть на 80 Мунганская степь. Солдаты то вязли по грудь въ болотахъ, то попадали въ снѣжные сугробы. Вѣтеръ, гуляя на просторѣ, крутилъ снѣжные вихри, заметавшіе человѣческой слѣдъ; шли наощупь, полагаясь больше на Бога, чѣмъ на проводниковъ. За 4 дня до праздниковъ отрядъ вступилъ уже въ границы ханства. Персидская конница, завидя приближеніе русскихъ, разбѣжалась, и отрядъ подошелъ къ крѣпостцѣ Аркеванъ. Персидскій гарнизонъ бросилъ укрѣпленіе. Нашимъ достались всѣ орудія, снаряды, порохъ и патроны.

Занявши крѣпость небольшимъ гарнизономъ, Котляревскій двинулся дальше, присоединивъ къ себѣ по пути небольшой отрядъ моряковъ, подъ начальствомъ Веселаго, и на 2-й день праздника сталъ подъ Ленкоранью. Грозно поднимались ея высокіе валы; еще выше стояли каменные стѣны, между зубцами которыхъ выглядывали жерла орудій; кругомъ крѣпости на далекое разстояніе разстилалась болотистая, безлюдная, печальная равнина; 4 тыс. отборныхъ воиновъ подъ начальствомъ сардаря Садыкъ-хана засѣли за стѣнами Ленкорани. Котляревскій приказалъ сейчасъ же устроить батареи и открыть канонаду, а на другой день утромъ послалъ сардарю письмо: «Какой вы ни на есть отличный полководецъ, а все же не лучше Абасъ-Мирзы, и войска у васъ не больше, чѣмъ у него. У меня же тѣ самые солдаты, которые разбили Абасъ-Мирзу. Чтобы не проливать даромъ крови, лучше сдайте крѣпость; черезъ три часа ожидаю отвѣта». На это письмо сардаръ отвѣчалъ: «Напрасно вы, генераль, думаете, что несчастіе, которое случилось съ моимъ государемъ, должно служить мнѣ примѣромъ. Одинъ Богъ располагаетъ судьбою и знаетъ, кому пошлетъ Свою помощь!» — Началась пальба изъ всѣхъ пушекъ и одной мортиры, свезенной съ русскаго корабля, стоявшаго на взморѣ.

Однако ядра увязали въ землѣ, не причиняя веркамъ никакого вреда. Котляревскій попробовалъ еще одно средство: онъ отправилъ всѣмъ защитникамъ увѣщаніе, въ которомъ писалъ, что «русскій солдатъ, не имѣя ни жены, ни дѣтей, ни богатства, вступилъ на службу Государя лишь съ одною чистою душою и съ намѣреніемъ положить свою жизнь ради побѣды. А у васъ, у всякаго есть жена, дѣти, родственники и всякое имѣніе. И теряете вы больше, чѣмъ мы. Пощадите же себя, вашихъ женъ и дѣтей, ваше имущество. Я и мои войска не отступимъ отъ крѣпости, не покоривъ ея оружіемъ». — Отвѣта не было. Тогда Котляревскому оставалось выбирать между побѣдой и смертью: «ибо отступить отъ крѣпости, по его мнѣнію, значило бы посрамить честь русскаго оружія». — Онъ написалъ слѣдующій приказъ: «Рѣшаюсь приступить къ этому послѣднему средству и даю знать о томъ войскамъ. Считаю нужнымъ предварить всѣхъ солдатъ и офицеровъ, что отступленія не будетъ. Намъ должно или взять крѣпость, или всѣмъ умереть,—за тѣмъ мы сюда присланы. Докажемъ, храбрые солдаты, непріятелю, что русскому штыку ничто противиться не можетъ. Не такія крѣпости брали русскіе и не у такихъ непріятелей, какъ персіяне: сіи противъ тѣхъ ничего не значатъ. Предписывается всѣмъ первое: послушаніе; второе: помнить, что чѣмъ скорѣе идешь на штурмъ и чѣмъ шибче лѣзешь на лѣстницы, тѣмъ меньше терпишь урону. Опытные солдаты сіе знаютъ, а неопытные повѣрятъ; третье: не бросаться на добычу подь страхомъ смертной казни, пока совершенно не окончится штурмъ, ибо прежде конца дѣла, на добычѣ напрасно солдата убиваютъ»... Въ особой диспозиціи было сказано: «Барабанщикамъ тревоги не бить, пока люди не будутъ на стѣнахъ; когда всѣ батареи и стѣны будутъ заняты, то въ середину крѣпости безъ приказанія не ходить, а бить непріятеля картечью изъ пушекъ и ружей. Не слушать отбоя,—его не будетъ, пока непріятель совершенно истребитъ; если и ударятъ отбой, прежде чѣмъ будутъ заняты всѣ стѣны и батареи, то считать оный за обманъ, такой же, какой непріятель сдѣлалъ въ Асландузѣ». — Для предстоящаго

штурма отрядъ былъ раздѣленъ на три штурмовыя колонны: въ первой, подъ начальствомъ полковника Ушакова, шесть ротъ Грузинскихъ гренадеръ; во второй 350 человекъ Троицкаго полка; въ третьей 300 егерей, подъ командой маіора Терешкевича; одна рота Грузинскаго полка назначалась для фальшивой атаки. Каждой колоннѣ точно указано, по какому направленію идти, съ какой стороны подниматься.

Наканунѣ Новаго года, въ 5 ч. утра, тихо выступилъ отрядъ, но не успѣлъ еще дойти до назначенныхъ мѣстъ, какъ былъ встрѣченъ пальбой. Смѣло подвигаясь, войскá спустились въ ровъ и приставили лѣстницы. Тутъ персіяне ожидали ихъ съ пиками, рогатинами, подсвѣтами, ручными гранатами. Передніе ряды были сброшены въ ровъ. Ушаковъ свалился мертвый; многіе офицеры убиты. Персіяне все подваливали да подваливали: первая колонна остановилась во рву, не зная, что дѣлать. Котляревскій, стоявшій на ближайшей батарее, замѣтилъ, что колонна гибнетъ; онъ самъ бросился въ ровъ и надъ трупомъ Ушакова ободрялъ растерявшихся солдатъ. Вокругъ него валились люди; надъ крѣпостью стояло красное зарево отъ несмолкаемой пальбы и висѣвшихъ по стѣнамъ рѣшетокъ, налитанныхъ смолой. Одна пуля застѣла храброму генералу въ ногу. Придерживая рукою колѣно, онъ по прежнему ободрялъ грузинцевъ и, указавши на лѣстницы, громко крикнулъ: «Сюда!»—Солдаты бросились впередъ, но въ эту самую минуту непріятель всадилъ ему двѣ пули, изъ которыхъ одна раздробила челюсть. Обливаясь кровью, Котляревскій упалъ на груды мертвыхъ тѣлъ, и въ то же время, въ сладкомъ забытіи, услыхалъ надъ головой побѣдный крикъ русскихъ и проклятія персіянъ. Храбрый маіоръ Грузинскаго полка Абхазовъ съ одной ротой этой же колонны успѣлъ овладѣть непріятельской батареей и повернуть ея орудія въ крѣпость. Персіяне бросились отнимать ее, но были встрѣчены картечью; штыки покончили дѣло. Вторая и третья колонны также взяли назначенныя имъ батареи; солдаты, въ пылу боя, карабкались прямо на стѣны, хватались за дула непріятельскихъ ружей: они подтягивались на нихъ вверхъ, такъ какъ персіяне

не выпускали ружей. Когда всё уцѣлѣвшіе очутились въ укрѣпленіи, начался новый, отчаянный бой; ожесточенные солдаты дрались съ остервенѣніемъ: кололи штыками, били прикладами, налили въ упоръ. Сардаръ палъ въ битвѣ, съ нимъ убито еще 10 хановъ. Персіане, не видя иного спасенія, стали кидаться черезъ стѣну, въ рѣчку Ленкорань; но на другой сторонѣ ихъ ожидали два орудія, заряженные картечью; они повернули вправо — и наткнулись на роту съ орудіемъ, назначенную для фальшивой атаки. Несчастные бѣглецы попали подъ перекрестный огонь; рѣчка окрасилась кровавымъ цвѣтомъ отъ множества убитыхъ. Всего потеряли персіане 3,700 чел.; у насъ убито болѣе 300 да ранено 500, т.-е. болѣе чѣмъ половина всего отряда: въ штурмѣ участвовало 1,400 чел., въ крѣпости взято 8 орудій, булава сардаря и магазинъ съ провіантомъ. Изъ захваченныхъ бумагъ узнали, что Абасъ-Мирза далъ такой приказъ сардарю: «Ежели и цѣлыя горы войска станутъ противъ тебя, то не колебайся, а защищай до послѣдней капли крови сей ключъ къ сердцу Персіи». — Тотчасъ по взятіи крѣпости густой снѣгъ покрылъ землю, политую кровью русскихъ, что послужило добрымъ знакомъ на будущее.

Печально возвращался побѣдоносный отрядъ въ Карабагъ. Офицеры и солдаты, опустивъ головы, мрачно шли за носилками, на которыхъ лежалъ страдалецъ Котляревскій. И чуяло сердце кавказцевъ, что молодой генералъ не будетъ больше водить ихъ къ побѣдамъ. Они были правы: штурмомъ Ленкорани закончилась служба Котляревскаго, въ расцвѣтѣ его жизни и громкой славы. Награжденный Георгіемъ 2-го класса, 30-лѣтній генералъ-лейтенантъ долженъ былъ покинуть дорогой ему Кавказъ, своихъ друзей, сподвижниковъ и кавказскихъ солдатъ для того, чтобы прожить еще 39 лѣтъ въ уединеніи и тяжкихъ страданіяхъ. А на Кавказѣ скоро былъ заключенъ славный Гюлистанскій миръ, по которому Персія навсегда отказалась отъ всѣхъ ханствъ, составляющихъ почти все нынѣшнее Закавказье.

ВЫСТУПЛЕНІЕ НАПОЛЕОНА ИЗЪ МОСКВЫ.

Жакъ только французы вошли въ Москву, она загорѣлась. Сперва загорѣлись москательныя лавки и гостиный дворъ, потомъ запылалъ въ Земляномъ городѣ каретный рядъ, который подожгли сами хозяева. Погасить пожаръ не было никакой возможности; пока тушили въ одномъ мѣстѣ, начинало горѣть гдѣ-нибудь по сосѣдству. Пламя, врываясь въ улицы, поднималось клубомъ, въ видѣ огненнаго вихря, подъ городскія строенія и перебѣгало съ крыши на крышу, истребляя въ одинъ мигъ прожорливымъ змѣемъ то, что люди копили вѣками. Когда было поймано нѣсколько русскихъ поджигателей, Наполеонъ махнулъ рукой: «Ну, теперь Москва погибла! Нечѣмъ мнѣ наградить свою армію!» — Первое время Наполеонъ жилъ въ Кремлѣ, но загорѣлись дворцовыя конюшни, запылала арсенальная башня; нѣсколько головешекъ упали на дворъ, гдѣ стояли зарядныя ящики всей гвардейской артиллеріи. Тогда генералы уговорили Наполеона выѣхать. Онъ вышелъ изъ Кремля пѣшкомъ, спустился къ рѣкѣ и тутъ приказалъ подвести верховыхъ лошадей себѣ и своей свитѣ. За ними шла гвардія, кромѣ одного ба-

тальяна, оставленнаго въ Кремлѣ; солдатъ московской полиціи служилъ проводникомъ: онъ шелъ впереди, хотя не зналъ, куда вѣдетъ, не узнавая улицъ—все сгорѣло или разрушилось. Вечеромъ кое-какъ добрались до Петровскаго дворца, гдѣ стоялъ биваками 4-й корпусъ.

На четвертыя сутки огонь сталъ утихать, и то потому, что нечему было горѣть: три четверти Москвы лежали въ развалинахъ.

Наполеонъ оставляетъ Кремль.

Узнавши, что пожаръ прекратился, Наполеонъ опять переѣхалъ въ Москву. Это было 6-го сентября. На пути, между биваками, онъ видѣлъ нищету рядомъ съ роскошью. Горѣли костры изъ дорогой мебели, картинъ, книгъ, святыхъ иконъ, и на этихъ кострахъ варилась конина; на землѣ валялись въ кучахъ головы сахару, мѣшки съ кофе, разныя пряности, тогда какъ хлѣба не

было. Повсюду были видны слѣды грабежа, насилія, безтолковой корысти. Наполеонъ отдалъ приказъ, чтобы не пускать солдатъ въ Москву по-одиночкѣ, а наряжать командами, снабжая ихъ свидѣтельствами, что они дѣйствительно посланы за припасами. Стали ходить въ командахъ, но также забирали зря, а больше того истребляли безъ нужды все, что попадалось подъ руку. Въ то время, когда полкъ нуждался въ хлѣбѣ, мясѣ или въ овощахъ, фуражиры тащили вина, сахаръ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Войска терпѣли нужду не оттого, что не находили запасовъ, — ихъ было много, — но потому, что на первыхъ же порахъ допустили беспорядокъ. Въ особенности потерпѣла французская конница отъ недостатка фуража; уже черезъ три недѣли она сдѣлалась никуда негодною. Французскіе генералы больше всего заботились о сбереженіи главной квартиры, т. е. Кремля, гдѣ находился императоръ. Тутъ постоянно находился одинъ изъ гвардейскихъ полковъ, отряжавшій караулы и пикеты. Никому изъ русскихъ не дозволялось входить въ Кремль, за исключеніемъ тѣхъ, кого требовалъ самъ Наполеонъ; часовые получили приказаніе, въ случаѣ ослушанія, стрѣлять. По всѣмъ стѣнамъ стояли цѣпи часовыхъ; патрули ходили день и ночь внутри Кремля, все равно какъ бы въ виду непріятеля. Наконецъ вышелъ приказъ, запрещающій и посылку командъ, а велѣно было все припасы, находимые въ городѣ, сдавать въ магазины и оттуда уже выдавать войскамъ, по мѣрѣ надобности. Будь это сдѣлано въ самомъ началѣ, армія Наполеона не терпѣла бы такой нужды. Самая же главная бѣда заключалась въ томъ, что грабежи и безчинства породили своевольство, дисциплина исчезла. Солдаты перестали слушать своихъ офицеровъ; офицеры не оказывали уваженія не только генераламъ, но даже императору. Грабежи продолжались, не смотря ни на какіе приказы; даже гвардейскіе солдаты занимались мародерствомъ, и Наполеонъ ничего не могъ подѣлать, хотя бы и желалъ. Для поддержанія въ войскахъ бодрости духа, онъ ежедневно дѣлалъ смотры. Такъ, 6-го октября, около полудня, онъ смотрѣлъ корпусъ Нея, незадолго передъ этимъ прибывшій въ

Москву. Уже съ ранняго утра была слышна въ городѣ канонада, а во время смотра прискакалъ адъютантъ съ донесеніемъ, что русскіе сдѣлали нападеніе на авангардъ Мюрата, расположенный на р. Чернишиѣ, въ 60 верстахъ отъ Москвы. Наполеонъ крайне встревожился и приказалъ сейчасъ же начать выступленіе. До послѣдней минуты онъ все еще надѣялся, что русскій Царь согласится на миръ; при всякомъ удобномъ случаѣ онъ старался завести объ этомъ рѣчь съ Кутузовымъ и даже писалъ съ нарочнымъ къ Государю. Отвѣта не было, вмѣсто отвѣта — нападеніе. За время шестинедѣльнаго пребыванія въ Москвѣ Наполеонъ потерялъ до 30 тысячъ человѣкъ—отъ пожара, болѣзней и партизанскихъ дѣйствій, но въ то же время онъ получилъ подкрѣпленіе почти въ такихъ же силахъ, такъ что передъ выступленіемъ имѣлъ тѣ же 105 тыс. и 600 орудій. Пѣхота, составленная изъ старыхъ боевыхъ солдатъ, успѣла оправиться отъ труднаго похода; она находилась въ отличномъ видѣ, но кавалерія ослабѣвшая отъ безкормицы, совершенно потеряла свои боевыя свойства; то же самое слѣдуетъ сказать и объ артиллерійскихъ лошадяхъ. Французскіе генералы совѣтовали Наполеону даже бросить часть орудій; но онъ не согласился.

Два корпуса вышли въ тотъ же вечеръ; гвардія и прочія войска на другой день. Маршалъ Мортье долженъ былъ оставаться въ Москвѣ съ 8-ю тысячами пѣхоты и конницы. Онъ получилъ приказаніе вооружить какъ можно поспѣшнѣе кремль, собирать муку, картофель, капусту, водку и печь сухари. Наполеонъ въ концѣ своего приказанія приписалъ: «Быть можетъ, я еще возвращусь въ Москву». Однако, этимъ словамъ никто не повѣрилъ, ни генералы, ни солдаты. Выступившія войска тащили на себѣ и за собой непомѣрную добычу. Если бы Наполеонъ двинулся на-легкѣ, онъ успѣлъ бы упредить нашу армію на пути отъ Калуги къ Смоленску; но огромные обозы, да еще на изнуренныхъ лошадяхъ, замедляли походъ на каждомъ шагѣ. За войсками ѣхали болѣе 10 тыс. каретъ, колясокъ, дрожекъ, бричекъ и фуръ, нагруженныхъ добычей; вмѣсто

продовольствія, маркитантки везли товары, посуду, серебро; тѣмъ же были наполнены артиллерійскія повозки и госпитальныя фуры; кавалеристы навьючили сверхъ силъ своихъ жалкихъ лошадей, а пѣхота еле двигалась подъ тяжестью ранцевъ и узловъ. Это было не движеніе арміи, всегда готовой къ бою, а переселеніе народовъ со всѣмъ ихъ имуществомъ. На протяженіи 30-ти верстъ тянулись въ 3—4 ряда артиллерійскія орудія, потомъ казенныя фуры и, наконецъ, пестрый, безконечный обозъ, вокругъ котораго толпилась другая армія изъ разнаго сброда. Тутъ были иностранцы со своими семействами, проживавшіе прежде въ Москвѣ; потомъ, нестроевые, маркитантки, больные, раненые, женщины, дѣти — все это толкалось, толпилось, налѣзало другъ на друга, производя тѣсноту и страшный беспорядокъ. Если случалось встрѣтить по пути мостъ или гать, то обозы останавливались, чтобы пропустить впередъ войска, и тутъ начиналось такое столпотвореніе, которое невозможно описать и которымъ отличнѣо умѣли пользоваться наши партизаны: такихъ случаевъ они не пропускали. Медленное и безтолковое движеніе нагоняло на солдатъ уныніе; самыя лучшія войска стали терять необходимую бодрость и довѣріе. Наполеонъ долженъ былъ сносить терпѣливо такой беспорядокъ, потому что у него не было запасено продовольствія, не было впереди магазиновъ, а прокормить стотысячную армію, да еще въ непріятельской странѣ, гдѣ поднялся весь народъ, дѣло не легкое. Самъ императоръ тащилъ за арміей несоразмѣрное число артиллеріи и артиллерійскихъ обозовъ; особыя повозки везли, на примѣръ, персидскія и турецкія знамена, взятые въ церквахъ столицы, неизвѣстно для чего.

Изъ Москвы идутъ на Калугу двѣ дороги: «Старая» калужская и «Новая» калужская; первая—на Тарутино, гдѣ находилась наша армія, а вторая—правѣе, на Боровскъ и Малоярославецъ. Наполеонъ хотѣлъ обмануть русскихъ, исполнивши скрытное передвиженіе своей арміи со Старой дороги на Новую, а именно: выйти по Старой калужской дорогѣ, сдѣлать верстъ 30 и проселками выйти на Новую, а потомъ, черезъ Малоярославецъ, поспѣшно пройти на Ка-

лугу. Если бы это движеніе удалось, онъ отрѣзалъ бы нашу армію отъ Калуги и могъ въ ней зимовать, тѣмъ болѣе, что тамъ находились большіе запасы продовольствія. Въ случаѣ чего, онъ могъ отсюда идти на Смоленскъ, краемъ еще неразореннымъ. Таковы были выгоды этого движенія. Для насъ же было выгодно не допустить французовъ на Калугу, а заставить ихъ идти въ Смоленскъ по старой дорогѣ, по которой они шли въ Москву, черезъ Можайскъ и Бородино. Это удалось, благодаря бдительности партизанъ. 7-го октября генераль Дороховъ, стоявшій недалеко отъ Новой калужской дороги, у Кáтова, донесъ фельдмаршалу, что непріятель, въ числѣ 8—10 тысячъ, появился у с. Ооминскаго. Тогда Кутузовъ выслалъ корпусъ Дохтурова, съ придачей кавалеріи и артиллеріи. Эти войска выступили изъ тарутинскаго лагеря 10-го числа утромъ. Дорога была скверная, грязная; артиллерія вязла по ступицы, такъ что батарейныя орудія пришлось бросить. Пройдя верстъ 15, Дохтуровъ заночевалъ, но скрытно, не разводя огней и рассчитывая съ разсвѣтомъ неожиданно атаковать непріятеля у с. Кáтова. Уже прошла полночь, надо было выступать, какъ прискакалъ партизанъ Сеславинъ и привезъ важныя вѣсти. Онъ разсказалъ, что былъ за 4 версты отъ Ооминскаго, скрывшись въ лѣсу, и видѣлъ самого Наполеона; пропустилъ мимо себя его свиту, за ней французскую гвардію и много другихъ войскъ. Изъ числа отсталыхъ Сеславинъ захватилъ нѣсколько гвардейцевъ, а одного изъ нихъ, самаго расторопнаго капрала, привезъ съ собой къ Дохтурову. Этотъ капралъ тутъ же и показалъ, что вышли они изъ Москвы четыре дня назадъ, что Мортъе оставленъ въ Кремлѣ, и что вся армія Наполеона идетъ черезъ Боровскъ на Малоярославецъ. Этимъ извѣстіемъ Сеславинъ не только разъяснилъ скрытное движеніе Наполеона, но спасъ отрядъ Дохтурова, который, наткнувшись на всю французскую армію, легко былъ бы разбитъ. Генераль Дохтуровъ сейчасъ же послалъ донесеніе фельдмаршалу, а самъ повернулъ влѣво, чтобы поскорѣе занять Малоярославецъ. Услыхавъ, что Наполеонъ оставилъ Москву, Кутузовъ, потрясенный этимъ извѣстіемъ, зарыдалъ

и, повернувшись къ образу Спасителя, произнесъ: «Боже, Создатель мой! Наконецъ Ты внялъ молитвъ нашей: съ сей минуты Россія спасена!» Тотчасъ были сдѣланы нужныя распоряженія: Платову съ казаками идти теперь же; остальнымъ войскамъ спѣшно готовиться. Къ вечеру 11-го числа, тарутинскій лагерь опустѣлъ, тронулись даже обозы.

Вице-король, шедшій въ авангардѣ французской арміи, успѣлъ захватить Малоярославецъ; Дохтуровъ немедленно его атаковалъ и вытѣснилъ французовъ. Съ прибытіемъ остальныхъ войскъ вице-короля, а также другихъ корпусовъ, бой возобновился и продолжался до глубокой ночи съ необыкновеннымъ ожесточеніемъ. Семь разъ Малоярославецъ переходилъ изъ рукъ въ руки; къ вечеру его развалины остались въ рукахъ французовъ. Съ обѣихъ сторонъ легло болѣе 12-ти тысячъ. Ночью два русскихъ артиллериста при помощи пороха и фитилей подожгли крайнія строенія; пожаръ разлился широкой полосой, и въ то время, когда французы собирались въ кучи его тушить, въ нихъ палили изъ пушекъ. Трудно разсказать, на что сталъ похожъ этотъ городъ, подъ стѣнами котораго должна была рѣшиться судьба кампаніи. Улицы обозначались не домами, а грудями труновъ, истерзанныхъ, раздавленныхъ колесами; погибло множество раненыхъ, больныхъ; живые вопили о помощи... Между прочимъ, по ту и другую сторону несчастнаго города, послѣдней жертвы, принесенной русскими въ эту памятную войну, сосредоточились обѣ арміи: одна искала выхода, спасенія; другая—съ рѣшимостью умереть, но не пускать дальше ни шагу. Въ ту же ночь Платовъ перевелъ черезъ рѣчку Лужу 6 казачьихъ полковъ и вслѣдъ за ними переправилъ 20-й егерскій полкъ. Этотъ полкъ занялъ на берегу Луки лѣсъ, чтобы беречь переправу. Казаки тихо двинулись къ столбовой дорогѣ и скоро увидѣли бивачные огни. Зорко всматриваясь въ даль, они замѣтили, что по дорогѣ къ Малоярославцу тянулось войско, пѣшее и конное. Начальники партій съѣхались въ одно мѣсто, переговорили между собой и рѣшили сдѣлать ударъ. Сперва шагомъ, потомъ рысью, наконецъ въ карьеръ, съ пронзительнымъ гикомъ,

вынеслись донцы на большую дорогу, гдѣ наскочили прямо на артиллерію. Французы свернули - было въ сторону, въ поле, но казаки живо ихъ настигли и отбили 40 пушекъ. Пока одни поворачивали орудія, другіе кинулись въ обозы; иные понеслись дальше, распространяя въ тылу французской арміи страхъ и ужасъ. Въ это же самое время Наполеонъ выѣхалъ изъ Городни, гдѣ онъ почевалъ, на большую дорогу, въ сопровожденіи трехъ гвардейскихъ взводовъ. Онъ ѣхалъ къ Малоярославцу, намѣреваясь тамъ окончательно рѣшить, что ему дѣлать: пробиваться ли впередъ, или отступать назадъ? Только-что онъ, озабоченный тяжелою думою, поднялся на пригорокъ, какъ конные егеря, бывшіе впереди него, завидѣли множество всадниковъ, скакавшихъ въ разсыпную. Едва начинало свѣтать, и егеря, больше по догадкѣ, смекнули, что это, должно быть, казаки. Когда дали знать императору, онъ вынулъ свою шпагу и свернулъ въ поле... Тутъ поднялась страшная суматоха: казаки, найдя въ обозѣ бочки съ золотомъ, скликали товарищей; вся свита императора и конные егеря бросились на-встрѣчу тѣмъ, которые скакали по дорогѣ. Во время свалки подоспѣлъ конвой императора, а вскорѣ прибыла и вся гвардейская кавалерія. Однако казаки успѣли увернуться и, кромѣ 11 орудій, отправленныхъ раньше, захватили и золото въ боченкахъ. Такимъ образомъ едва не удалось захватить и самого Наполеона: тогда бы и войнѣ конецъ. Почти въ это самое время генералъ Кутейниковъ отбилъ близъ Боровска обозъ съ церковнымъ серебромъ. Изъ этого серебра сдѣлали впоследствии въ Казанскомъ соборѣ красивую рѣшетку.

13-го октября обѣ арміи простояли въ бездѣйствіи. Наполеонъ не рѣшился атаковать русскихъ, потому что не очень надѣялся на свои разстроенныя войска; и хотя побѣда могла дать ему на зиму пріютъ, зато малѣйшая неудача могла лишить его послѣдняго пути отступленія. Послѣ долгаго раздумья онъ велѣлъ 14-го числа начать движеніе къ Можайску—путь, на которомъ до самаго Смоленска не было никакихъ запасовъ; то, что взято изъ Москвы, давно истреблено. Великой арміи угрожалъ голодъ; она должна

была развалиться сама собой. Такъ и случилось. Молча, уныло тронулись солдаты въ обратный путь; посреди печальныхъ полковъ ѣхалъ императоръ, рассчитывая со своимъ начальникомъ штаба, когда они доберутся до Смоленска и Минска, гдѣ надѣялись найти запасы продовольствія.

Еще 8-го октября Мортъе, оставленный, какъ сказано, въ Москвѣ, получилъ отъ своего императора приказаніе зажечь кремлевскій дворецъ и всѣ казенныя зданія; кромѣ того, кремлевскія стѣны взорвать, лафеты и колеса у зарядныхъ ящиковъ изрубить, ружья переломать и выступить съ войсками, прежде чѣмъ взлетятъ стѣны Кремля.

Между жителями Москвы скоро распространились слухи, что подъ стѣны Кремля подведены мины и что съ каждой минутой нужно ожидать взрыва. На всѣхъ нашель такой страхъ, что никто не оставлялъ своего убѣжища; всѣ сидѣли взаперти: ворота и двери были забиты. Нѣсколько человѣкъ, случайно проходившихъ мимо Кремля, были застрѣлены португальскими солдатами. Между прочимъ, генераль Винценгероде, наблюдавшій съ партизанами тверскую дорогу, зналъ, что дѣлается въ столицѣ. На другой же день послѣ выступленія Наполеона, переодѣтый полицейскій донесъ ему, что французы подводятъ подъ Кремль мины; генераль вскочилъ съ мѣста и съ негодованіемъ воскликнулъ: «Нѣтъ! Бонапартъ не взорветъ Кремля! Я объявлю ему, что всѣ плѣнные французы будутъ повѣшены, если только хоть одна церковь взлетитъ на воздухъ!»

Саксонецъ по происхожденію, Винценгероде ненавидѣлъ Наполеона за разореніе его отечества. На другой день, взявши съ собой адъютанта Нарышкина, онъ поѣхалъ въ Москву, чтобы свидѣться съ Мортъе; но излишняя пылкость повредила генералу: караульные солдаты схватили его лошадь подъ уздцы и потащили въ Кремль. Мортъе, выслушавши гнѣвные упреки генерала, спокойно отвѣтилъ: «Я пошлю къ императору курьера. А теперь пожалуйста вашу шпагу и идите подъ арестъ». Въ тотъ же день французы стали выходить изъ Кремля; за нимъ тянулся такой же обозъ,

какъ и за войсками Наполеона. Между солдатъ затесалось множество иностранцевъ покидавшихъ Москву; среди отборныхъ жандармовъ везли нашего партизана Винценгероде съ его адъютантомъ. Въ самую полночь, когда непріятель былъ уже далеко, въ ночномъ мракѣ, запылалъ кремлевскій арсеналь и другія зданія, обреченныя безразсудной злобой на разрушеніе. Вслѣдъ за тѣмъ раздался страшный взрывъ—одинъ, другой, третій, всѣхъ шесть. Дома поколебались, многія стѣны треснули во всю вышину, во всѣхъ ближайшихъ зданіяхъ разломаны двери, выбиты стекла, раздроблена мебель. Нѣсколько башенъ и часть кремлевской стѣны взлетѣли на воздухъ. Немногіе жители Москвы, охваченные ужасомъ, выскочили на площади, большею частью раздѣтые. Израненные осколками стекла, бревнами или камнями, они кидались безъ памяти то въ одну, то въ другую сторону. Эта ужасная ночь была послѣднею для многихъ москвичей, уцѣлѣвшихъ среди грабежей и насилій. Страдальцы, лишенные крова, покрытые рубищемъ, голодные и холодные, погибали на развалинахъ родного города. А тутъ опять начались грабежи, убійства и всякаго рода насилія. Къ счастью, вошли казаки и скоро прекратили эти безчинства: они ловили пьяныхъ мародеровъ, какъ мышей въ норахъ, при чемъ однихъ безпощадно били, другихъ забирали въ плѣнъ.

Печальный видъ имѣла наша первопрестольная столица. Отъ одной заставы до другой она лежала въ развалинахъ, только кое-гдѣ сіяли позолоченные куполы церквей да торчали колокольни и немногіе уцѣлѣвшіе дома; на всякомъ шагу попадались трупы людей и лошадей, обломки, груды мусора и хлама. Велико было разрушеніе и въ Кремлѣ. Но соборы истиннымъ чудомъ уцѣлѣли: огонь не коснулся храмовъ Божіихъ, хотя, напримѣръ, древняя церковь Спаса-на-Бору была вся заметана головешками. Тѣмъ не менѣе, во всѣхъ церквяхъ остались слѣды поруганія святыни; святыя мощи выброшены на помосты, надгробія изрублены, иконы разбросаны, святыя престолы повалены, и вмѣсто нихъ гдѣ лежала палая лошадь, гдѣ награбленное добро; въ Архангельскомъ соборѣ грязнилось вино изъ разбитыхъ бочекъ, валялась рухлядь,

сташенная изъ дворцовой и оружейной палаты; между рухлядью — 12 чучель ратниковъ. Только на третій день по вступленіи нашихъ войскъ можно было приготовить къ божественной службѣ большую церковь въ Страстномъ монастырѣ. Серебряныхъ сосудовъ не было, взяли стеклянные. Въ 9-мъ часу вечера ударили въ колоколь, и пошелъ благовѣсть по всѣмъ уцѣлѣвшимъ колокольнямъ. Вся Москва какъ бы вострепунулась послѣ омертвѣнія. Не только церковь, но паперть и дворъ монастыря наполнились народомъ. Никогда, можетъ-быть, москвичи не молились съ такимъ усердіемъ, какъ въ ту минуту, когда началось молебствіе. Пали на колѣни не одни русскіе люди, поверглись на землю и чужеземцы: башкиры, калмыки. Общее рыданіе сливалось съ священнымъ пѣснопѣніемъ, трезвономъ въ колокола и пальбой изъ пушекъ. И всѣ молились объ одномъ — да сохранить Господь православную Русь, ея Царя и людей.

Чуднымъ и величественнымъ памятникомъ этой тяжелой годины стоитъ нынѣ среди Москвы, на возвышенномъ берегу рѣки, златоглавый храмъ Спасителя. Его задумалъ построить еще Императоръ Александръ; начали постройку при Императорѣ Николаѣ, продолжали все царствованіе Александра II и освятили при его преемникѣ, въ Бозѣ почившемъ, Императорѣ Александрѣ III. Русскій человѣкъ, входя въ этотъ «небеси подобный» храмъ, на стѣнахъ котораго начертана вся Отечественная война, воспоминаетъ съ гордостью, какъ велики были жертвы, принесенныя русскимъ народомъ для спасенія достоинства, независимости и благосостоянія отечества, на которыя такъ дерзко посягнулъ Наполеонъ. И знай онъ, на чтò способенъ русскій, онъ никогда бы не переступилъ нашу границу. Онъ думалъ, что Россію такъ же легко завоевать, какъ нѣкогда Александръ Македонскій завоевалъ Персидскую монархію. За эту ошибку Наполеонъ горько поплатился, — о чемъ рассказано въ своемъ мѣстѣ.

НАСТУПЛЕНИЕ ВЪ ЧЕЧНЮ И ДАГЕСТАНЪ.

Между коренной Россіей и Закавказьемъ, гдѣ мы недавно утвердились, прямой путь лежалъ черезъ горы, населенныя непокорными племенами горцевъ. Военно-грузинская дорога, пролегающая между Владикавказомъ и Тифлисомъ, дѣлила нашихъ враговъ на двѣ половины: влѣво отъ нея—Чечня и Дагестанъ, вправо—Кабарда и Черкесы. Другой путь въ Закавказье, болѣе кружной, шелъ берегомъ Каспійскаго моря на Дербентъ и Кубу. Страна между р. Тереконъ и отрогами Андійскаго хребта населена чеченскимъ племенемъ. Сейчасъ за Тереконъ, вплоть до Сунжи, тянется полоса безводная и безлюдная, а за Сунжей, верстъ на 25 вглубь, начинается такъ-называемая чеченская плоскость. Эта равнина покрыта вѣковыми лѣсами, съ продольными и поперечными прогалинами. На ея дальней окраинѣ возвышаются отроги Черныхъ горъ, не столь высокихъ, какъ главный Кавказскій хребетъ и, кромѣ того покрытыхъ чинаромъ, кленомъ, ясеню. Крутые и обрывистые скаты соединяютъ эти горы

съ снѣговымъ Андійскимъ хребтомъ, за которымъ начинается чисто горная страна Дагестанъ. Тутъ много высокихъ и обширныхъ котловинъ, дающихъ начало большимъ рѣкамъ, впадающимъ въ Сунжу: Мартанъ, Аргунъ, Фортанга, Асса и другія. Въ началѣ незначительныя рѣчонки пополняются по пути множествомъ горныхъ рѣчекъ и, бурля на днѣ овраговъ, prorѣзаются черезъ горы, образуютъ ущелья и быстро несутъ свои воды на чеченскую плоскость.

Богатая водою и обильная лѣсами, Чечня способна къ земледѣлю, а также скотоводству. Воинственное чеченское племя выселилось изъ горъ и распространилось до самаго Терека, при чемъ распалось на вольныя общества. У нихъ нѣтъ ни князей, ни дворянъ; каждое небольшое общество управлялось отдѣльно и сосѣди не мѣшались въ его дѣла. Чеченцы, жившіе надъ Терекомъ и Сунжей, давно уже признавали власть русской державы и носили названіе мирныхъ. Но это не мѣшало имъ прорываться черезъ нашу Линію, грабить транспорты, отгонять скоть, хватать плѣнныхъ и потомъ слагать вину на дальнихъ собратій. Они дѣлали еще хуже, укрывали разбойничьи партіи абрековъ, указывали имъ путь или прятали награбленное добро. Кроткія внушенія не вели ни къ чему: хищные, какъ волки, и неукротимые, какъ тигры, чеченцы принимали кроткое обращеніе за слабость, а подарки разжигали еще больше природную ихъ алчность. Съ окончаніемъ Наполеоновскихъ войнъ, въ 1816 году, былъ назначенъ на Кавказъ одинъ изъ прославленныхъ героевъ этихъ достопамятныхъ войнъ, Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. Казалось, сама судьба предназначала Ермолова для Кавказа, — этой, до него грозной и неприступной, твердыни; она же дала ему тотъ богатырскій обликъ, который сразу внушилъ страхъ горскимъ народамъ. При необычайной силѣ, могучемъ тѣлосложеніи и громадномъ ростѣ, Алексѣй Петровичъ своею большою, круглою головой и сѣдыми густо спадавшими волосами напоминалъ грознаго льва. Суровыя, спокойныя черты лица его выражали неутомимую энергію и непреклонную волю, хотя въ то же время, большіе голубые глаза глядѣли лас-

ково, спокойно. Онъ смотрѣлъ на всѣ мирныя и немирныя племена, населяющія Кавказъ, какъ на будущихъ подданныхъ русской державы, и требовалъ отъ нихъ повиновенія. Онъ говорилъ, что золото и подарки служатъ лишь приманкой и что для укрѣпленія власти русскаго Царя желѣзо гораздо надежнѣе. Ермоловъ началъ съ Чечни.

Въ 1817 году онъ приказалъ заложить укрѣпленіе «Преградный станъ», на р. Сунжѣ, для защиты Военно-грузинской дороги. Чеченцы отвѣтили рядомъ набѣговъ, распространяя опустошеніе по Тереку, гдѣ стало опасно выходить за ворота станицъ. Въ серединѣ мая слѣдующаго года прибылъ на линію *) Ермоловъ и остановился въ станицѣ Червленной, откуда должно было начаться движеніе въ Чеченскую землю. Онъ вызвалъ къ себѣ старшинъ всѣхъ ближнихъ ауловъ, раскинутыхъ по Тереку, и объявилъ имъ, что если они пропустятъ чрезъ свои земли хоть одну партію хищниковъ, то ихъ заложники будутъ повѣшены, а сами они загнаны въ горы, гдѣ перемрутъ отъ голода и моровой язвы. «Мнѣ не нужны мирные мошенники: выбирайте любое — покорность или истребленіе ужасное». За угрозой послѣдовало дѣло: въ концѣ мая авангардъ русскаго отряда перешелъ Терекъ и двинулся на Сунжу; въ шести верстахъ отъ Ханкальскаго ущелья должна была вырости новая крѣпость. Тѣ изъ жителей окрестныхъ селеній, которые считали себя виновными, бѣжали въ горы, остальные сидѣли въ домахъ. 10-го іюня въ русскомъ лагерѣ было совершено торжественное молебствіе, а затѣмъ, при громѣ пушекъ, заложена сильная крѣпость о шести бастіонахъ, которую Ермоловъ назвалъ Грозною. Тогда чеченцы бросились укрѣплять и безъ того неприступное Ханкальское ущелье. Рѣдкая ночь проходила безъ тревоги. Но постройка крѣпости подвигалась быстро, солдаты работали неутомимо, а чеченцы, между тѣмъ, день ото дня становились отважнѣе и дерзче. Безсонныя ночи и тяжелая работа днемъ сильно утомляли солдатъ, почему Ермоловъ рѣшился проучить чеченцевъ. Онъ приказалъ казакамъ вывести за крѣпость пушку: пушка

*) „Кавказская линія“, см. „Казакѣ“: стр. 287.

могла служить отличною приманкою. Чеченскіе караулы дали знать о томъ въ сосѣдніе аулы, и передъ разсвѣтомъ большая партія вынеслась изъ лѣсу. Казаки обрубали гужи, бросили пушку и поскакали въ лагерь. Чеченцы даже не преслѣдовали, а столпились возлѣ пушки, прилаживаясь, какъ бы ее ловчѣе увезти. Въ эту минуту 6 батарейныхъ орудій ударили по нимъ изъ лагеря картечью, другія шесть — гранатами: ни одна картечь, ни одинъ осколокъ не пропали даромъ. Чеченцы оторопѣли, не зная, что дѣлать, и только тогда опомнились, когда грянулъ второй залпъ. Они мигомъ исчезли, оставивъ около 200 раненыхъ, столько же убитыхъ. Послѣ этого ночи стали спокойнѣе.

Чеченцы, привыкшіе къ прежнимъ порядкамъ, ожидали, что войска пойдутъ въ ихъ землю на-проломъ, будутъ гоняться за ними по лѣсамъ, штурмовать завалы, а, между прочимъ, они спокойно стояли на мѣстѣ, подвигая постройку. Бездѣйствіе утомляло чеченцевъ; штурмовать же русскій лагерь они сами не рѣшались, и стали искать помощи въ горахъ Дагестана. Дагестанцы откликнулись: большая толпа лезгинъ, подъ предводительствомъ Нуръ-Магомета, появилась среди чеченцевъ, распаяя въ нихъ ненависть къ русскимъ. Чеченцы оживились, стали нападать на наши команды, ходившія въ лѣсъ за дровами, а въ день апостоловъ Петра и Павла чеченская конница бросилась на наши караулы и едва не ворвалась въ лагерь. Донской генералъ Сысоевъ успѣлъ выскочить съ казаками и принять ихъ шашками. Болѣе крупное дѣло готовилось на 4-е августа. Въ этотъ день ожидали въ лагерь большой транспортъ съ продовольствіемъ, боевыми запасами и съ разнымъ товаромъ, который везли маркитанты. Чеченцы рѣшились сдѣлать нападеніе на транспортъ, поведя это дѣло такъ скрытно, что лазутчики дали знать о немъ, когда наши и сами замѣтили движеніе большой партіи за Сунжу. Ермоловъ выслалъ на-встрѣчу транспорту сильный отрядъ подъ начальствомъ генерала Вельяминова. Въ это время чеченская конница уже понеслась на транспортъ; за нею двигались густыя толпы пѣшихъ, оставивъ на переправѣ сильныя резервы. Внезапное появленіе отряда

Вельяминова заставило их повернуть всѣми силами назадъ. Загорѣлась перестрѣлка. Бѣшено кидались въ шашки чеченцы и лезгинны, но Вельяминовъ держалъ ихъ въ отдаленіи мѣткой стрѣльбой изъ орудій, не допуская до рукопашной. Солдаты стояли съ ружьемъ у ноги. Напрасно чеченцы кидались на пушки: картечь поражала ихъ сотнями. Непрiятельская конница покинула поле битвы, пѣхота колебалась, но когда Вельяминовъ пошелъ впередъ съ тѣмъ, чтобы захватить переправу, тогда и пѣхота обратилась въ поспѣшное бѣгство. Этимъ дѣломъ кончилось участіе лезгинъ: они поссорились съ чеченцами и ушли въ Дагестанъ. Тѣмъ временемъ постройка крѣпости быстро приближалась къ концу; для гарнизона были выкопаны землянки, на валгангѣ поставлены орудія. Всѣмъ владѣльцамъ чеченскихъ деревень на правомъ берегу Терека объявлено, чтобы они, подъ страхомъ наказанія, не терпѣли у себя вредныхъ людей, не пропускали черезъ свои земли хищниковъ и содержали въ извѣстныхъ мѣстахъ караулы; по первому требованію они должны высылать на службу конныхъ людей на собственныхъ лошадяхъ; въ случаѣ нападенія съ горъ, жители обязаны защищаться какъ бы противъ своихъ враговъ. «Лучше отъ Терека до Сунжи оставлю пустыя мѣста, сказалъ Ермоловъ, чѣмъ потерплю разбой въ тылу укрѣплений». — Когда всѣ распоряженія были окончены, 9 ротъ егерей, 6 орудій и 400 линейныхъ казаковъ, подъ командой храбраго полковника Грекова, заняли Грозную въ видѣ гарнизона. Пользуясь зимнимъ временемъ, Грековъ занялъ близъ лежащій лѣсъ и вырубилъ въ немъ широкую просѣку. Въ двое сутокъ почти все Ханкальское ущелье было вырублено; широкая просѣка въ версту шириной открывала входъ въ землю чеченцевъ. Эта первая просѣка положила начало правильному покоренію горцевъ и указала, что въ дѣлѣ умиротворенія края топоръ такъ же необходимъ, какъ и штыкъ.

Всѣ эти, до сихъ поръ неслыханныя мѣры, повели къ частымъ сношеніямъ между горскими народами, затѣвавшими вооруженное сопротивленіе. Ермоловъ отвѣчалъ на нихъ въ слѣдующемъ году заложениемъ другой крѣпости, которая получила названіе «Вне-

запной». Мѣсто для нея выбрано было въ землѣ кумыковъ, въ с. Андреевскомъ, гдѣ шла бойкая торговля, снабжавшая горцевъ всеѣмъ для нихъ необходимымъ; черезъ это же селеніе проходилъ путь на Терекъ, которымъ чеченцы пользовались для своихъ набѣговъ, за что бѣдныя кумыки платились вдвойнѣ. Весною 1819 года два баталіона кабардинцевъ, 8-й егерскій полкъ, 16 орудій и 300 линейныхъ казаковъ прибыли въ Андреевское, подъ командой Вельяминова; 2-го іюля пріѣхалъ главнокомандующій. Работы были уже въ ходу, и 18 числа этого же мѣсяца заложена сильная крѣпость на батальонъ пѣхоты, съ блокгаузами въ два яруса. Она росла, какъ грибокъ: солдаты рубили лѣсъ, дѣлали сырцовый кирпичъ, возводили стѣны, копали рвы, насыпали брустверъ. Ермоловъ ежедневно обходилъ работы, при чемъ имѣлъ привычку побалагурить, пошутить съ солдатами. Они очень его любили, называли между собой не иначе, какъ «батюшкой Алексѣемъ Петровичемъ», или просто «Петровичемъ». Между тѣмъ, отрядъ, заброшенный далеко въ глубь Чечни, окружала измѣна. Почти все окрестныя селенія опустѣли; жители образовали мятежное скопище, которое увеличилось съ прибытіемъ аварскаго хана; чеченцы, спустившись съ горъ, окружали лагерь мелкими партіями. Однажды ночью, въ концѣ августа, они накинулись на отрядный табунъ и угнали до 400 казенныхъ лошадей. Сообщение съ Линіей производилось не иначе, какъ подъ прикрытіемъ сильныхъ конвоевъ. Когда прибыли изъ Россіи подкрѣпленія, Ермоловъ выступилъ 29-го августа на встрѣчу мятежному скопищу. Лезгины, послѣ перваго удара, отраженнаго храбрыми кабардинцами, засѣли въ утесахъ за крѣпкими завалами; наши войска расположились по окрестнымъ высотамъ, на разстояніи ружейнаго выстрѣла. Не желая тратить на штурмъ людей, Ермоловъ приказалъ лишь поддерживать огонь артиллеріи. На 3-й день осады, между горцами, стѣсненными въ окнахъ, начались ссоры, драки и убійства; аварскій ханъ бѣжалъ, скопище само собой разсѣялось. Въ половинѣ сентябрю крѣпость была окончена, вооружена и занята гарнизономъ. Настала очередь расплаты съ чеченцами. Ермоловъ рѣшился освободить

дить земли кумыковъ отъ непрошенныхъ гостей и заставить ихъ уйти въ горы. На первый разъ онъ намѣтилъ ауль Дады-Юртъ, какъ притонъ отчаянныхъ разбойниковъ. 15-го сентября, на разсвѣтѣ, маіоръ Сысоевъ подошелъ къ аулу и предложилъ жителямъ добровольно перебраться за Сунжу. Шестъ кабардинскихъ ротъ, пять орудій и 700 казаковъ, развернувшись въ боевой порядокъ, молча ждали отвѣта. Чеченцы отказались, и кабардинцы пошли на приступъ. Начался кровавый бой, какого не запомнятъ кавказскіе солдаты. Каждый дворъ, окруженный высокимъ каменнымъ заборомъ, приходилось брать какъ отдѣльную крѣпость: сначала палить изъ пушекъ, потомъ штурмовать. Солдаты на рукахъ перетаскивали орудія изъ одного дома къ другому и устанавливали ихъ подъ сильнѣйшимъ ружейнымъ огнемъ непріятеля, стрѣлявшаго почти въ упоръ; почти всѣ артиллеристы были перебиты: ихъ замѣнили казаки и солдаты. Пробивши брешь, солдаты врывались въ сакли, гдѣ въ духотѣ и темнотѣ бились на смерть, работая штыками, отражая смертельные удары кинжаловъ. Нѣкоторые чеченцы, видя, что имъ не устоять, на глазахъ солдатъ рѣзали женъ и дѣтей; многія изъ женщинъ сами бросались съ кинжалами или же погибали въ пламени. Несмотря на то, что спѣшенные казаки въ время подкрѣпили кабардинцевъ, ужасная рѣзня продолжалась еще нѣсколько часовъ. Ауль былъ взятъ только тогда, когда изъ его многочисленнаго населенія осталось 14 человекъ, и то израненыхъ. Мы потеряли болѣе четверти всего отряда. Грозный примѣръ Дады-Юрта внушилъ чеченцамъ такой страхъ, что при появленіи русскихъ, они, уславши заранее въ горы женъ и дѣтей, оказывали весьма слабое сопротивленіе, сознавая, что не стоитъ защищать деревянные сакли въ этой странѣ, обильной лѣсомъ. Многіе аулы встрѣчали нашихъ съ хлѣбомъ-солью, и въ нѣсколько дней окрестная страна безмолвно признала власть русскаго Царя.

Въ началѣ ноября Ермоловъ получилъ извѣстіе изъ Дагестана, что акушинцы намѣрены напасть на городъ Тарки и вырѣзать семейство шамхала тарковскаго. Этотъ владѣтель вѣрно служилъ Россіи, почему былъ ненавистенъ горцамъ. Ермоловъ сейчасъ же

отправилъ въ Тарки небольшой отрядъ, подъ начальствомъ полковника Ляховича, а самъ сталъ собираться къ походу въ Дагестанъ, чтобы наказать акушинцевъ на мѣстѣ. 11-го ноября отрядъ выступилъ изъ крѣпости Внезапной, имѣя 9 батальоновъ пѣхоты, 34 орудія и 400 казаковъ, кромѣ отряда князя Мадатова, который долженъ былъ присоединиться на походѣ. Надо сказать, что акушинцы считались наиболѣе сильными и опасными изъ всѣхъ народовъ Дагестана. Они до сей поры вспоминали съ гордостью, что нѣкогда разбили знаменитаго завоевателя шахъ-Надира и съ тѣхъ поръ не видали въ своей землѣ непріятеля. Ненастная погода и глубокой снѣгъ задержали Ермолова недѣли на двѣ въ г. Таркахъ, а когда прибыли транспорты съ провіантомъ и оружіемъ, Ермоловъ выступилъ къ границамъ Акуши. Болѣе трехъ тысячъ рабочихъ расчищали дорогу. 12-го декабря авангардъ, подъ начальствомъ князя Мадатова, перешелъ высокій горный кряжъ, служившій границею акушинскаго народа; почти трое сутокъ ушло на то, чтобы перетаскать орудія и тяжести. Въ селеніи Урума Ермоловъ взялъ 400 казаковъ, татарскую конницу и въ свѣтлую лунную ночь осмотрѣлъ расположеніе непріятеля. Въ серединѣ его позиціи видны были окопы, лѣвый флангъ оканчивался укрѣпленнымъ бугромъ, а правый примыкалъ къ тѣсному ущелью, по которому протекала рѣчка Манасъ. За рѣчкой, на высотахъ, видны были также отряды, но небольшіе. Эти-то высоты Ермоловъ рѣшилъ занять; отрядъ приблизился къ передовому укрѣпленію на пушечный выстрѣлъ, а князь Мадатовъ въ ту же ночь спустился съ пятью баталіонами влѣво по глубокому оврагу, занялъ тотъ берегъ и быстро прошелъ около двухъ верстъ, сбивая непріятеля. На разсвѣтѣ горцы съ ужасомъ увидѣли, что ихъ правый флангъ обойденъ, путь въ г. Акушу отрѣзанъ. Большими толпами они двинулись за рѣчку, но стоявшіе внизу два батальона встрѣтили ихъ штыками и заставили подняться назадъ. Продольный огонь со стороны князя Мадатова и фронтальный огонь спереди скоро заставили горцевъ очистить передовое укрѣпленіе. Татарская конница сейчасъ же вскочила туда, за ней вбѣжалъ батальонъ Ширванскаго полка и

поставилъ батарейныя орудія. Съ этого мѣста видно было лѣвую сторону ущелья, по которому непріятель переходилъ партіями на тотъ берегъ. Густая стрѣлковая цѣпь изъ отряда князя Мадатова, овладѣвъ утесами, нависшими надъ самой дорогой и рѣчкой Манасомъ, била сверху на выборъ толпы акушинцевъ; сзади ихъ поражали огнемъ артиллеріи. Моздокскіе казаки бросились впередъ, обскакали толпу и крошили ее шашками; татарская конница, которой хотѣлось отличиться на глазахъ Ермолова, пустилась въ догонку, не обращая вниманія на скалы и ущелья. Пораженіе было полное; горцы разсыпались въ ближнихъ и дальнихъ ущельяхъ. Разгромивши это скопище, Ермоловъ двинулся дальше, не встрѣчая ни души въ обширныхъ и богатыхъ селеніяхъ акушинскаго народа; главный ихъ городъ также былъ пустъ, но уже на другой день явились старшины и просили прощенія; они соглашались считаться подданными Бѣлаго Царя, пребывать ему вѣрными. Болѣе всего ихъ удивляло, что русскіе солдаты не только не трогали ихъ имущества, но даже сберегали забытыхъ младенцевъ, которыхъ матери приходили разыскивать въ лагерь. Одному почтенному старику возвратили его дочь, красивую дѣвушку. Враждебное настроеніе акушинскаго народа живо смѣнилось уваженіемъ къ великодушію побѣдителей, особенно когда Ермоловъ именемъ Государя Императора объявилъ имъ прощеніе, принялъ отъ нихъ присягу и, взявши заложниковъ, оставилъ ихъ при старыхъ порядкахъ.

Въ то время, когда Ермоловъ громилъ акушинцевъ, одинъ изъ владѣтелей южнаго Дагестана, по имени Сурхай-ханъ, напалъ на Чирахскій постъ, въ которомъ находились двѣ роты Троицкаго полка, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Овечкина. Часть гарнизона, по тѣснотѣ редута, помѣщалась въ селеніи того же имени, занимая казарму. Въ темную декабрьскую ночь 6 тыс. лезгинъ спустились съ горъ, ворвались въ селеніе и вырѣзали большую часть спавшихъ въ казармѣ солдатъ; около 50 человекъ съ прапорщикомъ Щербиной успѣли спастись въ мечеть, обращенную въ магазинъ. Окруженные со всѣхъ сторонъ непріателемъ, завявшимъ

селеніе и преградившимъ всѣ окрестныя дороги, осажденные сразу очутились въ безвыходномъ положеніи. Овечкинъ сдѣлалъ-было изъ редута вылазку, но Щербина просилъ его возвратиться: «Береги людей для охраны крѣпости! Я обрекъ себя на смерть!».— Цѣлый день осажденные били горцевъ на выборъ, но число храбрыхъ защитниковъ уменьшалось; наконецъ, горцы отбили двери, ворвались въ мечеть и съ кинжалами въ рукахъ напали на русскихъ. Отбиваясь штыками, наши погибли геройскою смертью; Щербина съ нѣсколькими солдатами взбѣжалъ на минареть, и каждый горець, который пытался туда проникнуть, летѣлъ внизъ съ раздробленной головой. Тогда лезгины стали подрывать минареть. Два дня продолжалась эта пытка, во время которой Щербина и его доблестные сподвижники оставались безъ пищи, въ ежеминутномъ ожиданіи смерти. Наконецъ она наступила: минареть рухнулъ, придавивъ обломками послѣднихъ его защитниковъ. Обрадованные горцы сейчасъ же кинулись на редутъ: однако ихъ живо осадили картечью; тогда они спустились въ ровъ и завязали перестрѣлку. Солдаты вылѣзали на брустверъ, подвергая себя явной опасности, чтобы только достать лезгина, отчего сами терпѣли больше, чѣмъ непріятель, скрытый во рву; почти всѣ офицеры были убиты или ранены. Такъ прошелъ день, другой, наступилъ третій; въ редутѣ не осталось ни капли воды; солдаты глотали порохъ, но все-таки посылали пулю за пулей, изнемогая въ неравной борьбѣ. — «Товарищи, говорилъ Овечкинъ, обходя ряды солдатъ со своей прострѣленной ногой: я дѣлилъ съ вами всѣ труды и славу, не разъ видѣлъ васъ впереди и никогда не видѣлъ въ побѣгѣ. Не дайте же при концѣ моей жизни видѣть васъ, какъ трусовъ, безъ оружія, а себя въ постыдномъ плѣну! Убейте начальника, если не хотите бить враговъ!»—Солдаты, выслушавъ Овечкина, бросились на валъ, и снова посыпались пули. Прошло еще нѣсколько часовъ; Овечкинъ, истекая кровью, впалъ въ безпамятство. Тогда фельдфебель одной изъ ротъ предложилъ солдатамъ сдаться. Какъ ужаленный, встрепетнулся Овечкинъ и приказалъ связать фельдфебеля: «Я застрѣлю

того, кто первый упомянетъ о сдачѣ!» — Онъ велѣлъ поднести себя къ орудію, сдѣлалъ самъ выстрѣлъ и тутъ же свалился на платформу, прострѣленный двумя пулями. Пораженные твердостью начальника, солдаты дрались отчаянно; они навѣрно послѣдовали бы его примѣру, если бы въ эту рѣшительную минуту не засверкали на склонѣ горъ русскіе штыки: два небольшихъ отряда изъ сосѣднихъ укрѣпленій спѣшили на выручку товарищей. Велика была радость первой встрѣчи; особенно когда наши увидѣли, какъ поспѣшно скрылся Сурхай-ханъ, избѣгая битвы въ открытомъ полѣ. Однако изъ двухъ ротъ Троицкаго полка уцѣлѣло только 70 чел., въ томъ числѣ лишь 8 нераненыхъ.

Ермоловъ никогда не прощалъ подобныхъ покушеній: черезъ мѣсяцъ появилась его прокламація, въ которой Сурхай-ханъ былъ объявленъ лишеннымъ своихъ владѣній; его сынъ, бывшій аманатомъ, заключенъ въ тюрьму, вся его свита и слуги отправлены въ Сибирь. Въ то же время князь Мадатовъ получилъ приказаніе вступить въ Казикумухское ханство. Дорога изъ Ширвани въ южный Дагестанъ считается одной изъ самыхъ трудныхъ на Кавказѣ. Узкія мрачныя ущелья, засыпанныя обломками скалъ, отвѣсныя каменные горы, вѣковые лѣса и бурные потоки заграждали путь нашимъ солдатамъ. Все это они одолѣли и, когда уже вскарабкались на высоту Дибрара, встрѣтили пропасть, шесть сажень ширины и съ полверсты въ глубину. Черезъ нее были переброшены три старыхъ дуба. Князь Мадатовъ, ѣхавшій всегда впереди, не остановился ни на минуту: его маленькая горная лошадка не безъ труда перебралась по качавшимся бревнамъ. У всѣхъ присутствующихъ замерло сердце при видѣ начальника на-волосъ отъ смерти. Но когда онъ былъ на той сторонѣ, офицеры и солдаты пошли по его слѣдамъ. За пропастью начинался спускъ; утесы по краямъ дороги были такъ круты и дикій лѣсъ, покрывавшій ущелье, такъ густъ, что свита Мадатова сошла съ лошадей и пробиралась пѣшкомъ. Былъ полдень, ярко свѣтило знойное кавказское солнце, а въ этомъ мрачномъ ущельѣ было темно и сыро, какъ въ пещерѣ. У подошвы этихъ горъ начиналась Кубинская

провинція, въ главномъ городѣ которой присоединилось къ отряду 800 отличныхъ наѣздниковъ, подъ начальствомъ Асланъ-хана. На дальнѣйшемъ пути къ Шираху предстояла трудная переправа черезъ рѣчку Самуръ. Потребовалось пять часовъ, чтобы перетащить артиллерию черезъ нѣсколько быстрыхъ потоковъ, которыми ниспадалъ Самуръ съ высотъ Чакура. За Самуромъ дорога пролегла по узкому ущелью и по крутымъ утесамъ каменистыхъ горъ. Всѣ тяжести солдаты везли на рукахъ. Въ Кухарѣ, главномъ городѣ Кюринскаго ханства, присоединилось къ отряду еще 400 всадниковъ Асланъ-хана, нашего союзника и вѣрнаго друга. Между прочимъ, лазутчики дали знать Мадатову, что Сурхай-ханъ собралъ поголовное ополченіе и что съ вольными лезгинскими обществами его силы, расположенныя у с. Хозрека, простираются до 20 тыс. Никто въ отрядѣ не бывалъ въ Хозрекѣ, даже не зналъ, что это за мѣсто; однако пошли дальше. Два плѣнныхъ лезгина, захваченные татарскими наѣздниками, показали, что вся непріятельская конница расположена въ семи верстахъ передъ Хозрекомъ, прикрывая такимъ образомъ дорогу; самъ же Сурхай-ханъ, съ отборнѣйшей пѣхотой, защищаетъ окопы до самаго Хозрека. Войскà тронулись, прикрытыя густымъ туманомъ; въ шесть часовъ утра, когда солнце освѣтило вершины горъ, увидѣли линію конницы, растянутой по возвышеніямъ. Князь Мадатовъ послалъ на нее татаръ и три роты Апшеронскаго полка, подъ начальствомъ маіора Мартиненки. Татары, имѣя во главѣ лихого наѣздника Гассана-агу, брата кюринскаго хана, вынеслись живо впередъ, перебрались черезъ обрывы, овраги и, наскочавъ на лезгинъ, обратили ихъ въ бѣгство. Во время бѣшенной погони Гассанъ-ага вдругъ остановился и грянулся ѓ-земь; мѣткая пуля лезгина попала ему въ сердце. Наѣздники, потерявши начальника, окружили его, сбились въ толпу, чѣмъ воспользовались лезгины и стали уже брать верхъ. Но за ними слѣдилъ князь Мадатовъ; онъ прискакалъ самъ, явились три роты апшеронцевъ, и татары, въ глазахъ любимаго начальника, опять ринулись въ битву, такъ что апшеронцамъ оставалось только провожать бѣглецовъ залпами. Съ высоты горъ

открылась вся линія непріятельскихъ заваловъ, весь лагерь Сурхая, его пестрая ставка, украшенная знаменами и окруженная множествомъ другихъ палатокъ изъ цвѣтныхъ шелковыхъ матерій. Тутъ же стояли самые надежные резервы. На разстояніи пушечнаго выстрѣла князь Мадатовъ приказалъ открыть пальбу; черезъ два часа наши замѣтили большую сумятицу. Тогда князь Мадатовъ, раздѣливши свой отрядъ на три части, послалъ ихъ въ атаку на непріятельскіе окопы, а татарскую конницу, подъ начальствомъ Асланъ-хана, направилъ въ обходъ Хозрека, чтобы отрѣзать бѣглецамъ дорогу въ ихъ столицу, Казикумухъ. Съ барабаннымъ боемъ пошла пѣхота прямо на окопы; Асланъ-ханъ, спѣшивъ татаръ, ворвался въ окопы сбоку и сзади; въ это время на нихъ ужъ развивалось знамя храбрыхъ апшеронцевъ. Лезгины бросились на Казикумухъ, но дорога была перехвачена; тогда они стали карабкаться изъ ущелья вверхъ на скалу. Подъѣхавшая артиллерія открыла по нимъ такой сильный огонь, что многіе искали спасенія у Асланъ-хана, отдавая ему въ руки свое оружіе и жизнь. Улицы Хозрека и окрестныя поля были устѣяны убитыми, ранеными, оружіемъ, разными пожитками. Лезгины потеряли до двухъ тысячъ ранеными и убитыми; они бросили свой лагерь съ богатой ставкой Сурхай-хана, 11 знаменъ и 12 мѣдныхъ орудій, принадлежавшихъ когда-то персидскому шаху. Всѣмъ плѣнникамъ, по приказанію Мадатова, объявлена свобода, и они спокойно разошлись по домамъ; раненыхъ лезгинъ отдали на попеченіе ихъ женамъ, либо поручили мулламъ, при чемъ князь Мадатовъ даже назначилъ для нихъ особаго доктора. Соро жители убѣдились, что русскіе ведутъ войну не съ ними, а съ ихъ коварнымъ ханомъ; они возвращались въ свои дома, гдѣ находили все въ такомъ же видѣ, въ какомъ оставили. Сурхай-ханъ съ поля битвы прискакалъ съ десяткомъ нукеровъ къ стѣнамъ своей столицы, но старшины не впустили его въ городъ. Они отдали хану его женъ, дѣтей и сказали, чтобы онъ ѣхалъ дальше, куда хочетъ. Тогда Сурхай-ханъ бѣжалъ въ Аварію. Затѣмъ трое старшинъ явились въ Хозрекъ и заключили съ княземъ Мадатовымъ договоръ, по

которому казикумухцы обязаны были принять къ себѣ новаго хана. На другой же день отрядъ вступилъ въ столицу. У воротъ ожидали депутаты со знаменами и высокими шестами, перевитыми зеленью. Старшины поднесли городскіе ключи на богатомъ блюдѣ, наполненномъ рисомъ, и князь Мадатовъ, по обычаю страны, долженъ былъ его отвѣдать. Послѣ этого ему подвели богато осѣдланную лошадь, съ просьбою принять въ подарокъ, а, кромѣ того, — ружье, пистолеть, шашку и кинжалъ превосходнѣйшей работы. Князь Мадатовъ, свободно говорившій по-лезгински, умѣлъ сразу очаровать жителей и привлечь ихъ на свою сторону: большою толпою лезгины провожали его до ханскаго двора, гдѣ вся лѣстница была украшена персидскими коврами и златоткаными дорогими матеріями. Водворивъ въ этомъ дворцѣ Асланъ-хана, князь Мадатовъ вернулся въ лагерь. На третій день растворились настезь двери большой мечети, въ нее вошелъ Асланъ-ханъ, сопровождаемый многочисленною и блестящею свитою. Посреди мечети лежалъ на барабанѣ коранъ, подъ знаменемъ Апшеронскаго полка, одна рота котораго стояла у дверей мечети въ видѣ почетнаго караула. Старшины поочередно подходили къ корану, клали на него правую руку, при чемъ произносили слова присяги на вѣрность Императору Александру и своему новому хану. По окончаніи обряда, новый казикумухскій ханъ, Асланъ, появился на крепостной стѣнѣ въ богатой пурпуровой одеждѣ; громъ русскихъ пушекъ и крики народа служили ему радостнымъ привѣтомъ. — Такъ успѣшно наступали русскіе во времена Ермолова на плоскость Чечни и грозныя выси Дагестана.

ЗАЩИТА ГЁРГЕБИЛЯ.

Черезъ десять лѣтъ послѣ походовъ Ермолова вглубь Чечни и Дагестана среди горцевъ стало распространяться новое ученіе, которое сплотило ихъ въ одинъ народъ и ополчило противъ русскихъ. Это ученіе получило названіе мюридизма. Первымъ его проповѣдникомъ былъ мулла изъ с. Гимры, по имени Кази-мулла. Онъ говорилъ: «Я посланъ отъ Бога спасти васъ. Итакъ, во имя Его и пророка призываю васъ на брань съ невѣрными. Казавать (священная война) русскимъ! Казавать всѣмъ, кто забываетъ вѣру!»—Въ 1832 году баронъ Розенъ подступилъ къ Гимрамъ, гдѣ заперся пророкъ съ шестью сотнями вѣрныхъ. Дрались отчаянно съ обѣихъ сторонъ отъ восхода до захода солнца; было холодно, дулъ ужасный вѣтеръ. Горцы не выдержали и разбѣжались; но Кази-мулла, Шамиль и самые преданные мюриды, числомъ 15, вошли въ башню и стали отстрѣливаться черезъ бойницы. Наконецъ, Кази-мулла сказалъ: «Здѣсь насъ всѣхъ перебьютъ, и мы погибнемъ, не сдѣлавъ вреда невѣрнымъ; лучше выйдемъ и умремъ пробиваясь». Съ этими

словами онъ надвинулъ на глаза шапку и бросился изъ дверей. Только-что онъ успѣлъ выскочить изъ башни, какъ солдатъ ударилъ его въ затылокъ камнемъ; онъ упалъ и тутъ же былъ заколотъ штыками. Шамиль, видя, что противъ дверей стоятъ два солдата съ прицѣвленными ружьями, выпрыгнулъ какъ тигръ и очутился сзади обоихъ. Они тотчасъ повернулись къ нему, но онъ зарубилъ ихъ шашкой, а третій солдатъ убѣжалъ; въ это время четвертый вонзилъ ему штыкъ, такъ что конецъ штыка вышелъ на спинѣ. Шамиль схватилъ правой рукой дуло ружья, выдернулъ штыкъ и, зажавъ рану, началъ махать шашкой. Солдаты боялись въ него стрѣлять, чтобъ не попасть въ своего, но успѣли его ранивъ еще два раза: въ затылокъ и разбили на груди кость. Вдругъ сзади Шамиля раздавался крикъ: «Аллахъ!» и послышался лошадиный топотъ: это были мюриды. Тогда Шамиль пустился бѣжать въ сопровожденіи мюрида Мухамеда-Али. Выбѣжавъ изъ деревни, онъ упалъ на землю и, отдавая свою шапку, сказалъ Мухамеду: «Сохрани шапку, я умираю!» Но Мухамедъ не ушелъ, а отойдя немного, поджидалъ, пока русскіе оставили деревню. Когда стемнѣло, Шамиль пришелъ въ сознаніе и вспомнилъ, что пора молиться; только-что началъ читать молитвы, какъ кровь хлынула у него изъ раны и горла. Тогда съ помощью мюрида, онъ приподнялся и кое-какъ добрался до Унцукуля, гдѣ, пролежавъ три мѣсяца, выздоровѣлъ, а еще черезъ два мѣсяца уже сидѣлъ на конѣ.

Шамиль имѣлъ дарованія воина и правителя. Черезъ 8 лѣтъ онъ стоялъ во главѣ чеченскаго народа, многочисленнаго, единомышленнаго и воинственнаго. Поселившись въ Дарго, среди дремучихъ лѣсовъ, онъ сталъ тревожить своими набѣгами нашу Линію и въ то же время подчинялъ своей власти вольный Дагестанъ. Въ концѣ 1843 года Шамиль считался неограниченнымъ повелителемъ всей восточной половины Кавказа, располагая тридцати-тысячнымъ войскомъ. Въ одно и то же время онъ былъ старшій мулла и военачальникъ, поучалъ въ мечети и обучалъ войска, управлялъ совѣстью народа и его грознымъ ополченіемъ.

Каждый горецъ долженъ былъ служить отъ 16 до 60 лѣтъ; выходить на войну съ винтовкой, пистолетомъ и шашкой, а кто побогаче — на собственномъ конѣ. Въ обыкновенныхъ случаяхъ число воиновъ распредѣлялось по наибствамъ, но въ случаѣ большой опасности выходили старъ и младъ, и горе тому, кто осмѣлился ослушаться имама: ему грозила сѣкира палача, сопровождавшаго Шамиля во всѣхъ его походахъ.

Въ августѣ 1843 года Шамиль собралъ по окончаніи жатвы около десяти тысячъ горскихъ народовъ и въ самое короткое время взялъ и разорилъ въ горахъ Дагестана 6 нашихъ укрѣпленій. Отряды, спѣшившіе на выручку, были уничтожены. Много мы потеряли въ этотъ тяжелый годъ: 50 офицеровъ, полторы тысячи солдатъ, 12 полевыхъ орудій, не считая чугунныхъ, бывшихъ въ крѣпостяхъ. Аварія, за исключеніемъ Хунзаха, была очищена отъ русскихъ; аулы лежали въ развалинахъ, укрѣпленія срыты, посѣвы истреблены, фруктовые сады срублены, оставленъ камень и голая пустыня. Въ безлѣсной и скалистой Аваріи посѣвы дѣлались на уступахъ, по крутымъ скатамъ горъ; на эти уступы трудолюбивые аварцы взвозили землю издалека, или на ослахъ, или втаскивали на своихъ собственныхъ плечахъ. Небольшое число деревьевъ да кукуруза кормили жителей Аваріи. Шамиль порубилъ всѣ фруктовыя деревья; велѣлъ раскидать и стѣнки, которыя поддерживали плодоносную землю; горные потоки смыли ее окончательно. Было очевидно, что вслѣдъ за покореніемъ Аваріи, Шамиль набросится на прикаспійскія ханства: Мехтулинское и Шахмальское; дорогу въ эти ханства заслоняли два русскихъ укрѣпленія: Зыряны и Гергебиль...

Гергебиль лежитъ въ глубокомъ ущельѣ на правомъ берегу Аварскаго Койсу, при слияніи ея съ Кара-Койсу. Собственно аулъ Гергебиль — на отдѣльномъ большомъ курганѣ, а укрѣпленіе — у самаго берега, гдѣ изъ него можно было обстрѣливать переправу. Для защиты отъ выстрѣловъ съ ближайшихъ террасъ, на одной изъ нихъ, былъ построенъ небольшой редутъ, на роту солдатъ. Укрѣпленія были вообще слабы: рвы неглубоки, бруствера сло-

жены изъ камня, на глинь. Двѣ роты Тифлисскаго гренадерскаго полка, подъ командой маіора Шаганова, при пяти орудіяхъ, составляли весь гарнизонъ этой одинокой крѣпостцы, отрѣзанной отъ Дагестана. Еще въ началѣ октября маіоръ Шагановъ послалъ нѣсколько донесеній въ Темиръ-Ханъ-Шуру, что кругомъ крѣпости стало неспокойно; но ни одно изъ его донесеній не дошло по назначенію. Наконецъ, онъ узналъ, что даже акушинцы, этотъ самый вѣрный намъ народъ, ни разу не измѣнившій со временъ Ермолова, вошелъ въ сношеніе съ Шамилемъ. Задумался маіоръ: не о себѣ онъ думалъ, а о судьбѣ страны, обреченной на гибель. Онъ собралъ весь гарнизонъ, рассказалъ все, что зналъ, и потомъ спросилъ: «Не найдется ли, братцы, между вами такой, который взялся бы доставить рапортъ въ Шурѹ, только надо знать по-лезгински: бѣзъ этого не пройдешь». На этотъ вызовъ вышелъ изъ рядовъ молодой красивый солдатъ Александръ Павловъ. Ласково потрепалъ его по плечу сѣдой маіоръ и приказалъ зайти къ себѣ вечеромъ. Солдаты тотчасъ окружили Павлова; пошли шутки, догадки, взрывы веселаго хохота; никто бы со стороны не повѣрилъ, что эти люди обречены на вѣрную смерть.

Какъ только смерклось, Павловъ переодѣлся въ истрепанный бешметъ, привѣсилъ съ боку кинжалъ и, выйдя за укрѣпленіе, направился къ обрыву. Заглянувши внизъ, онъ крикнулъ филиномъ. Въ отвѣтъ раздался вой шакала, пронзительный, надрывающій душу. Тогда Павловъ закутался въ бурку, прилегъ на землю и покатился внизъ. Тамъ ждала его невѣста, молодая акушинка. Солдатъ рассказалъ ей, что сегодня ночью долженъ идти въ Шурѹ съ важными бумагами; пути онъ не знаетъ, лучше бы идти имъ вмѣстѣ. — «Хорошо, ага! Я готова, идемъ сейчасъ». Солдатъ велѣлъ ей подождать, а самъ взобрался наверхъ и черезъ четверть часа былъ дома. Тутъ онъ перекинулъ черезъ плечо винтовку, набралъ патроновъ, заткнулъ себѣ за поясъ два пистолета, осмотрѣлъ кинжалы и послѣ этого отправился къ маіору. — «Ну, братъ, молодчина!» сказалъ маіоръ, осматривая съ ногъ до головы солдата. «Вотъ тебѣ пакетъ, а на всякій случай запомни, что мы просимъ

помощи. Если же вѣйка у нихъ нѣтъ, скажи: и не надо; маіоръ Шагановъ не отдастся, молъ, живымъ, такъ и скажи. Ну, прощай, съ Богомъ!» — Павловъ поспѣшилъ въ оврагъ. Ночь была темная, туманная, моросилъ мелкій дождь. Акушінка повела Павлова такой дорогой, по которой могъ ходить только звѣрь дикій; даже не всякій горецъ вылѣзъ бы изъ этихъ тущобъ. Акушінка, одѣтая по-мужски, ползла какъ змѣя, расчищая дорогу жениху. Такъ дошли они до пропасти, на днѣ которой слышалось журчанье ручейка. Отдохнувши съ полчаса, Акушінка свернула свою бурку и привязала ее ремнемъ къ себѣ за спину; то же самое сдѣлалъ и Павловъ. Тогда она спустилась внизъ, ухватилась за вѣтку и, какъ векша, повисла надъ пропастью; за нею прыгнулъ Павловъ. Шагъ за шагомъ, цѣпляясь то руками, то ногами, добрались они до рѣчки, гдѣ непривычный солдатъ свалился какъ снопъ. Однако Акушінка заставила его подняться и, жуя на ходу кукурузную лепешку, полѣзла наверхъ; потомъ они углубились въ густой лѣсъ. Стало свѣтать, надо было переждать, потому что горцы на всѣхъ путяхъ сторожили русскихъ лазутчиковъ. Акушінка залѣзла въ дупло стараго орѣшника, а Павловъ, подославши возлѣ свою бурку, въ тотъ же мигъ заснулъ какъ убитый. На закатѣ солнца они пошли дальше и въ самую полночь добрались до Шуры. Павловъ вручилъ пакетъ генералу Гурко, отцу того самаго Гурко, который бралъ Горній-Дубнякъ и билъ турокъ на Балканахъ; онъ былъ тогда начальникомъ войскъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ. Невелики были эти войска: собственно въ Шурѣ находилось всего 3 батальона пѣхоты, 5 горныхъ орудій, сотня казаковъ и татарская конница. Съ этимъ отрядомъ генераль Гурко выступилъ 1-го ноября къ Гергебилию, пославши предписаніе князю Аргутинскому слѣдовать туда же изъ Кумуха. Дорѣгу пересѣкалъ высокій Кутинскій хребетъ, прорѣзанный глубокою и непомѣрно узкою расщелиной, извѣстной подъ именемъ Аймякинскаго ущелья; полсотни ружей было бы совершенно достаточно для обороны его въ любомъ мѣстѣ.

Сдѣлавши сто верстъ, отрядъ остановился; генераль Гурко по-

слалъ одного изъ офицеровъ впередъ узнать, что дѣлается въ Гергебилѣ. Торновъ, — такъ звали офицера, — поднялся съ 40 охотниками на Кутижинскій кряжъ, откуда гергебильская котловина и атакованная крѣпость видны были какъ на ладони. Горцы густыми толпами облегли крѣпость; ихъ было отъ 8 до 10 тыс. Они вели атаку разомъ и на главное укрѣпленіе, и на верхній редутъ, по которому палили изъ своихъ трехъ орудій, поставленныхъ въ аулѣ. За нѣсколько сотъ шаговъ отъ крѣпости стояли дрова; изъ этихъ-то дровъ горцы устроили себѣ первое закрытіе и потомъ стали подвигаться къ брустверу, перекидывая полѣшки, точно подвижные костры. Плотный рядъ высокихъ костровъ съ каждымъ часомъ тѣснѣе и тѣснѣе охватывалъ Гергебиль. Изъ главнаго укрѣпленія, бывшаго внизу, наши солдаты отвѣчали еще бодро на непріятельскій огонь, но верхній редутъ оборонялся уже слабо. Его брустверъ и крытый ходъ къ нижнему укрѣпленію были разбиты; орудія стрѣляли рѣдко, ружья едва отзывались: видимо, не доставало ни людей, ни пороху. Если горцы пойдутъ на штурмъ, редуту не устоять... Однако Торновъ видѣлъ, что два штурма были отбиты. Онъ видѣлъ, какъ вся долина покрывалась толпами, бѣжавшими изъ крѣпости, какъ поочередно вспыхивали крѣпостныя орудія, какъ пробѣгала огненная нитка ружейныхъ залповъ; слышалось гиканье, дробная пальба, глухіе пушечные удары... Затѣмъ наступала глубокая тишина: обѣ стороны отдыхали; но это продолжалось недолго; снова гремѣли орудія, снова загорался бой. Ночная тьма заставила Торнова вернуться въ отрядъ; онъ доложилъ генералу все, что видѣлъ. Въ 2 часа ночи отрядъ выступилъ. Не весело шли солдаты; офицеры пытались ихъ ободрять, но у самихъ было жутко на сердцѣ. Не доходя версты двѣ до обрыва, спускавшася въ Аймякинское ущелье, отрядъ остановился. Здѣсь начинался одинъ изъ труднѣйшихъ спусковъ: единственная тропинка ведетъ въ глубокіе овраги, проходитъ тѣсною между огромныхъ камней, свалившихся нѣкогда сверху, и черезъ 3—4 версты приводитъ къ подножію Кутижинскаго хребта. По обѣ стороны этой тропинки виднѣлись завалы; каждый изъ каменныхъ

заваловъ, занимая крутой гребень или шпилемъ выдающуюся скалу, составлялъ какъ бы отдѣльное укрѣпленіе. Если и можно было спуститься къ Гергебилю, то выбраться изъ него никакъ нельзя: на обратномъ пути отряду угрожала полная гибель. Ночь выдалась темная, морозная; рѣзкій вѣтеръ гудѣлъ въ ущельѣ, вырываясь вихремъ и заноса оледенѣлымъ снѣгомъ печальный русскій бивакъ. Это мѣсто считалось неприступнымъ: правый флангъ упирался въ отвѣсный обрывъ; съ лѣвой стороны—каменный гребень, а спереди—первый заваль. Отрядъ расположился скрытно; солдаты улеглись кучками на снѣгу. На утренней зарѣ наши стали смотрѣть въ трубу и увидѣли, что верхній редутъ уже взятъ; изъ него непріятель кидаетъ гранаты въ середину нижняго укрѣпленія; дровяные костры замѣтно умножились, приблизившись почти къ контръ-эскарпу; крѣпость обороняется слабѣе вчерашняго. Порѣшили ждать Аргутинскаго.

Безъ палатокъ, на снѣгу и на голомъ камнѣ расположились наши войска; двое сутокъ стояли они на безводной и безлѣсной горѣ; воду и дрова добывали съ трудомъ, отряжая большія команды, поочередно спускавшіяся въ Аймякинское ущелье. Отрядъ бодро переносилъ голодъ и холодъ, но жутко было смотрѣть, какъ погибали защитники Гергебиля. «Не гоже стоять скрестя руки, говорили солдаты, и смотрѣть, какъ свою православную братію рѣжетъ нехристь. Хошь бы поплатиться своимъ животомъ, а пытнуть: все бы легче стало на душѣ». И не однихъ солдатъ грызла тоска; генераль Гурко ходилъ понуря голову, насупя брови: щемило и его отзывчивое сердце. Какъ солдатъ, онъ десять разъ умеръ бы съ радостью подъ кинжаломъ лезгина, но, какъ генераль, онъ долженъ былъ беречь каждого солдата, составлявшаго отрядъ, этотъ послѣдній резервъ Дагестана; больше войскъ не было. Между тѣмъ, вокругъ Гергебиля безъ умолку трещали ружья и гремѣли орудія. Раза два въ теченіе дня огонь усиливался, поднимался страшный крикъ и потомъ наступала гробовая тишина: это означало — крѣпость штурмуютъ, штурмъ отбить. На третьи сутки, часа за два до заката солнца, было получено отъ Аргу-

тинскаго донесеніе, что онъ не можетъ прибыть на выручку Гергебиля раньше восьми дней, по случаю волненій въ южномъ Дагестанѣ. Двое сутокъ уже прошло! приходилось ждать еще шесть «Ну, теперь надо намъ идти домой!» сказалъ твердо генераль. И видно было, что прежде, чѣмъ это сказать, онъ много передумалъ, много перестрадалъ. «Гергебиль погибнетъ, пояснилъ Гурко, но мы спасемъ весь край и своихъ послѣднихъ солдатъ». — Дѣйствительно, взявши Гергебиль, Шамиль могъ окружить отрядъ или запереть ущелье.

Съ нашего бивака отлично видѣли, что наступаетъ послѣдній часъ непримѣрной защиты: еще одинъ приступъ—и конецъ. Непрiятель подошелъ къ самому брустверу; изъ крѣпости почти не отвѣчали. Совсѣмъ уже смеркло, войска начали трогаться, вытягиваясь на тропинку. Въ Гергебильской котловинѣ вдругъ заклокотало: ружейные выстрѣлы, пушечные удары, визгъ, крикъ... потомъ дрогнула земля, пошелъ гулъ въ горахъ—и все смолкло. Отъ генерала до солдата, всѣ сняли шапки и перекрестились. Каждый понялъ безъ словъ, что не стало храбрыхъ защитниковъ. Мрачно и угрюмо торчали скалистые горы; такъ же мрачно и угрюмо смотрѣли солдаты, покидая проклятую гору.

Прошло пять лѣтъ. Наши войска опять собрались брать Гергебиль, и вотъ, въ одну изъ темныхъ дагестанскихъ ночей, пришелъ въ русскій лагерь худой какъ смерть, оборванный акушинецъ. Солдаты схватили его, думая, что это лазутчикъ. «Какой же я, братцы, лазутчикъ! сказалъ онъ слабымъ голосомъ. Я унтеръ-офицеръ Тифлискаго полка, былъ въ плѣну и не чаялъ, что доберусь сюда. Какъ слышалъ, что наши идутъ брать Гергебиль, такъ просто душа хотѣла выскочить отъ радости. Крѣпко меня держали, а все-таки задумалъ я бѣжать. На ту пору захворалъ лихорадкой, такъ перестали сажать ночью на цѣпь: онъ, дескать, больной, куда ему уйти! А я, вотъ, и ушелъ: все больше ползкомъ, ползкомъ...» Солдаты и офицеры обступили бѣднягу; всѣмъ хотѣлось узнать, какъ и когда онъ попался въ плѣнъ. Оказалось, что это былъ единственный, чудомъ уцѣлѣвшій, солдатъ изъ слав-

ныхъ защитниковъ Гергебиля. Знали, что уцѣлѣло двое офицеровъ, а про солдата никто не слыхалъ. Онъ разсказалъ слѣдующее: «Когда посыпалъ въ укрѣпленіе непріятель, все равно, что горохъ изъ мѣшка, маіоръ сразу увидѣлъ, что пришелъ капуть. Взялъ онъ фитиль и пошелъ въ паркъ: «Прощайте, братцы, до скорого свиданія!» говоритъ. Мы было всѣмъ за нимъ, да мехтулинцы и подлые акушинцы обступили насъ со всѣхъ сторонъ. Было ихъ человѣкъ по сорокъ на одного нашего. Какъ зачали они насъ рубить — и порѣшили всѣхъ бы до одинаго; только недолго тѣшились. Что-то треснуло, бухнуло огнемъ, стряслась земля, а дальше я ужъ ничего не помню, обезпамятѣлъ. Очнулся я въ оврагѣ; на мнѣ и кругомъ видимо-невидимо убитыхъ, разодранныхъ людей. Пробовалъ я изъ-подъ нихъ вылѣзти — моченьки нѣтъ; я и застоналъ. Ко мнѣ сейчасъ бросились, хотѣли зарубить, да старшій не позволилъ: велѣлъ осмотрѣть мою рану и лѣчить. Съ мѣсяць пробылъ я съ ними въ аулѣ; которые изъ нихъ остались поправлять укрѣпленіе, другіе ушли въ горы; эти взяли и меня съ собой. Днемъ я работалъ, ночью сажали на цѣпь, какъ собаку... Наконецъ-то я дожилъ до радости добраться къ своимъ! Эхъ, кабы теперь еще былъ живъ нашъ маіоръ!..» и слезы градомъ потекли по изнуренному, страдальческому лицу добраго солдата.

Гонецъ маіора Шаганова Александръ Павловъ, узнавши о гибели своихъ товарищей, такъ затосковалъ, что хотѣлъ наложить на себя руки, но за нимъ слѣдила акушинка и во-время спасла его отъ грѣха. Это была кроткая и рѣдкой доброты женщина. Въ скоромъ времени она приняла святое крещеніе и, обвѣнчавшись съ Павловымъ, осталась для него тѣмъ же вѣрнымъ другомъ, какимъ была въ горахъ Дагестана.

КЮРЮКЪ-ДАРА.

В то время, когда англичане и французы свозили свои войска въ Цареградъ, подготавливая высадку на берега Крыма, небольшая кавказская армія побѣдно наступала въ глубину азійскихъ владѣній Турціи. Это была славная армія, прошедшая трудную боевую школу, обученная въ горахъ и ущельяхъ Кавказа и, подъ начальствомъ своихъ доблестныхъ вождей, способная на такіе подвиги, какіе рѣдко встрѣчаются въ лѣтописяхъ военной исторіи. Ядромъ этой арміи служили кавказскіе гренандеры — пѣхота, съ которою можно сравнить развѣ только старую гвардію Наполеона; украшеніемъ кавалеріи были нижегородскіе драгуны. Не только офицеры, но каждый солдатъ этого полка зналъ отлично свое дѣло, не теряясь во всѣхъ трудныхъ случаяхъ, какихъ на Кавказѣ, бывало, не оберешься. Зачастую босые и оборванные, нижегородцы такъ сроднились съ походной жизнью и ежечасной встрѣчей съ непріателемъ, что никогда не разставались съ оружіемъ, даже на своихъ квартирахъ. — Турецкая армія, собранная противъ нашей границы и извѣстная подъ

именемъ Анатолийской, была лучшею изъ всѣхъ войскъ, которыми располагала Турція. Здѣсь находились солдаты, обвыкные въ бояхъ противъ курдовъ, лазовъ и другихъ воинственныхъ народовъ Азіи; въ этой же арміи были храбрые арабистанцы, принадлежавшіе къ войскамъ гвардіи. Турецкая пѣхота вообще хорошо держалась въ бою, даже подъ огнемъ артиллеріи; и артиллерія была не худа, зато кавалерія гораздо хуже. Уланы, на своихъ маленькихъ безсильныхъ лошаденкахъ, потѣшали нашихъ солдатъ своимъ жалкимъ видомъ; курды и баши-бузуки нападали, правда, смѣло, порывисто, но такъ какъ никогда не получали поддержки, то скоро перестали вѣрить въ свою силу. Въ Анатолийской арміи къ срединѣ лѣта считалось 45 баталіоновъ пѣхоты, 38 эскадроновъ конницы, 84 орудія и до 14 тыс. баши-бузуковъ, всего же около 60 тыс. Въ нашемъ александропольскомъ отрядѣ было втрое меньше, хотя орудій почти столько же.

15-го іюня 1854 года русскій корпусъ выступилъ изъ Александрополя и потянулся по дорогѣ къ Карсу, на армянское селеніе Мешко. На первомъ привалѣ показалось облако пыли, скрывавшее толпу всадниковъ, войска стали въ ружье: это былъ князь Бибуртовъ, корпусный командиръ. Радостными криками встрѣтили и проводили солдаты своего любимаго начальника, котораго, по старой кавказской привычкѣ, называли по имени и отчеству, Василіемъ Осиповичемъ; его сопровождали князь Барятинскій, генераль Бѣлявскій, Багговуть, полковникъ Ольшевскій и нѣсколько адъютантовъ. Послѣ объѣзда начался молебенъ. Горячо молились солдаты, не разъ оглядываясь въ ту сторону, гдѣ протекалъ Арпачай. Тамъ оставалась родина, впереди — война, походы и битвы, награды и увѣчья, слава и смерть. Вотъ забили барабаны, шапки надѣты, и весь корпусъ сталъ вытягиваться въ походную колонну. На девятый день похода войска стянулись на позиціи возлѣ селенія Кюрюкь-Дара. Всякій зналъ, что непріятель недалеко, и всякій чувствовалъ, что тутъ, на этой равнинѣ, покрытой густою, сочною травою, разыграется кровавая битва. Влѣво отъ нашей позиціи возвышалась гора Караялъ, отъ которой понижался длинный

рядъ холмовъ, окаймлявшихъ эту луговую равнину; за холмами, на большой карской дорогѣ, верстахъ въ 15 отъ русскаго лагеря, стояла анатолийская армія. Отъ нечего-дѣлать, турки копали рвы, возводили бруствера, рассчитывая въ случаѣ неудачи за ними укрыться. Наши также укрѣпили свою позицію. На вершинѣ горы Караяла былъ заложенъ небольшой редутъ, въ который посылали каждую ночь пѣхоту, а для поддержки ставили внизу эскадронъ кавалеріи.

Прошло двѣ недѣли; кромѣ небольшой схватки на аванпостахъ все было тихо. 10-го іюля, на самомъ разсвѣтѣ, барабаны забили тревогу. Встрепенулся отрядъ, войска стали въ ружье и увидѣли, что на одной изъ окрестныхъ горъ показалась турецкая конница; самыя большія силы скопились какъ разъ противъ лагеря нижегородскихъ драгунъ. «Ну, что, нижегородцы, спите?.. Вставайте! Постойте-ка, мы разбудимъ васъ!» — такъ кричали наши измѣнники. Лихіе нижегородцы вскочили на коней, и турки тотчасъ успокоились. Но за драгунами уже собирались линейцы подъ командой своихъ безстрашныхъ командировъ, Скобелева и Камкова. Вихремъ вынеслись они изъ-за драгунъ и поскакали въ гору. Послѣ жаркой сѣчи турки были сброшены внизъ; линейцы гнали ихъ по полю, пока генераль Багговуть не подалъ сигнала вернуться. Послѣ этой встрѣчи турки, будто, ободрились и даже искали случая схватиться еще. Пошли наши какъ-то на рекогносцировку, подъ начальствомъ генерала Багговута и, не доходя аула Хаджи-вали, остановились; офицеры генеральнаго штаба стали снимать планъ окружающей мѣстности. Въ это время на холмѣ показалась толпа турокъ; между ними одинъ на красивой бѣлой лошади, въ красномъ плащѣ. Отъ толпы отдѣлился баши-бузукъ, остановился шаговъ за 200. противъ драгунъ, выпалилъ изъ пистолета и какъ вѣтеръ — назадъ. Нашлись охотники продѣлать то же самое: одинъ за другимъ спускались всадники, гарцовали передъ фронтомъ, вызывая въ нашихъ задоръ. Солдаты весело поглядывали на бѣшеную джигитовку: «Ишь разобрало его какъ! Смотри, ребята, вонъ на рябой лошаденкѣ кружится!.. Вонъ, опять пошелъ, словно

немочь его схватила. Ну, народецъ же развеселый въ этой Азіи, даромъ штуку ломаетъ передъ тобой, право слово, даромъ». — Генераль подъѣхаль къ орудію и спросиль у фейерверкера: «А что, братъ, достанетъ ли ядро до той кучки?» — «Достанетъ, ваше превосходительство!» — «А ну-ка, попробуй!» — Грянулъ выстрѣлъ, вылетѣла граната и, точно остановившись надъ кучей, разсыпалась осколками. Бѣлая лошадь взвилась на дыбы, мелькнулъ красный плащъ — и все скрылось. — «Попалъ!» закричали присутствующіе въ одинъ голосъ. Сзади послышался гикъ: это сотня линейцевъ понеслась на холмъ. Очень имъ хотѣлось схватить краснаго пашу, но едва они взлетѣли на холмъ, какъ на-встрѣчу имъ высыпали изъ засады баши-бузуки. Не успѣли изъ отряда выслать на помощь эскадронъ, какъ баши-бузуки уже удирали, а казаки возвращались съ краснымъ плащемъ. Онъ принадлежалъ англійскому генералу, служившему начальникомъ штаба въ турецкой арміи.

Послѣ этого случая турки нѣсколько дней не выходили изъ своего лагеря; все затихло, обѣ стороны готовились къ битвѣ. Продолжительное бездѣйствіе русскихъ войскъ побудило пылкаго англичанина склонить турецкаго главнокомандующаго атаковать русскихъ. Въ ночь съ 22-го на 23-е іюля всѣ турецкіе обозы были отправлены въ Карсъ; въ ту же ночь появились на нашихъ аванпостахъ два армянина и сообщили эту важную вѣсть, прибавивши, что турки выступаютъ, но куда — неизвѣстно. Князь Бебутовъ, полагая, что турки хотятъ отступить, рѣшился преслѣдовать непріятеля и атаковать его во флангъ и тылъ. Въ самую полночь корпусъ выстроился передъ лагеремъ, помолился и, свернувшись въ колонны, сталъ вытягиваться по направленію къ Карсу; впереди пошли охотники Лорисъ-Меликова и линейные казаки Скобелева; за ними, въ двухъ колоннахъ, вся пѣхота, имѣя въ интервалахъ артиллерію; сзади — драгуны, конная артиллерія и донцы. Разговоры, куреніе трубокъ было строго запрещено; шли тихо, осторожно, къ тому же и ночь выдалась темная-претемная. На разсвѣтъ одинъ изъ офицеровъ замѣтилъ

на Караялѣ множество значковъ и какія-то ползущія пятна. Схватились за бинокли—турецкая пѣхота. Князь Бебутовъ взялъ дивизионъ нижегородцевъ и поднялся на возвышенность: передъ нимъ открылась вся турецкая армія, наступавшая на русскій лагерь. Князь Бебутовъ сейчасъ же приказалъ разсыпать линейныхъ казаковъ, чтобы сколько-нибудь замедлить наступленіе турокъ; пѣхотѣ велѣлъ подвинуться назадъ, сдѣлать поворотъ налѣво и стать лицомъ къ неприятелю. Поскакали ординарцы, повеслись адъютанты, и все поле мигомъ зашевелилось. Заря пышно разгоралась, обѣщая чудный день; холодное утро освѣжило усталыхъ отъ бессонной ночи солдатъ. Войска передвигались, становились на назначенныя мѣста, безъ суеты, стройно, въ порядкѣ. Въ центрѣ стали 7 гренадерскихъ батальоновъ, съ тремя батареями впереди; правый флангъ состоялъ почти весь изъ кавалеріи; на лѣвый флангъ были направлены также 7 батальоновъ пѣхоты, 13 драгунскихъ эскадроновъ и донская батарея. Турки имѣли намѣреніе атаковать насъ съ фронта и съ праваго фланга въ то время, когда баши-бузуки должны были обойти съ обоихъ фланговъ и, отрѣзавши отъ Александрополя, овладѣть нашимъ вагенбургомъ. Каждое изъ двухъ крыльевъ турецкой арміи въ отдѣльности было сильнѣе, чѣмъ весь корпусъ Бебутова.

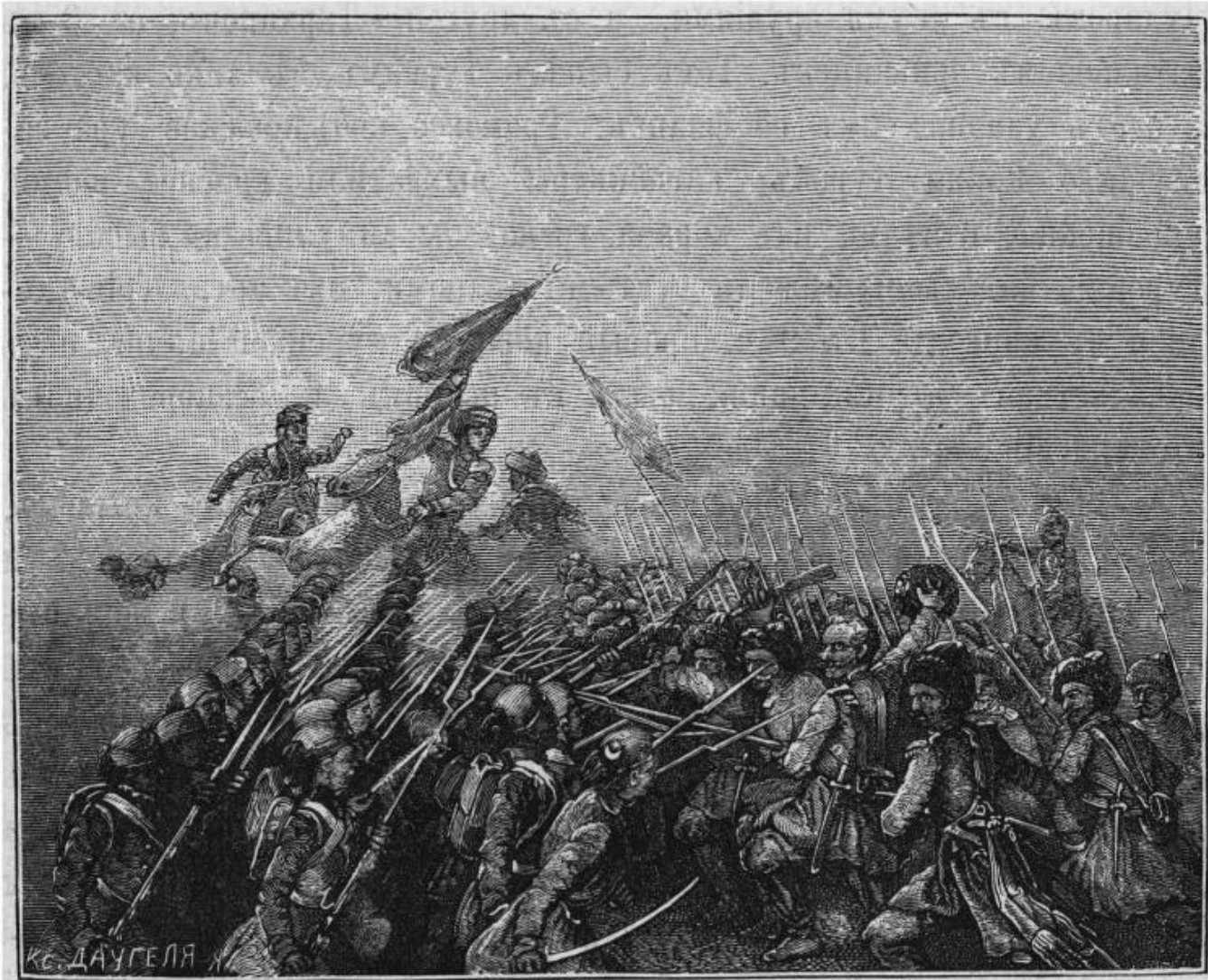
Для насъ въ эту минуту было весьма важно не позволить туркамъ утвердиться на высотахъ Караяла, почему батальоны Бѣлевскаго полка, прибывшіе раньше другихъ на лѣвый флангъ, получили приказаніе занять эту высоту; въ подкрѣпленіе имъ посланы на рысяхъ тверской и нижегородскій драгунскіе полки. Но неприятель уже успѣлъ поставить двѣ батареи; онъ пронизывалъ картечью ряды тверскихъ драгунъ, которые шли правѣе нижегородцевъ, слѣдовательно ближе къ туркамъ. Одна изъ турецкихъ батарей, перемѣнивши фронтъ, брала ихъ въ-перекрестъ. Солдаты, не бывшіе въ дѣлахъ, стали колебаться. Тогда выскочилъ впередъ графъ Ниродъ, приказалъ полковнику Куколевскому атаковать эту батарею и, повернувъ коня, самъ помчался впереди; за нимъ ринулись 10 эскадроновъ. Около 40 орудій били полкъ

съ фронта и съ фланга; но драгуны молча неслись прямо на пушки. Турецкая пѣхота быстро разсѣялась, и драгуны начали рубить артиллеристовъ. Но въ эту минуту изъ-за Караяла вынеслись турецкіе уланы съ пиками на-перевѣсъ. Драгуны, насыпанные между орудіями, были заняты другимъ дѣломъ; Куколевскій замѣтилъ опасность: «Что вы дѣлаете, ребята?» закричалъ онъ на все поле: «не въ пушкахъ дѣло, а въ побѣдѣ! Бо мнѣ!» Раненый въ руку храбрый Куколевскій опять повелъ драгунъ и дружнымъ натискомъ сломилъ турокъ; на этотъ разъ драгуны занесли еще дальше. Турецкіе батальоны успѣли устроиться, забѣжали имъ въ тылъ и стали посылать одинъ залпъ за другимъ. Утомленные въ конецъ, разстроенные драгуны повернули и, провожаемые залпами въ спину, все-таки увезли четыре турецкихъ орудія. Турки оправались; они перешли въ наступленіе: артиллерія громила теперь бѣлевскіе батальоны, штуцерные шли въ атаку, уланы кидались впередъ, смѣняя свои эскадроны. Старый кавказскій офицеръ Ольшевскій, командовавшій бѣлевцами, очевидно не могъ удержать своими ничтожными силами ввѣренныя ему позиціи. Въ эту рѣшительную минуту появились въ пылу боя непобѣдимые нижегородцы. Впереди двигался 5-й пикинерный дивизионъ подъ командою извѣстнаго всему Кавказу полковника Тихоцкаго; за нимъ шелъ дивизионъ Шульца, сзади—Петрова. Выскочили пикинеры на возвышенность и сейчасъ же круто повернули назадъ. Тамъ оказалось 6 батальоновъ турецкой пѣхоты, которая залегла за гребнемъ и встрѣтила драгунъ залпомъ. Драгуны развернули фронтъ, и это не помогло: стали появляться раненые, убитые. Завидя издали опасное положеніе полка, полковникъ Долотинъ выслалъ сюда взводъ донской батареи. Съ визгомъ пронеслась картечь за возвышенность; турки поднялись на ноги, осыпали донцовъ бѣглымъ огнемъ, и черезъ нѣсколько секундъ артиллеристы лежали у своихъ орудій; почти всѣ лошади были перебиты. Тогда турки бѣгомъ спустились внизъ и съ громкими криками захватили оба орудія. — «Нижегородцы! смотрите, какъ берутъ ваши пушки!» закричалъ есауль Кульга-

чевъ, прискакавъ къ драгунамъ. Заговорила въ сердцахъ храбрыхъ нижегородцевъ старая слава полка. Они привыкли брать непріятельскія орудія, но никогда не отдавали своихъ. Шесть эскадроновъ ринулись на цѣлую пѣхотную линію. Ударъ былъ ужасный: переднія шеренги батальоновъ свалились въ одинъ мигъ подъ грозными пашками; орудія брошены. Но только-что драгуны взяли ихъ увозить, какъ турки бросились въ штыки, при чемъ снова овладѣли пушками. Драгуны отскочили, устроились: одна атака смѣняла другую, пѣхота теряла сотни убитыхъ, но стояла твердо, смыкалась на тѣлахъ товарищей и подставляла штыки. Это былъ одинъ изъ арабистанскихъ батальоновъ. Нижегородцы уже потеряли 23 офицера; эта огромная потеря еще болѣе одушевляла ихъ местью. Привычные къ боевой службѣ солдаты разсыпались при неудачѣ, скоро находили свои мѣста или тутъ же строились во взводы и, подъ командою унтеръ-офицеровъ, снова бросались въ атаку. Наконецъ драгуны отступили, но не съ тѣмъ, чтобы уйти, а только отдохнуть, собраться съ силами. Туркамъ не дешево достались наши орудія: весь арабистанскій батальонъ лежалъ лоскомъ, прикрывши ихъ своими тѣлами. Правое крыло турецкой арміи не могло больше держаться: оно медленно отступало на глазахъ драгунъ. Въ эту минуту храбрый Чавчавадзе напомнилъ драгунамъ о потерѣ двухъ орудій, и въ одно мгновеніе весь полкъ понесся въ атаку. Турки остановились, но ужъ этого удара не выдержали: нижегородцы прорубились сквозь батальоны, настигли свои орудія да отбили еще 4 турецкихъ. Было 8 часовъ утра; все правое крыло турокъ обратилось назадъ, и мы одержали здѣсь явную побѣду. Славный полкъ потерялъ въ этотъ памятный день половину бойцовъ.

Какъ только драгуны пошли въ атаку на нашемъ лѣвомъ флангѣ, князь Бебутовъ одновременно двинулъ впередъ и войска центра подъ начальствомъ Бриммера. У непріятеля пѣхота стояла въ двѣ линіи, имѣя сзади резервы; 30 турецкихъ орудій, расположенныхъ по дугѣ круга, били съ фронта, поражали перекрестнымъ огнемъ. Наши три батареи—Лагоды, Брискорна и Ворон-

кова—подскочивши на 250 саж., палили почти-что въ упоръ въ густые ряды турецкой пѣхоты. Поле застлало густымъ дымомъ страшной канонады: все скрылось въ дыму, ничего не видно; но вотъ открылось глазамъ необычайное зрѣлище: показались стройные ряды кавказскихъ гренадеръ. «Братцы, сказалъ имъ обернувшись Бриммеръ, теперь мы подвинемся ближе; дружиѣ работать штыками!» — «Ура!» отвѣчали гренадеры. Надвинувъ на глаза

Атака кавказскихъ гренадеръ.

свои мохнатые шапки, они взяли ружья на-руку и молча, забирая своимъ могучимъ шагомъ, пошли въ атаку. На близкомъ карточномъ выстрѣлѣ раздался оглушительный залпъ: земля заходила подъ ногами, кони становились на дыбы, храпѣли, кидались въ стороны. Гренадеры скрылись въ дыму; съ ними шли лучшіе вожди Кавказа: Барятинскій, Бриммеръ, Кишинскій. Имъ предстоялъ труднѣйшій подвигъ: семью батальонами сломить 20 ту-

рецкихъ батальоновъ. Мужественные арабистанскіе батальоны, несмотря на страшный картечный огонь, съ удивительной отвагой врѣзались въ наши ряды съ фронта, но никакая пѣхота въ мірѣ не могла сломить кавказскихъ гренадеръ. Генераль Кишинскій, изнемогая отъ потери крови, провелъ 1-й батальонъ карабинеръ съ двумя ротами 4-го гренадерскаго батальона сквозь всѣ турецкія линіи, при чемъ ему помогали — съ одной стороны, Дударовъ, съ двумя орудіями, а съ другой — Тархановъ, съ 3-мъ батальономъ эриванцевъ. Тотъ сыпалъ туркамъ въ лицо картечь, а этотъ ударилъ имъ во флангъ. Громовое побѣдоносное ура заглушило крики турокъ; карабинеры выхватили красное знамя, украшенное стихами изъ корана; гренадеры кинулись на высоту — турецкіе батальоны бѣжали густыми толпами; ихъ артиллерія уходила въ карьеръ. Въ 9 ч. правый корпусъ турецкой арміи, подъ начальствомъ Керима-паши, былъ въ полномъ и безпорядочномъ отступленіи.

Тѣмъ азартнѣе набросились турки другимъ своимъ крыломъ, гдѣ у нихъ находилось 22 баталіона, столько же эскадроновъ и 48 орудій. Противъ этихъ подавляющихъ силъ Бебутовъ могъ выставить на своемъ правомъ флангѣ лишь полкъ новороссійскихъ драгунъ, линейцевъ, мусульманскій полкъ да шесть батальоновъ Рязскаго полка. Начальство надъ кавалеріей этого крыла князь Бебутовъ довѣрилъ Багговуту, придавши ему съ лѣваго фланга дивизіонъ тверскихъ драгунъ, три сотни донцовъ и ракетныя команды. Весь нашъ правый флангъ сразу сталъ подаваться, загигая назадъ все больше и больше, хотя артиллерія палила, не умолкая, а казаки поминутно кидались на турецкую пѣхоту, стрѣляя почти-что въ упоръ изъ своихъ короткихъ винтовокъ. Все это мало помогало. Густыми полчищами заходила орда баши-бузукъ, имѣя намѣреніе ударить на нашъ вагенбургъ; Багговуть едва ихъ удерживалъ ракетными станками. Выдвинутые впередъ рязскіе батальоны погибали подъ сильнымъ натискомъ густыхъ турецкихъ колоннъ; ихъ оставалось немного, подкрѣпить нечѣмъ. Въ сторонѣ стояли два орудія, безъ передковъ, безъ при-

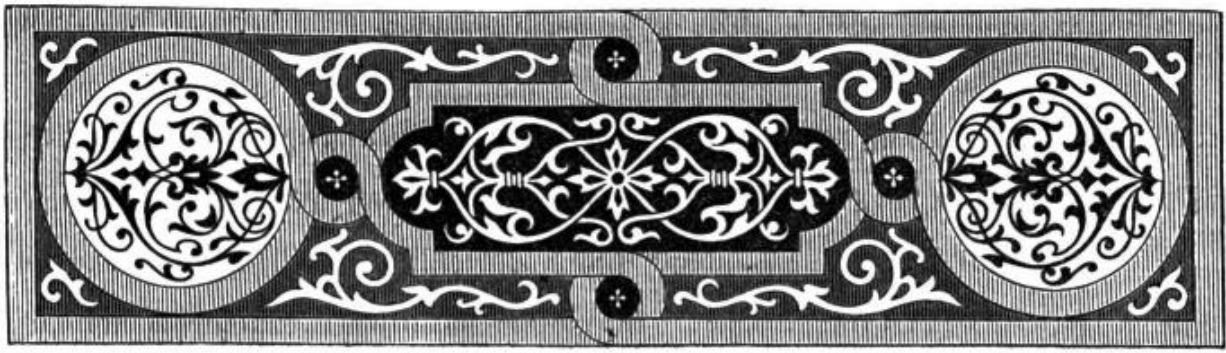
крытія; прислуга валялась изрубленная. Багговуть вызвалъ пики-
верный дивизионъ Новороссійскаго и 3-й дивизионъ Тверскаго пол-
ковъ. Прискакалъ командиръ полка: «Ради Бога, атакуйте ихъ ско-
рѣе, поддержите мои батальоны, мы не въ силахъ больше дер-
жаться!» Драгуны рысью объѣхали пѣхоту; передъ ними разсти-
лалось поле, покрытое измятой травой; земля была точно вспахана
отъ снарядовъ, избороздившихъ ее по всѣмъ направленіямъ. Двѣ
турецкихъ батареи прикрывали наступленіе своей пѣхоты; одинъ
батальонъ шелъ спереди, другой сбоку; только одна безотлагатель-
ная атака могла спасти наши орудія и нашихъ несчастныхъ ряж-
цевъ. Раздалась команда: «Строй фронтъ! карьеръ!» — Батальоны
дали залпъ, и еще не успѣли исчезнуть густые клубы дыма, какъ
наши драгуны, имѣя впереди своихъ лихихъ командировъ, очути-
лись среди батальона. Маіоръ Парчевскій ворвался спереди, пра-
порщикъ Костровицкій — сзади. Закипѣлъ страшный рукопашный
бой; и конные, и пѣшіе — все перемѣшалось, все столпилось,
истребляя другъ друга съ злобнымъ остервенѣніемъ. Въ воздухѣ
стоялъ какой-то гулъ, злобщій, смутный. Турки разсыпались
кучками и продолжали отбиваться въ-одиночку; одна большая
кучка тихо отступала, держа надъ головой красное знамя. Пики-
неры бросились впередъ, зарубили знаменосца и съ торжествомъ
вынесли изъ боя мусульманскую святыню. Въ то время, когда
драгуны рысью отъѣзжали назадъ, стоявшій сбоку другой ту-
рецкій баталіонъ готовился отрѣзать имъ путь и открыть пальбу
во флангъ; кромѣ того, за ними бросились въ догонку турецкіе
улань. Пикинеры развернули фронтъ налѣво, нагнули пики и
помчались на-встрѣчу; какъ двѣ громовыя тучи, неслись два ка-
валерійскихъ строя одинъ противъ другого. Казалось, вотъ-вотъ
эти живыя стѣны столкнутся — ничуть не бывало: уланы повер-
нули назадъ и помчались во весь духъ, чтобы поскорѣе открыть
фронтъ своей пѣхотѣ. Въ то же мгновеніе батальонъ открылъ
пальбу залпами: наши всадники слетали съ сѣделъ десятками;
пикинеры, вмѣстѣ съ прискакавшими линейцами, стали-было ки-
даться въ ряды турокъ, но каждый разъ натыкались на не-

подвижные, плотно сомкнутые штыки. Генераль Багговуть, замѣтивъ эту свалку, взялъ дивизионъ артиллеріи и маршъ-маршемъ подвелъ его къ пикинерамъ: «Пикинеры назадъ!» закричалъ онъ что было силы; но тѣ, разгоряченные боемъ, ничего не слышали. Генераль приказалъ пустить гранату черезъ голову: «Ребята, наши стрѣляютъ!» — и тотчасъ повернули назадъ. Фронтъ былъ теперь очищенъ; четыре орудія дали залпъ картечью: батальонъ наполовину порѣдѣлъ. «Теперь во славу нашему Государю, съ Богомъ!» — Пикинеры и линейцы понеслись вторично, разорвали ряды, захватили три орудія, а четвертое только заклепали. Съ потерей артиллеріи, непріятельская пѣхота потеряла голову: сначала отступала, а потомъ обратилась въ бѣгство. Но дивизиону тверскихъ драгунъ не посчастливилось. Проходя глубокую ложбину, они не замѣтили, что на гребняхъ окружающихъ холмовъ лежали въ густой травѣ турецкіе батальоны. Турки пропустили драгунъ и, едва тѣ успѣли развернуться и пойти въ атаку, какъ взяли ихъ въ тылъ. Полковникъ Корфъ упалъ съ лошади, драгуны повернули назадъ; но турки, спустившись съ гребней, точно прогоняли ихъ сквозь строй: драгуны оставили на турецкихъ штыкахъ третью часть дивизиона. Багговуть послалъ опять пикинеровъ, а вслѣдъ за ними — тѣхъ же линейцевъ. Измученные драгуны подвигались тяжело, однако турки успѣли приблизиться къ своимъ резервамъ, двигавшимся имъ на-встрѣчу. Вдругъ, какъ ураганъ, пронеслись линейцы, опережая драгунъ: «Помогите, братцы! Ну, еще! Ну, еще разъ!» — затѣмъ гикнули и припустили во весь духъ. На всемъ скаку они дали мѣткій залпъ и, закинувъ винтовки, обнажили шашки... Пока подѣхали драгуны, четыре турецкихъ батальона бѣжали безъ оглядки; почти никто изъ нихъ не спасся. — Линейцы и тутъ держались своихъ обычаевъ: они зорко слѣдили за раненымъ врагомъ, который валяется въ полѣ, не разставаясь съ ружьемъ; такихъ линейцы били изъ своихъ длинныхъ пистолетовъ. «Не пропускайте, братцы, прикалывайте ихъ хорошенько!» кричали они драгунамъ. Много нашихъ драгунъ было убито воровскимъ образомъ: получивши пощадку,

раненый турокъ собереть послѣднія силы, облокотится на руку и выпалить въ спину тому самому, который его пощадилъ.

Новороссійскій полкъ получилъ приказаніе нанести послѣдній ударъ хотя и отступавшимъ, но не бывшимъ еще въ дѣлѣ турецкимъ батальонамъ. Весь полкъ развернулся въ линію и подъ командой генерала Танутрова пошелъ на-рысяхъ. Два турецкихъ батальона остановились отразить атаку; на правый батальонъ пошелъ первый эскадронъ, на лѣвый—второй. Впереди оказался оврагъ, усѣянный камнями. Первый эскадронъ спустился шагомъ, устроился внизу и вынесся въ карьеръ. Молча, съ опущенными ружьями, стояло турецкое каре. Уже видны смуглыя лица солдатъ, ихъ красныя фески: они стоятъ какъ мертвые. Вдругъ блеснули на солнцѣ стволы, страшный залпъ грянулъ драгунамъ въ лицо... Люди, лошади повалились къ ногамъ турецкой пѣхоты. Однако турки ошиблись въ расчетѣ и подпустили эскадронъ слишкомъ близко: онъ былъ уже на штыкахъ. Послѣ небольшой рукопашной схватки, каре, по турецкому обычаю, разбилось на кучки, которыя одна за другой были истреблены. Вторымъ эскадронъ обогнулъ оврагъ слѣва и поскакалъ на другой батальонъ. Этотъ встрѣтилъ слишкомъ рано, отчего драгуны почти безъ потери врѣзались въ каре, обскакали его сзади и также истребили. Пораженіе двухъ батальоновъ, прикрывавшихъ отступление, заставило турокъ ускорить движеніе; они бросали обозы и зарядные ящики, стараясь увезти только артиллерію; они бѣжали къ своему лагерю, въ надеждѣ укрыться за его окопами. Анатолійская армія, недавно еще грозная, была похожа на обломки корабля, плывущіе за вѣтромъ. Слѣдомъ за нею, съ барабаннымъ боемъ, двигалась русская пѣхота, мелькали какъ молніи линейцы...

Былъ двѣнадцатый часъ дня, когда по всей линіи загремѣли барабаны; трубачи хоромъ подхватывали сигналъ въ разныхъ мѣстахъ боевого поля. Сраженіе при Кюрюкь-Дара кончилось: турецкая армія разбита. Она покинула 2 знамени, 25 значковъ, 15 орудій, 2 тысячи плѣнныхъ. Этой блестящей побѣдой кавказцы закончили кампанію 1854-го года.

ЧЕРНОМОРСКІЕ ПЛАТУНЫ ПОДЪ СЕВАСТОПОЛЕМЪ.

Второй и восьмой пластунскіе батальоны прибыли въ Севастополь спѣшно, съ подтыканными полами; ихъ обозъ остался далеко позади. Они его и не видали больше. На-встрѣчу батальонамъ выѣхалъ Корниловъ, бывшій начальникъ штаба Черноморскаго флота. Онъ, какъ водится, поздоровался съ пластунами, проѣхалъ по фронту и потомъ спросилъ: «А нѣтъ ли между вами, молодцы, такихъ казаковъ, которые были въ Анапѣ, въ двадцать-восьмомъ году?» Въ обоихъ батальонахъ нашлось только двое, правда, старенькихъ, совсѣмъ сивыхъ, но еще бодрыхъ и крѣпкихъ пластуновъ. Имъ тогда была «перва паша», что значитъ первый годъ службы; зато 8-й батальонъ имѣлъ знамя съ надписью: «За отличіе при взятіи Анапы». Посмотрѣлъ Корниловъ это знамя и сказалъ пластунамъ такъ: «Главнo-командующій помнитъ и доселѣ молодецкую службу черноморскихъ полковъ подъ Анапой и надѣется, что ваши батальоны съ такимъ же отличіемъ сослужатъ службу здѣсь, при севастопольскомъ гарнизонѣ». Казаки замотали себѣ на усъ эти слова. На другой же

день они пошли къ Бахчисараю. 13-го октября 1854 г., въ дѣлѣ подъ Балаклавой, 120 пластуновъ шли въ застрѣльщикахъ впереди цѣпи Владимірскаго полка противъ французской батареи. Въ лощинѣ, усѣянной мелкимъ кустарникомъ, налетѣлъ на нихъ полуэскадронъ африканскихъ конныхъ егерей. Высоко подняли лихіе егеря свои сабли и вихремъ неслись на пластуновъ. Но пластуны не стали строить кучекъ, а каждый казакъ далъ съ мѣста вѣрный выстрѣлъ и снялъ съ коня по одному егерю; прочіе проскакали порѣдѣлымъ строемъ цѣпь, при чемъ немногіе изъ нихъ успѣли вернуться: человѣкъ съ десятокъ, не больше. Тогда пошелъ второй полуэскадронъ. Опять казаки встрѣтили его въ-разсыпную. Егеря перемѣшались съ цѣпью, многіе попались въ плѣнъ, остальные были изрублены. Пластуны же не дали зарубить у себя ни одного человѣка. На Кавказѣ не такіе рубаки какъ эти, и сабли у нихъ другой выточки, да и то рѣдко случалось, чтобы пластунъ, со штуцеромъ въ рукахъ, былъ изрубленъ въ бою.

Въ Севастополѣ пластунамъ дали первыя мѣста: сначала на Малаховомъ курганѣ, а потомъ на 4-мъ бастіонѣ. Этотъ бастіонъ сильно выдавался впередъ противъ всей линіи и на него-то пало больше тягостей, чѣмъ на всѣ остальные. Въ ночь на 5-е октября, пластуны, бывшіе въ передовыхъ секретахъ, дали знать, что у непріятеля большое движеніе и слышенъ шумъ артиллерійскихъ колесъ. Полковникъ Головинскій, командиръ 2-го батальона, думалъ, что будетъ штурмъ, сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія и потомъ приказалъ вѣстовому поставить самоварчикъ. Только-что раскипѣлся треногій самоварчикъ, раздались первые пушечные выстрѣлы: началось памятное бомбардированіе. Одно изъ первыхъ ядеръ, попавшихъ на 4-й бастіонъ, угодило на излетѣ въ самоварчикъ, опрокинувъ его вверхъ ножками. «Отъ таке, сказалъ пластунъ ухмыльнувшись, не буде полковнику чаю, бо ядро випило!» Подобравъ перваго страдальца, пластунъ надѣлъ аммуницію и пошелъ на бастіонъ. Здѣсь одинъ за другимъ падали моряки у своихъ орудій; прислуги не доставало, некому было отвѣчать, и вотъ пластуны, стояв-

ше пока сложа руки, приступили къ орудіямъ. Хоть неловко, безъ сноровки, взялись они за мудреное для нихъ дѣло, однако славно палили; и на первыхъ же порахъ показали, какая кроется въ нихъ сила. На видъ это были самые спокойные люди, но борцы надежные, никогда не терявшіе голову, что бы ни случилось. Труды, лишенія, опасности, даже тяжелыя раны — выносили они съ такимъ терпѣніемъ, что начальство удивлялось; ничто ихъ не страшило: они точно не чуяли, гдѣ скрывалась опасность и какъ она велика. Разъ Головинскій шель по траншеѣ, за нимъ — ординарецъ Степанъ Назаренко, изъ Екатеринодарской станицы. Надъ ихъ головами стала спускаться бомба. Головинскій остановился и, согнувшись, прислонился къ стѣнкѣ; то же самое сдѣлалъ по его приказанію Назаренко. Бомба упала на покатый край траншеи и скатилась Назаренкѣ на спину. Трубка горитъ. «Ваше высокоблагородіе! Она на мене злізла!» — «Не шевелись!» крикнулъ ему полковникъ, и самъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ. Назаренко не дрогнулъ, пока бомба скатилась съ его спины и шлепнула очкомъ въ лужу, гдѣ, къ счастью, потухла. Какъ-то въ ночной вылазкѣ ранили въ животъ и взяли въ плѣнъ казака Полянскаго. Отвезли его во Францію и назначили въ Тулонъ на работы. Не желая поступать въ госпиталь, къ тому же непріятельскій, Полянскій никому не сказалъ, что онъ раненъ; залѣпитъ, бывало, себѣ рану мякишемъ, стянетъ животъ башлыкомъ и ходитъ на работу, перенося самыя мучительныя боли. Какъ ужъ его пощадилъ антоновъ огонь, Богъ его вѣдаетъ. На бастіонахъ житье было казакамъ неважное, хуже чѣмъ на аванпостахъ, въ полувыстрѣлѣ отъ черкеса; не было у нихъ ни палатокъ, ни бараковъ, ни даже куреней, къ которымъ они привыкли въ закубанскихъ походахъ. Здѣсь они жили въ ямахъ, выкопанныхъ съ превеликимъ трудомъ въ каменистомъ грунтѣ, между бастіоновъ; сверху эти ямы прикрывались досками и присыпались щебенкой. Тамъ, какъ въ норахъ, нельзя было ни стоять, ни сидѣть, почему пластуны окрестили ихъ по-своему: «бирючьи логвы», что значитъ волчьи ямы, и не очень-то любили въ нихъ засиживаться. Ихъ служба была больше впереди

батарей—въ дозорахъ, въ секретяхъ, въ перестрѣлкахъ изъ передовыхъ ложементовъ, на развѣдкахъ по осаднымъ работамъ непріятеля, откуда они приходили на бастіоны лишь передохнуть или поѣсть. Зато ни одна работа у французовъ не начиналась и не кончалась безъ вѣдома пластуновъ. Закладка ли траншеи, или что другое всегда производилось у нихъ ночью,—пластуны ужъ тутъ, какъ тутъ, невидимками: слышать всѣ разговоры, видятъ, какъ копаютъ, какъ носятъ землю или таскаютъ пушки. И хочется имъ объявиться, ударить разомъ, да не приказано... Слѣдили они и за подземными работами: припадутъ ухомъ къ землѣ и слушаютъ, въ какую сторону ведутъ мину. Разумѣется, во время такихъ развѣдокъ пластуны не упустили случая снять зѣваку-часоваго, а не то такъ и цѣлый постъ, забывшій про службу. Одинъ разъ они накрыли команду за супомъ, взяли ее вмѣстѣ съ котлами и потомъ сами рассказывали, какъ «поминали родителей чужими пирогами».

Первое время осады трудно было видѣть расположеніе непріятеля и судить о его силахъ, потому что онъ прикрывалъ себя сильными караулами и редутами. Послали развѣдать пластуновъ. Они пробрались малыми партіями за передовую цѣпь, миновали сильные караулы въ двѣ линіи, прошли резервы съ артиллеріей и, высмотрѣвъ досконально, донесли: гдѣ бараки, гдѣ склады и парки, гдѣ больше пѣхоты, а гдѣ кавалеріи или артиллеріи,—ничего не пропустили, при чемъ сами потеряли только одного человѣка. За рѣчкой Черной остался большой складъ нашего сѣна, и главнокомандующему очень хотѣлось его уничтожить; но какъ это сдѣлать? Всѣмъ было извѣстно, что сѣно охраняется сильною цѣпью часовыхъ. Поручили пластунамъ. Дождавшись, когда вѣтеръ дуетъ на себя, въ темную ночь, урядникъ Демьяненко и 20 пластуновъ перебрались за Черную и устроили здѣсь залогу, а трехъ человѣкъ послали ползкомъ къ сѣну, съ наказомъ залѣзть непременно въ середину и оттуда поджечь. Дѣло сдѣлано, пластуны пошли на утекъ, но французы — за ними. Залога, пропустивши своихъ, дала дружный залпъ и сразу осадила противника; пока подоспѣли

резервы, пластунская партія подобралась, успѣла вернуться на бастионъ, а французы долго еще палили по оставленнымъ папахамъ. Между непріятельскими батареями, осыпавшими 4-й бастионъ своимъ губительнымъ огнемъ, особенно допекала одна мортирная батарея, стоявшая скрытно, хотя и не особенно далеко. Утромъ 28-го ноября дали перемиріе, и пока убирали съ обѣихъ сторонъ мертвыхъ, пріѣхалъ на 4-й бастионъ главнокомандующій. Собрались все начальство; стали толковать о томъ, о семъ, и зашла рѣчь о мортирной батарее. Головинскій сказалъ, что ее нужно непременно взять. «А съумѣете-ли вы это сдѣлать, полковникъ, съ вашими казаками?» спросилъ князь Меншиковъ. «Съумѣемъ, ваше сіятельство, только дайте намъ въ придачу артиллеристовъ, чтобы заклепать орудія. Мои казаки не знаютъ». Вечеромъ того же дня составили отрядъ изъ охотниковъ: 390 пластуновъ, 50 моряковъ и до 100 пѣхотинцевъ изъ Колыванскаго и Екатеринбургскаго полковъ. Въ полночь Головинскій вывелъ отрядъ за бастионъ; пластуны сейчасъ полѣзли высмотрѣть расположеніе передовыхъ карауловъ непріятельской траншеи. Когда они вернулись, отрядъ двинулся въ обходъ; шли тихо, пригнувшись до пояса и затаивъ духъ. Добравшись до траншей, дали залпъ по полусонной цѣпи, а потомъ, по сигналу, какъ одинъ человѣкъ, ринулись въ траншею. Непритель бросился къ своимъ резервамъ: его гнали, кололи, пока не загремѣла тревога. Тогда началось отступленіе; въ это время моряки успѣли заклепать три мортиры. «Жаль, братцы, такое добро портить», сказалъ урядникъ Екатеринодарской станицы Иванъ Герасименко, да съ этимъ словомъ поднялъ одну изъ мортиръ и перебросилъ ее черезъ траншею. Правда, человѣкъ онъ былъ не маленькій: безъ малаго сажень въ плечахъ. Теперь стало жалко остальныхъ: высадили еще двѣ мортиры да вмѣстѣ съ ними и самого хозяина. Тоже тяжело было, не хуже мортиры: пять человѣкъ его подсаживали, пока онъ выкарабкался изъ землянки. Это былъ французскій полковникъ; кромѣ него, взяли еще одного поручика и 14-ть солдатъ, не мало ружей, ранцевъ, одѣялъ. Когда вернулись домой и начали выворачивать французскіе ранцы, то

нашли въ нихъ помаду, духи, столовые ножи съ вилками, селитру... — «Зазнаются они противъ своего солдатскаго званія, говорили между собой пластуны: тутъ у нихъ точно дѣвичій уборъ!» А про селитру такъ и не довѣдались, зачѣмъ ее носятъ французы. Между прочимъ, въ непріятельской траншеѣ осталось трое убитыхъ. На другой же день пластуны увидѣли изъ ложементъ тѣло одного изъ товарищей, приставленное къ стѣнѣ точно на разстрѣлъ. Это горестное зрѣлище огорчило пластуновъ до глубины души: не измѣнникъ какой, а свой же братъ-казакъ, честно павшій въ бою,—за что же такое поруганіе? Французскія пули сыпались градомъ, да и самая-то насмѣшка была сдѣлана нарочно, чтобы подзадорить нашихъ на вѣрную гибель. Казаки положили ждать вечера: «противъ силы пескомъ не сыпать». Вечеромъ «позычили» (взяли въ займы) у артиллеристовъ сажень 50 фитиля, у моряковъ раздобыли веревку и состряпали длинный арканъ. Одинъ конецъ этого аркана привязали за поясъ Порфирію Семаку, при чемъ дали ему такой наказъ: ползти съ оглядкой въ траншею, спуститься въ ровъ,—а ровъ-то былъ въ сажень вышиною,—добраться до покойника, крѣпко увязать ему ноги, и послѣ того лѣзть назадъ. По слѣдамъ Семака поползъ другой казакъ, чтобы подтягивать веревку. Доброе дѣло удалось, какъ нельзя лучше. Далеко за полночь оба казака вернулись и донесли, что все готово. Тогда покойникъ былъ притянутъ въ ложементъ, принятъ на руки обрадованныхъ товарищей и снесенъ къ мѣсту честнаго погребенія.

Непріятельскія работы подвигались все ближе да ближе, и служба пластуновъ съ каждымъ днемъ становилась труднѣе. Ежедневно на ночь высылались на позицію, т.-е. за линію нашихъ артиллерійскихъ выстрѣловъ, свѣжія войска; пластуны же находились безсмѣнно впереди войскъ. Обыкновенно непріятель надвигался ночью: выставить впередъ туры или мѣшки съ землей, прикроется ими и начинаетъ копаться. На утро и готова батарея. Пластуны заблаговременно открывали эти работы и первые давали знать на бастіонъ. Отсюда же, не смотря на темную ночь, начинали палить и палили довольно мѣтко, потому что мѣсто уже указано; гляди—

и помѣшали неприятелю, задержавъ его работу. Вотъ въ чемъ заключалась служба пластуновъ на позиціи; но когда имъ пришлось копать свои ложементы за полъ-выстрѣла отъ неприятельскихъ работъ, то смѣнамъ приходилось оставаться по цѣлымъ суткамъ. И въ ложементы-то попадали ползкомъ, иначе нельзя было, потому что въ мигъ разстрѣляютъ. Съ вечера человекъ обмокнетъ, къ утру промерзнетъ, да цѣлый день еще сидитъ впроголодь, особенно если забылъ прихватить сухарей. Тяжелая и опасная служба уменьшила число пластуновъ почти вдвое; но до самаго конца осады они оставались такъ же страшны врагу, хранили тотъ же бодрый духъ, что и вначалѣ.

Въ ночь на 5-е апрѣля пластуны лежали, какъ и всегда, въ ложементахъ; за ними, во второй линіи, рота екатеринбургцевъ. Неприятель въ то время велъ мину къ 4-му бастіону и, провѣдавъ контръ-мину, т.-е. встрѣчную для него, порѣшилъ взорвать свою. Не только вся мѣстность впереди, но и самый бастіонъ нѣсколько разъ содрогнулся, какъ бы отъ землетрясенія: глыбы земли и камней взлетѣли на воздухъ; особенно досталось крайнему ложементу, ближайшему къ воронкѣ, гдѣ былъ заложенъ порохъ. Въ то же мгновеніе неприятель открылъ по всей линіи жестокой огонь, при чемъ пустилъ въ ходъ и ракеты. Рота, бывшая въ прикрытіи, тотчасъ отступила на бастіонъ; здѣсь переполошились, барабанщики оторопѣли; одинъ только Моргунецъ, барабанщикъ 2-го батальона, схватилъ барабанъ и живо забилъ тревогу. Всѣ ждали приступа. Между тѣмъ, отъ пластуновъ вѣстей нѣтъ; стали за нихъ и побаиваться. Тогда Макаръ Шульга, тоже пластунъ, вызвался ихъ провѣдать. Ловко и отважно пробрался храбрый казакъ и черезъ часъ донесъ, что въ пяти ложементахъ пластуны на своихъ мѣстахъ и шибко ведутъ перестрѣлку, а шестого, крайняго, онъ не запримѣтилъ: должно быть, его засыпало. Распорядились послать и къ этимъ молодцамъ. Что же оказалось? Ихъ, дѣйствительно, присыпало-таки землей, но, пустивши въ ходъ свои шапки да пригоршни, пластуны успѣли пообчиститься и теперь берегутъ воронку: ни одинъ еще фран-

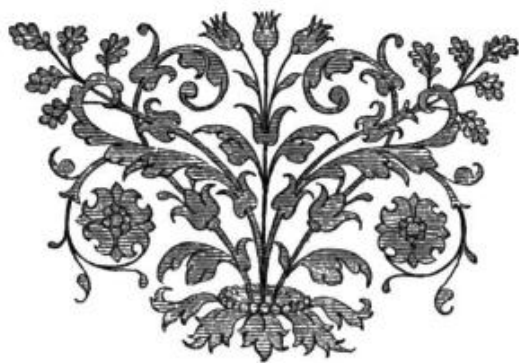
цузь не посмѣлъ къ ней подойти. А извѣстно, что послѣ взрыва непріятель первымъ дѣломъ бросается занять свою воронку, какъ уже готовую яму. Такъ какъ у смѣльчаковъ не хватало патроновъ, то къ нимъ послали и патроновъ, и подкрѣпленіе изъ трехъ человѣкъ. Шибко рвались непріятельскіе стрѣлки, однако не могли занять воронку и оставили возлѣ нея кучу своихъ же убитыхъ. Вице-адмиралъ Новосильскій, бывшій свидѣтелемъ этого подвига, представилъ всѣхъ трехъ пластуновъ къ знакамъ отличія и такую же награду выхлопоталъ барабанщику Моргунцу. Неустрашимость пластуновъ Новосильскій выставилъ въ приказѣ, какъ примѣръ, достойный подражанія всѣмъ войскамъ своего бастіона. Самое же лестное было для пластуновъ то, что въ пѣхотныхъ полкахъ заводились по ихъ образцу особыя пластунскія команды. Дали этимъ командамъ штучера, высылали по ночамъ впередъ, въ волчьи ямы, освобождая въ то же время отъ всякой другой службы. Солдаты стали перенимать отъ казаковъ ихъ ухватки, привычки и даже старались одѣваться «по-пластунски». Пластуны подсмѣивались у себя за кашей надъ младшими братьями, но при людяхъ не подавали и виду; напротивъ, обращались съ ними по-отечески. Больше дружили пластуны съ моряками. Это народъ бывалый, больше видѣлъ свѣту и встрѣчалъ людей не по одной одеждѣ. Пластуны и потому еще дружили съ моряками, что вмѣстѣ съ ними ходили въ охотникахъ на самыя отважныя дѣла, а нужда, какъ извѣстно, близить людей. Какъ народъ домовитый и запасливый, моряки могли по-братски дѣлиться хлѣбомъ-солью и даже винцомъ. Покажетъ иной разъ пластунъ пустой капшукъ и покручинится моряку, что третій день нечѣмъ набить его маленькую люльку (трубочку); морякъ сейчасъ вывернетъ ему весь свой запасъ, оставивъ себѣ развѣ самую малость. А то ужъ дѣло заурядное, коли идетъ пластунъ мимо блиндажа, моряки зазовутъ его къ себѣ, сунуть ему ложку въ руку, накормятъ борщомъ съ саломъ и какъ бы тамъ ни было тѣсно, а потѣснятся еще больше, обогрѣютъ казака, дадутъ ему отдохнуть. Давали они пластунамъ и парусину на подстилку — не взяли: лишнее, говорятъ; такъ и спали на землѣ. Служба въ закубац-

скихъ укрѣпленіяхъ *) тоже была не медь: днемъ въ прикрытіи скота на пастьбѣ или въ цѣпи при рубкѣ лѣса; ночью—на брустверѣ или въ секретѣ; но тамъ, по крайности, играли утреннюю и вечернюю зорю, читали «Отче нашъ», пѣли пѣсни. На севастопольскихъ позиціяхъ ничего этого не было, барабаны и рожки оставались только для тревоги да сигналовъ. Конечно, на бастіонахъ было полегче, чѣмъ въ залагахъ: придуть послѣ смѣны на бастіонъ, все равно, какъ домой, особенно, если найдутъ борщъ, либо кашу. Но и тутъ случались неожиданныя казіи. Только-что усядутся пластуны въ кружокъ и только урядникъ скажетъ: «Господи благослови!» какъ бомба бухъ! въ середину кружка, лопнетъ на досаду голоднымъ людямъ, опрокинетъ борщъ, прольетъ горѣлку... И не знаютъ пластуны, о комъ жалѣтъ—о товарищѣ ли, который пошелъ на тотъ свѣтъ, о борщѣ ли, о горѣлкѣ?.. Выходило по пословицѣ: И кума жаль, и пива жаль. Еще бывало и такъ: пошлютъ въ городъ за обѣдомъ и винной порціей и ждутъ. Ждутъ, ждутъ, «ажъ тошнить начнетъ», и накладываютъ съ три коробка сердитой брани «неповоротнямъ», а они, бѣдные, совсѣмъ не виноваты: съ ними повстрѣчалась вѣдьма-бомба и отняла даже то, что отпустила казна. — Да, добрые товарищи-моряки не разъ выручали голодныхъ пластуновъ.

Старики и теперь, въ часы зимней бесѣды, вспоминая о прошломъ, сличаютъ французовъ и англичанъ со своимъ домашнимъ противникомъ, кавказскими горцами. — «Наши, говорятъ они, стрѣляютъ лучше, хотя конечно, не тѣ у нихъ ружья, что у англичанъ или французовъ. Не мало было и у нихъ хорошихъ стрѣлковъ, но съ горцами не сравнятся, потому главное, что тѣ не понимаютъ, какъ нужно стрѣлять, когда слѣдуетъ выждать, все равно какъ и наши солдаты. Насчетъ рукопашки и говорить нечего: горцы смѣлѣе и завязятѣе; одинъ лѣзетъ на тебя спереди, двое—съ боковъ; притомъ же раненыхъ не станутъ подбирать, а докончатъ и въ куски изрубятъ, за тѣмъ, что молодежь на нихъ

*) Происхожденіе и подвиги пластуновъ на Кавказѣ рассказаны въ книгѣ „Казакъ“, стр. 250—266.

пашки пробуеть и къ рубкѣ приучается. Еще скажемъ, что французы—народъ помолодцоватѣе, а англичане зато степеннѣе и добронравнѣе. Коль скоро нашъ братъ наскочить врасплохъ на англичанина, вырвалъ ружье изъ рукъ и сказалъ: «Гайда, мусю!» онъ идетъ смирно. Если у него есть что въ сумкѣ, онъ вынетъ и подѣлится съ тобой, а французъ станетъ еще брыкать, фыркать; не далъ Богъ силенки, чтобъ размахнуть руками, такъ онъ брыкаетъ. Попадались такіе сердитые, что и кусались; ну, съ этимъ не церемонились: стащилъ долой панталоны—на руки ему, а галстукъ на усы, вотъ онъ и маршируетъ тогда въ порядкѣ. Начальство приказывало, чтобы плѣнныхъ не обижать. Мы и не обижали ихъ, а баламутника надо унять. Народы-то эти сами по себѣ не опасны, а вотъ ихъ бомбы треклятыя, вотъ въ чемъ ихъ сила... Ни за понюшку табаку народъ губили. Безъ бомбъ никогда имъ не взять бы нашъ Севастополь!»

БЛОКАДА КАРСА,

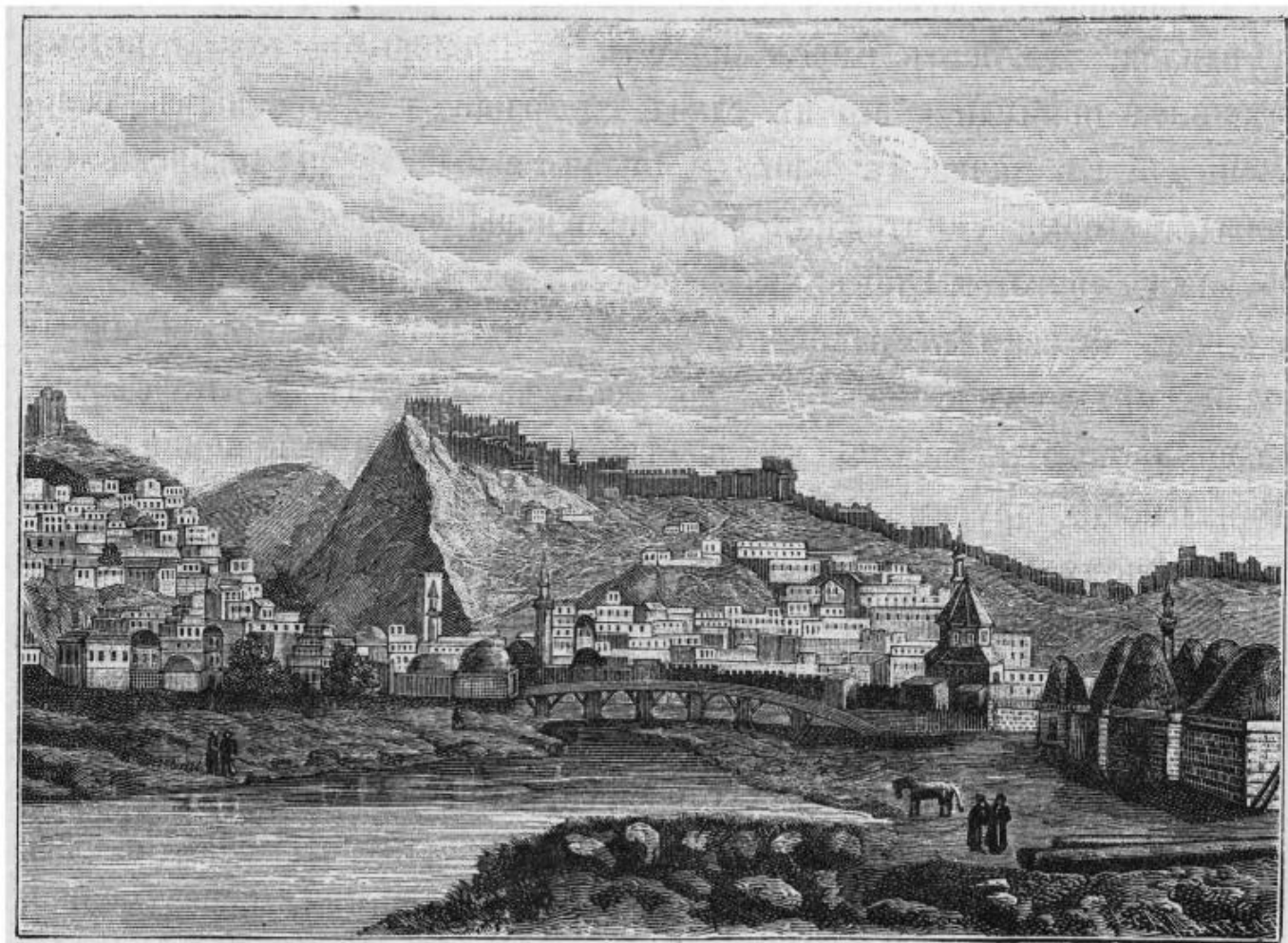
въ 1855-мъ году.

Въ 1828-мъ году русскія войска уже брали Карсъ, но въ ту далекую пору Карсъ былъ не то, что 27 лѣтъ спустя. Расположенный на южной покатости крутой горы, самая возвышенная часть которой увѣнчана древнею цитаделю, Карсъ былъ обнесенъ теперь земляными укрѣпленіями и на такомъ далекомъ разстояніи, что между городскими стѣнами и этими укрѣпленіями турецкія войска могли расположиться лагеремъ. Руководили работами англійскіе инженеры. На горахъ Карадага они возвели сильный фортъ, подъ названіемъ «Арабъ-табія», отстоящій дальше другихъ, надъ кручами р. Карсъ-чая *); выше по теченію рѣки, примѣрно верстъ за 6 отъ городскихъ предмѣстій, былъ устроенъ большой, укрѣпленный лагерь. По угламъ и по серединѣ трехъ его фасовъ возвышались реданты (выступающіе углы) и редуты, вооруженные артиллеріей большого калибра. Въ случаѣ, если бы главный валъ былъ отнять, его

*) Смотри планъ г. Карса.

можно было поражать изъ укрѣпленій 2-й и 3-й линіи, ближе къ берегу; тутъ находился главный лагерь турокъ. Высоты лѣваго берега также имѣли сильныя укрѣпленія. Такъ, фортъ Вели-паша могъ разгромить цитадель, обстрѣливать весь городъ, Чакмахскія высоты и даже дорогу къ нимъ; вправо отъ этого форта, если смотрѣть изъ Карса, тянулся валъ на полторы валь, упи-

Видъ Карса съ юго-западной стороны.

равшійся въ каменный обрывъ Карсъ-чая. За нимъ помѣщался другой, хотя небольшой, турецкій лагерь. На высотахъ Шарахскихъ, выступая далеко впередъ, торчали два грозныхъ редута—Тахмасъ-табія и Юксасъ-табія, оба вооруженные артиллеріей, прикрытые спереди батареями, съ боковъ—завалами; вправо отъ дальней батареи тянулся еще валъ, извѣстный подъ именемъ англійскихъ линій. Всѣ укрѣпленія праваго и лѣваго берега, имѣя 17

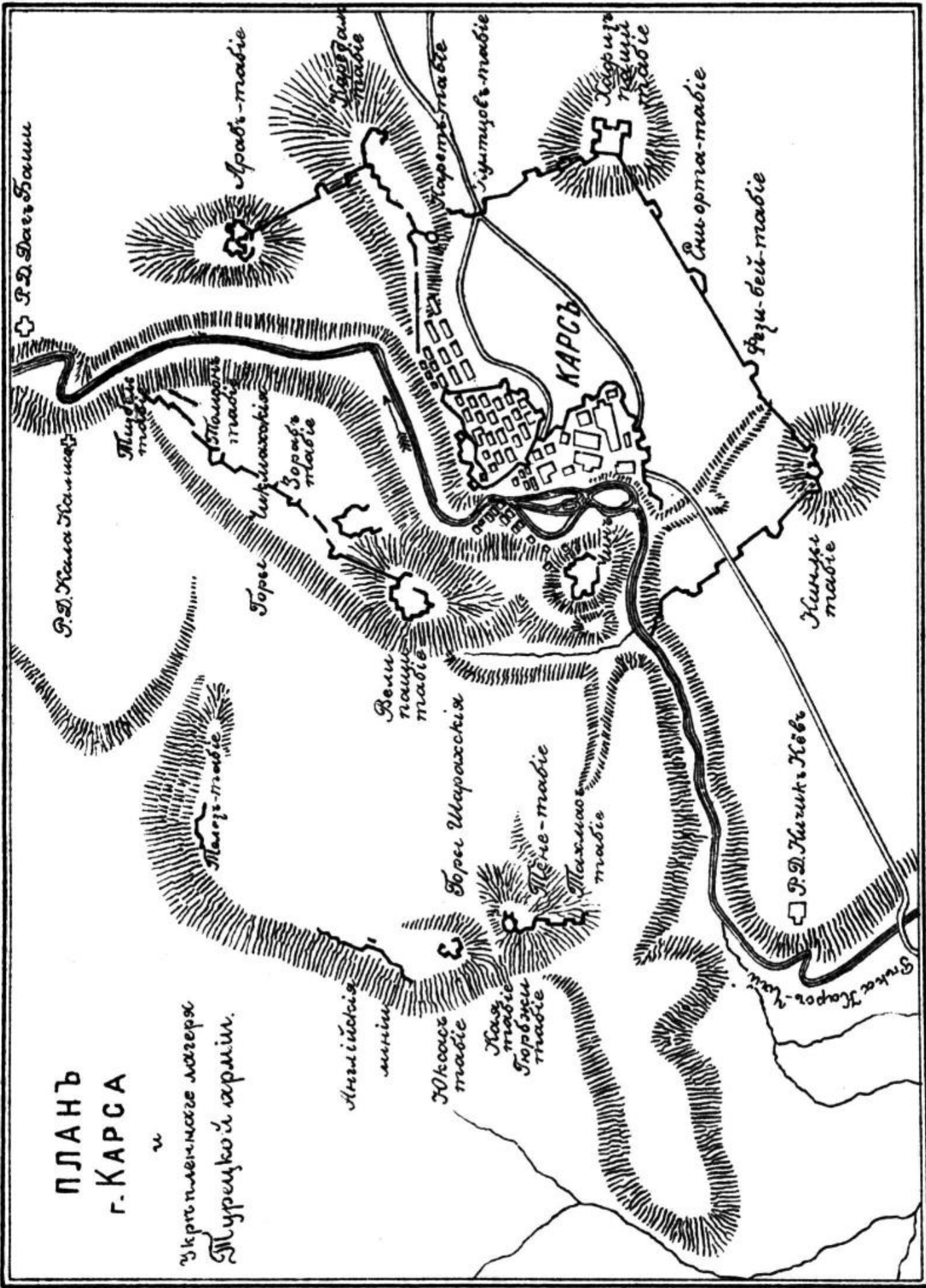
верстѣ въ окружности, охраняли послѣдній оплотъ Турціи, ея армію, и, правду сказать, они были устроены мастерски: откуда бы ни шелъ противникъ, всюду его встрѣчалъ губительный перекрестный огонь. Въ маѣ мѣсяцѣ 1855 года Карсъ имѣлъ подъ ружьемъ болѣе 30 тыс. защитниковъ, подъ начальствомъ Вессифа-паши, по душой обороны былъ англійскій полковникъ Вилліамсъ, извѣстный у турокъ подъ именемъ «Инглизь-паши».

Главнокомандующій русской арміей, генералъ Муравьевъ, скоро убѣдился, что брать Карсъ приступомъ теперь нельзя, а потому рѣшился принудить его къ сдачѣ блокадой, т.-е. тѣснымъ обложеніемъ. Съ началомъ блокады были высланы партизанскіе отряды, которые уничтожили большіе запасы зернового хлѣба, муки, фуража, приготовленные для перевозки въ крѣпость; генералъ Баклановъ захватилъ транспортъ съ сухарями и рисомъ. Главныя наши силы расположились по обоимъ берегамъ р. Карсъ-чая, выше крѣпости верстѣ на шесть; однимъ отрядомъ командовалъ Ковалевскій, другимъ—Бриммеръ. Отряды сообщались по хорошо устроенному мосту, на козлахъ, хотя имѣлось много бродовъ. На сѣверной сторонѣ Карса стоялъ Баклановъ съ конницей; съ запада берѣгъ пути Дондуковъ, а кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ были разбросаны летучіе отряды, которые всѣ смыкались своими пикетами.

Съ первыхъ чиселъ августа прекратилось сообщеніе гарнизона съ окрестностями. Правда, что на окружности 50 верстѣ было трудно усмотрѣть, особенно въ мѣстности гористой, пересѣченной оврагами и рывинами, и одиночки всегда успѣвали прокрасться; зато подвозъ продовольствія прекратился вовсе. Впослѣдствіи наши отряды смыкались все тѣснѣе и тѣснѣе, что и послужило главною причиною паденія крѣпости. Уже съ самаго начала осады Вилліамсъ приказалъ уменьшить солдатамъ дачу провіанта на треть и скупить весь скотъ, бывший въ крѣпости; ячменя не оказалось, кормить лошадей было нечѣмъ. Все это навело на гарнизонъ уныніе; изъ крѣпости начались побѣги. По словамъ дезертировъ, Вилліамсъ цѣлые дни проводилъ въ лагерѣ среди войскъ, въ городѣ же только ночевалъ; войскà тосковали отъ бездѣлья,—

ПЛАНЪ Г. КАРСА

и
укрепленнаго лагеря
Турецкой арміи.

они хотѣли сражаться, а начальство не очень-то имъ довѣряло. На военномъ совѣтѣ турецкихъ военачальниковъ арабистанскіе паши ручались головой за свои батальоны, но остальные наотрѣзъ отказались выступать въ поле. Все это было извѣстно отъ перебѣжчиковъ, которыхъ подробно осматривали, отбирали оружіе и потомъ снимали съ каждаго допросъ. Такъ какъ въ крѣпости кормовъ оказывалось все меньше и меньше, а фуражировки, въ виду бдительности нашихъ постовъ, становились съ каждымъ днемъ опаснѣе, то Вилліамсъ рѣшился выслать изъ города свою конницу въ дальнія мѣста, на поправку. Въ первый разъ удалось проскочить тремъ сотнямъ всадниковъ; на другой день разыгралось цѣлое дѣло. 22-го августа Дондуковъ узналъ черезъ лазутчиковъ, что въ Карсѣ приказано кавалеріи готовиться къ выступленію. Дѣйствительно, въ этотъ же день къ вечеру была составлена колонна изъ 1,200 арабистанскихъ всадниковъ, 400 артиллерійскихъ лошадей съ 200 рядовыхъ и отрядомъ баши-бузукъ. Ночью колонна выступила изъ крѣпости подъ начальствомъ трехъ пашей; Вилліамсъ и Керимъ-паша проводили ихъ и дали на прощанье строгій приказъ, чтобы люди шли не размыкаясь, стройно, тихо. Ночь была такая темная, что въ трехъ шагахъ не видно всадника; до восхода луны оставалось часа три. Часовъ въ 10 вечера въ мусульманской цѣпи услышали движеніе войска по дорогѣ къ Джаврѣ. Дали окликъ, отвѣта нѣтъ; наши выстрѣлили вверхъ и сейчасъ же узнали турокъ. Подполковникъ Ломаковъ съ сотней допцовъ мигомъ ударилъ, но въ темнотѣ атака пришлась на хвостъ передней колонны; артиллеристы съ заводными лошадьми повернули въ Карсѣ. На выстрѣлы прискакали нижегородскіе драгуны, которые сейчасъ же врѣзались съ другой стороны; съ третьей стороны налетѣлъ полковникъ Дондуковъ съ ракетными станками. Мѣсто боя освѣтилось ракетами, почему турки, не смотря на темноту, не имѣли возможности скрыться въ сосѣднихъ оврагахъ; но тѣ, которымъ это удалось, защищались упорно, пока ихъ не разогнали тѣми же ракетами. Бѣглецы наткнулись на нашъ отрядъ, бывший на покосѣ, за нѣсколько верстъ отъ Карса. Полковникъ Шульцъ

выскочилъ имъ на-перерѣзъ съ сотней конно-мусульманскаго полка; турки сейчасъ же засѣли за камни. Тогда Шульцъ послалъ конницу въ тылъ, а солдатамъ Бѣлевскаго полка велѣлъ выбить ихъ съ фронта. Турки сѣли опять на лошадей, бросились назадъ, но тутъ наткнулись на конницу, которая принудила ихъ сдаться. Это было уже незадолго до разсвѣта. Когда днемъ разсмотрѣли мѣсто побоища, гдѣ произошла первая встрѣча, то увидѣли, что оно состояло изъ скалистыхъ балокъ, изрытыхъ поперекъ и усѣянныхъ камнями. Преслѣдовать по такой мѣстности чрезвычайно трудно: въ одномъ мѣстѣ 10 драгунъ, въ жару погони, сорвались съ крутизны и хорошо еще, что отдѣлались ушибами. Болѣе сотни убитыхъ турокъ валялось по пути ихъ бѣгства, 200 взято въ плѣнъ, отбито 800 лошадей, 3 штандарта и знамя баши-бузуконъ. Больше всѣхъ поживились наши татары: они первымъ дѣломъ набросились на выюки, а въ этихъ выюкахъ карскіе купцы отправляли дорогіе товары—шелкъ, бархатъ, сукно, посуду, серебро. Все это добро татары скрытно переслали на родину или распродали на базарѣ. Случилось такъ, что въ Карсѣ не скоро узнали о разгромѣ своей кавалеріи; начальство долго было увѣрено, что она на поправкѣ.

Между тѣмъ наступали холода; высокія Саганлугскія горы уже покрылись снѣгомъ. Въ то время, когда наша конница была занята аванпостной службой и развлекалась частыми стычками то съ фуражирами, то съ бѣглецами, пѣхота скучала безъ дѣла. Всѣмъ хотѣлось приступа. Особенно смутно стало въ лагерѣ, когда узнали о сдачѣ Севастополя и узнали это изъ Карса. Въ цитадели началась пальба, на пикетахъ турки кричали ура, однимъ словомъ, весь Карсѣ пришелъ въ движеніе. Перебѣжчики и сказали, въ чемъ дѣло. Въ этотъ же день неутомимому Бакланову удалось, что называется, сорвать наше горе. Онъ давно уже замѣтилъ, что турки по ночамъ пасутъ своихъ лошадей, но до поры до времени оставлялъ ихъ въ покоѣ. 11-го сентября, на разсвѣтѣ, онъ скрылъ подъ горой казаковъ и милицію съ однимъ орудіемъ, а драгунамъ велѣлъ быть на-готовѣ. Какъ только фуражиры разыскались по горѣ, казаки и горцы понеслись на верхъ; впереди

скакалъ на лихомъ кабардинскомъ конѣ молодой Казбекъ. Казаки положили на мѣстѣ челоуѣкъ 30 да 12 взяли въ плѣнъ; остальные успѣли спастись. Вскорѣ послѣ этого Вилліамсъ приказалъ перерѣзать всѣхъ оставшихся лошадей; многіе хозяева выпустили ихъ на волю, что было на-руку нашимъ татарамъ: они гонялись за ними вокругъ крѣпости по цѣлымъ днямъ. — Вмѣстѣ съ паденіемъ Севастополя, подъ Карсомъ было получено и другое тревожное извѣстіе, а именно, что въ Трапезонтѣ высадились турецкія войска. Они могли угрожать всему Закавказью, и потому главнокомандующій рѣшился штурмовать крѣпость. Прежде онъ рассчитывалъ выждать, пока ея защитники въ конецъ обезсилятъ, но теперь обстоятельства измѣнились: надо было поднять упавшій духъ войска, хотѣлось порадовать успѣхомъ Царя и Россію. Намѣреніе главнокомандующаго оставалось въ тайнѣ.

16-го сентября, въ 8 час. вечера, войска получили приказаніе быть готовыми къ походу; велѣно взять сухарей на два дня. Пробыли зарю, въ лагерѣ стемнѣло; звѣзды загорѣлись въ ясномъ небѣ. Солдаты были одѣты въ шинеляхъ поверхъ полушубковъ, въ походныхъ сапогахъ и фуражкахъ съ козырьками; за плечами мѣшокъ съ сухарями, шанцовый инструментъ. Послѣ молитвы полки пошли на сборныя мѣста. Впереди лагеря Бѣлевскаго полка собиралась колонна Ковалевскаго. Подъѣхалъ генералъ, окруженный свитой: «Ребята! вы идете на славное дѣло, на дѣло, о которомъ будетъ говорить вся Россія: вы идете брать Карсъ. Я надѣюсь, вы будете драться, какъ храбрые солдаты». Молча выслушала колонна слово любимаго начальника; каждый повималъ, что тишина — первое дѣло. Съ опущенными штыками тихо двинулись батальоны, имѣя между собой орудія. Стала подыматься двурогая луна; ея косые лучи освѣщали наши колонны, бросавшія отъ себя длинныя тѣни. Ночь была тихая, ясная; шли молча, полнымъ, широкимъ шагомъ; лишь изрѣдка раздавался стукъ колеса, наскочившаго на камень. Первая колонна двигалась по ровному мѣсту, переходила болотные луга, ручьи; вправо отъ нея, вдали, чернѣли высоты. Отъ бивачныхъ огней Дондукова присоеди-

нились къ этой колоннѣ казаки и драгуны. Дальше шли вмѣстѣ, направляясь на Шарахскія высоты. Вскорѣ колонна повернула лѣвымъ плечомъ и остановилась въ небольшой лощинѣ на отдыхъ. Многіе солдаты, не смотря на холодъ, прилегли на землю; другіе шопотомъ вели бесѣду; лошади, понуря головы, дремали. Прошло два часа. Ковалевскій вызвалъ всѣхъ офицеровъ Виленскаго полка и сказалъ имъ: «Господа! главнокомандующій сдѣлалъ мнѣ и вамъ большую честь: онъ назначилъ Виленскій полкъ въ первую линію. Мы пойдемъ въ атаку въ ротныхъ колоннахъ. Какимъ бы огнемъ непріятель насъ ни встрѣтилъ—не стрѣлять, а выбивать его штыками. Раненыхъ подберутъ сзади. Назначить по 12 охотниковъ изъ роты: они пойдутъ впереди и послужатъ примѣромъ для прочихъ. Господа! Я надѣюсь на васъ!» — Войска перестроились въ боевой порядокъ. Безмолвно, какъ тѣни, двигались сѣрыя массы батальоновъ и ротъ по волнистой мѣстности. Они спустились въ глубокую лощину, потомъ поднялись на скать и здѣсь остановились; орудія сняли съ передковъ. Впереди лежала возвышенность, которую слѣдовало атаковать. Заря чуть начинала занимать. Среди глубокой торжественной тишины раздался ружейный выстрѣлъ: солдатъ 2-й роты, надѣвая капсюль, нечаянно хлопнулъ куркомъ. У непріятеля заигралъ рожокъ: первая колонна была открыта. Сразу застонала земля отъ гула непрерывной стрѣльбы; съ заунывнымъ визгомъ проносились гранаты и трескались одна за другой, то между нашихъ колоннъ, то сзади у нихъ. Пѣхоту совсѣмъ занесло дымомъ. «Вставай! Маршъ!» раздалась команда. Солдаты вскочили, барабанчики забили къ атакѣ, колонны пошли штурмовымъ шагомъ, офицеры впереди. «Сомкнись, ребята, прибавь шагъ!» Ряды разрывались; солдаты и офицеры валились; не обращая на нихъ вниманія, остальные шли да шли, поднимаясь на высоты. «Ура!» закричали впереди. Съ побѣднымъ, оглушительнымъ крикомъ бросились колонны въ гору, въ надеждѣ скорѣ схватиться съ непріателемъ, скорѣ выскочить изъ-подъ смертельнаго огня. Не тутъ-то было: пришлось бѣжать далеко въ гору и между камнями. Пробѣжали, сколько было силы, снова

пошли, еле переводя духъ. Трескъ батальоннаго огня сдѣлался громче; сквозь дымъ виднѣлись бруствера, отъ мелькавшихъ какъ свѣчи частыхъ огоньковъ. Мѣстами вырывались пушечные выстрѣлы: подь-конецъ запрыгала по камнямъ картечь—чистый адъ! Солдаты валились уже не въ одиночку, а кучками, другъ на друга. Вторая линія колоннъ смѣшалась съ первой; все столпилось. Ковалевскій и полковникъ Шимкевичъ шли впереди съ обнаженными пашками; офицеры, солдаты бросались за ними; наши охотники уже вскочили на брустверь, но, проколотые штуцерными ножами, полетѣли кувыркомъ. Вотъ и Ковалевскаго вынесли за-мертво, свалился въ ровъ Шимкевичъ мертвый... Солдаты потеряли голову, начали стрѣлять. Одни бросались за тѣла убитыхъ товарищей, другіе—за камни, за лошадей и оттуда палили безъ всякой пользы. Мало-по-малу, подь завѣсой густого дыма, они начали отступать, пригнувшись къ землѣ. Весь скатъ горы покрылся сѣрыми шинелями; раздавались стоны, слышались вздохи; подать помощи никому. Все дѣло длилось не больше получаса, а многимъ оно показалось годами муки. Виленскій полкъ медленно собирался ввизу; онъ насчитывалъ теперь не болѣе 300 чел., подь командой штабсъ-капитана; у бѣлевцевъ уцѣлѣло 250, у тульцевъ — только полтора.

Въ то время, когда колонна Ковалевскаго наступала на англійскія линіи, генераль Майдель велъ свою колонну правѣе, противъ редутовъ Юксасъ-Табія, Тахмасъ-Табія и крайнихъ лѣвыхъ ложементовъ. У Майделя были эриванцы, гренадеры, мингрельцы, ряжскіе батальоны, саперы и 20 орудій. Войска первой линіи, не дрогнувъ подь жестокимъ картечнымъ огнемъ и подь градомъ штуцерныхъ пуль, послѣ крутого подъема, подбѣжали къ укрѣпленіямъ, выбили турокъ и вскочили на валъ, захвативши часть орудій. Лѣвый флангъ ретраншаментъ былъ взятъ, но сильный редутъ Тахмасъ-Табія далъ отпоръ. Тогда Майдель взялъ часть пѣхоты, обогнулъ съ нею занятый ретраншаментъ и ударилъ на толпы турокъ сзади. Они побѣжали въ свой лагерь, — и лагерь былъ взятъ; конные грузины съ линейцами проскакали еще дальше,

ворвались въ другой турецкій лагерь, гдѣ отбили знамя. Больше этого наши ничего не могли сдѣлать до самаго конца боя. 7-я рота гренадерскаго полка бросилась на батарею подлѣ самаго редута, шагахъ въ десяти; захвативши три орудія, она пыталась вскочить отсюда на брустверь грознаго редута. Штуцерный огонь турокъ косилъ гренадеръ безжалостно. Тогда они стащили съ батареи два взятыхъ орудія, а третье перебросили за валъ. Они ихъ не покинули. Съ часу на часъ подходили резервы, кидались порывисто на редуты, потомъ отваливали и смѣшивались съ прежними бойцами, залегавшими за отнятыми ретраншаментами. Не было уже того стройнаго, сомкнутаго строя, устрашающаго враговъ; не было уже старшихъ начальниковъ: они перебиты или переранены. Храбраго Майделя давно унесли; Серебрякова, который его замѣнилъ, ранили. За полтора саженя отъ редута стояла батарея Брискорна, стрѣлявшая картечью по толпамъ турокъ, перебѣгавшимъ изъ лагеря. Эта славная батарея спасла остатки нашихъ полковъ, пріютившіеся въ ретраншаментѣ. Въ нее направляли турки свой огонь спереди, посылали ядра изъ форта Вели-Табія, осыпали картечными гранатами изъ Чинъ-Табія и навѣсными выстрѣлами изъ зарѣчныхъ батарей. Только удивительное мужество и хладнокровіе Брискорна спасло батарею отъ разрушенія, а наши войска отъ погрома. Онъ не тратилъ ни одного заряда даромъ и сумѣлъ ихъ сберечь до послѣдней минуты. Полуразрушенная батарея, безъ прислуги, заваленная тѣлами убитыхъ, посылала выстрѣлъ за выстрѣломъ — мѣтко, съ расчетомъ и даже въ то время, когда турки уже сами стали на нее кидаться. Прибыли подкрѣпленія, по два батальона гренадеръ и бѣлевцевъ. Полковникъ Ганецкій, ве слѣзая съ коня, выбивался изъ силъ, чтобы дать порядокъ. Схвативши знамя, онъ призывалъ солдатъ: «Пойдемъ, ребята! Не давайте туркамъ заряжать ружья!» — Толпа смѣльчаковъ рванулась съ крикомъ: «идемъ!», но осаженная штуцернымъ залпомъ, скрылась въ тотъ же ретраншаментъ, за которымъ толпились солдаты разныхъ полковъ. На этой горѣ все таяло. Ганецкій былъ раненъ; смѣнившій его Москалевъ

тотчасъ убитъ. Около 11 ч. утра поднялся на высоту генераль Бриммеръ и, обозрѣвъ побоище, приказалъ начать отступленіе. Мы потеряли 250 офицеровъ, болѣе 7 тыс. солдатъ. Зато велика была радость турокъ: стрѣлки султанской гвардіи и лазы плясали подь музыку впереди Тахмасъ-Табія, среди раненыхъ и убитыхъ. Набожные мусульмане говорили, что во время боя видѣли въ небѣ священную дружину пророка, въ зеленыхъ одеждахъ, поражавшую гяуровъ. Наши бѣдные солдаты утѣшали себя тѣмъ, что «турку нельзя сразу побить».

Блокада Карса, прекратившаяся лишь на время штурма, возобновилась въ прежнемъ порядкѣ. Мало-по-малу все пошло своимъ чередомъ; солдаты стали играть въ городки, въ кошку-мышку. Съ 20-го сентября въ лагерь открылся базаръ, на который окрестные жители привозили сѣно, разные продукты, а солдаты выносили на продажу шитыя рубашки, сапоги, рукавицы и прочія издѣлія своего мастерства. Скоро явилось новое развлеченіе. Войска получили приказаніе ежедневно наряжать въ горы команды для рубки лѣсу. Срубленный лѣсъ возили въ лагерь, пилили на доски, распиливали на бревна и сейчасъ же ставили бараки. Цѣлые дни и ночи раздавался визгъ пилы, стукъ топоровъ, кирокъ, звонкія лихія пѣсни домашнихъ мастеровъ. Какъ бы по волшебству, исчезли палатки; вмѣсто нихъ явился цѣлый городокъ, съ улицами, съ лавочками, съ вывѣсками или надписями, гдѣ кто живетъ. Пришлись эти постройки весьма кстати: холода начинались большіе; на аванпосты и въ секреты ходили въ полушубкахъ. Аванпостная служба стала еще бдительнѣе, исполнялась еще строже, чѣмъ прежде. Ночью съ 13-го на 14-е число казачій разъѣздъ нагналъ двухъ курьеровъ, пробиравшихся въ крѣпость изъ Эрзерума. Это были не простые почтари, а люди ловкіе, отважные и ѣхали не скрытыми путями, а прямо мимо лагеря. Пока казаки гнались за ними, они разбросали почти все свои бумаги по бурьянамъ и оврагамъ. Однако ихъ послѣ подобрали. Въ теченіе октября почти каждую ночь происходили на аванпостахъ стычки; непріятельскіе фуражиры всегда почти уходили ни съ чѣмъ. Но болѣе всего

тревожили турокъ ночныя тревоги. На эти тревоги посылали обыкновенно одного армянина, Данила Арютинова. Онъ пускался съ нѣсколькими изъ своихъ товарищей и бралъ съ собою три или четыре ракеты: установить ихъ въ ночной тишинѣ недалеко отъ вала, пустить и скачетъ во весь духъ въ другую сторону. Турки сейчасъ же начинали пальбу, при чемъ всегда поднималась тревога: барабаны били дробь, трубы играли что-то заунывное, а собаки всего города поднимали вой. Голодные, утомленные войска не имѣли покоя и ночью. Съ наступленіемъ холодовъ число перебѣжчиковъ стало доходить до 30-ти человекъ въ день, и такъ какъ большинство изъ нихъ приходило обыкновенно безъ оружія, то въ Карсѣ былъ пущенъ слухъ, что каждому бѣглецу будетъ выдаваться по червонцу за штуцеръ. Послѣ этого, являясь на аванпосты, турецкіе солдаты просили, чтобы ружье и всю аммуницію подвергали осмотру, послѣ чего требовали обѣщанный червонецъ. «Видишь ли, говорили они: я во всемъ исправенъ: какъ мнѣ султанъ выдалъ оружіе, такъ я и сдаю». Эти простодушные люди думали, что пока султанъ ихъ кормилъ, они обязаны ему служить, а какъ пересталъ кормить, такъ имъ вольно уходить, куда хотятъ. Наконецъ, стали появляться бѣглые изъ арабистанскихъ батальоновъ; люди эти были лучше одѣты и красивѣе собой; прочіе же являлись въ самомъ жалкомъ видѣ. Въ ихъ сумкахъ находили куски смрадной конины, вырѣзанной изъ падали; вмѣсто овощей они употребляли пырейный корень. Отъ недостатка пищи у турокъ свирѣпствовала цынга. Многіе впадали въ такое расслабленіе, что не могли даже бѣжать, являясь ползкомъ, но всѣ, которые являлись, просили прежде всего хлѣба и табаку. Наши солдаты никогда не отказывали въ кускѣ хлѣба: «Нá, братъ, ѣшь на здоровье; хоть ты и турокъ, а все же человекъ!» Чтобы поддержать и безъ того великое терпѣніе солдатъ, турецкое начальство распустило ложный слухъ, что къ нимъ идетъ выручка и вотъ-вотъ, не сегодня-завтра появится у стѣнъ крѣпости. Сначала это помогало; но такъ какъ недѣля проходила за недѣлей, а выручки не было, то солдаты извѣрились и пуще прежняго упали духомъ.

Эти ненадежные средства могли только на короткое время отдалить неизбежный конецъ, т.-е. сдачу крѣпости.

Въ первыхъ числахъ ноября пріѣхалъ изъ крѣпости парламентомъ адъютантъ Вилліамса. Онъ привезъ отъ своего генерала записку съ просьбой разрѣшить ему, Вилліамсу, повидаться съ главнокомандующимъ. На другой же день была отправлена изъ лагеря почетная встрѣча желанному гостю: драгуны, разодѣтые въ мундиры, въ каскахъ съ султанами; казаки въ своихъ высокихъ папахъ, два офицера и чиновникъ канцеляріи. Около полудня генераль переѣзжалъ уже мостъ, на которомъ столпилось множество любопытныхъ. Въ это самое время отворилась въ банѣ дверь; оттуда густымъ облакомъ хлынулъ паръ и выскочило десятка два солдатъ; красные, какъ раки, они по русскому обычаю, бросились въ рѣку, по которой уже шель ледъ. Англичанинъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ, пожалъ плечами и улыбнулся. Вилліамсъ былъ принятъ главнокомандующимъ наединѣ. «Я человекъ прямой и искренній, сказалъ англичанинъ: лгать не умѣю и не буду. Карсъ находится въ бѣдственномъ положеніи. Мы сдѣлали все, что могли сдѣлать; дольше держаться мы не можемъ. Войско изнурено; каждый день полтораста человекъ идетъ на убыль. Помощи намъ ожидать не откуда; хлѣба осталось на три дня. Я прибылъ къ вамъ предложить сдачу Карса».—Главнокомандующій потребовалъ, чтобы крѣпость была сдана со всѣмъ оружіемъ и казеннымъ имуществомъ, и чтобы вся армія, положивши оружіе, считалась военноплѣнной. Англичанинъ согласился, но просилъ только уволить на родину лазовъ, баши-бузуковъ, какъ войска нерегулярныя, и просилъ, чтобы офицерамъ было оставлено оружіе. Пока составлялись письменныя условія, Вилліамса пригласили пройти по русскому лагерю. Онъ входилъ въ казармы, заходилъ въ офицерскіе бараки, удивляясь порядку и довольству русскихъ солдатъ. День былъ ясный, теплый, на небѣ ни облака; во всемъ станѣ пѣли пѣсни, играла музыка. Грустно было все это видѣть Вилліамсу, котораго въ Карсѣ окружала нищета, болѣзни, уныніе. По слѣдамъ англичанина ходила огромная толпа: «А вотъ и аглицкій паша пріѣхалъ къ

намъ! Должно быть, погрѣться и пообѣдать; дома-то, вишь, у нихъ нечего ѣсть». — «Да и молодець же, говорили въ другой кучкѣ, еще бы немножко, такъ совсѣмъ бы русскій!» — За обѣдомъ Вилліамсъ познакомился со всѣми нашими генералами. Особенно ему хотѣлось видѣть генераловъ Лорисъ-Меликова и Бакланова; послѣдняго турки боялись какъ чорта, называя его по-своему, «Бакланъ-паша» *).

16-го ноября, къ девяти часамъ утра, наша армія вытянулась длиннымъ полукружіемъ; передъ ея центромъ стали заряженные орудія, готовыя выстрѣлить по данному знаку. Было пасмурно; сырой холодный вѣтеръ пробиралъ до костей. Турки начали спускаться съ Шарахскихъ высотъ гораздо позже, чѣмъ было назначено по условію. Рассказываютъ, что солдаты неохотно повиновались начальникамъ; въ присутствіи офицеровъ они разбивали ружья о камни, произнося проклятія: «Да погибнуть также паши наши, да ляжетъ на нихъ проклятіе Божіе и гнѣвъ пророка!» — Въ два часа турецкая армія построилась на равнинѣ, такъ что мы окружали ее съ трехъ сторонъ, какъ въ ящикѣ; впереди ея стоялъ со своей свитой старикъ Керимъ-паша, замѣнявшій главнокомандующаго; возлѣ него толпа нарядныхъ курдовъ, немного подальше — старшины города, въ богатыхъ костюмахъ. Вдоль лѣваго берега рѣки тянулись на дальнее разстояніе котлы, въ которыхъ варили голоднымъ гостямъ супъ. Съ обѣихъ сторонъ было собрано до 50 тыс. молча стоявшихъ въ ожиданіи приказаній. Мертвую тишину окрестностей нарушалъ лишь порывистый вѣтеръ, трепавшій полотна знаменъ.

Пріѣхалъ русскій главнокомандующій въ парадномъ мундирѣ, окруженный блестящей свитой и въ сопровожденіи Вессифа-паши. Поздравивъ войска съ великимъ, торжественнымъ днемъ, онъ остановился возлѣ мостика, по которому должна была проходить турецкая армія, и подозвалъ къ себѣ Керима-пашу. Муравьевъ принялъ его очень ласково, подалъ ему руку и вспомнилъ при этомъ,

*) Прошлое Бакланова рассказано въ книгѣ „Казакъ“, стр. 127—143.

какъ они познакомились, двадцать лѣтъ тому назадъ, въ Константинополѣ. Потомъ онъ спросилъ ключи отъ крѣпости. «Ключей нѣтъ», отвѣчалъ Керимъ. Тогда главнокомандующій приказалъ вынести знамена. Въ одно время, какъ бы по сигналу двинулись изъ рядовъ турецкой арміи знамена. Большія красноватая полотно съ бѣлыми надписями изъ Корана, на высокихъ древкахъ, развѣвались въ рукахъ рослыхъ и красивыхъ унтеръ-офицеровъ. Пока они сходились, были вызваны изъ Тульского полка 24 унтеръ-офицера и одна карабинерная рота съ музыкой. Едва только знамена перешли въ наши руки, громкое ура огласило воздухъ, музыка заиграла по всей линіи войскъ и провожала знамена до ставки главнокомандующаго. Теперь турки должны были сдать по описи все казенное имущество, но они отвѣчали: «Зачѣмъ вамъ описи? теперь все ваше: войско, оружіе, запасы и городъ съ обывателями — берите и считайте сами». По приказанію Вессифа-паши, начали проходить черезъ мостъ войска, отпущенныя на родину. На измученныхъ лицахъ турецкихъ солдатъ видно было уныніе; одежда въ лохмотьяхъ, вмѣсто обуви на ногахъ тряпки, даже у офицеровъ. Проходя мимо главнокомандующаго, солдаты поднимали головы, оглядывая съ любопытствомъ русскаго сардаря. На другой сторонѣ моста они валили въ груды ятаганы, ружья, пистолеты, барабаны, трубы и значки. Не дождавшись длиннаго хвоста колонны, главнокомандующій проѣхалъ по рядамъ остальной турецкой арміи, стоявшей на мѣстѣ. Съ изумленіемъ глядѣли турки на нашего генерала и жадно слушали его успокоительную рѣчь. Когда объѣздъ кончился, ихъ пригласили къ котламъ пообѣдать; сначала турки не поняли, въ чемъ дѣло, но приказаніе было повторено муширомъ и нѣкоторыми изъ нашей. Тогда они ринулись впередъ, и въ одно мгновеніе овладѣли котлами; наши кашевары отступили. Болѣе 8 тыс. голодныхъ солдатъ было накормлено, хотя многіе изъ нихъ, поѣвши не въ мѣру, поплатились жизнью за это угощеніе. Пока турки обѣдали, главнокомандующій произвелъ своимъ войскамъ смотръ въ присутствіи всѣхъ турецкихъ пашей. Лихо выѣзжала артил-

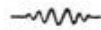
лерія; стройно неслись драгуны; быстро они спѣшивались и открывали пальбу; пѣхота кидалась въ атаку, заглушая побѣднымъ крикомъ грохотъ барабановъ. Смотръ вышелъ блестящій, на удивленіе туркамъ. Во время смотра шесть батальоновъ пѣхоты съ одной батареей заняли цитадель и городъ. Каждый русскій часовой смѣнялъ турецкаго, который, скинувъ перевязь и передавъ ружье, отправлялся къ сборному мѣсту.

Съ паденіемъ Карса, этой главной твердыни Малой Азіи, и съ уничтоженіемъ 30-ти-тысячной анатолійской арміи, завѣтный Цареградъ, столица Турціи, оставался беззащитнымъ. Путь къ нему былъ теперь открытъ; но среди приготовленій къ новой кампаніи пришло извѣстіе о заключеніи мира. Карсъ, добытый трудами и кровью, пришлось опять уступить въ обмѣнъ за Севастополь, еще болѣе дорогій сердцу русскаго человѣка. Черезъ 23 года наши овладѣли Карсомъ въ третій разъ, но это ужъ навсегда.

ЭКСПЕДИЦИЯ ГЕНЕРАЛА ЕВДОКИМОВА ВЪ АРГУНСКОЕ УЩЕЛЬЕ.

ХОоды русскихъ войскъ въ странахъ кавказскихъ носятъ названіе набѣговъ и экспедицій. Набѣгами называли движенія къ близкимъ ауламъ, предпринятая нечаянно, съ быстротой; экспедиціями же называли наступательныя дѣйствія болѣе отдаленныя и продолжительныя, напримѣръ: наказать за измѣну, привести къ покорности, прорубить просѣку или построить укрѣпленіе. Для экспедицій выбирали больше зимнее время, когда нѣтъ на деревьяхъ листьевъ, когда непріятелю негдѣ укрыться. При движеніи войскъ соблюдался извѣстный порядокъ. Такъ въ лѣсахъ Чечни главную колонну русскаго отряда прикрывали справа и слѣва особыми боковыми отрядами, съ непрерывною цѣпью стрѣлковъ—отъ авангарда до арьергарда; кавалерія шла сбоку или въ серединѣ. Въ мѣстахъ открытыхъ непріятель обыкновенно исчезалъ, но какъ только вступали въ лѣсъ, онъ открывалъ жаркую перестрѣлку и чаще всего въ арьергардѣ, оставаясь самъ невидимъ. Когда цѣпь ослаб-

нетъ, когда разстроится арьергардъ или боковой отрядъ, тутъ лѣзутъ сотни кинжаловъ прямо въ грудь, сверкаютъ шашки, забирая все глубже и глубже въ нашу колонну. Если она встрѣтила первую атаку стойко, опять все исчезло: непріятеля нѣтъ, не слышенъ его потрясающій, пронзительный гикъ; теперь чеченецъ скрылся за деревья, откуда будетъ посылать пулю за пулей. Въ случаѣ же, если наши не устояли, тогда бѣда: если не подоспѣетъ помощь, колонна погибла. Чеченцы гибки какъ змѣи, стремительны и безпощадны какъ тигры. Въ дѣвственныхъ дремучихъ лѣсахъ Чечни только тотъ кусокъ земли привыкли считать своимъ, на которомъ стояли; спереди, сзади, съ боковъ — за кустикомъ или камнемъ, въ оврагѣ или ущельѣ—вездѣ непріятель. Отрядъ какъ корабль: все разрѣжетъ, а слѣда нѣтъ!

Въ горахъ Дагестана ходили безъ боковыхъ цѣпей, по трудности доступовъ; въ опасныхъ случаяхъ занимали отдѣльныя высоты надъ дорогой; при входѣ или выходѣ изъ ущелій, на перевалахъ черезъ гребни, при переправахъ оставляли особые отряды для свободного отступленія. Здѣсь непріятель встрѣчалъ спереди; онъ преграждалъ входъ въ ущелье или подъемъ на гору, укрѣплялъ аулы. Каждый важный пунктъ находился подъ наблюденіемъ особаго мюрида, выставившаго свой значокъ. Гораздо легче бывало разогнать скопище въ нѣсколько тысячъ, чѣмъ взять десятокъ разбросанныхъ заваловъ, за которыми укрѣпились мюриды. Они наводили по нѣскольку ружей на каждый поворотъ, извилину тропинки, и кто ни пойдетъ—смерть. Одно спасеніе—броситься колонной, но это не всегда возможно. Не всегда выручала и беззавѣтная храбрость; даже случалось, что она вредила успѣху. Въ горной войнѣ требуется особая сметка; малѣйшее упущеніе, напримѣръ, забыли занять пустяшную высоту, можетъ имѣть губительныя послѣдствія, повести къ истребленію отряда. Къ атакѣ наши обыкновенно приступали только тогда, когда есть обходы или если непріятель утомленъ долгимъ ожиданіемъ; атакуя же, наступали быстро, рѣшительно. Какъ чеченцы, такъ и лезгины умѣли отлично пользоваться мѣстностью. Но лезгины искуснѣе

укрѣпляются; ихъ завалы всегда имѣли сильный перекрестный огонь. Противъ нашей артиллеріи они рыли канавы съ крѣпкими навѣсами, прикрытыми землей; дѣлали крытые ходы, иногда подземные, въ нѣсколько ярусовъ. Чеченцы всегда были дерзки въ нападеніи, преслѣдованіи, но зато не обладаютъ стойкостью и хладнокровіемъ; они болѣе способны къ наѣздничеству: послѣ ряда быстрыхъ переходовъ сдѣлать набѣгъ, напасть на фуражировъ, на обозъ или на партію, тревожить наши аванпосты, цѣпи—вотъ ихъ война. Лезгины ведутъ настоящую войну, или для защиты, или для завоеванія; встрѣчаютъ открытымъ боемъ на крѣпкихъ позиціяхъ, усиливаютъ ихъ завалами, башнями, канавами съ навѣсомъ; занимаютъ пещеры, переправы черезъ рѣки, овраги. Ихъ родина, горный Дагестанъ, наполнена тѣсинами, отвѣсными скалами; часто ведетъ въ гору единственная тропинка; въ пещеру можно спуститься только по веревкѣ; переправа—къ которой подойдешь только по карнизу скалы, подъ огнемъ изъ-за заваловъ. У лезгинъ и аулы особенные; ихъ брать дѣло отчаянное. Постройки сложены на глинѣ—изъ камня, плить или голышей. Лезгинскія сакли въ родѣ замковъ, въ 1—2 яруса, часто съ башней; многія сакли обнесены стѣной; въ каждомъ домѣ, въ каждой стѣнѣ бойницы, и весь аулъ та же крѣпость. Ихъ обыкновенно располагаютъ въ ущельяхъ или на уступахъ горъ, примыкая къ скаламъ, окруженнымъ кручами. И доступны въ такіе аулы, и въѣзды очень трудны; улицы такъ узки, что нельзя повернуть коня; нѣкоторыя сакли стоятъ поперекъ улицы, раскрывая проѣзжему всаднику свои узкія ворота. Трудно доставались такія аулы, да и вообще мало-мальскій успѣхъ покупался на Кавказѣ дорогою цѣною. Со временъ Ермолова много русской крови утекло, пока можно было подумать о прочномъ и окончательномъ завоеваніи этой, какъ называлъ Кавказъ тотъ же Ермоловъ, неприступной крѣпости. Счастье окончить полувѣковую борьбу выпало на долю князя Барятинскаго. Какъ тогда, такъ и теперь, русскія войска наступали на Чечню и Дагестанъ, эти два гнѣзда, насиженные Шамилемъ; но это наступленіе было ужъ послѣднее.

Генераль Евдокимовъ всегда держалъ чеченцевъ въ невѣдѣніи, куда онъ хочетъ идти и когда пойдетъ. Такъ же было и теперь. Онъ приказалъ распустить слухъ, что идетъ занять аулъ Ахтуры, даже подрядилъ у мирныхъ черкесовъ сколько-то сотъ арбъ, чтобы они доставили туда провіантъ, инструментъ и прочія тяжести. Мирные тотчасъ дали знать въ горы, гдѣ большія партіи чеченцевъ стали собираться къ аулу Ахтуры. Между прочимъ, вечеромъ, 15 января 1858 года, отрядъ Евдокимова выступилъ изъ Бердикеля двумя колоннами, направился не влѣво, какъ бы слѣдовало, а вправо отъ укрѣпленія, по правому берегу Аргуни. Въ глубокомъ снѣгу, при жестокомъ морозѣ, безъ всякихъ дорогъ, шли войска всю ночь и на разсвѣтѣ добрались до башни, устроенной противъ крѣпости Воздвиженской. Изъ этого укрѣпленія выступила третья колонна подъ начальствомъ самого генерала. Пошли дальше обоими берегами Аргуни. По мѣрѣ приближенія къ воротамъ ущелья, чинаровый лѣсъ становился все гуще и гуще; войска вязли въ глубокомъ снѣгу. Въ самомъ узкомъ мѣстѣ, за землянымъ валомъ, засѣла партія чеченцевъ и встрѣтила колонну Евдокимова такимъ жестокимъ огнемъ, что ей пришлось остановиться, чтобы выдвинуть артиллерію. И артиллерія не помогла: они держались до тѣхъ поръ, пока вышли изъ лѣсу двѣ другія колонны. Въ 7 ч. утра отрядъ вступилъ въ ущелье, въ которомъ еще ни разу не бывала русская нога. Передъ глазами открылась чудная мѣстность, богатая отъ природы, укрѣпленная руками человѣка. Правая широкая сторона ущелья была защищена густымъ лѣсомъ и широкими завалами; лѣвая же, очень узкая, была укрѣплена природнымъ валомъ, который, спускаясь съ горъ, упирался въ обрывъ, сажень 35 вышины надъ р. Чанты-Аргунь. Этотъ валъ имѣлъ только два прохода, аршина по два, не больше и былъ весь уставленъ турами. Немного дальше ущелье раздѣляется на-двое, вправо и влѣво. Ихъ раздѣляетъ высокій снѣговой хребетъ, у подошвы котораго лежитъ богатѣйшій изъ всѣхъ ауловъ Малой Чечни, Дачу-Борзой, покрытый садами. У этого-то аула сливаются двѣ рѣчки: Чанты-Аргунь и Шары-Аргунь; обѣ

онѣ вытекаютъ изъ мрачныхъ лѣсистыхъ ущелій, шумно выются въ крутыхъ берегахъ и, обогнувши Дачу-Борзой, текутъ дальше вмѣстѣ, подъ общимъ названіемъ Аргуни.

Пройдя еще версты двѣ внутрь ущелья, войска расположились биваками. Одна колонна заняла ауль; обѣ другія стали на берегахъ рѣчекъ. Разложивши на глубокомъ снѣгу большіе костры, солдаты отдыхали и отогрѣвались подѣ открытымъ небомъ. Такъ прошелъ первый день въ знаменитомъ ущельѣ. На второй же день началась рубка лѣса: валились столѣтнія чинары, и мало-по-малу очищалась окружающая мѣстность. Непріятель собрался дня черезъ три, когда русскій лагерь стоялъ уже на открытомъ мѣстѣ, близъ высокой горы, откуда не могли долетать пули. Чеченцы переходили толпами изъ одной лощины въ другую, съ горы на гору, чѣмъ дѣло и кончалось. Съ мѣста стоянки колонны ходили порознь для истребленія сосѣднихъ ауловъ. Тогда были преданы огню богатые аулы Измаиль-Юртъ, Улусъ-Керти и Дуготель; сады вырублены, все оставшееся имущество истреблено, оставлены лишь голыя сакли... А работа въ ущельѣ тѣмъ временемъ продолжалась. На самомъ переходѣ по лѣвой сторонѣ ущелья начата оборонительная башня; отъ нея огромный спускъ къ Чанты-Аргуни; черезъ рѣку деревянный мостъ, а далѣе—огромный подъемъ на высоту аула, гдѣ было заложено сильное укрѣпленіе. Не смотря на трескучіе морозы, наѣхали въ арбахъ мирные чеченцы забирать лѣсъ; изъ Воздвиженской крѣпости спѣшили жители для сбыта припасовъ. Въ ущельѣ открылись лавочки, выстроились харчевни, появились пирожницы, сбитеньщики, пряничники и всякіе торгоши. Доселѣ мрачное ущелье оживилось людомъ, быстро снующимъ; потянулись цѣлые обозы, которые скоро проложили въ невылазномъ снѣгу торныя дороги.

Между прочимъ, силы непріятели возрастали все больше и больше; начальствовалъ сынъ Шамиля Бази-Магома и еще двѣнадцать наивовъ. Утромъ 11-го февраля, когда колонна полковника Алтухова, бывшая впереди отряда, стала сниматься съ позиціи на мѣстѣ разореннаго аула Дуготель, непріятель поду-

маль, что мы хотимъ совсѣмъ оставить ущелье и сталъ насѣдать на нашихъ стрѣлковъ. Прилежащія снѣговыя горы почернѣли отъ множества чеченцевъ, набѣгавшихъ какъ муравьи. Они какъ бы спѣшили обойти кругомъ, давши себѣ зарокъ не вышустить изъ ущелья ни одного человѣка. Отрядъ подошелъ къ бывшему аулу Измаиль-Юртъ, откуда начиналась очень узенькая дорожка, лѣсистая и подъ самыми горами. Чеченцы начали быстро спускаться съ вершинъ и по колѣно въ снѣгу бросались въ пашки; но наши стрѣлки спокойно отходили, отражая врага мѣткою пулею. Тогда чеченцы опередили отрядъ съ другой стороны и открыли сильный огонь сверху. Полковникъ Алтуховъ, вмѣсто того, чтобы ускорить движеніе — на что рассчитывали чеченцы — поворотилъ войска въ сторону, занялъ позицію у Измаиль-Юрта и съ высоты открылъ орудійный огонь. Гики чеченцевъ сразу замолкли; бѣготня остановилась; горцы смотрѣли сверху, какъ бы стараясь угадать, что будутъ дѣлать русскіе. Когда же они увидѣли, что солдаты принялись разбивать палатки, то удалились съ ругательствами. При этомъ отступленіи колонна потеряла 14 чел. Но и послѣ такого урока чеченцы не оставляли въ покоѣ русскаго отряда; каждую ночь они лазили по лѣсистымъ горамъ, стрѣляли, гибли, бранились: имъ было досадно, что наши не отвѣчаютъ. Наконецъ, не зная чѣмъ досадить, они стали кричать: «Иванъ, Иванъ! Ступай скорѣе домой... твоя мулла кричитъ!» намекая этими словами на то, что наступилъ великій постъ. Шамиль, узнавши про взятіе ущелья, говорятъ, заплакалъ. Да и чеченцы не съ охотой оставляли насиженные мѣста: тутъ не было ровнаго клочка земли, не засѣяннаго кукурузой или пшеницей; нѣсколько тысячъ семействъ оставались на нынѣшній годъ безъ всякаго продовольствія.

28-го февраля генералъ Евдокимовъ двинулся дальше по рѣкѣ Шары-Аргунъ черезъ разоренныя аулы, имѣя съ правой стороны рѣку, съ лѣвой высокія горы, а снѣреди снѣжный хребетъ съ крутыми обрывами. Не успѣла главная колонна спуститься въ кручу, какъ авангардъ началъ уже подниматься къ подошвѣ хребта. Дороги не было; ѣхать верхомъ нельзя; лошаденки съ горными ору-

діями еле-эле карабкались; солдаты цѣплялись другъ за друга, упирались штыками и черезъ каждые десять шаговъ останавливались. Попадались такія крутизны, что вьючныя лошади обрывались внизъ. Отрядъ тянулся въ гору гуськомъ, иначе было нельзя. Чѣмъ выше подымались, тѣмъ глубже становился снѣгъ, тѣмъ больше крѣпчалъ морозъ. При всемъ томъ, потъ лилъ градомъ, поясница трещала отъ ранца, подкашивались ноги; но лишь только взобрались наверхъ, какъ все было забыто. На снѣгу растянулись въ-растяжку, точно въ пуху, и заснули какъ убитые. Генераль Кемфердъ былъ впереди съ авангардомъ, версты за двѣ, и уже успѣлъ разорить аулъ. Съ утра же началась работа. Приказано весь пройденный путь очистить отъ лѣса. Солдаты рассыпались по лѣсу и, окруживъ деревья, человекъ по восьми, точили ихъ топорами подъ самый корень. Какъ только дерево начинало трещать, они отскакивали прочь и, глядя на него, ожидали, куда упадетъ. А между тѣмъ великанъ стоитъ. Тогда два-три смѣльчака разомъ подбѣгали и, рубнувши топоромъ, удирали во весь духъ, съ крикомъ: «идеть, берегись!» И дѣйствительно, на этотъ разъ валится деревцо до 45 сажень въ вышину да сажень 5 въ обхватъ. Шумъ, трескъ, земля трясется... и такихъ чинарь нужно свалить цѣлыя тысячи, чтобы прорубить широкую просѣку, удобную для движенія не только пѣхоты или кавалеріи, но артиллеріи или обозовъ. Работали съ утра и до ночи, работали по поясъ въ снѣгу и въ водѣ, смотря по тому, гдѣ шла работа—наверху или внизу. Скоро начались туманы, непроглядные туманы; въ пяти шагахъ ничего не видно. Случалось и такъ, что на горѣ пекутся солдаты отъ солнца, а внизу позиціи плаваютъ облака, изъ которыхъ падаетъ проливной дождь. Съ горы Дарганъ былъ виденъ въ подзорную трубу аулъ Ведень, столица Шамиля и сборное мѣсто его скопища. Чеченцамъ, плохо одѣтымъ и обутымъ, надоѣло мерзнуть, и они, какъ сказывали лазутчики, стали разбѣгаться по ауламъ.

Въ первыхъ числахъ марта работы приходили къ концу: на всемъ пути свѣтилась широкая просѣка; дорога спускалась уже

внизъ, оставалось скатить срубленные чинары да взорванные порохомъ пни, какъ тутъ наступилъ праздникъ. Въ страстную субботу, въ крѣпости Воздвиженской, были освящены пасхи и передъ вечеромъ съ нарочной оказіей доставлены въ отрядъ. Передъ каждой ротой, какая гдѣ стояла на позиціи, выровняли чистенько площадки. Длинные столы покрылись бѣлымъ холстомъ; сверху появились пасхи, яйца, куличи, водка и все, что слѣдуетъ. Всю ночь на позиціяхъ горѣли костры, и войска съ нетерпѣніемъ ожидали утра. Ночь хотя была и темная, но теплая, безъ вѣтру; снѣгъ давно уже стаялъ и залегалъ лишь въ темныхъ, бездонныхъ кручахъ. Стало разсвѣтать. Войска выстроились на линейкахъ. Какъ только выкатилось солнышко, тысячи голосовъ сразу запѣли «Христось Воскресе!» , а потомъ — «Воскресеніе Христова видѣвши». Лица просіяли; солдаты кидались другъ къ другу, христосовались со своими офицерами, и во истину всѣ были братья въ этой магометанской землѣ, гдѣ впервые слышались слова христіанской молитвы и раздались христіанскія лобзанья. Первые три дня не умолкали игры, пѣсни, барабаны, бубны — день и ночь, ночь и день; на четвертый принялись доканчивать работу. 27-го марта просѣлка была готова; по страшнымъ крутизнамъ пролегала прекрасная дорога, съ отлогими спусками къ мостамъ. Къ тому же времени было окончено Аргунское укрѣпленіе; предмостная башня стояла почти готовая. Оставивши здѣсь гарнизонъ и часть отряда для окончанія работъ, генералъ Евдокимовъ направилъ экспедицію черезъ крѣпость Воздвиженскую, вправо отъ ущелья, къ Чернымъ горамъ. Въ аулахъ, разбросанныхъ на высотахъ, въ лощинахъ и ущельяхъ не замѣтно было ни малѣйшаго движенія. Когда отрядъ подошелъ къ первому аулу и сталъ расходиться въ стороны, то со всѣхъ ущелій и горъ потянулись къ позиціи сотни чеченскихъ арбовъ, нагруженныхъ имуществомъ. За арбами шли старики, старухи, женщины и дѣти; каждый тащилъ еще на себѣ столько, сколько могъ поднять. Дальше, по тѣмъ же дорогамъ, гнали множество рогатаго скота, барановъ. Все это свозилось и пригонялось подъ защиту русскихъ; богатые чеченцы, покинувши свое добро, ѣхали

опять въ горы забираться, возвращаясь оттуда по нѣскольکو разъ. До сихъ поръ они были нашими врагами, теперь становились друзьями; на ихъ лицахъ не было замѣтно ни малѣйшаго унынія или сожалѣнія о покинутыхъ горахъ. Съ занятіемъ Аргунскаго ущелья, они лишались помощи со стороны Большой Чечни, которая была для нихъ теперь отрѣзана; имъ оставалось или уходить дальше въ горы, или переселиться на плоскость, въ низовья Сунжи. Такъ они и сдѣлали. Разбойники, бродяги—все ушли въ горы и присоединились къ Шамилю. Ихъ шайки рыскали по ауламъ, мѣшали мирнымъ жителямъ переселяться, грабили, разоряли и довели ихъ до того, что они съ нетерпѣніемъ ждали появленія русскихъ войскъ. Почти на каждой позиціи приходилось принимать по тысячѣ переселенцевъ, а не то и болѣе. Шамиль, узнавши о покореніи Малой Чечни, прислалъ ей на помощь племя тавлинцевъ; но было уже поздно: теперь и самъ Шамиль ничѣмъ бы не помогъ. Жители скрывались отъ тавлинцевъ, даже вступали съ ними въ перестрѣлку, а въ концѣ-концовъ ихъ выгнали. Въ скоромъ времени мѣста по рѣчкѣ Гойтѣ, въ Дубахъ, Гехахъ, на Валерикѣ и далѣе до крѣпости Владикавказа—мѣста, на которыхъ было пролито столько русской крови, покорились безъ всякаго сопротивленія. Быстрое и удачное занятіе Аргунскаго ущелья открывало пути на Владикавказъ, Закавказье и въ густые лѣса Ичкеріи, къ аулу Ведень, 14-ти-лѣтнему мѣстопробыванію Шамиля. Участь послѣдняго была теперь рѣшена.

ГУНИБЪ.

Въ странѣ, извѣстной подъ именемъ Горнаго Дагестана, возвышается гора Гунибъ. Ея верхняя площадка, немного покатая, имѣеть около тысячи десятинъ, а окружность горы внизу равняется почти 50-ти верстамъ. На этой горѣ, по ручейку, сбѣгающему съ крутыхъ скалъ, лѣпится небольшой аулъ въ сотню дворовъ. Жители имѣли подъ рукой воду, лѣсъ и пашни; имъ не было надобности спускаться внизъ, по кручамъ. Окружная страна состояла изъ голыхъ скалъ, на уступахъ которыхъ горцы построили аулы и натаскали земли, необходимой для разведенія садовъ. Сообщеніе съ сосѣдними аулами возможно только верхомъ, и при всемъ томъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ всадникъ долженъ непременно вставать. Чѣмъ выше подниматься, тѣмъ горы кажутся пустыньнѣе; наконецъ, попадаютъ лишь мхи да ягели, серебристаго, яркозеленаго и красноватаго цвѣта. Воздухъ рѣдокъ, дышать трудно, и какъ только скроется солнце, становится сыро, холодно; когда густыя облака окутають окрестныя горы, ничего не видать, ни вблизи, ни вдали. Эти облака

сгущаются въ темныя, свинцовыя тучи; блеснетъ молнія, раздастся первый ударъ грома—и пошли гулять раскаты по всѣмъ ущельямъ. Громъ гремитъ не прерываясь, а тутъ еще страшный ливень смѣняется то градомъ, то вьюгой; вѣтеръ, срывая съ верхушекъ горъ снѣгъ, крутитъ имъ, какъ въ зимнюю мятель. Страшна такая гроза въ горахъ. Заглянемъ внизъ. Тамъ шумять, брызжутъ и пѣнятся черныя рѣчки; онѣ извиваются подъ горой, или же сразу обрываются шумнымъ водопадомъ. Немного рѣкъ въ Нагорномъ Дагестанѣ, и всѣ онѣ носятъ названіе Койсу: Андійское Койсу, Аварское, Кара-Койсу и Кази-Кумухское Койсу. Жители Дагестана, или лезгины, бѣдны, какъ ихъ голая скалы; въ нѣкоторыхъ обществахъ имѣются пастбища; другія разводятъ на своихъ утесахъ виноградъ, а хлѣба не сѣютъ вовсе; самая населенная страна въ Дагестанѣ—Аварія, но у аварцевъ также мало земли, способной къ воздѣлыванію; главная и доходная статья ихъ хозяйства лукъ и чеснокъ, которые они развозятъ по всему Дагестану. Вотъ сюда-то удалился Шамиль, когда наши войска, подъ начальствомъ того же неутомимаго Евдокимова, заставили его очистить Чечню. Здѣсь, въ Нагорномъ Дагестанѣ, Шамиль приготовился къ послѣдней и отчаянной борьбѣ.

Въ половинѣ іюля 1859 г. Шамиль, въ ожиданіи русскихъ, приказалъ горцамъ очистить лѣвый берегъ Андійскаго Койсу и перебраться съ семействами въ аулы праваго берега. Ауль Килятль, въ которомъ помѣщалось семейство Шамиля, былъ хорошо укрѣпленъ; въ немъ находилось 13 орудій; весь правый берегъ рѣки былъ укрѣпленъ завалами. Кази-Магома наблюдалъ дорогу изъ Аргунскаго ущелья. Къ сторонѣ Каспійскаго моря находились укрѣпленные пункты: Бурундукъ-Кале, Кикуну и Чохъ; они защищали дороги и переправы внутрь Дагестана. Съ южной стороны защищали доступы Ирибъ, гдѣ находился зять Шамиля; тутъ помѣщались большіе запасы пороху, снарядовъ и продовольствія.

Русскія войска, направляемая фельдмаршаломъ Барятинскимъ, вступили въ Дагестанъ съ трехъ сторонъ. Чеченскій отрядъ шелъ прямо на Шамиля, черезъ ауль Ведень, на снѣжный Андійскій

переваль; дагестанскій отрядъ вступалъ въ непокорную область со стороны Шурь, а лезгинскій началъ дѣйствовать со стороны главнаго кавказскаго хребта, направляясь на лѣвый флангъ Шамиля. Въ половинѣ іюля къ чеченскому отряду прибылъ главнокомандующій и на другой же день со всей кавалеріей произвелъ осмотръ дорогъ, ведущихъ въ Андю. Непрiятельскіе пикеты, занимавшіе переваль, дали сигнальный выстрѣлъ, затѣмъ скрылись. Наши увидѣли Андю и окружающіе ее 4 аула въ огнѣ; вся мѣстность была какъ на ладони: открывались андійскія ворота, путь въ Дарго; правѣе гора Килятль, съ новыми укрѣпленіями, а дальше—синѣли горы Аваріи. Теперь Шамиль не могъ уже рассчитывать на Чечню; всѣ пути туда были заперты. Русскія войска видѣли повсюду слѣды губительнаго огня: всѣ ближніе и дальніе аулы были выжжены, на мѣстѣ которыхъ торчали голыя стѣны. Жители были озлоблены жестокостью имама: онъ лишалъ ихъ продовольствія, заставлялъ насильно угонять скотъ, перетаскивать скудные пожитки. Между тѣмъ отрядъ потихоньку подвигался къ рѣкѣ, разрабатывая на каждомъ шагу дороги. Спускъ къ Андійскому Койсу оказался очень крутъ, такъ что пришлось прокладывать обходную дорогу. Противоположный берегъ, бѣлѣвшій аулами въ густой зелени садовъ, окруженными террасами полей, занимали горцы подъ предводительствомъ Кази-Магомы.

Въ дагестанскомъ отрядѣ барона Врангеля весь іюль прошелъ въ разработкѣ дорогъ по Салатавіи и подвозѣ съ плоскости провіанта, снарядовъ, инструмента. Между отрядомъ барона Врангеля и Шамилемъ пролегалъ высокій Салатавскій хребетъ, составляющій продолженіе Андійскаго: за нимъ сейчасъ же начиналось лезгинское общество Гумбетъ. Лазутчики дали знать въ отрядъ, что дороги попорчены, что всѣ жители призваны къ оружію, а семейства ихъ и стада, по приказанію Шамиля, отправлены въ Аварію, т. е. вглубь Дагестана. Войскамъ барона Врангеля нужно было исполнить самое трудное дѣло, захватить въ свои руки Сагрытловскую переправу по теченію Койсу,—это ниже, чѣмъ расположился самъ Шамиль. Солдаты принесли на рукахъ мостъ, сдѣланный еще въ

Буртунаѣ; едва они, въ-конецъ измученные, добрались вечеромъ до рѣки, какъ съ другой стороны открыли по нимъ жестокую пальбу; оказалось, что навести мостъ нельзя. На другой день — это было 15-е іюля—наши увидѣли, что Койсу протекаетъ здѣсь въ глубокихъ, отвѣсныхъ скалахъ, подступить къ которымъ нѣтъ никакой возможности; единственное мѣсто, гдѣ рѣка суживалась до двухъ сажень и гдѣ у горцевъ былъ уже мостъ, находилось подъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ. На томъ берегу тянулась вверхъ крытая галлерей, изъ которой торчали сотни дулъ; другая галлерей, изъ толстаго тесанаго камня, была устроена вдоль берега. Наша артиллерія не могла раскрыть эти галлерей, потому что спускъ къ рѣкѣ оказался сорванъ сажень на семь. Генераль Ракусса, командовавшій передовымъ отрядомъ, рѣшился переправиться ниже Сагрытловскаго моста, гдѣ берегъ былъ доступнѣе, хотя сама рѣка гораздо шире, до 15 саж.; на другой сторонѣ, за кручей, засѣло въ пещерѣ не болѣе 20 горцевъ, никакъ не ожидавшихъ, чтобы здѣсь могла совершиться переправа. Въ ночь на 16-е число съ нашей стороны были насыпаны завальчики, въ которыхъ залегли стрѣлки отъ Дагестанскаго полка и 21-го стрѣлковаго баталіона, а противъ самой пещеры устроили батарею изъ трехъ единороговъ. Горцы, увидя себя отрѣзанными, просили пощады, причемъ даже обѣщали укрѣпить канатъ. Для того, чтобы подать на ту сторону канатъ, вызвалось трое охотниковъ. Рядовой Дагестанскаго полка Кочетовъ, уже старикъ лѣтъ 50-ти, и юнкеръ Шпейеръ кинулись въ стремнину рѣки, чрезвычайно быстро, какъ и всѣ кавказскія рѣки. Долго они барахтались въ пучинѣ, между камнями, пока добрались до берега; горцы сидѣли въ пещерѣ не шевелясь, подъ страхомъ, что ихъ разстрѣляютъ. Когда канатъ былъ укрѣпленъ, къ нему подвѣсили на кольцахъ деревянную доску, по которой стали одинъ за другимъ перетягиваться охотники. Собравшись въ кучку, 23 человекъ, подъ командой офицеровъ, вскарабкались по скаламъ до пещеры, ворвались въ середину и истребили всѣхъ мюридовъ. Они дали Шамилю клятву надъ кораномъ, что не уступятъ переправы, а когда уви-

дѣли, что русскіе не въ шутку занимають берегъ, открыли изъ пещеры пальбу. Теперь нашимъ оставалось совладать съ бѣшеной рѣкой. На первыхъ порахъ, что ни придумывали, не удавалось, а между прочимъ, непріятель скоплялся къ мѣсту переправы, хотя пока держался въ отдаленіи, за буграми. Тогда подполковникъ Девель приказалъ сдѣлать изъ коновязей плетенку, 14 саж. длины; на двѣ сажени подвели плотину и, перетащивши плетенку по канату, устроили висячій мостъ. Къ разсвѣту 18-го числа 8 ротъ Дагестанскаго полка, по-одиночкѣ, ползкомъ на животѣ перебрались черезъ Койсу. Храбрыя кавказскія войска, завидя непріятеля, рвались въ бой; генераль Ракусса рѣшился съ этими ротами атаковать горцевъ. Съ восходомъ солнца дагестанцы были уже на завалахъ, но нашли ихъ пустыми: горцы ночью сбѣжали. Утвердившись на правомъ берегу, русскіе выбрали для устройства переправы болѣе удобное мѣсто, а именно, гдѣ висящія надъ бездной скалы сходятся всего на пять аршинъ. Такъ какъ спускъ черезъ скалу былъ взорванъ, то къ ней придѣлали деревянный срубъ, и тогда переправа пошла безостановочно. Послѣ двухдневнаго отдыха Ракусса двинулся для занятія Белитлинской горы. Подъемъ защищали тысяча аварцевъ, сидѣвшихъ за завалами. Извѣстный своею удалью сотникъ Гайдаръ-бекъ обошелъ гору слѣва и сталъ подниматься; солдаты лѣзли на четверенькахъ, хватаясь за колючки, за камешки. Къ вечеру они уже стояли лицомъ къ лицу съ передовымъ постомъ. Горцы такъ оторопѣли, что не знали, за что взяться: они, было, схватились за лопаты, чтобы рыть заваль, какъ тутъ ихъ всѣхъ перебили, а потомъ кинулись на остальныхъ защитниковъ этой неприступной горы, съ которыми такъ же скоро управились. На 4-й день къ войскамъ барона Врангеля подошелъ отъ Темиръ-Ханъ-Шуры его помощникъ, генераль Манюкинъ, съ довольно значительнымъ отрядомъ пѣхоты и конницы.

Въ это же самое время съ юга, отъ кавказскихъ горъ, наступалъ лезгинскій отрядъ, подъ начальствомъ генерала Машкова. Въ короткое время главная непріятельская позиція была обойдена съ обоихъ фланговъ, отрядами чеченскимъ и лезгинскимъ; съ тыла

угрожалъ ей отрядъ Врангеля. Тогда въ наши лагери ежедневно стали появляться старшины отъ непокорныхъ обществъ и просили мира; наибы Шамиля, или его областные правители, приносили главнокомандующему пожалованные имъ значки. Наступило время, когда сами жители стали помогать завоеванію края. Такъ, въ концѣ іюля отрядъ генераль-маіора Тарханъ-Маурава подошелъ къ сильному укрѣпленію Чохъ. Засѣвшіе въ немъ горцы хотѣли обороняться и уже сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ, но сосѣди забрались имъ въ тылъ и заставили ихъ сдаться. Въ другое время этотъ аулъ обошелся бы намъ дорого: наверху, въ скалѣ, былъ вырубленъ пороховой погребъ, цистерна для воды и казарма; отъ главнаго укрѣпленія шли во всѣ стороны сводчатыя галлерей, изъ которыхъ одна къ роднику; собственно же для стрѣльбы были выстроены особыя галлерей, съ бойницами и барбеты съ блиндажами (крытыя насыпи); послѣдніе — для артиллеріи.

Шамиль, узнавши про эти событія, бросилъ свое укрѣпленіе съ 13-ю орудіями и скрылся; Кази-Магома тоже оставилъ завалы противъ чеченскаго отряда, очистивъ неприступное Койсу. Во время бѣгства Шамиль ясно увидѣлъ, что время его власти миновало. Тамъ, гдѣ его слова были до сихъ поръ закономъ, онъ встрѣчалъ уже непріязнь. Жители Куяды затѣяли съ нимъ перестрѣлку, отбили у него лошадей и мѣру серебра. Шамиль съ четырьмя сотнями мюридовъ укрылся на Гунибѣ, подъ защиту оставшихся у него 5 пушекъ. Одинъ изъ самыхъ его способныхъ и дѣятельныхъ помощниковъ Даніэль-Бекъ, управлявшій южными племенами Нагорнаго Дагестана, сдалъ 2-го августа сильно укрѣпленный аулъ Ирибъ, съ 9 орудіями, съ большими запасами пороха и свинца, а самъ явился безъ оружія, съ повинной головой, къ князю Барятинскому. Главнокомандующій, именемъ Государя Императора, его простилъ. Съ небольшимъ конвоемъ начальники главныхъ отрядовъ съѣзжались со всѣхъ сторонъ на совѣтъ къ главнокомандующему, и нигдѣ, ни въ горахъ, ни въ ущельяхъ, они не встрѣтили ни малѣйшаго сопротивленія, ни даже насилія или обиды; видимо, населеніе Дагестана, утомленное борьбой, смиренно ожидало своей

участи въ надеждѣ на лучшія времена. Въ двѣ недѣли Дагестанъ покорился; полувѣковая война приходила къ концу. Непрístupныя тѣснины, крѣпкіе природой и искусствомъ аулы, крѣпости замѣчательной постройки, 50 орудій, большое число снарядовъ, значковъ и разнаго оружія—сданы въ самое короткое время. Край, въ которомъ до сихъ поръ гудѣли выстрѣлы, долженъ былъ умиroitвориться. Для нашихъ храбрыхъ войскъ настала пора другой работы, хотя мирной, но все-таки тяжелой: проложить дороги, устроить мосты, выбрать мѣста для укрѣпленій, заложить ихъ и вывести,— все то, что могло насъ сблизить съ вѣковымъ врагомъ лезгиномъ, заставить его забыть самое имя Шамиля и показать ему, что мы остаемся здѣсь навсегда. Послѣ невѣроятныхъ трудностей войска чеченскаго отряда проложили колесную дорогу черезъ Андійскія горы и хребетъ Гаркалай-Ламъ,—этимъ путемъ соединялись Чечня и Дагестанъ, на границѣ которыхъ было воздвигнуто укрѣпленіе Преображенское, защищавшее переправу черезъ Койсу. Теперь можно было приступить къ овладѣнію Гунибомъ.

Хотя гора Гунибъ и безъ того была непрístupна по своей природѣ, Шамиль приказалъ подорвать всѣ мало-мальски ненадежныя скалы; тропинки укрѣпилъ толстыми стѣнами и башнями; падъ обрывами были приготовлены груды камней для скатыванія на случай приступа. Было сдѣлано все, что только могли придумать искусные въ горной войнѣ лезгины. 9-го августа войска Дагестанскаго отряда, въ числѣ десяти батальоновъ пѣхоты и семи сотенъ конницы, растянулись на 50 верстъ кругомъ Гуниба; резервъ сталъ особо, у Кегера. Въ отрядѣ со дня на день ожидали пріѣзда главнокомандующаго. Онъ въ это время спустился по теченію Койсу, видѣлъ мѣсто славной переправы Дагестанскаго отряда, проѣхалъ мимо Ахульго въ Гимры. Отсюда, по пути въ Аварію, провожали князя одни лезгины: конвой изъ драгунъ былъ отпущенъ. Все населеніе страны спѣшило на-встрѣчу главнокомандующему. Онъ приносилъ не только освобожденіе отъ Шамиля, но и возвращеніе къ старымъ порядкамъ, о которыхъ аварцы сохранили воспоминаніе: было время, когда аварскіе ханы считали

себя повелителями всего Дагестана. Князь Барятинскій, именемъ Государя Императора, назначилъ имъ новаго хана. Изъ Хунзаха, бывшей столицы Аваріи, князь спустился въ долину Койсу, къ аулу Голотль, откуда его провожалъ со своей милиціей до самаго Гуниба смѣлый наибъ Кибитъ-Магома, защищавшій теченіе Андійскаго Койсу.

Здѣсь, подъ Гунибомъ, въ глазахъ Шамиля, окрестные жители встрѣчали князя ружейными залпами, оглашали воздухъ радостными криками. Черезъ два дня присоединился къ войскамъ и лезгинскій отрядъ, подъ начальствомъ Лорисъ-Меликова. Еще до пріѣзда главнокомандующаго Шамиль пытался вступить въ мирные переговоры, но они ни къ чему не привели. Мюриды, высланные Шамилемъ, держали себя такъ надменно, какъ послы великаго владыки; они требовали, чтобы на время пріостановки военныхъ дѣйствій одинъ изъ нашихъ генераловъ съ полковникомъ Лазаревымъ оставались у нихъ въ заложникахъ. Разумѣется, такое дерзкое требованіе не могло быть уважено, и когда отъ Шамиля потребовали короткаго отвѣта, согласенъ ли онъ оставить Гунибъ, или нѣтъ? — Шамиль отвѣчалъ съ важностью имама: «Наверху Богъ, а на Гунибѣ его правовѣрные мусульмане и въ рукахъ ихъ мечи для священной войны». — Главнокомандующій приказалъ начать военныя дѣйствія.

Восточный скатъ горы былъ самый доступный, но его-то и укрѣпилъ Шамиль, его-то и оберегалъ самымъ бдительнымъ образомъ. На совѣтѣ главнокомандующаго было рѣшено съ этой стороны не штурмовать и только для виду вести осадныя работы. Въ ночь на 24-е августа стрѣлки Ширванскаго полка, подъ огнемъ горцевъ, выдвинулись съ этой неприступной стороны впередъ и расположились за камнями, имѣя резервы въ заброшенномъ хуторѣ. Прочія войска получили приказаніе занять нѣкоторые пункты близъ скалистыхъ обрывовъ верхней части горы. Передъ разсвѣтомъ на 25-е число, командиръ 1-го батальона Апшеронскаго полка, подполковникъ Егоровъ, подошелъ съ южной стороны къ обрыву, что не было замѣчено по случаю большого тумана. Тогда Егоровъ

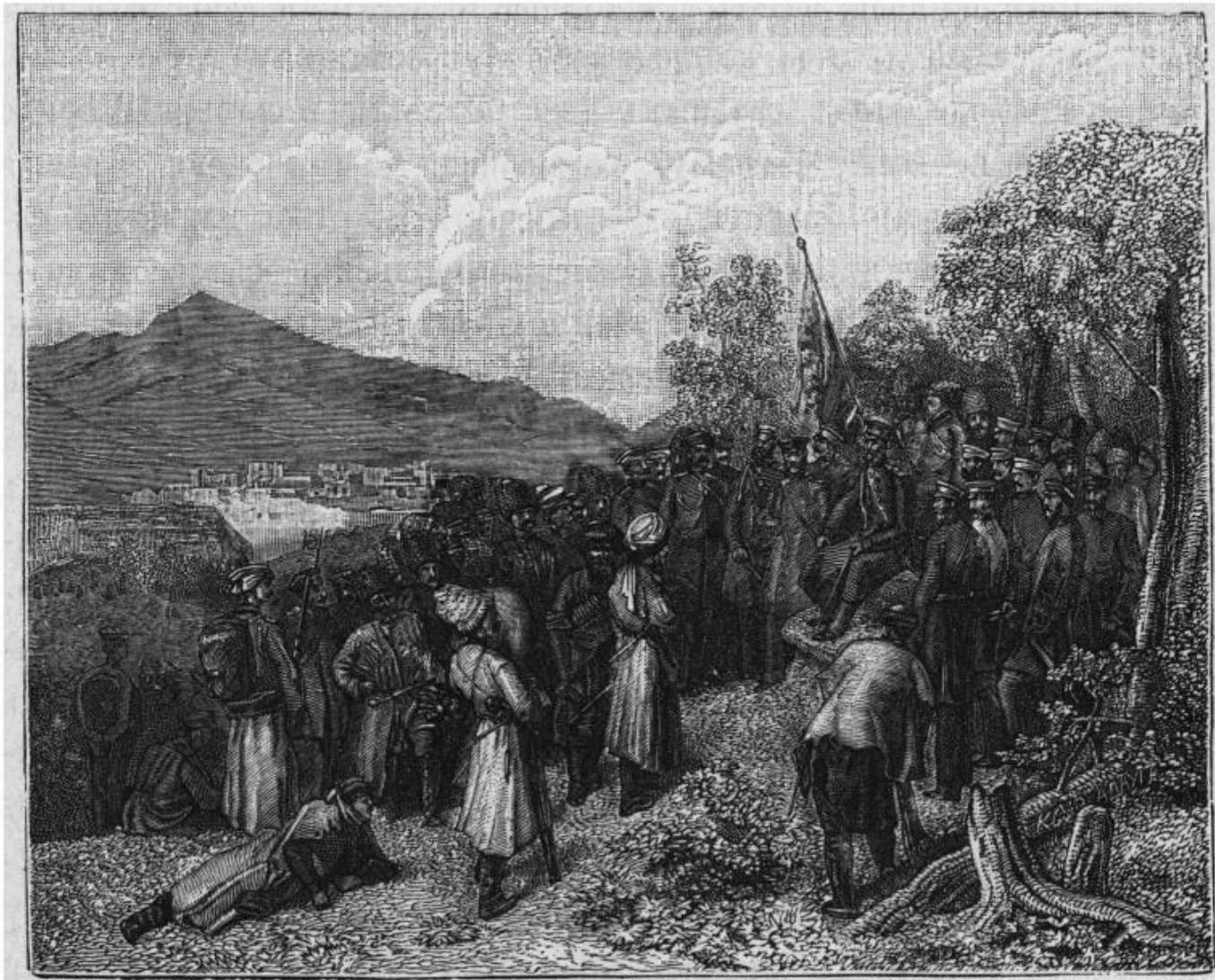
повелъ свой батальонъ дальше, на вершину горы. Горцы никакъ не ожидали нападенія съ этой стороны; здѣсь у нихъ былъ только небольшой караулъ. Передъ апшеронцами торчали три скалистыхъ обрыва, одинъ надъ другимъ до десяти сажень вышины. Охотники, обутые въ лапти, съ лѣстницами и крючьями, вскарабкались на нижній обрывъ; они шли на-вѣрняка, побывавши здѣсь раньше съ капитаномъ Скворцовымъ и прапорщикомъ Кушнеревымъ. За ними двинулся батальонъ. Охотники полѣзли дальше, но непріятель ихъ уже замѣтилъ и открылъ пальбу. Однако это не могло остановить отважныхъ апшеронцевъ: они лѣзли какъ кошки, подсаживали другъ друга, и къ 6-ти часамъ утра весь батальонъ былъ на верхней площадкѣ Гуниба. Въ это время охотники уже успѣли захватить непріятельскій караулъ: 7 чел. взяли въ плѣнъ, а 15, въ томъ числѣ три лезгинки, были изрублены; остальные скрылись въ туманѣ. Когда подошло еще двѣ роты 4-го батальона, полковникъ Тергукасовъ повелъ ихъ къ аулу, до котораго считалось восемь верстъ; по дорогѣ къ нимъ присоединился 21-й стрѣлковый батальонъ, который поднялся правѣе апшеронцевъ, съ той же южной стороны Гуниба. Еще больше помогли апшеронцамъ войска, стоявшія на противоположной сторонѣ Гуниба. Какъ было сказано, ширванцы залегли наверху, подъ отвѣсной скалой. Ночь была темная, хоть глазъ коли; мертвое молчаніе нарушалось ревомъ kloкочущей внизу Кара-Койсу; наверху изрѣдка раздавались заунывные оклики часовыхъ да по временамъ, для острастки, скатывались камни. Часа въ два ночи ударили внизу тревогу: загрохотали барабаны, заиграли сигнальныя трубы, раскатилось грозное ура въ перемежку съ частой пальбой. Горцы сначала молчали, недоумѣвая, въ чемъ дѣло. Когда же ширванцы, залегшіе подъ скалой, приняли тревогу, то горцы съ остервенѣніемъ стали кидать сверху камни: покатались громадныя глыбы съ трескомъ и шумомъ; онѣ то раздроблялись въ куски, то увлекали съ грохотомъ твердую землю и мелкіе камешки. Внизу пальба, наверху палятъ — гора одѣлась облакомъ пыли и дыма. Такъ продолжалось два часа, въ которые горцы успѣли израсходовать свои

камни: теперь они скатывались все рѣже и рѣже. Наступилъ разсвѣтъ; ширванцы оставались за выступомъ скалы, гдѣ преспокойно вырубали себѣ ступеньки. Тревога оказалась фальшивой, съ цѣлью отвлечь вниманіе и силы горцевъ въ эту сторону. Вотъ почему апшеронцы могли такъ легко подняться. На выступѣ скалы показались два горца: они махали папахами и кричали: «Взойдите, Шамиль хочетъ бѣжать!» Ширванцы крикнули ура! и полѣзли. Цѣпляясь за кустики, за каждый выступъ; упираясь колѣнями въ стѣну, многіе держались на-вѣсу, надъ пропастью, пока снизу не толкнуть штыкомъ — тогда или мигомъ наверхъ, или съ трескомъ внизъ. Такъ подвигались ширванцы. Устроившись на горѣ, отрядъ князя Тарханъ-Маурава пошелъ въ обходъ аула съ восточной стороны.

Одновременное появленіе нашихъ войскъ на площадкѣ Гуниба привело въ изумленіе горцевъ; покинувъ свои позиціи, они бѣжали въ селеніе; самъ Шамиль съ сыновьями заперся въ саклѣ. Партиа мюридовъ, человекъ около ста, оказалась отрѣзанной; она заняла лѣсистый холмъ, откуда открыла пальбу по ширванцамъ. Полковникъ Кононовичъ послалъ двѣ роты выбить ихъ изъ-за камней; тогда горцы бросились съ шашками и, встрѣтивъ отпоръ на штыкахъ ширванцевъ, кинулись въ другую сторону, гдѣ наткнулись на нашъ карауль и были истреблены все до единого, кромѣ маленькаго ребенка на рукахъ у матери; какимъ-то чудомъ малютка уцѣлѣлъ. Уже войска готовы были ворваться въ ауль, но генераль Кеслеръ, начальникъ осадныхъ работъ, желая въ точности исполнить приказаніе главнокомандующаго, взять Шамиля живьемъ, остановилъ войска и расположилъ ихъ такъ, чтобы не ушелъ ни одинъ мюридъ. Въ это время прибылъ на высоту самъ Бяргинскій. Онъ приказалъ остановить перестрѣлку съ мюридами, засѣвшими въ сакляхъ, и послалъ имъ предложеніе сдаться, чтобы не губить напрасно ихъ женъ и дѣтей. Переговоры тянулись часа два. Шамиль колебался и медлилъ. Наступалъ вечеръ, войска рвались впередъ; ихъ трудно было сдержать. Наконецъ вышелъ мюридъ и закричалъ, что Шамиль сдается, но не выйдетъ изъ аула

безъ Лазарева. Послали туда Лазарева. Вступивши на площадь, онъ увидѣлъ толпу мюридовъ, около 40 человекъ, вооруженныхъ съ головы до ногъ, съ мрачными лицами; неподалеку, прислонившись къ саклѣ, стоялъ высокій красивый горецъ, съ важной осанкой и печальнымъ выраженіемъ лица. Лазаревъ сейчасъ же призналъ въ немъ имама. «Шамиль! сказалъ онъ ему: всему міру извѣстно о твоихъ подвигахъ, и слава ихъ не померкнетъ, если ты покоришься назначенной тебѣ судьбѣ. Этимъ спасешь ты себя, свое семейство и всѣхъ оставшихся вѣрными тебѣ. Во имя Бога, пойдѣмъ!» Шамиль не зналъ, что дѣлать: онъ не вѣрилъ — «Иди къ моимъ сыновьямъ и останься, пока я вернусь». — «Я пришелъ сюда по твоему желанію, а не присланъ заложникомъ. Пойдемъ вмѣстѣ, а не то я уйду назадъ». Въ толпѣ мюридовъ поднялся было ропотъ, уже приподымались руки, сверкали грозно глаза, но Лазаревъ нисколько не смутился: спокойно и убѣдительно онъ доказалъ самымъ непримиримымъ нашимъ врагамъ, что они накличутъ лишь новую бѣду и себѣ, и своему имаму. Тогда Шамиль попросилъ, чтобы на его пути не было ни одного мусульманина. Лазаревъ послалъ бывшаго при немъ переводчика исполнить эту просьбу. Наконецъ шествіе тронулось: впереди Лазаревъ, за нимъ Шамиль, окруженный толпой мюридовъ, съ засученными по локоть рукавами, съ ружьями на-готовѣ. Когда войска завидѣли владыку Чечни и Дагестана своимъ плѣнникомъ, единодушное оглушительное ура покрыло площадку Гуниба, отозвалось въ окрестныхъ горахъ, многократно откликнулось въ недоступныхъ ущельяхъ и безднахъ. Каждый русскій человекъ, отъ генерала до солдата, почувствовалъ въ ту минуту, что онъ присутствуетъ при одномъ изъ величайшихъ событій своего отечества. Шамиль встревожился, остановился, потомъ повернулся къ аулу. «Развѣ не понимаешь, спросилъ его Лазаревъ, что войска, по приказанію сардаря, отдають тебѣ привѣтствіе?» Шамиль продолжалъ путь. За полторы версты отъ аула, въ роцѣ, сидѣлъ князь Барятинскій. «Шамиль! Ты не хотѣлъ пріѣхать ко мнѣ на Кегерскія высоты, такъ я самъ пришелъ къ тебѣ съ войсками. Теперь твоя участь зависитъ отъ воли Госу-

даря Императора; но я надѣюсь, что Его Величество уважить мое ходатайство о тебѣ...» — «Сардарь! Прости, не осуждай. Я простой уздень, дрался 30 лѣтъ за вѣру; теперь сталъ старъ, утомился: народы мои мнѣ измѣнили, наибы разбѣжались. Поздравляю васъ съ побѣдой и отъ души желаю съ успѣхомъ править горцами на ихъ благо!» — Когда Шамилю объявили, что онъ теперь военно-

Шамиль передъ главнокомандующимъ княземъ Барятинскимъ.

плѣнный и долженъ ѣхать въ лагерь, имамъ поблѣднѣлъ, задрожалъ, схватился было за кинжалъ. И тутъ Лазаревъ съумѣлъ его успокоить, сказавши, что нужно подчиниться волю главнокомандующаго. Имамъ сѣлъ на тотъ же самый камень, на которомъ только-что сидѣлъ князь Барятинскій, и долго не хотѣлъ сходить съ этого мѣста. Съ трудомъ графъ Евдокимовъ могъ уговорить

его подняться. Въ сопровожденіи эскадрона драгунъ Шамиль былъ отправленъ на Кегерскія высоты.

При овладѣніи Гунибомъ наши взяли 4 пушки, сѣкиру Шамя и сотню мюридовъ. Не велики эти трофеи, но они были дороги, какъ послѣдніе трофеи въ пятидесятилѣтней кавказской войнѣ. Вся восточная часть Кавказа, отъ военно-грузинской дороги до береговъ Каспія, покорилась Россіи на вѣчныя времена. Въ память этого великаго событія Государь Императоръ учредилъ особый кавказскій крестъ, которымъ могъ украсить свою грудь всякій, кто дожилъ до этихъ славныхъ дней. Извѣстіе о плѣнѣ Шамя разнеслось по всему Кавказу, поразивши умы горцевъ. Горныя племена западнаго Кавказа, одно за другимъ, стали изъявлять покорность. Бжедухи, самые упорные, покорились первые; за ними — племена, живущія между рр. Лабой и Бѣлой. Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и весь Кавказскій перешеекъ, между морями Чернымъ и Каспійскимъ, уже пользовался благодѣтельнымъ миромъ.

Въ концѣ августа Шамиль выѣхалъ со своимъ семействомъ въ Шуру, въ сопровожденіи двухъ эскадроновъ драгунъ, двухъ конныхъ сотенъ и батальона пѣхоты. Горцы выходили тысячами навстрѣчу имаму, въ чемъ имъ не дѣлали препятствій. Женщины плакали на-взрыдъ; мужчины старались прикоснуться губами къ его одеждѣ. Изъ Шуры поѣхали дальше, въ Россію, въ экипажахъ. Государь Императоръ принялъ имама въ Чугуевѣ и принялъ его ласково, со свойственною ему привѣтливостью; на другой же день Шамиль присутствовалъ на Высочайшемъ смотрѣ двухъ кавалерійскихъ дивизій. Множество конницы, ея стройныя движенія, быстрота и легкость построеній привели Шамя въ неописанный восторгъ. Побывавши въ обѣихъ столицахъ, Шамиль поселился на житье въ Калугѣ и до конца дней благословлялъ великодушіе и царскія щедроты Монарха, успокоившаго его старость.

ДѢЛО ДВАДЦАТИ КАЗАКОВЪ ПРИ МЫСѢ ЧАГРАБЪ.

В а городомъ Орскомъ, туда подальше въ степь, начинаются солончаки, сыпучій песокъ, глина. Жара лѣтомъ такая, что человѣкъ задыхается; кое-какая травка выгораетъ до-чиста, земля накаливается точно желѣзо, причемъ даетъ трещины въ четверть аршина. Рѣчки лѣтомъ пересыхаютъ и только въ самомъ глубокомъ мѣстѣ русла остаются ямы съ водой, въ родѣ не то озеръ, не то лужъ. Въ этихъ только мѣстахъ и зелень: растутъ трава, воздухъ свѣжѣе, дышется легче. Киргизы-кочевники, извѣстные обитатели зауральскихъ степей, переходятъ съ мѣста на мѣсто, подыскивая корма своимъ верблюдамъ и баранамъ: они то поднимаются на бугры, то спускаются внизъ, смотря по погодѣ, по времени года. Бродятъ еще здѣсь дикія лошади и сайгаки, или степныя козы. Одно время киргизы перестали повиноваться властямъ, пустились на грабежи и разбои; дошло дѣло до того, что для усмиренія ихъ потребовалось войско. Это было въ 1870 году.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ небольшой русскій отрядъ выступилъ изъ Эмбенскаго поста на поиски. Онъ состоялъ изъ одной роты стрѣл-

ковъ, роты линейнаго батальона, казачьей сотни и взвода донской № 8 батареи. Отрядъ дошелъ до урочища, извѣстнаго подь именемъ Орженецъ, получившаго свое названіе отъ травы, похожей на рожь. Это мѣсто было покрыто сочною зеленью версты на двѣ кругомъ озеръ и лужъ, которыми кончается степная рѣчка Чеганъ. Здѣсь отрядъ остановился и ежедневно высылалъ во всѣ стороны небольшія команды. Киргизы, избѣгая встрѣчи, обыкновенно углублялись въ степь. Гоняться за ними было опасно, потому что и знающій эти степи часто проѣзжаетъ сотню верстъ безъ кормовъ и безъ воды. Однако отрядъ отбилъ въ разное время до 10 тыс. овецъ, которыхъ частью побросали въ степи, частью доставили на Орженецъ. Въ іюлѣ кормъ былъ съѣденъ, вода въ лужахъ стала портиться, пришла пора возвращаться на Эмбу, на свой постъ. Не имѣя возможности сразу поднять всѣ тяжести, начальникъ отряда полковникъ Байковъ оставилъ на мѣстѣ роту стрѣлковъ со взводомъ артиллеріи, а съ остальными пошелъ вверхъ по Чегану, къ озеру Чушка-Куль, съ тѣмъ, чтобы отсюда выслать на Орженецъ верблюдовъ и забрать остальные тяжести. Отрядъ Байкова благополучно пришелъ на новую стоянку, и черезъ два дня, когда солдаты отдохнули, фейерверкеръ Коржовъ получилъ приказаніе отвести на Орженецъ 135 верблюдовъ; при нихъ 13 вожатыхъ и небольшая команда, которую составляли 13 артиллеристовъ, 2 уральца, 3 оренбургскихъ казака, и вмѣсто переводчика казакъ Халиловъ, изъ татаръ, всего 19 человекъ. 24-го числа рано утромъ команда выступила къ Орженцу.

Киргизы отлично знали черезъ погонщиковъ, что дѣлалось въ отрядѣ. Какъ только колонна Байкова оставила Орженецъ, они на слѣдующую же ночь сдѣлали два нападенія на оставленный отрядъ; но оба раза были отбиты. Байковъ ничего не подозрѣвалъ, иначе онъ не отправилъ бы верблюдовъ съ такимъ ничтожнымъ прикрытіемъ. Транспортъ двинулся въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди 4 казака съ бомбардиромъ Кирѣевымъ, въ 150 саженьяхъ сзади Коржовъ съ тремя донцами, за нимъ верблюды съ вожатыми и казаки, еще за сто сажень — 4 артиллериста съ бомбардиромъ

Ерофьевымъ. Пройдя знакомымъ путемъ верстъ 30, команда расположилась ночевать у рѣчки Чегана: славная, густая трава, покрывавшая берегъ, обѣщала добрую стоянку; казаки даже выкупались и перемѣнили бѣлье. Послѣ ужина старшій вожакъ уложилъ верблюдовъ въ каре, головами въ середину, причемъ перевязалъ ихъ веревкой; девять казаковъ стали на всю ночь пикетами кругомъ транспорта, а прочіе легли въ середину. Однако никто почти не спалъ изъ опасенія тревоги. Утромъ пошли дальше, въ надеждѣ сразу добраться до Орженца. Дорога шла теперь надъ Чеганомъ, то приближаясь къ руслу, то отдаляясь отъ него. Такъ прошли верстъ десять до мѣста, называемаго мысомъ Чаграй; это крутой скалистый выступъ на буграхъ Мугоджарскихъ, которые тянутся поперекъ уральской степи. Часовъ около девяти утра передовые казаки замѣтили что-то подозрительное и дали знать Коржову: не то киргизы, не то сайгаки — имъ не распознать. Прошло нѣсколько минутъ, и всѣ увидѣли толпу киргизовъ, чловѣкъ полтора, которая неслась прямо на отрядъ. Авангардъ отступилъ; вожатые получили приказаніе класть верблюдовъ. Киргизы остановились: они думали, что въ отрядѣ есть пушки, которыхъ, между прочимъ, страшно боятся. Тогда Коржовъ приказалъ опять поднять верблюдовъ, съ тѣмъ, чтобы подвинуться къ рѣчкѣ. Но только транспортъ тронулся, киргизы стали наскакивать: пришлось остановиться. Снова начали укладывать верблюдовъ, по пяти рядовъ въ общее каре, и такимъ образомъ, что каждый верблюдъ слѣдующаго ряда приходился не въ затылокъ, а въ промежутокъ между двумя передними; въ этихъ случаяхъ еще соблюдается одно правило, а именно, что арканъ привязываютъ къ одной ногѣ верблюда, перекидываютъ ему черезъ плечо и увязываютъ выше колѣна другой ноги; тогда верблюдъ никакъ не можетъ подняться. Коржовъ скоро замѣтилъ, что старшій вожакъ выбираетъ арканы похуже; онъ отдулъ его нагайкой и велѣлъ сказать черезъ переводчика, что первую пулю всадить ему въ лобъ. Послѣ такой угрозы верблюды были живо уложены и перевязаны; лошадей помѣстили въ середину каре; казаки залегли въ

промежуткѣ между четвертымъ и пятымъ рядами. Покуда строилось каре, первая партія киргизовъ успѣла приблизиться, а съ лѣвой стороны показалась другая. Положеніе безоружнаго транспорта становилось отчаяннымъ; артиллеристы были вооружены шашками и гладкоствольными пистолетами; казаки имѣли только шесть ружей и не болѣе 200 патроновъ. Находясь въ 25 верстахъ отъ Орженца, они не смѣли рассчитывать на какую бы то ни было помощь: еще нужно прибавить, что изъ артиллеристовъ никто кромѣ Коржова никогда не участвовалъ въ дѣлахъ. Киргизы наѣзжали все ближе, ближе и шаговъ за четыреста открыли пальбу. Коржовъ отдалъ приказаніе отнюдь не стрѣлять раньше, чѣмъ киргизы наскочатъ на полсотни шаговъ.

— Ну-ка, братцы, благословите! — сказалъ уралецъ Петръ Любимовъ.

— Богъ тебя благословить, и мы тебя благословляемъ! — отвѣтилъ за всѣхъ Коржовъ.

Раздался первый выстрѣлъ: лошадь мятежника повалилась, киргизы сейчасъ же его подхватили; другой выстрѣлъ свалилъ самого всадника. Впереди шайки гарцовалъ наѣздникъ со значкомъ въ рукахъ, въ бархатномъ кафтанѣ, расшитомъ золотомъ и серебромъ; дорогое оружіе и нарядный конскій уборъ обличали въ немъ начальника.

— Смотри-ка, сказалъ Коржовъ казаку Косоножкину, нельзя ли ссадить этого молодца съ лошади?

— Попробую, отвѣтилъ казакъ. И всадникъ, и лошадь повалились. Человѣкъ 20 киргизовъ бросились поднимать джигита; съ сѣдла сняли дорогой арчакъ, всѣ украшенія, взяли значокъ. Казакамъ сильно хотѣлось дать залпъ въ эту толпу, но Коржовъ не позволилъ: «Нечего терять понапрасну заряды на сто шаговъ; лучше побережь ихъ, пока понадобятся на десять». — Киргизы, отѣхавши съ версту, скрылись за курганомъ.

Казаки съ артиллеристами сошлись въ кружокъ и держали совѣтъ, что имъ теперь дѣлать. Надумали послать казака Волошинова на Орженецъ, кстати у Волошинова былъ добрый бѣгунъ;

онъ и не отказывался. Сейчасъ же выбрали другую лашадь, посадили на нее жожака-киргиза и, выряжая обоихъ въ путь, дали наставленіе, чтобы они не ѣхали напрямикъ, а держались бы дороги, — такъ безопаснѣе. Киргизы наблюдали издали, и какъ только наши всадники отъѣхали, толпа конныхъ пустилась за ними въ догонку. Дрогнула сухая киргизская степь подъ копытами киргизскихъ скакуновъ, послышался гикъ, ржанье коней, поднялось облако пыли. Казаки стали креститься; у каждаго сдавило въ груди: а что если не уйдутъ? — Киргизъ-жожакъ, должно быть, испугался, потому что повернулъ коня. Мятежники бросились ему наперрѣзь, живо его поймали, а въ это время Волошиновъ успѣлъ взять впередъ примѣрно версту. Самые доброконные киргизы гнались за нимъ версть пять и потомъ бросили. Наши казаки, за большою пылью, ничего этого не видѣли; они видѣли уже, какъ киргизы ѣхали мимо каре, ведя въ поводу донскаго коня. — «Апикій Ѳедоровичъ! Никакъ это наша лошадь?» — Коржовъ и самъ видитъ, что лошадь казачья, сѣдло съ подушкой и все прочее, однако сталъ увѣрять казаковъ, что это заводная лошадь.

Отъѣхавши на старую стоянку, киргизы наѣзжали на каре въ одиночку, причемъ палили изъ ружей; другіе выходили изъ-за кургана пѣшіе, клали ружья на сошки и также цѣлили въ каре. По дальности разстоянія эти выстрѣлы не причиняли никакого вреда. Ружья у киргизовъ были разныя: начиная съ фитильныхъ, самыхъ тяжелыхъ и кончая охотничьими дробовиками, двустволками; были даже штуцера; многіе имѣли шашки, пистолеты; у всѣхъ же остальныхъ — пики, длинныя, аршинъ до пяти, съ желѣзными острыми копьями на концѣ и длиннымъ ножемъ пониже коньца. Пострѣлявши нѣсколько времени, киргизы пустились на продѣлки. Десятка по два сразу они спускались къ рѣкѣ и, скрывшись съ глазъ, проѣзжали мимо каре логомъ, а потомъ выѣзжали на ровное мѣсто съ другой стороны, точно поспѣвая изъ степи на помощь. Казаки подумали, что это прибываютъ новыя партіи, но Коржовъ смекнулъ въ чемъ дѣло и рассказалъ казакамъ, что такую же штуку продѣляли однажды на Кавказѣ наши линейцы:

дня два кружились возлѣ турокъ, такъ что совсѣмъ сбили ихъ съ толку. Казаки успокоились, хотя не надолго. Часа черезъ два изъ-за горъ показалась партія въ 500 или 600 чел. И прежняя, и эта новая обѣ разомъ бросились на каре. Казаки помолились Богу на всѣ четыре стороны, попрощались другъ съ другомъ и приготовились къ смертному бою. На одного русскаго приходилось по сорока враговъ.—«Ну, братцы, не робѣйте! сказалъ Коржовъ, послужите Богу и Государю! Живыми не сдаваться!» Донцы забрали у уральцевъ ружья: они стрѣляли лучше; киргизамъ же дали дрючки, которые кладутся подъ вьюки. Мятежники густою толпою окружали каре; между ними видны были въ своихъ высокихъ бараньихъ шапкахъ хивинцы, одѣтые и вооруженные гораздо лучше чѣмъ киргизы.

— «Сдавайтесь, коли хотите жить!» кричали изъ толпы. Переводчикъ отвѣчалъ за казаковъ, что они не для того укрѣпились, чтобы сдаться. — «Переходи на нашу сторону!» кричали киргизы переводчику.—«И тогда не перейду, когда у насъ будетъ кровь по-колѣно!» отвѣтилъ Халиловъ.

Казаки были хорошо защищены отъ выстрѣловъ, но ихъ бѣднымъ лошадямъ на первыхъ же порахъ стало сильно доставаться. Израненныя, перепуганныя, онѣ начали ржать, биться, потомъ кидаться вонъ изъ каре, черезъ верблюдовъ, которые, въ свою очередь, подняли жалобный крикъ отъ нестерпимой боли. Наконецъ, когда нѣсколько канатовъ лопнуло, лошади вырвались на просторъ, и сейчасъ же попали въ руки киргизовъ. Видя, что казаки мало терпятъ, а больше достается лошадямъ, киргизы отошли назадъ; тогда ихъ пули стали перелетать черезъ каре и бить своихъ же, что стояли на другой сторонѣ. Скоро, впрочемъ, они замѣтили свою ошибку: собрались къ одной сторонѣ и стали готовиться къ штурму. Тѣ, которые имѣли пики, слѣзли съ лошадей, а конные продолжали палить. Въ это время изъ-за горъ подскакало еще нѣсколько партій. Пѣшіе киргизы, двумя большими толпами, человекъ по двѣсти, съ гикомъ бросились на каре. — «Какой же, братцы, нужно смерти краше: по 40 человекъ на

одного!» закричалъ казакъ Косоножкинъ, когда киргизы уже лѣзли въ каре. Въ эту самую минуту вожаки-киргизы выпрыгнули изъ каре и перебѣжали къ мятежникамъ. — «Не робѣйте, братцы! крикнулъ Коржовъ, не давайтесь живыми въ руки, вырывайте у нихъ пики!» — Казаки стали вырывать у киргизовъ пики, которыми они неуклюже тыкали изъ-за перваго ряда верблюдовъ, нахватали штукъ 70, хотя при этомъ накололи себѣ руки. Тогда киргизы начали метать пики; казака Косоножкина ранили въ бокъ. Видя малочисленность команды, мятежники становились все смѣлѣе: врывались въ каре сначала по-одиночкѣ, потомъ кучками; завязалась общая свалка. Казаки отбивались чѣмъ попало: шашками, обломками пикъ, работали кулаками. У казака Богомолова выбили шашку; два дюжихъ киргиза схватили его за волосы и потащили изъ каре. Онъ выхватилъ изъ-за пояса пистолеть и хватилъ куркомъ по головѣ сначала одного киргиза, потомъ другого: оба упали съ проломленной головой. А тамъ вскочилъ киргизъ съ ружьемъ; только онъ успѣлъ его поднять, чтобы выстрѣлить, Косоножкинъ выхватилъ ружье и ударилъ его прикладомъ. Въ другомъ мѣстѣ Карташевъ рубнулъ шашкой здороваго киргиза, но шашка, попавши на кольчугу, согнулась; Карташевъ не потерялся: обернулъ шашку и полоснулъ киргиза эфесомъ по лицу. Ворвался еще одинъ панцырникъ съ двустволкой на-перевѣсъ; онъ пробѣжалъ мимо семи человѣкъ, — всѣ согнули свои шашки объ его кольчугу. «Бей его, ребята, по рукамъ ниже локтя!» крикнулъ Коржовъ. Посыпались на киргиза удары: руки у него опустились, двустволка упала, и самъ онъ покатился черезъ верблюдовъ. — Славно дрались казаки, но ихъ было мало, а киргизовъ все прибывало да прибывало. Кровь лилась ручьями, сила казаковъ слабѣла... Одно имъ было облегченье, что киргизы подхватывали своихъ раненыхъ и убитыхъ; лѣзло то ихъ много, а дрались не всѣ. Казаки пуще всего боялись, чтобы киргизы не порѣзали веревокъ и не испортили каре. Съ пиками въ рукахъ, разомъ, они выскочили впередъ, не допуская киргизовъ въ середину. Тѣ скоро замѣтили, что Коржовъ старшій

въ партіи и стали въ него цѣлить больше, чѣмъ въ другихъ. Перебили въ его рукахъ двѣ пйки, а когда онъ нагнулся поднять третью, его пырнули сзади, съ коня, копьемъ въ спину, выше пояса. Коржовъ распоряжался по прежнему, но вскорѣ почувствовалъ вторую рану, картечью, въ правую руку, выше кисти. Отважный фейерверкеръ свалился на землю: «Братцы, не робѣйте, хоть я вамъ не помощникъ!» Казаки отбивались изъ послѣднихъ силъ; надежда на помощь оставила, всякій готовился умереть. Коржовъ, прислонившись къ спинѣ верблюда, тяжело дышалъ; онъ самъ видѣлъ, что наступаютъ послѣднія минуты предсмертной борьбы, что у казаковъ опускаются руки... Вдругъ киргизы бросились къ лошадямъ и стали отступать. Казаки оторопѣли: они не знали, что и подумать. А дѣло было просто.

Волошиновъ, удравши отъ киргизовъ, проскакалъ благополучно версть 10; близъ Орженца онъ наткнулся на трехъ всадниковъ, стоявшихъ пикетомъ и наблюдавшихъ за отрядомъ. Пока киргизы соображали, откуда и что это за человекъ, Волошиновъ успѣлъ проскочить. Тутъ только они опомнились и погнались за нимъ. Волошиновъ на всемъ скаку сталъ стрѣлять, но выстрѣлы его пропадали даромъ; киргизы опустили пйки и совсѣмъ ужъ изловчились приколоть казака. Къ несчастью, онъ уронилъ еще шомполь отъ пистолета. Тогда Волошиновъ попробовалъ зарядить безъ шомпола: всыпалъ въ дуло порохъ, вложилъ пулю — все это на скаку — ударилъ пистолетъ объ луку и, обернувшись выстрѣлилъ назадъ. Одинъ киргизъ сейчасъ же повисъ на шеѣ своей лошади; товарищи подхватили его подъ руки и остановились.— Оставалось недалеко. Волошиновъ добѣжалъ русломъ Чегана и, явившись въ отрядъ, первое время ничего не могъ сказать; его конь упалъ отъ изнуренія. Живо собрались два взвода стрѣлковъ и побѣжали къ Чаграю; одно орудіе, подъ командой сотника Омина, догнало стрѣлковъ ужъ на ходу. Въ 3^{1/2} часа отрядецъ сдѣлалъ 25 верствъ; кто уставалъ, садился на лафетъ или артиллерійскую лошадь; казакъ Волошиновъ ѣхалъ на свѣжей лошади.

— «Слава Богу, ребята, сказалъ вздохнувши Коржовъ:

вотъ и наши!» — Толпа конныхъ киргизовъ еще разъ бросилась на несчастную команду, но изъ каре раздался дружный залпъ, съ другой стороны шлепнула граната, и толпа разсѣялась — Какъ подошли стрѣлки къ транспорту, какъ осмотрѣлись да заглянули въ середину, такъ у нихъ защемило сердце отъ боли: вокругъ побища лежали убитые киргизы, раненые и убитыя лошади, кучи изломаннаго оружія; внутри каре — все залито кровью. Два казака лежали мертвые, семь тяжело раненыхъ, а прочіе, тоже израненные, точно выскочили изъ адскаго огня. Ихъ бѣлыя рубахи изодраны, окровавлены; лица измучены долгимъ страданіемъ; одинъ просить, чтобы ему дали пить, а другой умоляетъ Христомъ - Богомъ, чтобы его прикончили. Остался невредимъ лишь казакъ Кирѣевъ. — «Гдѣ Коржовъ? Живъ-ли?» спросилъ первымъ дѣломъ сотникъ Ѳомишъ. А Коржовъ и отвѣта не даетъ: сидитъ на томъ же мѣстѣ, такъ же тяжело дышетъ. Взялись теперь наши солдаты за перевязку раненыхъ: порвали свои рубахи, забинтовали, какъ умѣли и, поднявши верблюдовъ, устроили на нихъ носилки. Кого посадили, кого положили, и въ такомъ видѣ повезли отважныхъ казаковъ. Шли всю ночь. Киргизы, напуганные первою гранатою, не посмѣли и приблизиться. Въ Орженцѣ всѣ вышли на-встрѣчу печальному шествію, и всѣ почти плакали, глядя на носилки. Сняли ихъ осторожно, напоили страдалцевъ чаемъ; фельдшеръ перевязалъ имъ раны. Прошло два дня: трое умерло, остальные оправились и готовы были выступить въ новый походъ, на Чушка-Куль.

Государь Императоръ изволилъ произвести Коржова въ чинъ хорунжаго и наградить знакомъ отличія 2-й степени, Волошинова — званіемъ урядника и знакомъ отличія 3-й степени, а всѣмъ остальнымъ пожаловалъ знаки отличія 4-й степени.

ПОХОДЪ ВЪ ХИВУ

въ 1873-мъ году.

Походъ генерала Кауфмана въ Хиву по счету шестой. Говорятъ, первый походъ былъ также удаченъ. Уральскіе казаки подъ начальствомъ одного изъ своихъ смѣлыхъ атамановъ, сдѣлали лихой наѣздъ на владѣнія хивинскаго хана. Его самого въ ту пору не было дома; они заняли столицу, и казацкій атаманъ правилъ цѣлымъ народомъ 2 или 3 мѣсяца, причемъ захватилъ ханскую казну и даже женился на одной изъ ханскихъ женъ, принявшей христіанскую вѣру. Однако, ханъ, собравши большое войско, подступилъ къ столицѣ. Казаки вынуждены были ее покинуть и, обремененные добычей, принять на переправѣ черезъ Сыръ-Дарью невыгодный для себя бой. Въ жестокой сѣчѣ палъ атаманъ, заколовъ предварительно свою молодую жену; всѣ остальные были перебиты или перерѣзаны страшными хивинскими ножами. Уцѣлѣло не болѣе 3 — 4 человекъ: они-то послѣ и рассказали, какъ было дѣло.

Царь Петръ Великій, помышляя завязать торговлю съ далекою Индіей, избралъ на первый разъ Хиву, какъ попутное владѣніе;

онъ вырядилъ туда торговый караванъ и подъ видомъ прикрытія— сильный воинскій отрядъ, поручивъ общее начальство князю Бековичу Черкасскому. Объ этомъ несчастномъ походѣ сохранилось у терскихъ казаковъ трогательное сказаніе *). Бековичъ выступилъ по веснѣ и проходилъ пустыню въ самую знойную пору, такъ что еще не дойдя до Хивы, потерялъ четвертую часть своего отряда. Уже одно это несчастье могло помрачить его разсудокъ, но горе было еще впереди. Хивинцы встрѣтили русскихъ недружелюбно, не смотря на то, что они явились болѣе купцами, чѣмъ вооруженной силой; отрядъ, припертый къ рѣкѣ, 3 дня отбивался пушками отъ скопища непріятельской конницы. Видя неудачу, ханъ прикинулся, будто это нападеніе случилось безъ его вѣдома, и заключилъ съ русскими мирный договоръ; онъ даже поклялся надъ раскрытымъ кораномъ, что будетъ соблюдать его вѣчно. Русскіе пошли къ столицѣ, и дорогой ханъ уговорилъ Бековича развести русскія войска по разнымъ городамъ: такъ, говоритъ, легче ихъ довольствовать. Бековичъ, мало знакомый съ коварствомъ азіятовъ, согласился. Случилось то, что и надо было ожидать: небольшіе русскіе отряды, разбросанные по городамъ, были вырѣзаны до послѣдняго человѣка; самого Бековича таскали на пытку, потомъ отрубили несчастному голову. Съ этого времени хивинцы стали чрезвычайно дерзки; не проходило года, чтобы они не ограбили нашъ торговый караванъ, не угнали скотъ или верблюдовъ; казаковъ и мирныхъ людей таскали сотнями, обращая ихъ въ неволю. Чтобы напугать этихъ разбойниковъ, Императоръ Николай Павловичъ приказалъ генералу Перовскому снарядить новую экспедицію. На этотъ разъ приготовились основательно и выступили зимой, въ декабрѣ мѣсяцѣ; думали, что лѣтомъ не пройти пустыней. Однако вышло еще хуже: наступили страшные морозы, снѣгу нанесло цѣлые сугробы; вихри и бураны задували въ степи по цѣлымъ недѣлямъ. Сдѣлавши половину пути и потерявши до 5 тыс. верблюдовъ, Перовскій долженъ былъ вернуться назадъ; еще долго

*) См. „Казаки“.—„Какъ гребенцы жили и отправляли государеву службу“. Стр. 283—286.

послѣ того пройденный имъ путь обозначался трупами дохлыхъ верблюдовъ, къ которымъ сбѣгались волки, лисицы, слетались хищныя птицы.

Ставши твердою ногою на берегахъ Сыръ-Дарьи, утвердившись въ центрѣ бывшихъ владѣній великаго Тамерлана, Императоръ Александръ II, для чести и достоинства своей державы, также не могъ оставить безъ наказанія гнѣздо разбойниковъ, не могъ дать въ обиду своихъ новыхъ подданныхъ. Въ половинѣ декабря 1872 г. было получено изъ Петербурга приказаніе идти въ Хиву четырьмя колоннами: одной изъ Туркестана, другой изъ Оренбурга, третьей отъ береговъ Каспія, а четвертой съ Кавказа; выйти имъ съ такимъ расчетомъ, чтобы всѣмъ одновременно вступить въ границы хивинскаго ханства; общее начальство надъ всей экспедиціей поручено туркестанскому генераль-губернатору Константину Петровичу Кауфману. Раньше другихъ, а именно въ февраль, выступилъ отрядъ полковника Веревкина, изъ Оренбурга. Въ этомъ отрядѣ находилось $3\frac{1}{2}$ тыс. войскъ, безъ малаго 2 тыс. лошадей и до 5 тыс. верблюдовъ; солдатамъ дали полшубки, теплые сапоги; по всему пути до Эмбы стояли войлочные кибитки, у которыхъ заранѣе было заготовлено киргизами топливо и сѣно; запасовъ везли съ собой на $2\frac{1}{2}$ мѣсяца. Каспійскій отрядъ, подъ начальствомъ полковника Ломакина, былъ силами поменьше; кромѣ пѣхоты и казаковъ, подъ его начальствомъ находилось 12 сотенъ кавказскихъ горцевъ. На первыхъ же порахъ этому отряду пришлось жутко. Жары стояли страшныя, пески раскалились, жгли ноги, слѣпили глаза; людей обдавало точно варомъ. А тутъ недостатокъ въ водѣ: колодцы попадались рѣдко, да и вода въ нихъ была мутная, соленая или же совсѣмъ черная, въ родѣ чернилъ. Скоро стали падать верблюды; начали болѣть солдаты: солнечный ударъ, поносы, горячки—случались чаще всего. Въ такой бѣдѣ выручала лишь помощь товарищей; часто можно было видѣть, какъ казакъ велъ въ поводу своего измученнаго коня, на которомъ сидѣлъ больной пѣхотинецъ. 27-го апрѣля отрядъ Ломакина подошелъ къ колодцу и такому глубокому, что успѣли напиться

лишь немногіе, а слѣдующій колодець отстоялъ верстъ на 50. Утромъ пошли дальше, но къ полудню, подъ сильнымъ припекомъ, стали изнемогать и люди, и лошади. Когда дали привалъ, весь отрядъ повалился въ изнеможеніи на раскаленный песокъ; воды ни капли; кругомъ ничего не видно, кромѣ бѣлаго песку. Но вотъ показались два киркиза, которые привезли радостную вѣсть, что недалеко есть колодець. Только-что успѣли немного освѣжиться, какъ прискакалъ изъ арберггарда казакъ и доложилъ, что солдаты не могутъ подняться, валяются на припекѣ безъ силъ. Ломакинъ приказалъ собрать всю посуду, какая нашлась въ отрядѣ, наполнить ее водой и, навьючивши на верблюдовъ, отправить назадъ. Отрядъ былъ спасенъ.

Въ первыхъ числахъ мая Ломакинъ подступилъ къ хивинскому городу Кунграду, гдѣ уже нашелъ нашихъ казаковъ изъ отряда Веревкина. Кунградскій губернаторъ выслалъ просить, чтобы русскіе остановились на три дня, пока привезутъ ему пушку, иначе онъ разсердится и не будетъ воевать. Однако русскіе не захотѣли ждать, пока явится грозная пушка и пошли дальше. За Кунградомъ стали встрѣчаться туркмены. Эти лихіе наѣздники, на своихъ чудныхъ коняхъ, не давали покоя ни днемъ, ни ночью, ни въ походѣ, ни на бивакѣ. То они наскакивали сбоку, то появлялись сзади или спереди; нападали на обозъ, стрѣляли изъ-за деревьевъ, изъ-за стѣнъ. Такой лихости, такой неутомимости русскія войска до сихъ поръ не встрѣчали еще ни разу. Тѣмъ не менѣе, отстрѣливаясь на каждомъ шагу, отрядъ Ломакина приближался къ Хивѣ.

Главный отрядъ, подъ начальствомъ Кауфмана, въ составѣ 18-ти ротъ пѣхоты, одной роты саперъ, 5¹/₂ сотенъ казаковъ и 18 орудій, двигался отъ береговъ Сыръ-Дарьи, перерѣзая ту же песчаную пустыню съ сѣвера на югъ. На первыхъ порахъ допекали наши войска проливные дожди и вѣтры; промочить до питки дождемъ, а потомъ начнетъ леденить холодный вѣтеръ, въ то время какъ снѣгъ или градъ забиваетъ лицо. Поставить солдатъ на привалѣ шинельку, — она стоитъ точно кукла. Только это

продолжалось недолго: отрядъ втянулся въ безводную пустыню, въ которой всѣ колодцы на счету, въ которой вмѣсто топлива колючка, а корма, какъ говорятъ, верблюжьи. Погода стала жаркой, удушливой; степной вѣтеръ поднималъ тучи песку; доходило до того, что днемъ ничего не видно, ни человѣка, ни палатки. Если же и утихала эта песчаная метель, то солнце не жгло, а

Степной походъ.

просто палило огнемъ, обжигая лицо, шею, кисти рукъ; почти у каждаго были на шеѣ волдыри. На урочищѣ Адамъ-Брылганъ, что значитъ по-русски «человѣческая гибель», ночью затрубили тревогу. Живо построились стрѣлковыя роты и стали кругомъ на песчаныхъ холмахъ. На утренней зарѣ наши увидѣли, какъ туркмены то собирались въ кучки, то кидались въ-разсыпную, точно готовились къ атакѣ. Однако стрѣлки держали ихъ все время

на разстояніи выстрѣла. Погарцовавши, туркмены черезъ часъ исчезли. Эта стоянка верстъ на 60 кругомъ считалась самымъ страшнымъ мѣстомъ пустыни; здѣсь погибали не только караваны, погибло разъ цѣлое бухарское войско. Русскому отряду оставалось до рѣки Аму-Дарьи верстъ 70, и это разстояніе надо было пройти не иначе, какъ въ два перехода. Въ три часа ночи стали вьючить верблюдовъ; люди, лошади, орудія—утопали въ песокъ. Какъ только тронулись, наступила жара невыносимая, жгучая, точно душилъ кто за горло. Артиллерія еле тащится, верблюды падаютъ десятками, сотнями. Нѣсколько разъ генераль пропускалъ мимо себя войска; опять ихъ обгонялъ и опять пропускалъ. Часу въ 10-мъ передніе остановились на привалъ, а задніе подходили до самаго вечера; болѣе 200 верблюдовъ остались въ пустынѣ, на разстояніи какихъ-нибудь 19 верстъ! Стали искать кругомъ воды; офицеры и солдаты рыли колодцы — нѣтъ воды, не показывается. Одинъ изъ джигитовъ объявилъ, что тутъ недалеко, верстахъ въ семи, должны быть колодцы. Ему пообѣщали большую награду, и въ свѣтлую лунную ночь выѣхалъ джигитъ на поиски.

Видъ отряда былъ мрачный: кто сидѣлъ насупившись, кто тяжело стоналъ; иные старались забыться во снѣ. Вдругъ всѣ сразу всполошились, слышались радостные крики, смѣхъ, плачь: «Вода, вода! Джигитъ нашелъ воду!» Въ часъ ночи стали вьючиться и на зарѣ подошли къ колодцамъ: «Алты-Кудукъ», т. е. «шесть колодцевъ», хотя ихъ оказалось только пять. Сейчасъ поставили къ колодцамъ часовыхъ и назначили для порядка дежурнаго офицера: иначе никому бы не досталось. Цѣлый день таскали воду; колодцы глубокіе, сажень по 60 — 70, тащить трудно, а солдаты стоятъ да стоятъ, каждому хочется хлебнуть хоть разокъ. Къ вечеру было видно, что всѣхъ не напоить, не говоря ужъ о животныхъ: отряду угрожала гибель. Генераль, страдавшій больше другихъ, собралъ военный совѣтъ, на которомъ порѣшили отправить всѣхъ верблюдовъ съ лошадьми на прежнюю стоянку, Адамъ-Крылганъ, тамъ ихъ напоить и привезти въ турсукахъ свѣжей

воды. Такъ и сдѣлали. Напоить оставшихся людей было теперь гораздо легче, хотя таскали воду цѣлый день, таскали всю ночь. Солдаты повеселѣли; сначала слышались шутки, разговоры, а на третій день нельзя было узнать отряда: все шло такъ, какъ будто войска стоятъ лагеремъ гдѣ-нибудь въ Россіи. Солдаты запѣли пѣсни, принялись чинить сапоги, рубахи; заиграла музыка...

Въ этотъ же день на отрядъ генерала Бардовскаго, стоявшаго съ верблюдами у Адамъ-Крылганъ, напали на ранней зарѣ туркмены. Стрѣлки, вытянувшись густою цѣпью, дали по нимъ залпъ, а ракетная батарея окончательно разогнала толпу въ 400 человекъ. Казаки гнали ихъ по сыпучему песку версты 4 и привели въ отрядъ двухъ плѣнниковъ. Имъ давно хотѣлось поймать живьемъ хоть одного туркмена, да все не давались. Плѣнные сейчасъ же стали молить, чтобъ имъ дали воды: они три дня ужъ не пили; всѣ колодцы въ пустынѣ были заняты нашими отрядами. Туркмены показали, что до Аму-Дарьи не болѣе 40 верстъ, что тамъ ожидаетъ насъ хивинское войско въ 3¹/₂ тыс., а эти наѣзды дѣлаетъ киргизъ Садыкъ, самый первый разбойникъ въ степи. На 6-й день стоянки весь отрядъ Кауфмана поднялся съ Алты-Кудукъ, при чемъ лишнія тяжести были оставлены на мѣстѣ. Вечеромъ опять показались туркмены, но на этотъ разъ въ болѣе числѣ. Войска построились въ каре, частью на бугрѣ, частью въ лощинѣ; семь сотенъ конницы стали за однимъ изъ фасовъ. Туркмены всю ночь наѣзжали на пикеты. Стало свѣтать. Навьючили верблюдовъ, тронулись въ такомъ же порядкѣ, какъ ночевали. Обозъ двигался, оцѣпленный стрѣлками; посерединѣ шли сомкнутыя роты, готовыя броситься въ штыки, сзади 2 горныхъ орудія. Давши вытянуться, туркмены свернулись въ темную тучу и съ дикимъ крикомъ стали кидаться, повторяя атаки одну за другой. При всякой атакѣ цѣпь открывала усиленную пальбу, а сомкнутыя части посылали залпы; по временамъ кидали гранату, отъ которой туркмены мигомъ разсыпались. Такимъ образомъ отрядъ продвинулся верстъ на 10, какъ вдругъ впереди обозначились берега и зеркальная поверхность большой воды, не то рѣки,

не то озера. Кто можетъ описать радость отряда? Забыты труды дальняго похода, забыты муки, которыя довелось каждому претерпѣть за эти долгіе палящіе дни и душныя бессонныя ночи! Солдаты подтянулись, офицеры пріободрились, радостная надежда освѣтила лицо главнокомандующаго; все прибавило шагу, спѣша къ завѣтнымъ берегамъ азіятской рѣки. Но это оказалась не рѣка, а озеро, у котораго уже два мѣсяца стояло хивинское войско, высылая въ степь развѣзды. Раздался выстрѣлъ фальконета, картечная пуля провизжала надъ головой генерала. Наши пустили нѣсколько гранатъ: за облакомъ пыли и песку все скрылось, а когда пыль улеглась, туркменьъ уже не было. Отрядъ расположился на берегу озера. Обѣзжая войска, Кауфманъ благодарилъ ихъ за понесенные труды, за молодецкую службу; онъ поздравлялъ ихъ съ благополучнымъ окончаніемъ похода. Никогда, быть можетъ, не были такъ отзывчивы сердца солдатъ, жадно провожавшихъ глазами своего генерала. Здѣсь, вдали отъ отечества, стоялъ небольшой русскій отрядъ, который два мѣсяца боролся съ ураганами, съ палящимъ и удушливымъ зноемъ, и все это вытерпѣлъ, готовый во всякую минуту броситься на врага. Ни одинъ солдатъ въ мірѣ не вынесъ бы того, что вынесли русскіе солдаты въ этомъ походѣ. Такъ думалъ и такъ говорилъ самъ генералъ, раздѣлявшій всѣ ихъ труды и страданія. Со временъ Александра Македонскаго ни одно европейское войско не было на берегахъ Аму-Дарьи, къ которой приблизились теперь русскіе.

Составивши ружья, стали варить пищу, поить верблюдовъ. Бѣдныя животныя не пили четвертыя сутки. Кавалерія ушла на развѣдку; командующій войсками проѣхалъ со свитой къ рѣкѣ, до которой оставалось еще 10 верстъ. Тихо протекала Аму въ своихъ отлогихъ песчаныхъ берегахъ; вода мутная, желтоватая, но вкусная. На отмели рѣки сидѣлъ каюкъ съ десяткомъ туркменьъ, изъ числа тѣхъ, которыхъ разогнали наши казаки. Уральцы вызвались завладѣть этимъ каюкомъ. Они раздѣлись до рубашекъ и, держась за гривы лошадей, пустились вплавь; перешли черезъ мель, опять поплыли. Туркмены, видя бѣду, прыгнули въ рѣку:

человѣкъ пять доплыли до другого берега, остальные потонули. Тогда уральцы стащили каюкъ съ мели и вернулись обратно; въ каюкъ оказалось 30 барановъ, лошадь и корова. Кауфманъ, кромѣ живности, подарилъ лихимъ уральцамъ сто рублей; каюкъ же долженъ былъ служить для переправы войскъ. У насъ съ собой было только 3 понтона, четвертый бросили дорогой. Изъ нихъ снарядили маленькую флотилію, подъ начальствомъ унтеръ-офицера Зубова, бывшаго моряка; нашлось еще два матроса, посадили стрѣлковъ и приказали имъ нахватать побольше каюковъ. Туркмены слѣдили за ними съ того берега и пустили штукъ 25 ядеръ, но Зубовъ отлично лавировалъ, такъ что ни одно не попало. Оказалось, что у хивинцевъ, на той сторонѣ, стояла крѣпостца, подъ стѣнами которой былъ разбитъ ихъ лагерь. Генераль вызвалъ къ берегу конный дивизионъ. Орудія скоро пристрѣлялись, и каждая граната производила сильное разрушеніе; мало-по-малу хивинцы очистили и свой лагерь, и крѣпостцу. Было видно, какъ уходя, они потащили за собой два подбитыхъ орудія. Тѣмъ временемъ флотилія Зубова успѣла наловить каюковъ и 18-го числа началась переправа. Она шла цѣлый день, безъ всякой помѣхи, изъ чего можно было заключить, что хивинцы вовсе не способны къ оборонѣ. Переправой русскихъ войскъ распоряжались саперы. Славный народъ! Во время похода они рыли колодцы, спускались на дно, вымѣривали глубину воды, а теперь молодецки нагружали на этомъ берегу и разгружали на томъ: безъ нихъ какъ бы плохо! Отрядъ расположился лагеремъ возлѣ крѣпостцы, въ песчаной котловинѣ; кругомъ въ два яруса тянулись бугры наноснаго песку, а версты за двѣ отъ лагеря начинались уже кишлаки, или сады. Наши фуражиры скоро добыли порядочно клевера, но жителей не видали: всѣ попрятались. На другой же день они явились сами; въ лагерь открылся базаръ. Хивинцы навезли муки, цыплятъ, овецъ, овощей, пшеничныхъ лепешекъ, абрикосовъ, рису, сахару, чаю, травы для лошадей. Солдаты разсыпались между телѣгами; кто зналъ по-татарски или по-киргизски, тотъ живо кончалъ дѣло; большинство же обходилось какими-то непонятными для посторон-

няго знаками и жестами. Хивинцы не хотѣли брать нашихъ бумажекъ; за все платили имъ серебромъ. Народъ этотъ—не высокій, худой, съ длинной черной бородой и недобрымъ выраженіемъ лица; одѣвается въ широкія шаровары, рубашку и халаты до пятъ; почти всѣ босы, на головѣ высокая мерлушечья шапка; халаты стеганые, на ватѣ. нашихъ солдатъ они нисколько не боялись и лупили за каждый пустякъ втри-дорога, а прежде думали, что вотъ придетъ урусъ, все даромъ заберетъ. Таковы ужъ всѣ азіяты.

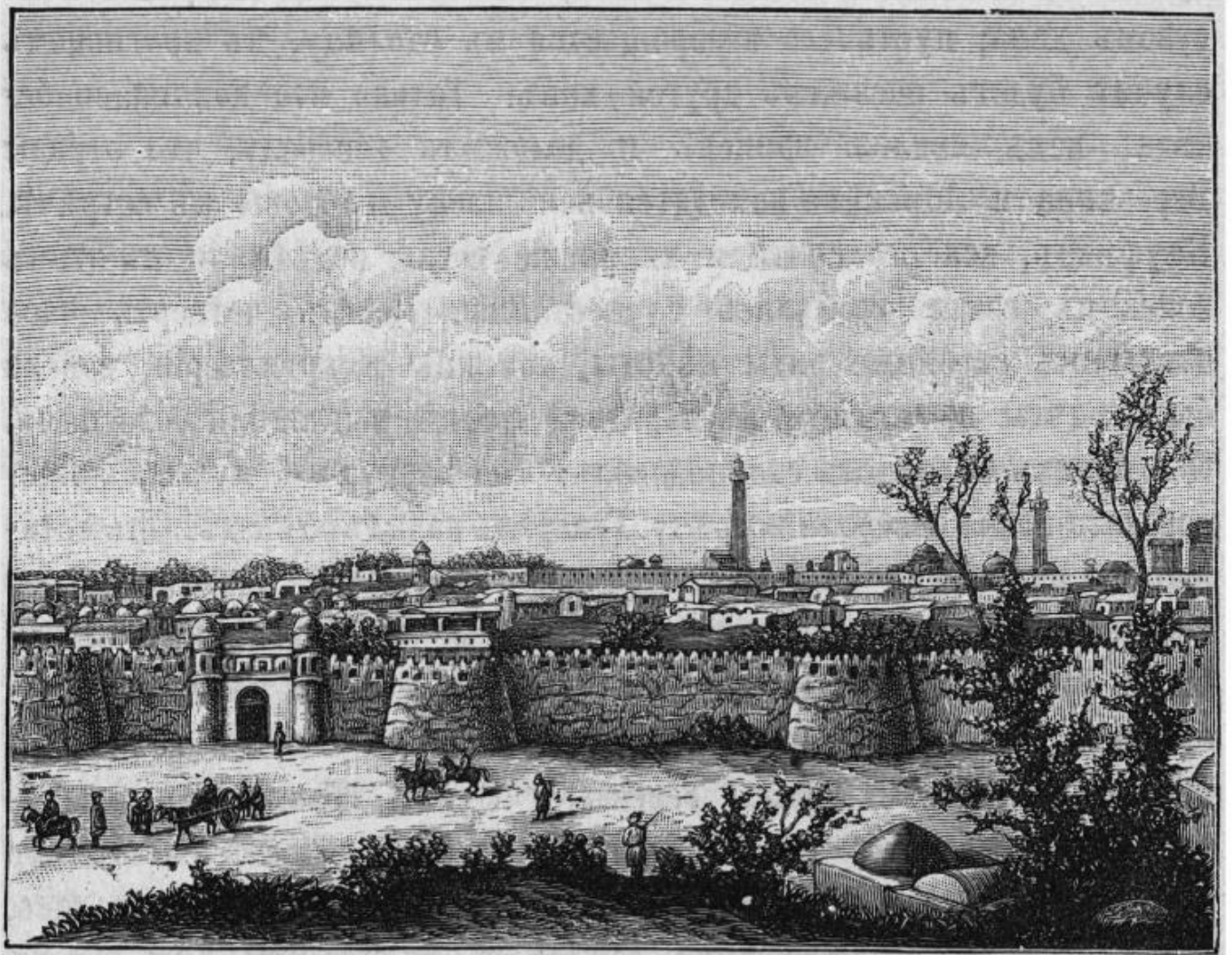
Прошло три дня; хивинцы прекратили подвозъ. Послѣ знали, что ханскія войска пригрозили жителямъ, чтобы они не смѣли выѣзжать на базаръ. Тогда командующій войсками отрядилъ полковника Чайковского узнать мѣстность и заpastись фуражемъ. Черезъ полчаса пути отрядъ вступилъ въ плодородную страну, гдѣ по обѣ стороны тянулись поля, засѣянные хлѣбомъ; немного дальше начинались сады, въ которыхъ росли яблони, груши, абрикосы, вишни, высокіе столѣтніе вязы, подъ которыми журчали ручейки; надъ дорогой свѣшивалась шелковица, обсыпанная сладкими бѣлыми ягодами. Изъ-за зелени выглядывали сѣрыя глиняныя жилища узбековъ. Такъ называются коренные жители ханства, помѣщики. Ихъ жилища огорожены крѣпкими глиняными стѣнами, сажени три высотой, а по бокамъ башенки; входъ запирается тяжелою дверью. Въ домахъ темно, мрачно, оконъ нѣтъ, а просто дырки въ стѣнѣ; у богатыхъ узбековъ дома убраны коврами, яркими цыновками, одѣялами и подушками. Начальникъ отряда самъ заходилъ въ дворы и, гдѣ хозяева были дома, объявлялъ имъ, чтобы везли въ лагерь на продажу свои продукты; гдѣ же хозяевъ не было, тамъ разрѣшалось брать кормъ для лошадей даромъ. По дорогѣ безпрестанно попадались мостики, перекинутые черезъ арыки, или оросительныя каналы. Если бы хивинцы сумѣли приспособить такую мѣстность къ оборонѣ, то наши потери могли быть очень велики: что ни домъ, то крѣпость; деревья, кустарники, каналы, — есть ли что-нибудь выгоднѣе для упорной обороны? Выйдя изъ садовъ, отрядъ увидѣлъ подъ стѣнами крѣпостцы толпу туркменовъ; послѣ двухъ-трехъ выстрѣловъ

изъ горныхъ орудій она укрылась за стѣны Хазарь-аспá. Такъ называлась хивинская крѣпостца. Постоявши около часа другъ противъ друга, наши повернули въ лагерь.

На другой день выступилъ по той же самой дорогѣ весь туркестанскій отрядъ; Хазарь-аспá заняли безъ выстрѣла. Это оказалась довольно порядочная крѣпость, лучше самой столицы; окружена со всѣхъ сторонъ озеромъ и прилегающими садами; стѣны высокія, съ зубцами; ворота также высокія, по обѣ стороны которыхъ кирпичныя башни. Жителей въ этомъ городѣ тысячъ шесть; многіе перебрались сюда, слышавъ о походѣ русскихъ, въ надеждѣ, что крѣпость будутъ защищать. Сначала они робѣли, но когда Кауфманъ объявилъ, чтобы они продолжали заниматься своимъ дѣломъ, то сейчасъ въ этотъ же день открылся базаръ. Въ крѣпости нашли нѣсколько пушекъ, множество фальконетовъ, пороху, фуража и старинную карету на высокихъ рессорахъ. 27-го мая отрядъ двинулся дальше. По всему пути народъ высыпалъ на дорогу, заявляя свою покорность; въ знакъ мира, жители подавали хлѣбъ, абрикосы; иные тащили ягнятъ, даже барановъ. Только-что успѣли разбить для ночлега палатки, какъ было получено отъ хана письмо; онъ писалъ, что хивинцы дратся не желаютъ и сдаютъ свою столицу безъ боя. Главнокомандующій написалъ отвѣтъ и требовалъ, чтобы ханъ завтра выѣжалъ на-встрѣчу, но что русскія войска все-таки пойдутъ впередъ. Старикъ-хивинецъ, взявши это письмо, сказалъ, что русскіе уже берутъ городъ, причѣмъ убили двухъ хивинскихъ богатырей. Тутъ только командующій войсками узналъ, что отрядъ Веревкина стоитъ подъ стѣнами столицы. Наши успѣли въ этотъ день отнять 4 орудія и готовили въ стѣнѣ проломъ; самъ Веревкинъ получилъ тяжелую рану въ голову, такъ что долженъ былъ сдать начальство старшему послѣ себя полковнику Скэбелеву. Тогда генералъ послалъ въ Оренбургскій отрядъ приказаніе прекратить бомбардировку. Рано поднялись войска на послѣднемъ переходѣ; всѣмъ хотѣлось поскорѣе добраться до этой, точно заколдованной Хивы. На половинѣ дороги повстрѣчалась толпа всадниковъ, на чудесныхъ же-

ребцахъ, украшенныхъ богатѣйшей сбруей и съ щегольскими на сѣдлахъ чепраками. Всѣ думали, что выѣхалъ ханъ, но оказалось, что это былъ его дядя Сеидъ-Умаръ, старикъ лѣтъ 70-ти, одѣтый въ ярко-зеленый халатъ и большіе сапоги изъ бѣлой кожи съ острыми, загнутыми вверхъ носками. Когда всѣ усѣлись въ кружокъ, Сеидъ-Умаръ объявилъ, что его племянникъ бросилъ столицу, и что ни онъ, ни его подданные не желаютъ сражаться. Командующій войсками сказалъ на это, что онъ очень огорченъ бѣгствомъ хана; пусть его возвращается въ столицу, въ противномъ случаѣ будетъ посаженъ другой ханъ. Только что кончилась бесѣда, какъ явился офицеръ и доложилъ генералу, что отряды Веревкина и Ломакина находятся неподалеку и готовы къ встрѣчѣ. Кауфманъ, вся его свита и хивинскіе послы подѣхали къ этимъ войскамъ; сзади тронулись туркестанцы. Черезъ четверть часа открылись стройные ряды пѣхоты, конницы и артиллеріи; войска были одѣты щеголевато, въ парадной формѣ, выглядѣли молодцами. Полковникъ Саранчевъ командовалъ: «на-караулъ», музыка апшеронскаго полка заиграла встрѣчу. Генералъ началъ объѣздъ. Онъ останавливался передъ каждою отдѣльною частью и благодарилъ за молодецкую службу. Тутъ стояли бородатые оренбургцы и уральцы, лихіе сунженцы, мусульманская сотня въ своихъ нарядныхъ костюмахъ, боевые кавказскіе и привыкшіе къ степной войнѣ линейные батальоны. Уралъ, Терекъ и Сунжа, Кавказскія горы — всѣ выслали своихъ дѣтей поглядѣть на Хиву. Послѣ блестящаго смотра солдаты и офицеры всѣхъ трехъ отрядовъ перемѣшались, разыскивая друзей, знакомыхъ, земляковъ. Въ глубинѣ Азіи, передъ непріятельской столицей и послѣ тяжкихъ трудовъ, многихъ ожидала радостная встрѣча. Четвертому отряду, полковника Маркозова, не суждено было добраться до Хивы: онъ вернулся съ половины дороги. На пути этой колонны колодцевъ оказалось еще меньше, чѣмъ встрѣчали прочіе отряды; жары доходили до 60 градусовъ; это все равно, что въ банѣ, на полкѣ; солдаты мучались отъ жажды, верблюды падали сотнями. Для спасенія отряда, Маркозову ничего больше не оставалось, какъ вернуться назадъ.

Когда доложили генералу, что его послѣднее приказаніе исполнено, т. е. пушки сняты, войска стали въ ружье, и послѣ захожденія головныя части шибко пошли впередъ. Вотъ наконецъ и Хива: ея высокія, зубчатая стѣны, за которыми виднѣются верхушки деревьевъ, торчатъ остроконечныя вершины минаретовъ, возвышаются круглыя куполы мечетей; посрединѣ — огромная, круглая

Видъ города Хивы.

башня, блестящая какъ фарфоръ. На улицахъ и перекресткахъ уже стояли наши войска; музыка играла вступающимъ встрѣчу, громкое единодушное «ура» потрясало стѣны азійскаго города, никогда не слыхавшаго ничего подобнаго. Улицы въ Хивѣ узкія, кривыя, покрыты страшною пылью; у домовъ и стѣнъ толпился народъ, но выглядѣлъ какъ-то тупо; лица у всѣхъ бронзовыя,

хмурья, съ тѣми же нахлобученными высокими бараньими шапками. Голова отряда вступила на просторную площадь, къ которой примыкали ханскій дворець, мечеть и лавки. Здѣсь остановилась пѣхота и дивизионъ конной артиллеріи; остальное пространство занялъ народъ. Выѣхалъ на площадь генералъ Кауфманъ, еще разъ раздалось громкое «ура», хивинцы сняли шапки... Народу было объявлено, что онъ можетъ заниматься своимъ обычнымъ дѣломъ, ничего не опасаясь: войско «Бѣлаго» Царя пришло не для разрушенія, а для того, чтобы устроить въ ихъ землѣ порядокъ; всѣ же старыя провинности будутъ забыты. Затѣмъ, оставивъ караулы въ разныхъ частяхъ города, войска расположились лагеремъ версты за полторы отъ Хивы, въ большомъ, тѣнистомъ саду, принадлежавшемъ хану. Тутъ стоялъ его лѣтній дворець.

Первымъ распоряженіемъ русскаго «сардаря» было освобожденіе рабовъ. Въ Хивѣ, до прихода русскихъ, существовалъ особый невольничій рынокъ, на которомъ продавались персіяне, русскіе... Русскій человѣкъ шелъ въ цѣнѣ отъ 15 до 30 рублей, персіянинъ дешевле. Тяжка была участь этихъ несчастныхъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ достигали высокаго положенія въ ханствѣ: командовали войсками, завѣдывали артиллеріей или стрѣлковымъ обученіемъ пѣхоты. Большинство же ихъ влачило свою жалкую жизнь въ оковахъ, на черной работѣ, питаясь въ-проголодь остатками хивинской стряпни. Сколько было радости, когда эти страдалцы только узнали о приближеніи русскихъ!

2-го іюня возвратился изъ бѣгства ханъ и явился къ русскому сардарю. Генералъ принялъ его передъ своей палаткой, на мощеной кирпичной площадкѣ, устланной коврами. Когда ханъ подъѣхалъ къ своему же дворцу, то слѣзъ съ коня и смиренно шелъ пѣшкомъ; поднявшись на площадку, онъ, по хивинскому обычаю, усѣлся на коврѣ, поджавъ подъ себя ноги. По виду это былъ крѣпкій и здоровый мужчина, безъ малаго сажень ростомъ; широкій въ плечахъ, пудовъ семи вѣсу, въ шелковомъ, ярко-синемъ халатѣ, безъ оружія. Ханъ сидѣлъ, поникши головой, едва осмѣливаясь поднять глаза на русскаго генерала.

— «Великій Бѣлый Царь, сказалъ ему Кауфманъ, не желаетъ свергать васъ съ престола. Онъ слишкомъ великъ, чтобы мстить вамъ. Онъ показалъ вамъ свое могущество и теперь хочетъ васъ простить».

— «Я знаю, что поступалъ очень дурно, отвѣтилъ ханъ. Мнѣ давали дурные совѣты. Впередъ я буду знать, что мнѣ дѣлать. Я благодарю великаго Бѣлаго Царя и славнаго ярымъ-падишаха за ихъ великую милость ко мнѣ; я всегда буду ихъ другомъ».

— «Теперь вы можете возвратиться въ свою столицу. Скажите своимъ подданнымъ, что русскіе—не разбойники и не грабители, а честные люди. Они ничего не тронуть, ни ихъ женъ, ни ихъ имущества. Пусть мирно живутъ и занимаются своимъ дѣломъ». — Затѣмъ ханъ уѣхалъ.

Послѣ того онъ бывалъ еще много разъ вмѣстѣ со своимъ братомъ и однажды присутствовалъ на смотре русскихъ войскъ. Съ какимъ любопытствомъ, съ какимъ удивленіемъ смотрѣлъ онъ, когда проходили мимо него наши солдаты твердымъ мѣрнымъ шагомъ подъ звуки музыки! Особенно удивительнымъ ему казалось, когда войска дружно, какъ одинъ человѣкъ, отвѣчали на привѣтствіе генерала: «Рады стараться, ваше превосходительство!» Этотъ откликъ поражалъ его своею необычайностью; онъ казался ему чѣмъ-то волшебнымъ. — «Такъ вотъ, думалось ему, урусы, которые покоряютъ мусульманскіе народы! Одна ихъ горсть валила въ Самаркандѣ цѣлыя полчища, нѣсколько сотенъ взяли приступомъ великій Ташкентъ съ его стотысячнымъ населеніемъ, а теперь—много ли ихъ тутъ?—однако хозяйничаютъ у меня, какъ дома!...» Такъ думалъ ханъ, пока проходили мимо него стройными рядами славныя русскія войска.

